

«ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ РОМАНОВ, ПРОЧИТАННЫХ МНОЮ ЗА МНОГИЕ ГОДЫ».

Стивен Кинг

18+

ДЕВЯТЬ ТЫСЯЧ ДОМ ЛИ БАРДУГО

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ № 1

Алекс Стерн

Ли Бардуго
Девятый Дом

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe)-44

Бардуго Л.

Девятый Дом / Л. Бардуго — «Издательство АСТ»,
2019 — (Алекс Стерн)

ISBN 978-5-17-121063-2

Алекс Стерн не похожа на других первокурсников Йельского университета. Она выросла на задворках Лос-Анджелеса, рано бросила школу, дружила с плохими парнями и перебивалась случайными заработками. В двадцать лет Алекс выжила в ужасной бойне – и благодаря этой трагедии загадочным образом получила шанс стать студенткой одного из самых престижных университетов мира. Почему она? И в чем тут подвох? В Нью-Хейвене к вопросам, которые терзают Алекс, прибавляются новые. Запрещенная магия, секретные общества, порочная элита Лиги плюща... Что за страшные тайны скрываются в древних, благопристойных стенах Йеля?

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121063-2

© Бардуго Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	7
1	10
2	22
3	31
4	40
5	49
6	61
7	73
8	84
9	92
10	100
11	112
12	121
13	134
14	140
15	152
16	158
17	161
18	166
19	172
20	180
21	183
22	195
23	203
24	209
25	217
26	225
27	230
28	237
29	242
30	250
31	256
32	265
Благодарности	270

Ли Бардуго

Девятый Дом

Посвящается Хедвигу, Ниме, Эму и Лесу, которые столько раз меня спасали.

Leigh Bardugo
NINTH HOUSE

Печатается с разрешения литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg.

Copyright © 2019 by Leigh Bardugo. All rights reserved.

Map art copyright © 2019 by Leigh Bardugo
© Л. Карцивадзе, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Ay una moza y una moza que nonse espanta de la muerte
Porque tiene padre y madre y sus doge hermanos cazados.
Caza de tre tabacades y un cortijo enladriado.
En medio de aquel cortijo havia un mansanale
Que da mansanas de amores en vierno y en verano.
Adientro de aquel cortijo siete grutas hay fraguada.
En cada gruta y gruta ay echado cadenado....
El huerco que fue ligero se entro por el cadenado.

La Moza y El Huerco

Живет на свете девушка,
девушка, которая не боится смерти,
Потому что у нее есть отец, и мать,
и двенадцать братьев-охотников,
Трехэтажный дом и скотный двор,
А посреди фермы – яблоня,
приносящая любовные яблоки зимой и летом.
На ферме семь пещер,
Каждая из которых надежно защищена...

Смерть была легкой
и проскользнула в замочную скважину.

«Смерть и девушка», сефардская баллада

Пролог

Ранняя весна

К тому времени, как Алекс удалось смыть со своего хорошего шерстяного пальто кровь, стало слишком тепло, чтобы его носить. Весна пришла скрепя сердце. Бледно-синие утра так и не стали солнечней; вместо этого они сменились сырыми, пасмурными днями, и дорогу высокими грязными меренгами окаймлял упрямый иней. Но примерно в середине марта снег на заплатках лужайки между каменными дорожками Старого кампуса начал таять, и под ним показалась влажная, черная, покрытая спутанной травой земля. Неожиданно для себя Алекс начала засиживаться на подоконниках тайных комнат на верхнем этаже дома 268 по Йорк-стрит и читать «Рекомендуемые требования к кандидатам в “Лету”».

Она слышала, как на каминной полке тикают часы, слышала, как звонит колокольчик, когда покупатели входят и выходят из расположенного внизу магазина одежды. Среди членов «Леты» тайные комнаты над магазином известны под ласковым прозвищем «Конура», а коммерческое помещение под ними в разное время успело побывать магазином обуви, офисом компании, продающей услуги в сфере активного туризма, и круглосуточным минимаркетом «Wawa» с собственной стойкой «Тако Белл». Дневники Леты тех времен были переполнены жалобами на вонь пережаренной фасоли и лука, проникающую сквозь пол. Это продолжалось до 1995 года, пока кто-то не заколдовал «Конуру» и черную лестницу, выходившую в переулок так, чтобы они всегда пахли кондиционером для белья и гвоздикой.

Алекс нашла брошюру с рекомендациями Дома Леты в какую-то из слившихся в ее памяти недель после инцидента в особняке на Оранж. С тех пор она только один раз проверила свою электронную почту со старого компьютера «Конуры», увидела длинную цепочку писем от декана Сэндоу и вышла из ящика. Она не заряжала свой севший мобильник, не ходила на пары, наблюдала, как ветви, будто примеряющие кольца женщины, пускают побеги. Она съела всю еду из кладовых и морозильника: сначала изысканные сыры и упаковки с копченым лососем, потом банки бобов и вымоченные в сиропе персики из коробок, помеченных надписью: «Неприкосновенные запасы». Когда они закончились, она начала беспардонно заказывать доставку еды, оплачивая ее с по-прежнему активного счета Дарлингтона. Спускаться и снова подниматься по лестнице было настолько утомительно, что ей приходилось отдыхать перед тем, как накинуться на обед или ужин, а иногда она вообще не удосуживалась поесть и просто засыпала на подоконнике или на полу среди целлофановых пакетов и завернутых в фольгу контейнеров. Проведать ее никто не приходил. Никого не осталось.

На обложке изданной по дешевке, скрепленной скобами брошюры была напечатана черно-белая фотография башни Харкнесса. Под ней стояла надпись: «Мы пастыри». Алекс сомневалась, что, выбирая девиз, основатели Дома Леты хотели процитировать Джонни Кэша, но, видя эти слова, всякий раз вспоминала, как лежала на старом матрасе в норе Лена в Ван-Найс; как комната вращалась, на полу рядом с ней стояла банка с недоеденным клюквенным соусом, а Джонни Кэш пел: «We are the shepherds, we walked 'cross the mountains. We left our flocks when the new star appeared»¹. Ей вспоминалось, как Лен повернулся к ней, сунул руку ей под рубашку и пробормотал ей на ухо: «Дерьмовые из них вышли пастыри».

Рекомендуемые требования к кандидатам в Дом Леты находились ближе к концу брошюры и в последний раз обновлялись в 1962 году.

¹ «Мы пастыри, мы прошли через горы. Мы оставили свои стада, когда появилась новая звезда» – цитата из песни Джонни Кэша «We are the Shepherds», пер. с англ. (Здесь и далее прим. пер.)

- Высокие академические достижения, особенно в истории и химии.
 - Способность к языкам и практическое владение латынью и греческим.
 - Хорошая физическая форма и обладание навыками гигиены.
- Доказательства регулярных занятий физическими упражнениями приветствуются.
- Проявляет признаки уравновешенности и рассудительности.
 - Интерес к мистике не одобряется, поскольку он часто свидетельствует об асоциальности.
 - Не должен безговать проявлениями телесности.
- MORS VINCIT OMNIA.

Алекс, чье владение латынью было далеко не практическим, перевела фразу со словарем: «Смерть побеждает все». Но на полях кто-то, почти вымарав «vincit» синей шариковой ручкой, написал над глаголом «irrumat».

Приложение к рекомендациям «Леты» гласило: «Стандартные требования к кандидатам были смягчены в двух случаях с неоднозначными результатами: в случае Лоуэлла Скотта (бакалавр английского языка, 1909) и в случае Синклера Белла Брэвермана (степень не получил, 1950)».

Здесь на полях стояла еще одна пометка, явно сделанная неровным, похожим на кардиограмму почерком Дарлингтона: «Алекс Стерн». Ей вспомнилась кровь, дочерна пропитавшая ковер старого особняка Андерсонов. Ей вспомнился декан, поразительная белизна торчащей из его бедра кости, вонь диких псов.

Алекс отложила алюминиевый контейнер с холодным фалафелем от «Mamoun's» и вытерла руки о свои спортивные штаны Дома Леты. Прохромав в ванную, она открыла пузырек золпидема и сунула под язык таблетку. Она набрала в ладонь воды из-под крана, понаблюдала, как вода струится сквозь ее пальцы, послушала унылый сосущий звук из стокового отверстия. *Стандартные требования к кандидатам были смягчены в двух случаях.*

Впервые за несколько недель она посмотрела на девушку в забрызганном водой зеркале. Эта израненная девушка задрала майку: вату усеивали желтые гнойные пятна. Глубокая рана в боку Алекс покрылась черной коркой. От укуса осталась заметная дуга; она знала, что заживать она будет тяжело – если вообще заживет. Ее карту изменили. Ее береговую линию искромсали. *Mors irrumat omnia.* Смерть ебет нас всех.

Алекс осторожно прикоснулась к горячей красной коже, вокруг следов от зубов. Рана воспалялась. Она ощутила что-то похожее на тревогу. Разум призывал ее к самосохранению, но мысль о том, чтобы снять трубку и заказать такси до студенческого медцентра – каждое действие потребовало бы новое действие, – была слишком подавляющей, а теплая, тупая пульсация поджигающего себя тела стала почти приятной. Возможно, у нее начнутся лихорадка и галлюцинации.

Она осмотрела свои выступающие ребра, голубые вены, похожие на оборванные линии электропередач под бледнеющими синяками. Губы ее растрескались. Она вспомнила свое написанное на полях брошюры имя – третий случай.

– Результаты были, бесспорно, неоднозначными, – сказала она и испугалась хриплого дребезжания собственного голоса.

Она засмеялась, и слив, казалось, захихикал вместе с ней. Возможно, у нее уже поднялась температура.

Под яркими флюоресцентными светильниками в ванной она схватилась за края укуса в своем боку и погрузила в него пальцы, сжимая плоть вокруг швов, пока ее не накрыло мантией боли. Обморок приближался, как желанный наркотический приход.

Это было весной. Но неприятности начались ночью в разгар зимы, когда Тара Хатчинс умерла, а Алекс еще продолжала считать, что ей, возможно, все сойдет с рук.

«Череп и кости», первый из восьми Домов Покрова и старейшее из владеющих гробницами обществ, основано в 1832 году. Костлявые могут похвастать большим количеством президентов, издателей, промышленных магнатов и членов правительства, чем любое другое общество (полный список их выпускников можно найти в «Приложении С»), и «похвастать» – пожалуй, самое подходящее слово. Костлявые имеют отчетливое представление о том, насколько влиятельны, и ожидают соответствующего почтения от кандидатов «Леты». Им не помешало бы помнить о собственном девизе: «Богач и бедняк после смерти едины». Ведите себя с осмотрительностью и тактом, обусловленными вашей должностью и связью с «Летой», но всегда помните, что наш долг – не потворствовать гордыне лучших и умнейших студентов Йеля, а стоять между живыми и мертвыми.

Из «Жизни «Леты»: процедуры и протоколы Девятого Дома»

Костлявые воображают себя титанами среди ничтожеств, и это весьма неприятно. Но кто я такой, чтобы придирааться, когда выпивка крепка, а девушки смазливы?

Дневник Джорджа Петита времен «Леты» (Колледж Сейбрук, выпуск 1956 года)

1

Зима

Алекс торопливо шла по широкой инопланетной Бейнеке-плазе, топая ботинками по чистым плоским бетонным квадратам. Огромный куб библиотеки редких книг словно парил над собственным нижним этажом. Днем его панели пылали янтарем, и этот блестящий золотой улей походил скорее на храм, чем на библиотеку. Ночью же он выглядел, как гробница. Эта часть кампуса не слишком сочеталась с остальным Йелем – ни серого камня, ни готических арок, ни бунтарских маленьких скоплений зданий из красного кирпича, которые, как говорил Дарлингтон, на самом деле не являлись колониальными, а только подражали этому стилю. Он объяснил, что Бейнеке была построена такой специально, чтобы зеркально отражать этот уголок архитектуры кампуса и вписываться в него, но Алекс все равно ощущала себя так, словно попала в научно-фантастический фильм из семидесятых: казалось, студенты должны носить гимнастические трико или слишком короткие туники, пить что-то под названием «Экстракт» и есть еду в пилюлях. Даже большая металлическая скульптура, которая, как она теперь знала, создана Александром Колдером, напоминала ей гигантскую лавовую лампу в негативе.

– Это Колдер, – пробормотала она себе под нос. Именно так местные говорили об искусстве. Ничто не было создано *кем-то*. Эта скульптура – Колдер. Эта картина – Ротко. Этот дом – Нойтра.

И Алекс уже опаздывала. Она начала ночь с благими намерениями; она твердо решила написать сочинение по курсу современного британского романа и вовремя уйти, чтобы успеть на предсказание. Вместо этого она уснула в одном из читальных залов библиотеки с «Ностромо» в руке, положив ноги на батарею. В полодиннадцатого она резко проснулась. По щеке у нее ползла нитка слюны. Ее изумленное «Твою мать!» разнеслось в тихой библиотеке, словно выстрел из ружья, и она, спрятав лицо в шарфе, закинула на плечо сумку и бросилась бежать.

Она срезала путь через Общину и ротонду. Во мраморе были высечены имена погибших на войне и бдели каменные статуи: Мир, Самоотверженность, Память и, наконец, Отвага, запечатленная в образе почти раздетого, не считая шлема и щита, мужчины. По мнению Алекс, он больше походил на стриптизера, чем на плакальщика. Она сбежала вниз по ступеням и перешла перекресток Колледж-стрит и Гров.

Кампусу свойственно было преображаться с каждым часом и каждым кварталом, так что Алекс всегда казалось, будто она видит его впервые. Сегодня он был похож на лунатика с глубоким ровным дыханием. Прохожие, с которыми она сталкивалась по дороге к Шеффилд-Стерлинг-Страткона-холлу, словно грезил: глаза с поволокой, обращенные друг к другу лица; они держали стаканчики с дымящимся кофе в одетых в перчатки руках. У нее возникло жуткое ощущение, что она, девушка в темном пальто, им снится и исчезнет, стоит им проснуться.

Холл ШСС тоже дремал: аудитории накрепко заперты, коридоры освещены энергосберегающим полусветом. Алекс поднялась по лестнице на второй этаж и услышала доносящийся из одного из лекционных залов шум. Каждый четверг Йельский социальный клуб показывал там фильмы. Мерси приклеила расписание к двери их комнаты в общежитии, но Алекс не потрудилась его изучить. По четвергам она была занята.

Рядом с дверями в лекционный зал сидел, прислонившись к стене, Трипп Хельмут. Он поздоровался с Алекс кивком. Даже в тусклом свете было видно, как налиты кровью его глаза

и набухли веки. Прежде чем прийти сюда, он явно накурился. Возможно, поэтому Костлявые постарше и поручили ему стоять в карауле. А может, он сам вызвался.

– Ты опоздала, – сказал он. – Уже началось.

Проигнорировав его, Алекс посмотрела через плечо, чтобы убедиться, что в коридоре никого нет. Она не обязана была оправдываться перед Триппом Хельмутом, иначе показала бы слабачкой. Она прижала большой палец к едва заметной бороздке на обшивке. Стена должна была открываться плавно, но вечно заедала. Алекс с силой подтолкнула ее плечом и споткнулась, когда та резко распахнулась.

– Полегче, дорогуша, – сказал Трипп.

Она закрыла за собой дверь и пошла по узкому темному проходу.

К сожалению, Трипп был прав. Предсказание уже началось. Стараясь не шуметь, Алекс вошла в старый анатомический театр.

Это была втиснутая между лекционным залом и аудиторией, где проводились семинары для аспирантов, глухая комната – забытый пережиток старого мединститута, проводившего занятия здесь, в ШСС, прежде чем переехать в собственные корпуса. Около 1932 года управляющие трастом, финансирующим «Череп и кости», замуровали вход в комнату и замаскировали его новой обшивкой. Все эти факты Алекс откопала в «Лете: наследие», когда ей, пожалуй, следовало бы читать «Ностромо».

Никто на нее даже не взглянул. Все глаза были устремлены на Гаруспика. Его худощавое лицо скрывала хирургическая маска, бледно-голубая мантия была забрызгана кровью. Руками в латексных перчатках он методично перебирал внутренности – пациента? субъекта? жертвы? Алекс не знала, какой из этих терминов отнести к мужчине на столе. Не жертва. *Предполагается, что он выживет.* Позаботиться об этом входило в ее обязанности. Она проследит, чтобы он невредимым прошел через это испытание и вернулся в больничную палату, откуда его забрали. *«Но что будет через год?» – гадала она. – А через пять лет?»*

Алекс взглянула на мужчину на столе, Майкла Рейса. Две недели назад, когда его избрали для ритуала, она читала его карту. Отогнутые лоскуты брюшной стенки были зафиксированы стальными скобами, и его брюшная полость выглядела, как пышная розовая орхидея с бархатной алой серединой. *Скажите мне, что у него не останется шрама.* Но ей нужно было волноваться о собственном будущем. Рейс справится.

Алекс отвела глаза и постаралась дышать через нос: в желудке у нее заурчало, а рот наполнился медной слюной. Она повидала немало серьезных ранений, но всегда на мертвецах. В ране живого человека, в том, что жизнь в человеческом теле поддерживает лишь размеренное металлическое пищание монитора, было что-то куда более ужасное. В кармане у нее лежал глазированный имбирь от тошноты – один из советов Дарлингтона, – но она не могла заставить себя достать его и развернуть.

Вместо этого она уставилась в никуда, пока Гаруспик называл последовательность цифр и букв – биржевых сокращений и курсов акций компаний, находившихся в публичном обращении на Нью-Йоркской фондовой бирже. Позже ему предстояло перейти к автоматизированным котировкам Национальной ассоциации дилеров по ценным бумагам, бирже «Евронекст» и азиатским рынкам. Алекс даже не пыталась разобрать, что он говорит. Приказы продавать, покупать и придержать отдавались на непостижимом нидерландском – языке торговли, первой фондовой биржи, старого Нью-Йорка и официальном языке Костлявых. Во времена основания «Черепа и костей» греческий и латынь знало слишком много студентов, и для делишек тайного общества требовалось нечто менее распространенное.

«У нидерландского более сложное произношение, – рассказывал ей Дарлингтон. – Кроме того, это дает Костлявым предлог ездить в Амстердам».

Разумеется, Дарлингтон знал латынь, греческий и нидерландский. А еще говорил по-французски и по-мандарински и мог сносно объясниться по-португальски. Алекс же только

начинала изучать базовый испанский. Она занималась им в начальной школе, и у ее бабушки были заготовлены сефардские пословицы на все случаи жизни, а потому она рассчитывала, что в колледже запросто его освоит. Препятствий вроде сослагательного наклонения она не предвидела. Что у нее получалось, так это спросить, не хочет ли Глория сходить на дискотеку завтра вечером.

Из-за стены, за которой показывали кино, донеслась приглушенная автоматная очередь. Гаруспик с нескрываемым раздражением поднял взгляд от гладкого розового кошмара, который представляла собой тонкая кишка Майкла Рейса.

«Лицо со шрамом», – поняла Алекс, когда музыка стала громче и хор голосов в унисон загремел: *«Поиграть захотели? Хорошо. Играть будем жестко»*. Зрители скандировали реплики одновременно с актерами, как будто это «Рокки Хоррор». «Лицо со шрамом» Алекс видела раз сто. Это был один из любимых фильмов Лена. В этом плане он был предсказуем, обожал все *крутое* – можно подумать, он заказал по почте набор «Как быть гангстером». Когда они встретили Хелли рядом с променадом Венис, ее золотые волосы походили на раскрытые кулисы театра ее больших голубых глаз, и Алекс мгновенно вспомнилась Мишель Пфайфер в атласном платье. Не хватало ей только гладкой густой челки. Но сегодня ночью, когда в воздухе воняло кровью, Алекс не хотела думать о Хелли. Лен и Хелли остались в старой жизни. В Йеле им было не место. Правда, чужой здесь была и сама Алекс.

Несмотря на вызываемые фильмом воспоминания, Алекс радовалась любому шуму, заглушающему хлюпанье, раздававшееся, когда Гаруспик рылся в кишках Майкла Рейса. Что он там видел? Дарлингтон говорил, что это все равно что предсказывать будущее по картам таро или костям животных. Но выглядело это уж точно иначе. И звучало более конкретно. *Вы по ком-то скучаете. Вы найдете счастье в новом году*. Вот какие пророчества обычно выдают предсказатели судьбы – туманные, успокаивающие.

Алекс разглядывала облаченных в мантии и капюшоны Костлявых, столпившихся вокруг тела на столе. Писарь-студент записывал предсказания, которые затем необходимо было передать управляющим хедж-фондов и частным инвесторам по всему миру, чтобы Костлявые и их выпускники сохранили финансовую подушку. Бывшие президенты, дипломаты, как минимум один директор ЦРУ – все они были выпускниками «Череп и костей». Алекс вспомнила разглагольствующего в джакузи Тони Монтану: «Знаешь, что такое капитализм?». Алекс взглянула на распростертое тело Майкла Рейса: «Тони, ты и понятия не имеешь».

Она краем глаза уловила в галерее для зрителей какое-то движение. В театре было двое местных Серых, всегда сидевших на тех же самых местах, всего в паре рядов друг от друга: душевнобольная женщина, чьи яичники и матку удалили на процедуре гистерэктомии в 1926 году, за что ей заплатили бы шесть долларов, если бы она выжила; и мужчина, студент-медик. Он замерз насмерть в опиумном притоне за много тысяч миль отсюда году в 1880-м, но продолжал возвращаться, чтобы посидеть на своем старом месте и посмотреть вниз на то, что сходит за жизнь. Предсказания проводились в театре всего четыре раза в год, в начале каждого финансового квартала, но ему этого, похоже, вполне хватало.

Дарлингтон любил повторять, что иметь дело с призраками – все равно что ездить в подземке: «Не смотри им в глаза. Не улыбайся. Не вступай в контакт. Иначе неизвестно, что может последовать за тобой домой». Легче сказать, чем сделать, когда смотреть не на что, кроме мужчины, который играет с внутренностями другого человека, будто с костями для маджонга.

Алекс вспомнила, как потрясен был Дарлингтон, узнав, что она не только видит призраков без помощи зелий и заклинаний, но и видит их в цвете. Он до странного расширился. И ей это понравилось.

«В каких цветах?» – спросил он и снял ноги с кофейного столика. Его тяжелые черные ботинки глухо стукнули о планчатый пол в гостиной II Bastone.

«Просто в цвете. Как на старом полароиде. А что? Что видишь ты?»

«Они выглядят серыми, – резко ответил он. – Поэтому их так и называют».

Она тогда пожала плечами, зная, что ее невозмутимость разозлит Дарлингтона еще больше.

«Это не важно».

«Может, для тебя это и так», – пробормотал он и вышел из гостиной. Остаток дня он упражнялся в спортзале, пытаясь сбросить раздражение.

В то время она была довольна собой, радовалась, что не все дается ему так легко. Но сейчас, кружа по периметру театра и проверяя маленькие меловые отметки, обозначающие каждую сторону света, она паниковала и чувствовала себя неподготовленной. Это ощущение не покидало ее с тех пор, как она впервые попала в кампус. Нет, оно с ней еще дольше. С тех пор, как декан Сэндоу сел рядом с ее больничной койкой, постучал по наручнику на ее запястье запятыми пальцами и сказал: «Мы предоставим тебе возможность». Но то была прежняя Алекс. Алекс времен Хелли и Лена. Алекс из Йеля никогда не носила наручников, не дралась, не трахалась в туалете с незнакомцем, чтобы возместить проигрыш своего парня. Алекс из Йеля было сложно, но она не жаловалась. Она была хорошей девочкой, которая старалась не отставать.

И терпела неудачу. Она должна была прийти сюда пораньше, чтобы понаблюдать, как рисуют символы, и убедиться, что круг надежен. Обычно такие старые Серые, как те, что парили в амфитеатре, не доставляют неприятностей, даже когда их привлекает кровь, но предсказания – это большая магия, и ее работа – удостовериться, что Костлявые придерживаются соответствующих процедур, соблюдают осторожность. Но она всего лишь притворялась. Всю прошлую ночь она зубрила, пытаясь запомнить правильные символы и пропорции мела, угля и костей. Твою мать, она даже сделала *дидактические карточки* и заставляла себя пересматривать их, отвлекаясь от чтения Джозефа Конрада.

Алекс казалось, что символы выглядят прилично, но она разбиралась в защитных символах не лучше, чем в современных британских романах. Была ли она внимательна, когда присутствовала на предсказании в осеннем семестре вместе с Дарлингом? Нет. Потрясенная странностью происходящего, она посасывала имбирный леденец и молилась, чтобы ее не вырвало и она не опозорилась. Она-то рассчитывала, что у нее будет полно времени научиться всему у Дарлингтона. Но на этот счет оба они ошибались.

– Voorhoofd! – позвал Гаруспик, и вперед выскочила усердная Костлявая.

Мелинда? Миранда? Алекс не могла вспомнить, как зовут эту рыжую девушку. Она помнила только, что та состоит в женской акапельной группе под названием «Whim 'n Rhythm». Девушка промокнула лоб Гаруспика белым платком и снова растаяла в толпе.

Алекс старалась не смотреть на мужчину на столе, но ее взгляд невольно устремлялся к его лицу. *Майкл Рейс, сорок восемь лет, диагностированная параноидальная шизофрения.* Вспомнит ли Рейс что-то из этого, когда очнется? Когда он попытается кому-то рассказать, назовут ли они его сумасшедшим? Алекс прекрасно знала, каково это. *На этом столе могла оказаться я.*

«Костлявые любят, чтобы они были как можно более чокнутыми, – говорил ей Дарлингтон. – Они считают, что это повышает точность предсказаний». Когда она спросила, почему, он просто ответил: «Чем безумнее *victima*, тем ближе она к Богу».

«Это правда?»

«Лишь тайна и безумие приоткрывают истинное лицо души², – процитировал он и пожал плечами. – Их банковские счета согласны».

«И мы не против? – спросила Алекс. – Что людей вскрывают, чтобы какой-нибудь там мистер Совершенство мог сделать ремонт в своем летнем домике?»

² Томас Мор.

«Никогда не был знаком ни с одним мистером Совершенство, – сказал он. – Все еще не теряю надежды, – он помрачнел и, помолчав, добавил: – Остановить это невозможно. На умения обществ полагается слишком много влиятельных людей. До появления «Леты» их не контролировал никто. Если будешь возмущенно бляеть, ничего не добьешься и лишишься стипендии. Или ты можешь оставаться здесь, делать свою работу и приносить столько добра, сколько сможешь».

Уже тогда она задавалась вопросом, является ли это беспристрастной оценкой ситуации и не связывает ли Дарлингтона с «Летой» так же крепко, как и чувство долга, его страстное желание знать *все*. Но она промолчала тогда и собиралась молчать сейчас.

Майкла Рейса нашли в одной из больниц в йельском Нью-Хейвене. Со стороны он выглядел, как любой другой пациент: это был бродяга из тех, что попадают то в психушку, то в тюрьму и то принимают лекарства, то снова слетают с катушек. В Нью-Джерси у него был брат, значившийся ближайшим родственником в документах и давший разрешение на то, что, как ему сказали, было обыкновенной медицинской процедурой для лечения язвы кишечника.

Ухаживала за Рейсом исключительно медсестра по имени Джин Гатдула, проработавшая три ночные смены подряд. Когда – казалось бы, из-за ошибки при составлении графика, – ей достались еще два вечера в больнице, она и глазом не моргнула и даже не подумала качать права. На той неделе, как могли заметить ее коллеги, она всегда являлась на работу с огромной сумкой. В ней лежал маленький холодильник, в котором она носила еду Майклу Рейсу: голубиное сердце для ясности, корень герани и блюдо горьких трав. Гатдула понятия не имела, для чего эта еда и какая судьба ждет Майкла Рейса, как и в случаях остальных «особых» пациентов, за которыми она ухаживала. Она даже не знала, на кого работает. Ей было известно только, что каждый месяц она получала позарез необходимый ей чек, благодаря которому могла вернуть долги, наделанные ее азартным мужем, игравшим в блэкджек в казино «Foxwoods».

Алекс не знала, воображение ли играет с ней злую шутку или она и правда чувствует исходящий от внутренностей Рейса запах молотой петрушки, но ее желудок снова угрожающе сжался. Ее теплая одежда промокла, и ей срочно нужно было выйти на свежий воздух. Отделенная от остального здания система кондиционирования поддерживала в анатомическом театре холод, но от огромных переносных галогеновых прожекторов, направленных на операционный стол, исходил жар.

Раздался приглушенный стон. Взгляд Алекс метнулся к Майклу Рейсу, в ее воображении пронеслась страшная сцена: Рейс просыпается и обнаруживает, что привязан к столу, окружен людьми в капюшонах, а его внутренности на всеобщем обозрении. Но его глаза были закрыты, грудь размеренно поднималась и опускалась. Стон продолжался, становясь все громче. Возможно, плохо стало кому-то еще? Но никто из Костлявых не проявлял признаков тошноты. Их лица светились в тусклом театре, как прилежные луны, взгляды были сосредоточены на процедуре.

Стон продолжал нарастать подобно ветру, проносился по помещению и отскакивал от обитых темным деревом стен. *«Не смотри в глаза, – предостерегла себя Алекс. – Просто поверь, что Серые...»* Она подавила изумленный вскрик.

На прежних местах Серых не было.

Они облакачивались на окружавшие анатомический театр перила, сжимая пальцами дерево, вытягивая шеи. Их тела тянулись к самой границе мелового круга, как у животных, стремящихся напиться из желоба водосточной трубы.

Не смотри. Это был голос Дарлингтона, его предостережение. *Не смотри слишком пристально.* Серым слишком легко установить связь, прилепиться к тебе. Для нее это было еще опасней, потому что она уже знала истории этих Серых. Они были здесь так давно, что поколения делегатов «Леты» задокументировали их прошлое. Но их имена были вычеркнуты из всех документов.

«Если имя тебе неизвестно, – объяснял Дарлингтон, – ты не можешь о нем подумать, а значит, у тебя не возникнет искушения его назвать». Имя создавало своего рода близость.

Не смотри. Но Дарлингтона рядом не было.

Серая женщина была обнажена, ее маленькие груди сморщились от холода так же, как должно быть, после смерти. Она поднесла ладонь к открытой ране на своем животе, ласково прикоснулась к плоти, как женщина, застенчиво показывающая, что находится в положении. Ее не зашили. На мальчике – ибо он был мальчиком, худеньким и с нежными чертами – был неряшливый бутылочно-зеленый пиджак и запятнанные брюки. Серые всегда выглядели так же, как в минуту смерти. Но что-то в том, как они – одна обнаженная, другой одетый – стояли бок о бок, казалось непристойным.

Каждая мышца Серых была напряжена, глаза вытаращены, рты раззявлены. Черные дыры их ртов напоминали пещеры, и из них исходил этот унылый плач – не стон, а что-то монотонное и нечеловеческое. Алекс вспомнила осиное гнездо, которое как-то летом нашла в гараже под маминой квартирой в Студио-Сити, бездумное жужжание насекомых в темноте.

Гаруспик продолжал вещать на нидерландском. Еще один Костлявый поднес стакан воды к губам писаря, который по-прежнему делал записи. В воздухе висел острый запах крови, трав и дерьма.

Серые, дрожа, дюйм за дюймом выгибались вперед. Их губы растянулись, рты стали слишком широкими. Казалось, у них вывихнуты челюсти. Все помещение словно завибрировало.

Но видела их только Алекс.

Поэтому «Лета» и пригласила ее сюда, поэтому декан Сэндоу и вынужден был сделать золотое предложение девушке в наручниках. И все же Алекс оглядывалась по сторонам, надеясь, что кто-то еще поймет, что происходит, и поможет.

Она отступила на шаг. Сердце бешено колотилось у нее в груди. Серые были покладистыми, зыбкими, особенно такие старые. По крайней мере, так считала Алекс. Может, Дарлингтон просто не успел ее этому научить?

Она лихорадочно перебирала в памяти немногие заклятия, которым Дарлингтон научил ее в прошлом семестре, защитные заклинания. В крайнем случае можно воспользоваться смертными словами. Сработают ли они на Серых в таком состоянии? Она должна была положить в карманы соль, карамельки, которые могли бы их отвлечь, что угодно. «Это элементарно, – сказал у нее в голове Дарлингтон. – Разобраться проще простого».

Деревянные перила под пальцами Серых начали гнуться и скрипеть. Рыжая из акапельной группы посмотрела вверх, гадая, откуда доносится скрип.

Дерево вот-вот треснет. Должно быть, символы были начертаны неверно; защитный круг не выдержит. Алекс оглянулась на бесполезных Костлявых в нелепых мантиях. Будь здесь Дарлингтон, он бы остался и поборолся, убедился бы, что Серые обузданы, а Рейс в безопасности.

Прожектора стали тусклыми, замигали.

– Пошел ты, Дарлингтон, – пробормотала себе под нос Алекс, уже собираясь сбежать.

Бум.

Комнату тряхнуло. Алекс споткнулась. Гаруспик и остальные Костлявые раздраженно взглянули на нее.

Бум.

Что-то словно стучалось с того света. Что-то большое. Что-то, что нельзя впускать.

– Наша Данте напилась? – пробормотал Гаруспик.

Бум.

Алекс открыла рот, чтобы закричать, чтобы велеть им бежать, пока то, что удерживает эту тварь, не поддалось.

Внезапно стон полностью оборвался, будто закупоренный в бутылке. Монитор запищал. Лампы зажужжали.

Серые снова сидели на своих местах, не обращая ни малейшего внимания ни друг на друга, ни на нее.

Алекс насквозь вспотела под пальто. Блузка прилипла к ее телу. Она ощущала собственный горький запах страха. Прожекторы по-прежнему испускали раскаленный белый свет. Театр пульсировал жаром, как налитый кровью орган. Костлявые таращились на нее. В соседнем зале шли титры.

Там, где Серые сжимали перила, виднелись раскинувшиеся, как кукурузные рыльца, белые древесные щепки.

– Извините, – сказала Алекс. Ноги ее подогнулись, и ее вырвало на каменный пол.

Когда Майкла Рейса наконец зашили, было около трех часов ночи. Гаруспик и большинство Костлявых ушли за несколько часов до этого, чтобы отмыться после ритуала и подготовиться к вечеринке, которая должна была закончиться куда позже рассвета.

Гаруспик мог направиться прямоком в Нью-Йорк на лимузине с обитыми кремовой кожей сиденьями или остаться на гуляния и поразвлечься с любым из безотказных студентов и студенток – а может, и с теми, и с другими. Алекс говорили, что «обслуживать» Гаруспика считается честью, и она полагала, что, если достаточно набраться или накачаться наркотой, тебе может так и показаться, но звучало все так, словно ребят подкладывают под человека, который платит по счетам.

Рыжая – как выяснилось, Миранда, «как в “Буре”» – помогла Алекс вытереть рвоту. Она проявила к ней искреннее сочувствие, и Алекс почти стало стыдно за то, что она не запомнила ее имя.

Рейса вывезли из здания на каталке, окутанной помутняющей завесой, благодаря которой он выглядел, как аудио- и видеоаппаратура под защитной клеенкой. С точки зрения безопасности общества это было самой рискованной частью всего ночного мероприятия. По большому счету, «Череп и кости» не преуспевали ни в чем, кроме предсказаний, а члены «Манускрипта», разумеется, были не заинтересованы в том, чтобы обучить другое общество своим чарам. С каждой выбоиной магия, создающая завесу вокруг Рейса, колебалась, каталка становилась видимой и снова испарялась, и все это время слышалось пищание медицинского оборудования и аппарата ИВЛ. Если бы кто-то присмотрелся к тому, что везут по коридору, у Костлявых возникли бы серьезные неприятности – правда, Алекс почти не сомневалась, что они без труда смогли бы откупиться.

Она собиралась провести Рейса, как только его вернут в больницу, а потом еще раз через неделю, чтобы убедиться, что выздоровление проходит без осложнений. Ранее уже случалось, что предсказания приводили к смертельному исходу, хотя с тех пор, как в 1898 году для надзора за обществами основали «Лету», такое произошло лишь однажды. Во время напех спланированного гадания после биржевого краха 1929 года группа Костлявых случайно убила бродягу. Предсказания попали под запрет на следующие четыре года, а «Кости» столкнулись с угрозой потери своей внушительной гробницы из красного камня на Хай-стрит. «Поэтому мы и существуем, – сказал Дарлингтон, когда Алекс переворачивала страницы записей «Леты» с перечислением имен каждой victim и дат предсказаний. – Мы пастыри, Стерн».

Но, когда Алекс показала ему надпись на полях «Леты: наследие», его передернуло.

«БНМБ?» – спросила она.

«Больше никаких мертвых бездомных», – со вздохом сказал он.

Вот тебе и благородная миссия Дома Леты. И все-таки этой ночью Алекс, едва не бросившая Майкла Рейса на произвол судьбы, не испытывала чувства собственного превосходства.

Выслушав бесчисленное множество шуток о том, как ее вырвало полупереваренным жареным цыпленком и жевательными конфетами, она задержалась в театре, чтобы убедиться, что оставшиеся Костлявые проведут надлежащую процедуру дезинфекции комнаты.

Она пообещала себе, что вернется позже и посыпет театр костяной пылью. Напоминания о смерти – лучший способ отпугнуть Серых. Вот почему призраки нигде не встречаются так редко, как на кладбищах. Ей вспомнились открытые рты призраков, это ужасное жужжание насекомых. Что-то пыталось пробиться в меловой круг. По крайней мере, выглядело все так. Серые – призраки – безобидны. По большей части. Принять какой-либо облик в мире мертвых им очень непросто. А как насчет пройти сквозь последний Покров? Обрести физическую форму, способность к прикосновению? К тому, чтобы принести вред? Это они могут. Алекс знала по собственному опыту. Но это почти невозможно.

Как бы там ни было, предсказания проводились в этом театре сотни раз, и она никогда не слышала, чтобы какие-то Серые обретали физическую форму или препятствовали ритуалу. Почему же этой ночью их поведение изменилось?

Если оно изменилось.

Для Алекс величайшим подарком «Леты» была не полная стипендия Йеля, не новый старт, который вытравил ее прошлое, будто химический ожог. Это было знание, уверенность, что то, что она видит, реально и всегда было таковым. Но она слишком долго подозревала себя в сумасшествии и уже не могла остановиться. Дарлингтон бы ей поверил. Он всегда ей верил. Только вот Дарлингтона больше нет.

«*Не навсегда*», – сказала себе она. Через неделю настанет новолуние, и они вернут его домой.

Алекс дотронулась до треснувших перил, уже обдумывая, как опишет ход этого предсказания в записях Дома Леты. Декан Сэндоу просматривал их все, и она не испытывала никакого желания обращать его внимание на что-то необычное. И потом, если не считать того, что беспомощному человеку перебрали кишки, ничего плохого не произошло.

Когда Алекс вышла из прохода в коридор, Трипп Хелмут вскинулся.

– Ну что, они там заканчивают?

Алекс кивнула и набрала полные легкие относительно свежего воздуха. Ей не терпелось выйти на улицу.

– Гадость, да? – с ухмылкой спросил Трипп. – Если хочешь, могу дать тебе пару подсказок, когда их транскрибируют. Будет легче с этими студенческими кредитами.

– Тебе-то, блин, откуда знать, что такое студенческий кредит? – вопрос вырвался у нее помимо воли.

Дарлингтон бы такого не одобрил. От Алекс требовались вежливость, отстраненность и такт. К тому же, ее возмущение лицемерно. «Лета» позаботилась, чтобы она окончила институт, не беспокоясь о долгах, – если, конечно, справится с четырьмя годами экзаменов, сочинений и таких ночей.

Трипп поднял руки, как бы сдаваясь, и нервно рассмеялся.

– Эй, хочешь жить – умей вертеться.

Трипп входил в парусную команду, был Костлявым в третьем поколении, джентльменом и ученым, чистокровным золотистым ретривером – туповатым, лощеным и дорогим. Он был взъерошенным и розовым, как здоровый младенец. Волосы у него были рыжеватые, а с кожи еще не сошел загар с тех пор, как он отдыхал на каком-то очередном острове на зимних каникулах. Он обладал непринужденностью человека, у которого всегда было и будет «все путем», мальчика с тысячью вторых шансов.

– У нас все норм? – добродушно спросил он.

– Все норм, – ответила она, хотя чувствовала себя вовсе не нормально. В ее легких и черепе по-прежнему отдавались отзвуки этого жужжащего стога. – Просто здесь душно.

– Скажи? – отозвался готовый помириться Трипп. – Может, не так уж и плохо, что я всю ночь проторчал в коридоре.

Голос его звучал неуверенно.

– Что у тебя с рукой? – Алекс заметила, что из-под ветровки Триппа торчит край бинта.

Он задрал рукав, показывая лоскут толстого целлофана, наклеенный на внутреннюю часть предплечья.

– Мы тут сегодня компанией татушки набили.

Алекс присмотрелась: самодовольный бульдог выпрыгивал из-за большой синей буквы «Й». Брутальный эквивалент «лучших друзей навсегда!».

– Прикольно, – солгала она.

– А у тебя есть тату?

Его взгляд сонно блуждал по ее телу, пытаясь представить ее без зимней одежды, – точно так же, как у неудачников, которые ошивались в Граунд-Зиро и проводили пальцами по рисункам на ее ключице и бицепсах: «А что значит вот эта?»

– Не-а. Это не мое, – Алекс обернула шарф вокруг шеи. – Завтра навещу Рейса в больнице.

– Чего? А, ну да. Хорошо. А где вообще Дарлингтон? Уже сливает тебе всю дерьмовую работенку?

Трипп терпел Алекс и пытался с ней подружиться, потому что хотел, чтобы ему чесал животик каждый встречный, но Дарлингтон ему действительно нравился.

– В Испании, – сказала она, потому что так ей велели отвечать.

– Круто. Передай ему «buenos dias»³.

Если бы Алекс могла передать что-то Дарлингтону, она бы сказала: «Возвращайся». Сказала бы по-английски и по-испански. В повелительном наклонении.

– Adiós⁴, – сказала она Триппу. – Хорошей вечеринки.

Отойдя от здания, Алекс стянула перчатки, развернула две липкие имбирные конфеты и засунула их в рот. Она устала думать о Дарлингтоне, но запах имбиря и тепло, которое разливалось от него в горле, еще больше оживляли его в ее памяти. Перед глазами у нее появилось его длинное тело, растянувшееся перед огромным каменным камином в «Черном вязе». Он снял ботинки, а носки положил сушиться у огня. Дарлингтон лежал на спине с закрытыми глазами, положив затылок на сцепленные руки и перебирая пальцами ног в такт разносящейся по комнате музыки – какой-то неизвестной Алекс классике. Голоса валторн оставляли в воздухе выразительные звуковые крещендо.

Алекс сидела на полу рядом с ним, прижимаясь спиной к старому дивану, обхватив руками колени и пытаясь казаться расслабленной и перестать глазеть на его ступни. Просто они казались такими *голыми*. Он подвернул свои черные джинсы, чтобы уберечь кожу от влаги, и эти узкие белые ступни с волосками на больших пальцах заставили ее почувствовать себя немного развратницей, похожей на какого-нибудь черно-белого извращенца, обезумевшего при виде лодыжки.

Пошел ты, Дарлингтон. Она снова натянула перчатки.

На секунду ее парализовало. Ей нужно было вернуться в Дом Леты и написать отчет для декана Сэндоу, но чего ей по-настоящему хотелось, так это плюхнуться на узкую нижнюю койку в комнате, которую она делила с Мерси, и проспать как можно дольше до начала пар. В такой час ей не пришлось бы придумывать отговорки для любопытных соседок по комнате. Но, если она поспит в «Лете», Мерси и Лорен потребуют, чтобы она рассказала им, где и с кем провела ночь.

³ Добрый день (*исп.*)

⁴ Пока (*исп.*)

Дарлингтон предлагал ей выдумать парня, чтобы оправдать долгие отлучки и поздние возвращения.

«Если я это сделаю, рано или поздно мне придется показать им парня, который будет смотреть на меня с обожанием, – раздраженно ответила Алекс. – Как тебе сходило это с рук последние три года?»

Дарлингтон только пожал плечами.

«Мои соседи решили, что я кобель».

Если бы Алекс закатила глаза еще чуть больше, она бы смотрела в противоположном направлении.

«Ладно-ладно. Я сказал им, что играю в группе с парнями из Коннектикутского университета и мы часто выступаем на выезде».

«Ты вообще умеешь на чем-то играть?»

«Конечно».

На виолончели, контрабасе, гитаре, фортепьяно и на чем-то под названием уд.

При благополучном раскладе Мерси будет видеть десятый сон, когда Алекс вернется в общежитие, и она сможет захватить свою корзинку с душевыми принадлежностями и выйти из комнаты незамеченной. Это будет непросто. Если ты имеешь дело с Покровом между мирами, он оставляет после себя вонь, похожую на нечто вроде запаха озона после разряда молнии во время грозы и гнили тыквы, слишком долго пролежавшей на подоконнике. В первый раз она сдуру вернулась в общежитие, не помывшись, и, чтобы объяснить запах, ей пришлось соврать, что она поскользнулась и упала в кучу мусора. Мерси и Лорен смеялись над ней несколько недель.

Алекс вспомнила грязный душ в общежитии... а потом представила, как ляжет в просторную чистенькую старую ванну на львиных ножках в II Bastone, где ее ждала такая высокая кровать с балдахинном, что на нее приходилось забираться. У «Леты» вроде как были убежища по всему кампусу Йеля, но Алекс знала только два – «Конуру» и II Bastone. «Конура» находилась ближе к общежитию и корпусам, где проходило большинство ее занятий, но представляла собой всего лишь невзрачные уютные комнаты над магазином одежды, в которых всегда можно было найти запас чипсов и протеиновых батончиков Дарлингтона. Здесь можно было перекантоваться и по-быстрому подремать на продавленном диване. II Bastone было нечто особенное – трехэтажный особняк почти в миле от центра кампуса, служивший главной штаб-квартирой «Леты». Этой ночью во всем доме горел свет, и Окулус ждала ее с подносом чая, бренди и сэндвичами. Такова была традиция, хотя Алекс являлась не за тем, чтобы перекусить. Но ценой всей этой роскоши было общение с Окулус, а нынешней ночью она бы просто не вынесла напряженного молчания Доуз. Уж лучше вернуться в общагу, воняя ночной работой.

Алекс перешла улицу и срезала путь через ротонду. Было непросто заставить себя не оглядываться. Ее не покидали воспоминания о Серых, стоящих у границы круга со слишком широко распахнутыми ртами – черными безднами, из которых доносилось низкое жужжание насекомых. Что случилось бы, если бы перила сломались, если бы меловой круг не выдержал? И что их спровоцировало? Хватило ли бы ей силы и знаний, чтобы их удержать? Pasa punto, pasa mundo.

Алекс поплотнее запахнулась в пальто, пряча лицо в шерстяной шарф и ощущая собственное влажное дыхание, и поспешила назад мимо библиотеки Бейнеке.

«Если тебя запрут здесь во время пожара, весь кислород откачают, – утверждала Лорен. – Чтобы защитить книги».

Алекс знала, что это бредня. Ей сказал Дарлингтон. Он знал правду обо всех ипостасях этого здания: оно построено в соответствии с платоновским идеалом (здание – храм) с использованием тех же пропорций, которые некоторые наборщики применяли для своих страниц (здание – книга), а его мрамор добыт в Вермонте (здание – монумент). Вход сделан таким

образом, чтобы одновременно туда мог войти только один человек: он должен пройти через вращающиеся двери, как проситель. Она помнила, как Дарлингтон надевал белые перчатки, чтобы листать редкие манускрипты, как его длинные пальцы благоговейно покоились на странице. Лен так же обращался с наличными.

В Бейнеке была тайная комната на... она не могла вспомнить, на каком этаже. А если бы вспомнила, не пошла бы туда. Ей не хватило бы смелости спуститься во внутренний двор, особым образом прикоснуться к окну, войти в темноту. Это место было дорого Дарлингтону. Более волшебного места не существовало. И нигде больше во всем кампусе она не чувствовала себя такой самозванкой.

Алекс потянулась к мобильнику, чтобы свериться с часами, надеясь, что еще не сильно больше трех. Если успеть помыться и уснуть к четырем, она сможет поспать еще добрых три с половиной часа, перед тем как снова встать и бежать на испанский. Подобными расчетами она занималась каждую ночь, каждую секунду. Сколько у нее времени на работу? Сколько на отдых? Цифры никогда не сходились. Она едва сводила концы с концами, растягивала бюджет, ей всегда немного не хватало, и паника следовала за ней по пятам.

Алекс взглянула на светящийся экран и выругалась. Ее завалили сообщениями. Перед предсказанием она перевела телефон в беззвучный режим, а потом забыла включить звук.

Все сообщения были от одного человека – Окулус, Памелы Доуз, аспирантки, которая поддерживала порядок в обителях «Леты» и была их научной сотрудницей. *Пэмми*, хотя так ее звал только Дарлингтон.

«Перезвони».

«Перезвони».

«Перезвони».

Сообщения приходили с промежутком ровно в пятнадцать минут. Либо Доуз придерживалась какого-то протокола, либо была еще более дерганой, чем предполагала Алекс.

Алекс подумывала просто проигнорировать сообщения. Но была ночь четверга, ночь, когда проходили встречи обществ, а это означало, что какое-то мелкое дерьмо что-то натворило. Откуда ей знать, может, эти придурочные оборотни из «Волчьей морды» превратились в стадо буйволов и затоптали кучку студентов из Брэнфорда.

Она зашла за одну из поддерживающих куб Бейнеке колонн, чтобы укрыться от ветра, и набрала номер.

Доуз взяла трубку с первого же гудка.

– Говорит Окулус.

– Отвечает Данте, – сказала Алекс, чувствуя себя идиоткой. Данте – это она.

Дарлингтон был Вергилием. Предполагалось, что иерархия «Леты» останется таковой, пока Алекс не доучится до последнего курса и не станет Вергилием сама, чтобы наставлять своего преемника-первокурсника. Когда Дарлингтон называл ей их кодовые имена, которые величал постами, она кивала и зеркалила его легкую улыбку, притворяясь, что оценила шутку. Позже она погуглила их и узнала, что Вергилий был проводником Данте, когда тот спускался в ад. Опять юмор Дома Леты пропал впустую.

– В комплексе Пейна Уитни нашли тело, – сказала Доуз. – Центурион на месте.

– Тело, – повторила Алекс, спрашивая себя, не повлияла ли усталость на ее способность понимать обыкновенную человеческую речь.

– Да.

– Типа мертвое тело?

– Да-а, – Доуз явно старалась, чтобы ее голос звучал спокойно, но у нее перехватило дыхание, и единственный слог превратился в музыкальное заикание.

Алекс прижалась спиной к колонне, ощущая через пальто холод камня. На нее нахлынула волна злого адреналина.

«Ты издеваешься?» – захотелось спросить ей. Такое у нее сложилось впечатление. Что ее пытаются наебать. Она словно вернулась в прошлое, когда была странной девочкой, которая разговаривала сама с собой и так отчаянно мечтала завести друзей, что согласилась, когда Сара Маккинни взмолилась: «Встретишься со мной в «Тре мучачос» после школы? Я хочу посмотреть, сможешь ли ты поговорить с моей бабушкой. Мы раньше часто туда ходили, и я очень по ней скучаю». Девочкой, которая одиноко стояла перед входом в самый дерьмовый мексиканский ресторан в самом дерьмовом фудкорте в Долине, пока ей не пришлось позвонить маме и попросить ее забрать, потому что никто так и не пришел. Разумеется, никто не пришел.

«*Это реальность*», – напредила она себе. И, кем бы ни была Памела Доуз, она явно не стерва вроде Сары Маккинни.

А значит, кто-то умер.

И она, Алекс, должна что-то предпринять?

– Эм, это был несчастный случай?

– Возможно, убийство, – голос Доуз звучал так, будто именно этого вопроса она и ждала.

– Окей, – сказала Алекс, потому что понятия не имела, что еще сказать.

– Окей, – неловко ответила Доуз. Она произнесла свою ключевую реплику и теперь готовилась сойти со сцены.

Повесив трубку, Алекс еще немного постояла в унылом, ветреном молчании пустой площади. Она забыла не меньше половины из того, чему Дарлингтон пытался научить ее перед исчезновением, но об убийствах он точно не рассказывал.

Она не знала, почему. Если вы собираетесь вместе в ад, то почему бы не начать с убийств.

2

Прошлая осень

Дэниел Арлингтон гордился тем, что готов ко всему, но, если бы ему пришлось подобрать слова для описания Алекс Стерн, он бы назвал ее неприятным сюрпризом. В голову ему приходило множество определений, но ни одно из них не было вежливым, а Дарлингтон всегда старался быть вежливым. Если бы его вырастили родители – дилетант-отец и болтливая, но остроумная мать, – возможно, он имел бы другие приоритеты, но его вырастил дед Дэниел Тэйбор Арлингтон Третий, который верил, что большинство проблем решается с помощью крепкого скотча, льда и безупречных манер.

Его дед никогда не встречал Гэлакси Стерн.

Дарлингтон нашел комнату Алекс на первом этаже общежития Вандербильта унылым жарким днем в начале сентября. Он мог бы дождаться, пока она сама явится в дом на Оранж, но, когда он был первокурсником, его собственная наставница, неподражаемая Мишель Аламеддин, которая стала его Вергилием, приветствовала его в Йеле и Доме Леты, придя к нему в общагу первокурсников в Старом кампусе. Дарлингтон твердо решил все делать правильно, хотя вся эта история со Стерн пошла не так с самого начала.

Он не выбирал Гэлакси Стерн своей Данте. Более того, самим фактом своего существования она украла у него мгновение, которое он предвкушал все три года службы в «Лете», – мгновение, когда он подарит свою любимую работу кому-то новому, приоткроет завесу обычного мира для какой-то достойной, но ничего не подозревающей души. Всего несколько месяцев назад он привез в «Черный вяз» коробки с заявками на поступление и сложил их в большом зале. Полный энтузиазма, он собирался прочесть или хотя бы пробежать глазами все тысячу восьмисот с лишним заявок, прежде чем огласить свои рекомендации выпускникам Дома Леты. Он был намерен выбрать двадцать кандидатов на роль Данте после честного, непредвзятого и скрупулезного рассмотрения их документов. После этого «Лета» должна была подвергнуть их прошлое тщательной проверке, выяснить, не проявляют ли они признаков душевных болезней, каково состояние их здоровья и финансовое положение, и принять окончательное решение.

Дарлингтон рассчитал, сколько заявок нужно рассматривать ежедневно, чтобы успевать ухаживать за домом по утрам, а дни посвящать своей работе в музее Пибоди. В тот июльский день он уже опередил график и дошел до заявки 324: Маккензи Хоффер, навыки устной речи – 800, математика – 720; девять углубленных курсов в выпускном классе; блог о гобелене из Байё на английском и французском языках. Она казалась многообещающей, пока он не дошел до ее личного эссе, где она сравнила себя с Эмили Дикинсон. Дарлингтон только что положил ее папку в стопку «нет», когда позвонил Сэндоу, чтобы сказать ему, что их поиски окончены. Они нашли кандидатку. Выпускники проголосовали единодушно.

Дарлингтону хотелось возразить. Черт, ему хотелось что-нибудь сломать. Вместо этого он выровнял лежащую перед ним стопку папок и спросил:

– Кто это? У меня здесь документы всех абитуриентов.

– Ее документов у тебя нет. Она их не подавала. Она даже не окончила старшую школу, – не успел Дарлингтон возмутиться, как Сэндоу добавил: – Дэниел, она видит Серых.

Дарлингтон застыл. Рука его по-прежнему лежала на папке Маккензи Хоффер (которая два лета проработала в благотворительной организации «Среда обитания для человечества»). Его поразило даже не то, что Сэндоу назвал его по имени, что случалось редко. *Она видит Серых*. Живой человек может увидеть мертвых, только выпив «Оросчеро» – бесконечно слож-

ный эликсир, приготовление которого требовало мастерства и скрупулезности. Сам он пытался приготовить его в семнадцать лет, когда еще не слышал о «Лете» и только надеялся, что, возможно, мир куда более удивителен, чем принято считать. Эта попытка привела его в реанимацию. Кровотечение из ушей и глаз не прекращалось два дня.

– Ей удалось приготовить эликсир? – с восторгом и, откровенно говоря, некоторой завистью спросил он.

Повисло такое долгое молчание, что Дарлингтон успел выключить светильник на дедовском столе и выйти на заднее крыльцо «Черного вяза». Отсюда видны были дома на отлого спускающемся к кампусу Эджвуде и, далеко вдаль, пролив Лонг-Айленд. Когда-то вся земля до самой Централ-авеню принадлежала «Черному вязу», но, когда богатство Арлингтонов поистощилось, была продана по частям. Остался лишь дом с садовыми розами и полуразрушенный лабиринт на краю леса – и присматривать за ними, подрезать их и возвращать к жизни было некому, кроме Дарлингтона. Спускались длинные, медленные летние сумерки, кишасшие москитами и блестящие от светлячков. Он видел вопросительно изогнутый хвост кота Космо, охотящегося за каким-то мелким зверьком в высокой траве.

– Никакого эликсира, – сказал Сэндоу. – Она просто их видит.

– А, – сказал Дарлингтон, наблюдая за тем, как дрозд равнодушно поклевывает расколотый пьедестал того, что когда-то было фонтаном-obeliskом.

Больше сказать было нечего. Хотя «Лета» создавалась для надзора за деятельностью йельских тайных обществ, ее дополнительной миссией было открывать тайны, скрывающиеся за Покровом. Годами они документировали истории о людях, способных видеть призраков, – некоторые из них были доказаны, другие же оставались лишь слухами. Так что, если совет нашел девушку, которая на это способна, и сможет принять ее в Дом Леты... Что ж, прекрасно. Он будет рад с ней познакомиться.

Ему хотелось пить.

– Меня это радует не больше, чем тебя, – сказал Сэндоу. – Но ты сам знаешь, в каком мы положении. Это важный год для «Леты». Нам нужно, чтобы все были довольны.

«Лета» отвечала за надзор за Домами Покрова, но от них так же зависело ее содержание. В этом году общества должны были решить, продолжать ли ее финансировать. Дома вели деятельность без нарушений так долго, что кое-кто начал поговаривать, что и дальше тратиться на спонсирование «Леты» нет смысла.

– Я отправлю тебе ее досье. Она не... Она не та Данте, на которую мы надеялись, но постарайся отнестись к ней непредвзято.

– Конечно, – будучи джентльменом, сказал Дарлингтон. – Разумеется.

И постарался сдержать слово. Он продолжал стараться даже после того, как прочел ее досье, просмотрел видеозапись разговора между ней и Сэндоу, сделанную в больнице в Ван-Найс, Калифорния, и услышал ее хриплый, похожий на сломанный деревянный духовой инструмент голос. Ее нашли обнаженной, в обмороке на месте преступления рядом с девушкой, недостаточно везучей, чтобы пережить принятый ими обоими фентанил. Подробности этой истории оказались гораздо более омерзительными и печальными, чем он мог вообразить, и он пытался ее пожалеть. Его Данте, девушка, которой ему предстояло подарить ключи от тайного мира, была преступницей, наркоманкой, недоучкой, ценности которой нисколько не совпадали с ценностями Дарлингтона. Но он старался.

И все же при встрече с ней в той жалкой общей комнатке в Вандербильте ничто не могло уберечь его от шока. Комната была маленькой, но с высоким потолком, тремя высокими окнами, выходящими на двор в форме подковы, и двумя узкими дверями, ведущими в спальню. Первокурсницы только что заселились, и везде царил характерный легкий хаос: пол был заставлен коробками, и у девушек почти не было мебели, кроме шаткого светильника и просевшего кресла, придвинутого к давно не работающему камину. Мускулистая блондинка в беговых

шортах – как он догадался, Лорен (скорее всего, из мединститута, хорошие оценки, капитан команды по хоккею на траве в своей филадельфийской подготовительной школе) – устанавливала на краю подоконника вертушку в винтажном стиле. Рядом стоял пластиковый ящик с пластинками. Кресло, привезенное из округа Бакс в Нью-Хейвен на грузовике, скорее всего, тоже принадлежало Лорен. Анна Брин (Хантсвилль, Техас; стипендия точных наук; солистка хора) сидела на полу, пытаясь собрать что-то похожее на книжную полку. Этой девушке было определено не суждено вписаться в коллектив. Дарлингтон подумал, что она, скорее всего, начнет петь в какой-нибудь группе, а, может, ударится в религию. Что-что, а ходить по вечеринкам вместе с соседками по общежитию она явно не станет.

Из одной из спален, неуклюже неся выдававший виды рабочий стол, вышли еще две девушки.

– Обязательно ставить это здесь? – угрюмо спросила Анна.

– Нам нужно больше места, – сказала девушка в цветочном сарафане, которую, насколько знал Дарлингтон, звали Мерси Цао (фортепьяно; 800 по математике; 800 по навыкам устной речи; удостоенные наград сочинения о Рабле и причудливое, но убедительное сравнение абзаца из «Шума и ярости» с эпизодом о грушевом дереве из «Кентерберийских рассказов», привлекавшее внимание кафедры английского в Йеле и Принстоне).

А потом из темного уголка спальни, удерживая худыми руками край стола, показалась Гэлакси Стерн (аттестат старшей школы отсутствует; диплом об общеобразовательной подготовке отсутствует; какие-либо достижения, помимо того, что ей удалось пережить свои невзгоды, отсутствуют). Одета она была в рубашку с длинными рукавами и черные джинсы, совершенно неуместные в такую жаркую погоду. На зернистом видео Сэндоу видны были ее гладкие, прямые, густые черные волосы, но не отточенность черт ее лица, не пустота и чернильная темнота ее глаз. Она выглядела истощенной, и под ее рубашкой выпирали острые, как восклицательные знаки, ключицы. В ней не было влажного блеска, только унылая сырость – не Ундина, всплывающая на поверхность, а скорее саблезубая русалка.

А может, ей просто нужно было перекусить и хорошенько выспаться.

Ладно, Стерн. Давай приступим.

Когда они поставили стол в углу комнаты отдыха, Дарлингтон постучал в дверь, вошел и широко, весело, доброжелательно улыбнулся.

– Алекс! Твоя мама велела мне тебя проводить. Это я, Дарлингтон.

Секунду она казалась совершенно растерянной, даже охваченной паникой, а потом ответила на его улыбку.

– Привет! Я тебя не узнала.

Хорошо. Она легко приспосабливается.

– Прошу нас представить, – сказала Лорен, глядя на него заинтересованным, оценивающим взглядом, и достала из ящика альбом «A Day at the Races» группы Queen.

Он протянул руку.

– Я Дарлингтон, кузен Алекс.

– Ты тоже из Джонатана Эдвардса? – спросила Лорен.

Дарлингтон помнил эту странную приверженность. В начале года всех первокурсников распределяли по корпусам колледжей, где они ели и спали, пока не покидали Старый кампус на втором курсе. Им предстояло купить шарфы цветов своих колледжей, выучить их кричалки и девизы. Как и сам Дарлингтон, Алекс принадлежала «Лете», но ее распределили в колледж Джонатана Эдвардса, названный в честь сурового проповедника.

– Я из Дэвенпорта, – сказал Дарлингтон. – Но я не живу в кампусе.

Ему нравилось жить в Дэвенпорте, нравилась столовая, просторная лужайка во дворе. Но ему не нравилось, что «Черный вяз» пустует, и денег, которые он сэкономил на прожива-

нии и питании, хватило, чтобы отремонтировать протечку, обнаруженную им в бальном зале прошлой весной. Кроме того, Космо любил общение.

– У тебя машина есть? – спросила Лорен.

Мерси рассмеялась:

– О боже, ну ты даешь.

Лорен пожала плечами.

– А как еще нам добраться до «Икеи»? Нам нужен диван.

Очевидно было, что она станет в их компании заводилой: это она будет выбирать, на какие вечеринки им ходить, она убедит их устроить тусовку на Хэллоуин.

– Извините, – с виноватой улыбкой сказал Дарлингтон. – Я не смогу вас отвезти. По крайней мере, сегодня.

«И никогда», – мысленно добавил он.

– А еще мне нужно украсть у вас Алекс.

Алекс вытерла ладони о джинсы.

– Мы тут пытаемся разобрать вещи, – нерешительно, даже с надеждой сказала она.

Он заметил круги пота у нее под мышками.

– Ты обещала, – подмигнув, сказал он. – И ты знаешь, как серьезно моя мать относится к семейным делам.

Он увидел вспышку неподчинения в ее масляных глазах, но сказала она только:

– Ладно.

– Можешь оставить нам наличных на диван? – спросила ее Лорен, небрежно засунув пластинку Queen назад в ящик.

Он понадеялся, что это не оригинальный винил.

– А то, – сказала Алекс и повернулась к Дарлингтону: – Тетя Айлин ведь обещала раскошелиться на новый диван?

Мать Дарлингтона звали Харпер, и он сомневался, что ей вообще известно, что такое «Икея».

– Серьезно?

Алекс скрестила руки на груди.

– Ага.

Дарлингтон вынул из заднего кармана бумажник и отстегнул триста долларов наличными. Он протянул деньги Алекс, а та отдала их Лорен.

– Не забудь написать ей благодарственную записку, – сказал он.

– Ой, обязательно, – сказала Алекс. – Я же знаю, как для нее важны приличия.

Когда они шли по газонам Старого кампуса, оставив позади красные кирпичные башни и зубцы Вандербильта, Дарлингтон сказал:

– Ты должна мне триста долларов. Я не собираюсь покупать тебе диван.

– Ты можешь себе это позволить, – невозмутимо сказала Алекс. – Похоже, ты из преуспевающей ветви семьи, братан.

– Я нашел тебе оправдание для частых встреч со мной.

– Брехня. Ты меня испытывал.

– Испытывать тебя – моя работа.

– Я думала, твоя работа – меня учить. Это не одно и то же.

По крайней мере, она не глупа.

– Справедливо. Но визитами к дорогой тете Айлин можно будет иногда объяснять твои поздние возвращения.

– Насколько поздние?

В голосе ее чувствовалось беспокойство. Что это, осторожность или лень?

– Много тебе рассказал декан Сэндоу?

– Не особо.

Она оттянула рубашку от живота, пытаясь проветриться.

– Почему ты так одета?

Он не собирался спрашивать, но ей было явно неудобно в застегнутой на все пуговицы черной рубашке с расплывающимися темными кругами пота под мышками, и выглядела она совершенно неуместно. Девушка, умеющая так гладко лгать, должна получше разбираться в маскировке.

Алекс только покосилась на него.

– Я очень скромная.

Не найдясь с ответом, Дарлингтон показал на одно из двух неотличимых друг от друга зданий из красного кирпича по обеим сторонам дорожки.

– Это старейшее здание в кампусе.

– А так и не скажешь.

– Его поддерживают в хорошем состоянии. Но его чуть не уничтожили. Люди решили, что оно портит вид Старого кампуса и хотели его снести.

– Так чего не снесли?

– Книги приписывают все заслуги кампании за сохранение памятников архитектуры, но на самом деле «Лета» выяснила, что оно несущее.

– Несущее что?

– Оно несущее в духовном смысле. Оно являлось необходимой частью старого ритуала, оберегающего кампус.

Они повернули направо, в сторону псевдосредневековой опускной решетки Ворота Фелпса.

– Так раньше выглядел весь колледж, – продолжал Дарлингтон. – Небольшие здания красного кирпича. Колониальные. Во многом похоже на Гарвард. Потом, после Гражданской войны, возвели стены. Теперь большая часть кампуса представляет собой россыпь запирающихся и обнесенных стенами фортов. Что-то вроде главной башни замка.

Отличным примером был Старый кампус – внушительный четырехугольник высоких каменных общежитий, окружающий огромный солнечный двор, вход в который был открыт для всех, пока не спускалась ночь, и ворота не закрывались.

– Зачем? – спросила Алекс.

– Чтобы отвадить чернь. После войны солдаты возвращались в Нью-Хейвен одичавшими. Большинство из них были холостыми, многие получили увечья в боях. К тому же прошла волна иммиграции. Ирландцы, итальянцы, освобожденные рабы – все искали работу в промышленности. Йелю все это было не нужно.

Алекс рассмеялась.

– Что тебя насмешило? – спросил он.

Она оглянулась на свое общежитие.

– Мерси – китаянка. Рядом с нами живет нигерийка. Плюс я, полукровка. Все мы так или иначе сюда пробрались. Со временем.

– Это была долгая изнурительная осада.

Слово «полукровка» показалось Дарлингтону опасной наживкой. Черные волосы, черные глаза, кожа с оливковым отливом – она могла быть гречанкой. Мексиканкой. Белой.

– Мать – еврейка, никаких упоминаний об отце. Но я полагаю, что он у тебя был?

– Никогда его не знала.

Здесь скрывалась какая-то история, но он не собирался давить.

– Есть темы, думать о которых никому из нас не хочется.

Они дошли до Ворот Фелпса – большого гулкового сводчатого прохода, ведущего на Колледж-стрит, прочь от относительной безопасности Старого кампуса. Ему не хотелось отвлекаться. Им предстояло преодолеть слишком большое – буквально и образно – расстояние.

– Это Нью-Хейвен Грин, – сказал он, когда они зашагали по одной из каменных дорожек. – Когда была основана колония, здесь построили молитвенный дом. Город должен был стать новым Эдемом, заложенным между двух рек, как между Тигром и Ефратом.

Алекс нахмурилась.

– Зачем столько церквей?

На лужайке их было три: две в федеральном стиле, почти одинаковые, а третья – жемчужина неоготики.

– Почти в каждом квартале этого города есть церковь. Или раньше была. Сейчас некоторые из них закрываются. Люди их попросту не посещают.

– А ты? – спросила она.

– А *ты*?

– Нет.

– Да, посещаю, – сказал он. – Это семейная традиция.

Он заметил в ее взгляде тень осуждения, но объясняться было излишне. По воскресеньям церковь, по понедельникам работа – так было принято у Арлингтонов. Когда Дарлингтону исполнилось тринадцать и он заявил, что готов рискнуть гневом Господним ради пары лишних часов сна, дед схватил его за ухо и силком вытащил из постели, несмотря на свои восемьдесят лет.

«Мне все равно, во что ты веришь, – сказал он. – Работяги верят в Бога и ожидают от нас того же, так что ты либо оденешься и дотащишь свою задницу до церкви, либо я выпорю ее так, что живого места не останется».

Дарлингтон пошел в церковь. И продолжал ходить туда после смерти деда.

– Этот парк – место первой в городе церкви и первого кладбища. Это источник колоссальной силы.

– Ага... Охренеть.

Он заметил, что ее плечи расслабились и опустились. Изменилась и ее походка. Уже не казалось, что она собирается с силами перед ударом.

– Что ты видишь? – стараясь не выдавать чрезмерного любопытства, спросил Дарлингтон.

Она не ответила.

– Я знаю, что ты умеешь. Это не секрет.

Взгляд Алекс оставался далеким, почти безучастным:

– Тут пусто, вот и все. Вообще-то на кладбищах я никогда не вижу ничего такого.

Ничего такого. Дарлингтон огляделся по сторонам, но увидел только то, что увидел бы любой: студентов и людей, работающих в суде и магазинах на Чепэл-стрит, вышедших на солнышко в обеденный перерыв.

Он знал, что дорожки, которые пересекали парк, казалось бы, как попало, были распланированы группой франкмасонов в попытке ублажить и удержать мертвецов, когда кладбище перенесли за несколько кварталов отсюда. Он знал, что их разметку – или пентаграмму, мнения разнились, – видно с высоты. Он знал, где ураган «Сэнди» повалил дуб Линкольна, и что в корнях дерева обнаружили скелет – одно из многих тел, которые так и не перенесли на кладбище на Гров-стрит. Благодаря этим своим знаниям он видел Нью-Хейвен по-другому, и они достались ему не случайно: он обожал этот город. Но никакая любовь не позволяла ему видеть Серых. Увидеть их можно было, только приняв «Оросчерио» – очередное чудо-средство из Золотого блюда. Дарлингтон вздрогнул. Каждый раз, выпивая эликсир, он рисковал: его тело могло попросту сказать «хватит», у него могли отказать почки.

– В том, что ты их здесь не видишь, нет ничего удивительного, – сказал он. – Кое-что может привлечь их на кладбища и в места захоронения, но, как правило, они держатся от них подальше.

Ему наконец удалось привлечь ее внимание. Если до этого в ее глазах читались только сдержанность и настороженность, то теперь в них впервые вспыхнул искренний интерес.

– Почему?

– Серые любят жизнь и все, что напоминает им о том, каково быть живыми. Соль, сахар, пот. Драки и секс, слезы, кровь и сильные эмоции.

– Я думала, соль их отваживает.

Дарлингтон приподнял бровь:

– Ты это по телевизору видела?

– Ты предпочел бы, чтобы я прочла это в какой-нибудь древней книжке?

– Честно говоря, да.

– Какая жалость.

– Соль – это очиститель, – сказал он, когда они переходили Темпл-стрит, – поэтому она эффективно изгоняет демонов, хотя, к моему великому сожалению, мне лично честь проводить экзорцизм никогда еще не выпадала. Но, если говорить о Серых, начертить соляной круг – все равно что оставить лизунец оленям.

– Тогда что их отваживает?

В ее словах звенело равнодушие. Так вот что ее интересует.

– Костяная пыль. Кладбищенская земля. Остатки праха из крематория. Memento mori, – он взглянул на нее. – Латинский знаешь?

Она покачала головой. Конечно, нет.

– Они ненавидят все связанное со смертью. Если хочешь защитить свою комнату от Серых, повесь гравюру Гольбейна.

Он всего лишь хотел пошутить, но заметил, что она обдумывает его слова, запоминает имя художника. Дарлингтон ощутил острый укол чувства вины, и ему это не понравилось. Он так завидовал таланту этой девушки, что даже не задумался, каково жить, не имея возможности прогнать мертвецов.

– Я могу защитить твою комнату, – сказал он, желая загладить свою вину. – Если хочешь, даже все общежитие.

– Ты можешь это сделать?

– Да, – ответил он. – И тебя могу научить.

– Расскажи мне все остальное, – сказала Алекс.

После выхода из сумеречной пещеры общежитий пот образовал лоснящуюся пленку на ее носу и лбу, собрался в углублении над верхней губой. Дарлингтон понимал, что еще немного, и ее рубашка промокнет насквозь, и, судя по тому, как она прижимала руки к бокам, она этого стеснялась.

– Ты прочла «Жизнь Леты»?

– Да.

– Правда?

– Пролистала.

– Почитай, – сказал он. – Я составил список других материалов, которые помогут тебе разобраться в основах. По большей части это книги по истории Нью-Хейвена и наша собственная сводная история обществ.

Алекс резко качнула головой.

– Я имею в виду, скажи мне, что ждет здесь меня... с тобой.

Ответить на этот вопрос было непросто. Ничего. Все. «Лета» должна была быть даром, но сможет ли она стать даром для нее? Ему предстояло о многом рассказать.

Они вышли из парка, и Дарлингтон заметил, что ее плечи снова напряглись, хотя своими глазами и не мог увидеть, по какой причине. Они прошли мимо банков на Элм-стрит, миновали «Кебабиан» – красный магазинчик ковров, торговля в котором процветала в Нью-Хейвене больше ста лет, – и свернули на Оранж. Они находились всего в паре кварталов от кампуса, но казалось, что за много миль. Суতোлка студенческой жизни исчезла, словно, выйдя в город, они упали со скалы. На улицах соседствовали новизна и старина: слегка обветшавшие таунхаусы, пустые парковки, бережно восстановленный концертный зал, исполинская многоэтажка жилищного управления.

– Почему здесь? – спросила Алекс, когда Дарлингтон не ответил на ее предыдущий вопрос. – Что именно привлекает их в этом месте?

Коротким ответом было: «Кто знает?» Но он сомневался, что этот ответ вызовет у нее доверие к нему и «Лете».

– В начале девятнадцатого века маги, а вместе с ними и магия, покидали Европу и переезжали из Старого света в Новый. Им нужно было место, где они могли бы сохранить свои знания и сбросить ритуалы. Никто точно не знает, почему лучшим местом для этого стал Нью-Хейвен. Они испробовали и другие города, – с гордостью сказал Дарлингтон. – Кембридж. Принстон. Но именно в Нью-Хейвене магия прижилась и пустила корни. Некоторые считают, что причина в том, что здесь Покров тоньше, и через него легче пройти. Теперь ты видишь, почему «Лета» рада тебя принять.

По крайней мере, некоторые ее члены.

– Возможно, тебе удастся ответить на наши вопросы, – продолжал он. – Некоторые Серые были здесь задолго до университета.

– И эти маги решили, что будет умно научить своим фокусам кучку деток из колледжа?

– Взаимодействие со сверхъестественным негативно сказывается на здоровье. Чем старше ты становишься, тем тяжелее его переносишь. Поэтому каждый год общества пополняют свои ряды новыми студентами, новой делегацией. Магия – буквально вымирающее искусство, и Нью-Хейвен – одно из немногих мест в мире, где его по-прежнему можно вызвать к жизни.

Алекс молчала. Он ее напугал? Хорошо. Возможно, она все-таки прочтет заданные им книги вместо того, чтобы их пролистывать.

– Сейчас в Йеле более ста обществ, но большинство из них нас не интересует. Они собираются на ужины, делятся друг с другом подробностями своих биографий, немного занимаются общественной деятельностью. Но значение имеет только Древняя Восьмерка. Общества, владеющие землей. Дома Покрова. Те, что сохранили право собственности на свои гробницы.

– Гробницы?

– Готов поспорить, что некоторые из них ты уже видела. Это клубы, хотя выглядят они скорее как мавзолеи.

– А почему нас не интересуют другие общества? – спросила она.

– Нас интересует сила, а сила связана с местом. Каждый Дом Покрова избрал определенную сферу магии, посвятив себя ее изучению, и каждый возвел свою гробницу над нексусом силы. Кроме «Берцелиуса», а до него никому нет дела.

Члены «Берцелиуса» основали свое общество в ответ на распространение магии в Нью-Хейвене. Они занимались инвестициями в новые технологии и утверждали, что члены других Домов – шарлатаны и суеверные дилетанты. Согласно их философии, единственной истинной магией была наука. Они кое-как пережили биржевой крах 1929 года без помощи предсказаний и с грехом пополам перебивались до краха 1987 года, после которого практически исчезли с лица земли. Как оказалось, единственной истинной магией является магия.

– Нексус, – повторила Алекс. – И эти самые нексусы разбросаны по всему кампусу?

– Представь, что магия – это река. В нексусах сила образует водовороты, и благодаря им ритуалы обществ срабатывают. Мы нашли в городе двенадцать нексусов. Над восьмью из них были возведены гробницы. Остальные находятся там, где уже стоят здания, например, железнодорожная станция, и там, где строить невозможно. Несколько обществ со временем лишились гробниц. Сколько бы они ни изучали магию, связь была разорвана, и многого они не достигали.

– Хочешь сказать, все это творилось больше ста лет, и никто не пронюхал?

– Из Древней Восьмерки вышли некоторые из самых влиятельных мужчин и женщин в мире. Люди, которые буквально управляют правительствами, бюджетами целых наций, которые определяют направление развития культуры. Они руководили всем – от ООН до Конгресса, «Нью-Йорк Таймс» и Всемирного банка. Они определяли исход почти всех Мировых серий в бейсболе, супербоулов, премий Американской киноакадемии и как минимум одних президентских выборов. Сотни сайтов обвиняют их в связях с фримасонами, иллюминатами, Бильдербергской группой и так далее.

– Может, если бы они собирались в каком-нибудь ресторанчике вместо гигантских мавзолеев, им не пришлось бы об этом волноваться.

Они дошли до II Bastone – трехэтажного дома «Леты» из красного кирпича с витражными стеклами, построенного Джоном Андерсоном в 1882 году за бешеные деньги и брошенного всего через год. Он утверждал, что его выжили из города высокие налоги. В летописях «Леты» сохранилась другая история с участием его отца и призрака мертвой продавщицы сигар. В отличие от «Черного вяза», II Bastone не занимал огромную территорию. Это высокое, но сдержанное в своей великолепии городское здание по обеим сторонам близко соседствовало с другими домами.

– Они и не волнуются, – сказал Дарлингтон. – Все эти конспирологические теории и кретины в шапочках из фольги им только на руку.

– Потому что им нравится чувствовать себя в центре внимания?

– Потому что их настоящие занятия гораздо хуже, чем то, в чем их подозревают, – Дарлингтон подтолкнул черную чугунную калитку. Крыльцо старого дома слегка выпрямилось, словно в предвкушении. – После тебя.

Как только калитка закрылась, их поглотила темнота. Откуда-то из-под дома раздался пронзительный голодный вой. Гэлакси Стерн спрашивала, что ее ждет. Пришло время ей показать.

3

Зима

Как можно погибнуть в спорткомплексе? После звонка Доуз Алекс пошла по площади в обратную сторону. Она была в спорткомплексе Пейна Уитни всего однажды – когда Мерси затащила ее на урок сальсы, где белая девица в тесных черных легинсах велела ей крутиться вокруг своей оси.

Дарлингтон настоятельно советовал ей заниматься со свободными весами и «развивать кардиосистему».

«Чего ради?» – спросила Алекс.

«Ради самосовершенствования».

Только Дарлингтон мог ляпнуть такое с невозмутимым видом. С другой стороны, сам он каждое утро пробегал шесть миль и был окутан облаком физического совершенства. Каждый раз, как он приходил к ним в Вандербилт, наэлектризовывалось все общежитие. Лорен, Мерси и даже молчаливая, хмурая Анна выпрямляли спины и становились бодрыми и слегка суматошными, как ручные белки. Алекс хотелось бы обладать иммунитетом против этого всего – его красивого лица, подтянутого тела, уверенной непринужденности. Когда он рассеянно откидывал со лба каштановые волосы, хотелось сделать это за него. Дарлингтон был привлекателен, но в то же время вызывал у нее здоровый страх. По большому счету, он был богатеньким мальчишкой в хорошем пальто, который мог уничтожить ее, даже этого не заметив.

В тот первый день в особняке на Оранж он натравил на нее шакалов. *Шакалов*. Он резко свистнул, и они с рычанием и гоготом выпрыгнули из кустов возле дома. Алекс закричала. Она развернулась, чтобы убежать, но споткнулась и упала в траву, чуть не напоровшись на низкую железную ограду. Начав общаться с Леном, она научилась всегда наблюдать за вожак. Лидер мог меняться от комнаты к комнате, от дома к дому, от сделки к сделке, но знать, кто принимает решения, всегда было полезно. Сейчас это был Дарлингтон. И Дарлингтон не выглядел испуганным. Он выглядел заинтересованным.

Шакалы, пуская слюни, кружили вокруг нее с оскаленными зубами и выгнутыми спинами.

Они походили на лис. На койотов, заправлявших Голливудскими холмами. На *гончих*.

Мы пастыри.

«Дарлингтон, – с напускным спокойствием сказала она. – Отзови своих гребаных собак».

Он произнес несколько непонятных ей слов, и вся агрессия животных улетучилась. Твари исчезли в кустах, подпрыгивая и покусывая друг друга за лапы. Он имел наглость улыбнуться, протягивая ей свою изящную руку. Девушке из Ван-Найс, живущей у нее внутри, захотелось шлепнуть по ней, придушить его, расквитаться. Но она заставила себя принять его руку, позволила ему помочь ей подняться. Так начался очень долгий день.

Когда Алекс наконец вернулась к себе в общежитие, Лорен, выдержав от силы секунд шестьдесят, бросилась на нее с вопросом:

«Ну, так у твоего кузена есть девушка?»

Они сидели вокруг нового кофейного столика и вкручивали в него маленькие пластиковые шурупы, чтобы ножки не шатались. Анна где-то пропадала, а Лорен заказала пиццу. За открытым окном сгущались сумерки, в комнату задувал легкий ветерок, и Алекс казалось, будто она стоит во дворе и наблюдает за собой со стороны – за счастливой, нормальной девушкой.

кой, окруженной людьми, у которых было будущее и которые считали, что будущее есть и у нее. Ей захотелось удержать это чувство, приберечь его для себя.

«Вообще-то... Я понятия не имею», – весь этот день Алекс так нервничала, что ей и в голову не пришло его об этом спросить.

«От него пахнет деньгами», – сказала Мерси.

Лорен бросила в нее отверткой:

«Дешевка».

«Не надо встречаться с моим кузеном, – сказала Алекс, потому что так бы ответила девушка их круга. – Мне этот хаос не сдался».

Сейчас, когда ночной ветер задувал под ее зимнее пальто, Алекс вспомнила ту окутанную золотистым светом девушку, сидящую в священном кругу. На ее памяти это было последнее мирное мгновение. С тех пор прошло всего пять месяцев, но казалось, что гораздо больше.

Она пошла вдоль белых колонн южной стороны здания просторной столовой, которую все по-прежнему называли Общиной, хотя теперь ее переименовали в Центр Шварцмана. Шварцман был Костлявым выпуска 1969 года и управлял скандально известным частным инвестиционным фондом «Blackstone Group». Переименование произошло в результате сделанного им пожертвования в пользу университета: сто пятьдесят миллионов долларов были даром и своего рода извинением за то, что при проведении несанкционированного ритуала на свободу вырвалась магия, вызвавшая у половины Йельского оркестра неадекватные реакции и судороги во время матча по американскому футболу с Дартмутом.

Алекс вспомнились распахнутые рты Серых в анатомическом театре. Это было рядовое предсказание. Все должно было пройти как по маслу, но явно не прошло, хоть она и была единственной, кому это известно. И теперь она должна расследовать убийство? Она знала, что Дарлингтон и Доуз следили за делами об убийствах в окрестностях Нью-Хейвена – просто чтобы убедиться, что не пахнет мистикой, что какое-нибудь из обществ не перегнуло палку и не превысило полномочия.

Серые, маячившие сейчас перед Алекс, казались жидкой похлебкой, которая перемещалась над крышей юридического колледжа, растекаясь и сворачиваясь, как налитое в кофе молоко. Их притягивала смесь страха и честолюбия. Справа от нее высилась гигантская белая гробница «Книги и змея». Из всех зданий, принадлежащих обществам, она больше всего походила на склеп. «Греческий фронтон, ионические колонны. Банальщина», – говорил Дарлингтон. Восхищение он приберегал для мавританской плитки и рольверков «Свитка и ключа», а также строгих очертаний «Манускрипта», характерных для середины века. Но взгляд Алекс всегда притягивала ограда вокруг «Книги и змея» из кишашего змеями темно-серого чугуна. «Это символ Меркурия, бога торговли», – говорил Дарлингтон.

Меркурий был богом воров. Это знала даже Алекс. Меркурий был предвестником.

Перед ней простиралось кладбище на Гров-стрит. Алекс заметила перед одной из могил рядом со входом кучку Серых. Скорее всего, кто-то оставил печенье для почившего родственника или какую-нибудь сладость в качестве дара одному из похороненных здесь художников или архитекторов. Но в остальной части кладбища, как и на всех кладбищах по ночам, призраков не было. Днем Серых привлекали соленые слезы и душистые цветы скорбящих, дары, оставленные живыми мертвецам. Как ей стало известно, они любили все, что напоминало им о жизни. Пролитое пиво и шумный смех во время вечеринок братств; библиотеки в период экзаменов, полные тревоги, кофе и открытых банок сладкой, приторной колы; комнаты в общагах, наэлектризованные от сплетен, пыхтящих парочек, мини-холодильников, набитых начинающей портиться едой, ворочающихся студентов, которым снился секс и кошмары. *«Вот где я должна находиться сейчас, – подумала Алекс, – в общаге, мыться в грязной ванной, а не расхаживать по кладбищу посреди ночи».*

Своими толстыми колоннами с высеченными на них цветками лотоса ворота кладбища напоминали египетский храм. У основания ворот было огромными буквами написано: «МЕРТВЫЕ ВОСКРЕСНУТ.». Дарлингтон называл точку в конце этого предложения самым красноречивым знаком препинания во всем английском языке. Надпись на воротах была еще одной загадкой, которую Алекс пришлось разгадать, еще одним шифром, в котором пришлось разобратся. Оказалось, это цитата из Библии: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

«Нетленными» – увидев это слово, она поняла, чему ухмылялся Дарлингтон. Мертвые-то воскреснут, но насчет нетленности кладбище на Гров-стрит ничего не обещало. В Нью-Хейвене лучше было не рассчитывать на гарантии.

Сцена перед спорткомплексом Пейна Уитни напомнила Алекс анатомический театр: полицейские прожекторы освещали снег, отбрасывая на землю резкие тени зевак. Зрелище походило на черно-белую литографию и выглядело бы прекрасно, если бы впечатление не портили желтая оградительная лента и ленивые, ритмичные вспышки синих и красных огней, исходившие от патрульных машин, которые перекрывали перекресток, где пересекались две улицы. Казалось, все оживление было сосредоточено в треугольнике голой земли в его центре.

Алекс увидела фургон коронера с открытыми задними дверцами; полицейских в форме, стоящих навтыжку по периметру; мужчин-криминалистов в синих куртках, как их изображали в сериалах; студентов, несмотря на поздний час высыпавших из общаг, чтобы посмотреть, что происходит.

С тех пор, как Алекс связалась с Леном, она стала остерегаться копов. Когда она была помладше, он часто поручал ей доставку наркоты, потому что ни охранники кампуса, ни полицейские Лос-Анджелеса не стали бы останавливать пухлую девочку с косичками, разыскивающую старшую сестру в кампусе старшей школы. Но, повзрослев, она утратила невинный вид.

Даже когда при себе у нее ничего не было, она научилась держаться от копов подальше. Некоторые из них словно чувствовали, что от нее пахнет неприятностями. Но сейчас она направилась к ним, приглаживая волосы рукой в перчатке, – всего лишь очередная студентка.

Заметить Центуриона было несложно. Прежде Алекс встречалась с детективом Авелем Тернером всего однажды. Он улыбался и был любезен, и она мгновенно убедилась, что он ненавидит не только ее, но и Дарлингтона, и все, связанное с «Летой». Она не совсем понимала, почему его избрали Центурионом и какова связь между Домом Леты и начальником полиции, но он к этому посту явно не стремился.

Тернер разговаривал с двумя коллегами: еще одним детективом и полицейским. Это был черный мужчина с выбритыми висками и затылком, возвышающийся над обоими не меньше, чем на полголовы. На нем был стильный синий костюм и пальто – скорее всего, от «Burberry». Он так и лучился честолюбием. «*Слишком смазливый*, – сказала бы бабушка Алекс. – *Quien se prestado se vestio, en medio de la calle se quito*». Эстреа Стерн не доверяла красивым мужчинам, в особенности хорошо одетым.

Алекс потопталась у ограждения. Центурион оказался на месте преступления, как и обещала Доуз, но Алекс не знала ни как привлечь его внимание, ни что делать, когда ей это удастся. Общества собирались по четвергам и воскресеньям. Проведение ритуалов или любых других рискованных мероприятий не допускалось в отсутствие делегатов Дома Леты, но это не значило, что никто не мог отступить от сценария. Возможно, прошел слух, что Дарлингтон «в Испании», и кто-то из членов одного из обществ воспользовался шансом впутаться во что-то новое. Вряд ли этот кто-то замыслил что-то дурное, но триппы и миранды этого мира способны наделать бед без всякого злого умысла. Ошибки всегда сходили им с рук.

Толпа вокруг нее почти сразу расступилась, и Алекс вспомнила, как плохо от нее, должно быть, пахнет, но сейчас она ничего не могла с этим поделать. Она достала телефон и начала про-

смастывать немногие контакты в своей записной книжке. Приняв предложение «Леты» и разом порвав со всеми, кого знала в прошлой жизни, она получила новый мобильник, так что список номеров был коротким. Ее соседки. Ее мама, которая каждое утро присылала ей множество счастливых рожиц, как будто эмоджи были ее личным заклинанием. В списке присутствовал и Тернер, но Алекс никогда раньше ему не писала – у нее никогда не было причин.

«*Я здесь*», – напечатала она и, предположив, что он, скорее всего, не удосужился добавить ее в контакты, приписала: «*Это Данте*».

Тернер достал из кармана телефон, прочел сообщение. По сторонам он не оглядывался. Через секунду ее телефон завибрировал.

«*Я знаю*».

Алекс подождала десять минут, двадцать. Она видела, как Тернер закончил разговор с полицейскими, побеседовал с какой-то женщиной в синей куртке, побродил рядом с оцепленным участком, где, должно быть, нашли тело.

Рядом со спорткомплексом ошивалась кучка Серых. Алекс вскользь посмотрела в их сторону, стараясь не останавливать на них взгляд. Некоторые из них были местными Серыми, которых всегда можно было встретить в этом квартале: утонувший рядом с Флорида-Кис гребец, теперь обитавший в учебных бассейнах; коренастый мужчина, который явно когда-то был регбистом. Ей показалось, что она заметила Жениха – самого знаменитого призрака в городе. Он был фаворитом любителей историй, связанных с убийствами, и путеводителей «Призраки Новой Англии»; известность он снискал тем, что убил свою невесту и себя в конторе фабрики, когда-то расположенной не дальше, чем в миле отсюда. Алекс не решилась задержать на нем взгляд, чтобы убедиться в своей правоте. Источающий пот и физическую нагрузку, полный голода и колотящихся сердец спорткомплекс Пейна Уитни всегда был магнитом для Серых.

«Когда ты впервые их увидела?» – спросил ее Дарлингтон в день их знакомства. В день, когда натравил на нее шакалов. Дарлингтон знал семь языков. Умел фехтовать. Владел бразильским джиу-джитсу, умел менять проводку в щитке, цитировал стихи и пьесы авторов, о которых Алекс никогда не слышала. Но всегда задавал не те вопросы.

Алекс сверилась с телефоном. Она потеряла еще час. Было уже так поздно, что смысла ложиться спать этой ночью, пожалуй, не оставалось. Она знала, что находится далеко не на первом месте в списке приоритетов Тернера, но выхода у нее не было.

Она напечатала: «*Мой следующий звонок будет Сэндоу*».

Это был блеф, и Алекс почти надеялась, что Тернер на него не купится. Если он откажется с ней разговаривать, она с радостью настучит на него декану – но в более приличное время. Сначала она отправится домой и проспит два прекрасных часа.

Вместо этого она стояла и смотрела, как Тернер достает из кармана телефон, качает головой и не спеша подходит к ней. Он слегка наморщил нос, но сказал только:

– Мисс Стерн, чем я могу вам помочь?

Вообще-то Алекс не знала, но он дал ей достаточно времени, чтобы сформулировать ответ:

– Я здесь не для того, чтобы доставлять вам неприятности. Я здесь, потому что мне так велели.

Тернер довольно убедительно хохотнул.

– У нас у всех есть работа, мисс Стерн.

Я почти уверена, что ты сейчас мечтаешь, чтобы в твои обязанности входило свернуть мне шею.

– Я это понимаю, но сейчас ночь четверга.

– Которому предшествовала среда и за которым последует пятница.

Ну-ну, строй из себя идиота.

Алекс с радостью бы с ним распрощалась, но ей нужно было написать что-то в отчете.

– Есть причина смерти?

– Конечно, что-то вызвало ее смерть.

Вот мудозвон.

– Я имела в виду...

– Я знаю, что вы имели в виду. Пока нет ничего определенного, но, когда нам станет известно больше, я обязательно сообщу декану.

– Если замешано какое-то из обществ...

– У нас нет причин это подозревать, – словно на пресс-конференции, он добавил: – В настоящий момент.

– Сейчас *четверг*, – повторила она.

Хотя общества собирались дважды в неделю, ритуалы дозволялось проводить только по четвергам. Воскресенья предназначались для «тихих занятий и изысканий», что обычно означало изысканную еду, подаваемую на дорогих блюдах, время от времени приглашенного докладчика и кучу алкоголя.

– Вы сегодня гуляли с идиотами? – по-прежнему любезным тоном спросил он. – Это поэтому от вас пахнет, как от разогретого дерьма? С кем проводили время?

Скандалная, напрашивающаяся на проблемы часть Алекс заставила ее сказать:

– Вы похожи на ревнивого бойфренда.

– Я похож на копа. Отвечайте.

– Сегодня тусовка Костлявых.

Тернер казался озадаченным.

– Скажите им, чтобы вернули череп Иеронима.

– У них его нет, – честно сказала Алекс.

Несколько лет назад наследники Иеронима подали на общество в суд, но процесс ни к чему не привел. Костлявые хранили в банках его печень и тонкую кишку, но ей показалось, что упоминать об этом сейчас было бы некстати.

– Где Дарлингтон? – спросил Тернер.

– В Испании.

– В *Испании*? – елеинное выражение впервые исчезло с лица детектива.

– Учится за границей.

– И он оставил вас за главную?

– А то.

– Похоже, он вам очень доверяет.

– А то, – Алекс улыбнулась ему своей самой подкупающей улыбкой, и на секунду ей показалось, что детектив Тернер улыбнется в ответ, потому что один жулик узнает другого. Но он не улыбнулся. Ему слишком часто приходилось соблюдать осторожность.

– Откуда вы, Стерн?

– А вам зачем?

– Слушайте, – сказал он. – Вы, похоже, милая девушка...

– Нет, – сказала Алекс. – Я не милая.

Тернер оценивающе вскинул бровь, склонил голову набок и наконец кивнул, уступая.

– Ладно, – сказал он. – Сегодня у вас есть задача, как и у меня. Вы свое дело сделали. Вы со мной поговорили. Вы сообщите Сэндоу, что здесь умерла девушка – белая девушка, который достанется вдоволь внимания, если вы не будете мешаться у нас под ногами. Мы не собираемся впутывать университет и... все остальное, – он взмахнул рукой так, словно рассеянно прихлопывал муху, а не отмахивался от вековой клики древних магов. – Вы выполнили свой долг и можете идти домой. Вы же этого хотите, разве нет?

Разве Алекс и сама только что не думала о том же? Но она все равно сомневалась. На сердце у нее стало тяжело: Дарлингтон бы ее осудил.

– Да. Но декан Сэндоу захочет знать....

Маска Тернера соскользнула, внезапно продемонстрировав его усталость и гневную реакцию на ее назойливость.

– Она городская, Стерн. Отъебитесь.

Она городская. Не студентка. Не связана с обществами. *Забудь об этом.*

– Ага, – сказала Алекс. – Ну ладно.

Тернер улыбнулся, и на щеках у него показались ямочки. Улыбка была мальчишеской, довольной, почти искренней.

– Ну вот видите.

Он отвернулся от нее и не спеша пошел назад к своим людям.

Алекс подняла глаза на серый готический собор Пейна Уитни. Он был не похож на спорт-комплекс, но здесь ничто не выглядело тем, чем являлось. *Вы же этого хотите, разве нет?*

Детектив Авель Тернер понимал ее лучше, чем ее когда-либо понимал Дарлингтон.

Хорошо. Лучше. Лучшее. Вот путь, который приводит сюда. Чего не понимал Дарлингтон и, скорее всего, все остальные усердные, прилежные детишки, так это того, что Алекс хватило бы куда более скромного будущего, чем Йель. Дарлингтон постоянно стремился к идеалу, к чему-то выдающемуся. Он не знал, какой драгоценной может быть нормальная жизнь, как тяжело оставаться в норме. Ты начинаешь спать до полудня, прогуливаешь один урок, один день школы, теряешь одну работу, потом другую, забываешь, как ведут себя нормальные люди. Забываешь язык обычной жизни. А потом, поневоле, попадаешь в страну, откуда нет возврата. Ты живешь в государстве, где земля словно всегда выскальзывает у тебя из-под ног, и тебе не вернуться на твердую почву.

И неважно, что на глазах Алекс делегаты «Череп и костей» предсказывали товарные сделки с помощью внутренностей Майкла Рейса или что она однажды видела, как капитан команды по лакроссу превратился в мышь-полёвку (он запищал, а потом – она готова была поклясться – затряс крошечным розовым кулачком). Для Алекс «Лета» была дорогой назад к норме. Она не нуждалась в том, чтобы быть исключительной. Она даже не нуждалась в том, чтобы быть хорошей. Достаточно было быть приемлемой. Тернер разрешил. Иди домой. Иди спать. Прими душ. Вернись к настоящим делам – попытайся справиться с учебой и закончить первый курс. В первом семестре оценки Алекс были настолько плохими, что ей дали академический испытательный срок.

Она городская.

Только вот общества обожают задействовать городских девочек и мальчиков в своих экспериментах. Потому-то и существует «Лета». По крайней мере во многом поэтому. И сама Алекс большую часть жизни была *городской*.

Она окинула взглядом фургон коронера, припаркованный частично на тротуаре. Тернер по-прежнему стоял к ней спиной.

Когда люди не хотят, чтобы их заметили, притворяться беззаботными – ошибка. Вместо этого она решительно пошла к фургону, делая вид, что спешит в общагу. В конце концов, было поздно. Обойдя машину, она быстро посмотрела в сторону Тернера и заглянула в широко раскрытые двери фургона. Коронер в форме повернулся к ней.

– Привет, – сказала она.

Он настороженно застыл, чуть пригнувшись и загораживая ей обзор. Алекс подняла одну из двух золотых монет, которые хранила в подкладке пальто:

– Ты уронил.

При виде блеска он машинально потянулся за монетой – отчасти из вежливости, отчасти по привычке. Когда тебе что-то дарят, подарок нужно принять. А еще дело было в рефлексе сороки: его манил блестящий предмет. Она почувствовала себя сказочным троллем.

– Я не думаю... – начал он.

Но как только пальцы коронера сомкнулись на монете, его лицо обмякло. Принуждение возобладало.

– Покажи мне тело, – сказала Алекс, наполовину ожидая, что он откажет.

Она уже видела, как Дарлингтон показывал монету охраннику, но сама ни разу не пользовалась монетой принуждения.

Коронер, и глазом не моргнув, попятился и протянул ей руку. Она забралась в фургон, бросив быстрый взгляд через плечо, и закрыла дверцы. У них мало времени. Меньше всего ей надо было, чтобы водитель или, хуже того, Тернер постучал в дверцы и обнаружил, что она беседует с коронером, стоя над трупом. К тому же, она толком не знала, как долго будет действовать принуждение. Этот магический трюк принадлежал «Манускрипту». Члены общества специализировались на магии зеркала, чарах и внушении. Наложить заклятие можно на что угодно. Самым знаменитым из таких заколдованных предметов был презерватив, убедивший одного распутного шведского дипломата расстаться с конфиденциальными документами.

Чтобы придать таким монетам силу, требовалась колоссальная магия, поэтому в «Лете» они были наперечет, и Алекс берегла выданную ей пару. Почему же она сейчас так легко с одной из них рассталась?

Приблизившись к коронеру в замкнутом пространстве, она заметила, как раздулись его ноздри, когда он ощутил, как от нее пахнет, но его пальцы уже лежали на молнии мешка для трупов, а в другой руке он сжимал монету. Он двигался слишком быстро, словно в перемотке, и Алекс захотелось попросить его просто остановиться на секунду, но мгновение спустя он уже расстегивал мешок. Черный винил разошелся, как фруктовая кожура.

– Господи, – выдохнула Алекс.

Под кожей на хрупком лице девушки проступали голубые вены. Одета она была в белую хлопковую камисоль, рваную и мятую там, куда снова и снова ударял нож. Все раны были сосредоточены в области сердца, и лезвие вонзалось в тело девушки с такой силой, что, видимо, грудина начала ломаться, кости треснули и оставили неглубокую кровавую впадину на ее груди. Алекс внезапно пожалела, что не прислушалась к совету, так прямолинейно высказанному Тернером, и не пошла домой. Это не выглядело, как вышедший из-под контроля ритуал. Это выглядело, как личная месть.

Она слотнула поднявшуюся к горлу желчь и заставила себя глубоко вдохнуть. Если эта девушка так или иначе пала жертвой одного из обществ или занималась магией, от нее по-прежнему должно было пахнуть Покровом. Но, поскольку в фургоне висела вонь самой Алекс, унюхать, чем пахнет тело, было невозможно.

– Это ее парень.

Алекс взглянула на коронера. Обычно находящиеся под воздействием принуждения из кожи вон лезут, чтобы услужить.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

– Так сказал Тернер. Его уже забрали на допрос. У него есть судимости.

– За что?

– За торговлю и хранение. И у нее тоже.

Разумеется. Парень толкал наркоту, и эта девушка тоже. Но от торговли по мелочи до убийства далеко. «Иногда, – напомнила она себе. – А бывает, что очень даже близко».

Алекс снова посмотрела на лицо девушки. Та была блондинкой и немного походила на Хелли.

Сходство было едва заметным, по крайней мере внешнее. Но как насчет внутреннего сходства? Во вспоротых ранах все они были одинаковы. Девушки вроде Хелли, девушки вроде Алекс, девушки вроде этой должны вечно бежать, иначе неприятности рано или поздно их настигнут. Эта девушка просто бежала недостаточно быстро.

На ладони девушке надели бумажные пакеты – насколько понимала Алекс, чтобы сохранить улики. Возможно, она оцарапала нападающего.

– Как ее зовут? – это не имело значения, но имя нужно было Алекс для отчета.

– Тара Хатчинс.

Алекс записала его в телефоне, чтобы не забыть.

– Прикрой ее.

Она была рада, когда коронер застегнул мешок с искалеченным телом. Все это было ужасно, мерзко, но это не значило, что Тара была связана с обществами. Люди не нуждаются в магии, чтобы совершать зверства.

– Время смерти? – спросила Алекс. Ей казалось, что это одна из подробностей, которые должны быть ей известны.

– Около одиннадцати. Из-за холода сложно сказать точнее.

Она замерла, взявшись за ручку двери фургона. Около одиннадцати. Как раз, когда два кротких Серых, которые никогда никому не доставляли неприятностей, распахнули пасти, будто решили проглотить весь мир, и что-то попыталось пробиться в меловой круг. Что, если это существо нашло Тару?

Что, если ее парень настолько обдолбался, что решил, будто сможет пырнуть ее ножом прямо в сердце? В мире полно чудовищ. Алекс не раз их встречала. На данный момент она «выполнила свой долг». Более чем.

Алекс приоткрыла дверцу фургона, оглядела улицу и спрыгнула.

– Забудь, что ты меня видел, – сказала она коронеру.

На его лице появилось неопределенное растерянное выражение. Оставив его в ошеломлении стоять рядом с телом Тары, она перешла улицу и двинулась прочь по тротуару, держась темной части улицы, подальше от полицейских прожекторов. Вскоре принуждение должно выветриться, и он спросит себя, как у него в руке оказалась золотая монета. Он положит ее в карман и забудет о ней или выбросит, не сообразив, что металл настоящий.

Алекс оглянулась на Серых, собравшихся вокруг спорткомплекса Пейна Уитни. Возможно, у нее разыгралось воображение, но в том, как они сутулились и жались друг к другу у дверей спорткомплекса, было что-то странное. Она знала, что присматриваться нельзя, но в это мгновение могла поклясться, что они выглядят напуганными. Чего бояться мертвецам?

В памяти у нее звучал голос Дарлингтона: *Когда ты увидела их впервые?* Он спрашивал тихо и запинаясь, словно опасался, что это запретный вопрос. Но настоящий вопрос, правильный вопрос был вот в чем: *Когда ты впервые поняла, что надо их бояться?*

Алекс была рада, что ему не хватило мозгов спросить.

С чего начать историю «Леты»? Начинается ли она в 1824 году с Вирсавии Смит? Возможно. Но с тех пор и до появления «Леты» миновало еще семьдесят лет и множество трагедий. Пожалуй, лучше обратить взгляд к 1898 году, когда Чарли Бакстера, человека бездомного и незначительного, нашли мертвым с обожженными ладонями, стопами и мошонкой и черным скарабеем на месте языка. Подозрение пало на общества, и те оказались под угрозой со стороны университета. Чтобы покончить с разладом и, откровенно говоря, спастись, Эдвард Харкнесс, член «Волчьей морды», Уильям Пейн Уитни из «Череп и костей» и Хирам Бингэм Третий из ныне распущенного «Братства акации» создали Лигу Леты в качестве надзорного органа за оккультной деятельностью обществ.

Наша миссия восходит к этим первым собраниям: Наша задача – наблюдать за ритуалами и действиями всех древних обществ, занимающихся магией, ворожбой или изучением потустороннего с целью защиты жителей города и студентов от умственного, физического и духовного вреда и

поощрения дружеских отношений между обществами и администрацией университета.

«Лета» финансировалась из частных средств Харкнесса и обязательных вкладов со стороны трастов каждого из обществ Древней Восьмерки. Наняв Джеймса Гэмбла Роджерса («Свиток и ключ», 1889) для разработки плана Йеля и проектирования многих из его зданий, Харкнесс позаботился, чтобы на территории кампуса были построены убежища и туннели для «Леты».

Прибегнув к знаниям каждого из обществ, Харкнесс, Уитни и Бингэм создали кладезь магии, которым могли пользоваться делегаты «Леты». Этот кладезь значительно обогатился в 1911 году, когда Бингэм отправился в Перу. *Из «Жизни «Леты»: процедуры и протоколы Девятого Дома»*

4

Прошлая осень

– Пошли, – сказал Дарлингтон, помогая ей подняться. – В любую секунду иллюзия рассеется, а ты будешь, как пьяница, валяться во дворе, – он почти волоком затащил ее вверх по ступеням на крыльцо. С шакалами она расправилась неплохо, но была слишком бледна и тяжело дышала. – Ты в ужасной форме.

– А ты мудозвон.

– Значит, нам обоим есть над чем поработать. Ты просила рассказать, что тебя ждет. Теперь ты знаешь.

Алекс вырвала у него руку:

– Рассказать. А не попытаться меня убить.

Он в упор посмотрел на нее. Важно, чтобы она поняла.

– Ты не подвергалась никакой опасности. Но я не могу обещать, что так будет всегда. Если ты не будешь воспринимать это всерьез, то можешь навредить себе или другим.

– Например, тебе?

– Да, – сказал он. – Большую часть времени ничего плохого в Домах не происходит. Ты увидишь то, что предпочла бы забыть. В том числе чудеса. Но никто до конца не понимает, что лежит за Покровом и что может случиться, если оно проникнет в мир смертных. *«Ждет темнокрылая смерть, но мы держимся – голлиты, гусары, драгуны».*

Она уперла руки в бока и посмотрела на него.

– Сам придумал?

– Кэбот Коллинз. Его называли Пиитом «Леты», – Дарлингтон потянулся к двери. – Он потерял обе ладони, когда закрылся межпространственный портал. В это время он читал вслух свое последнее к тому моменту произведение.

Алекс вздрогнула.

– Ладно, все ясно. Плохая поэзия, серьезное дело. Эти собаки настоящие?

– Вполне. Это духовные гончие, обязанные служить сынам и дочерям «Леты». Что прячешь под рукавами, Стерн?

– Следы от уколов.

– Правда? – он подозревал, что так и есть, и все-таки не до конца ей поверил.

Она выпрямилась и размяла спину.

– А то. Заходить будем или как?

Дарлингтон указал подбородком ей на запястье:

– Покажи.

Алекс подняла руку, но рукав закатывать не стала. Она просто протянула ему руку так, словно пришла сдавать кровь, и он собирается нащупать ее вену.

Вызов. Он внезапно понял, что не хочет его принимать. Это не его дело. Он должен ей сказать. Забудь об этом.

Вместо этого он взял ее за узкое, костлявое запястье, а другой рукой закатал ей рукав. Это казалось прелюдией.

Дарлингтон не увидел ни одного следа от укола. Ее кожа была покрыта татуировками: изгибающийся хвост гремучей змеи, золотистый цветок пеоны и...

– Колесо, – он устоял перед желанием прикоснуться к рисунку под изгибом ее локтя. Доуз заинтересовал бы этот элемент таро. Возможно, благодаря этой татуировке они нашли бы, о чем поговорить. – Зачем прятать татуировки? Здесь всем на это наплевать.

Татуировки были у половины студентов. Полностью забитые руки были не у каждого, но и это не было редкостью.

Алекс снова опустила рукав:

– Есть еще кольца, через которые мне надо прыгнуть?

– Полно, – он открыл дверь и провел ее внутрь.

В прихожей было темно и прохладно. Проникающий в витражи свет отбрасывал на ковер яркие узоры. Парадная лестница из темного дерева с высеченным на нем орнаментом из подсолнухов вела вдоль стены на второй этаж. Мишель говорила ему, что одна только эта лестница стоит дороже, чем весь дом вместе с участком.

Алекс негромко вздохнула.

– Рада, что оказалась в тени?

Она издала тихий неопределенный звук:

– Здесь спокойно.

Он не сразу сообразил, о чем она.

– Il Bastone под охранным заклинанием. Как и «Конура»... Все так плохо?

Алекс пожала плечами.

– Ну... Здесь они тебя не достанут.

Она с бесстрастным видом огляделась. Неужели ее не впечатлили воспаряющая прихожая, теплое дерево и витражи, запах хвои и кассии, из-за которого, входя в дом, непременно вспоминаешь Рождество? Или она просто притворяется?

– Неплохой клубный домик, – сказала Алекс. – Не слишком похож на гробницу.

– Мы не общество, и порядки у нас другие. Это не клубный дом; это наша штаб-квартира, сердце «Леты» и кладезь знаний в области оккультизма за сотни лет, – Дарлингтон понимал, что разглагольствует, как ужасный зануда, но не мог удержаться. – Общества каждый год принимают новую делегацию из шестнадцати первокурсников – восьми женщин и восьми мужчин. Мы принимаем только одного – нового Данте – каждые *три* года.

– Значит, я в некотором роде особенная.

– Будем надеяться.

При этих словах Алекс нахмурилась, после чего показала на мраморный бюст, стоящий на столе под вешалкой для верхней одежды:

– Это кто?

– Святой покровитель «Леты» Хирам Бингэм Третий.

К сожалению, мальчишеское лицо Бингэма и опущенные уголки его рта не способствовали увековечиванию в камне. Он выглядел, как возмущенный манекен из универмага.

Из гостиной, шаркая, вышла с ног до головы облаченная в бежевое Доуз с наушниками вокруг шеи. Ладони она прятала в рукавах своего свободного свитера. Дарлингтон ощущал исходящее от нее чувство неловкости. Пэмми ненавидела новых людей. На то, чтобы расположить ее к себе, у него ушла большая часть первого курса, но ему по-прежнему вечно казалось, что один громкий звук – и она бросится в библиотеку, и они больше никогда ее не увидят.

– Памела Доуз, познакомься с нашей новой Данте, Алекс Стерн.

С энтузиазмом человека, приветствующего эпидемию холеры, Доуз протянула ей руку и сказала:

– Добро пожаловать в «Лету».

– Доуз за всем присматривает и следит, чтобы я не выставил себя слишком большим дураком.

– То есть, это работа на полную ставку? – спросила Алекс.

Доуз моргнула:

– Я работаю по вечерам и днем, но, если ты предупредишь заранее, могу освободиться в любое удобное время, – она обеспокоенно оглянулась на гостиную, как будто ее многострадальная диссертация была плачущим младенцем. Доуз прослужила Окулусом почти четыре года и все это время вкалывала над диссертацией – исследованием микенских обрядов в ранней иконографии таро.

Дарлингтон решил положить конец ее страданиям:

– Я покажу Алекс дом, а потом отведу ее в «Конуру».

– В конуру? – переспросила Алекс.

– Это наши комнаты на углу Йорк-стрит и Элм. Ничего особенного, но удобно, если не хочешь уходить слишком далеко от общежития. И «Конура» тоже под защитным заклинанием.

– Я пополнила там запасы еды, – чуть слышно сказала Доуз, уже удаляясь назад в свое убежище в гостиной.

Дарлингтон взмахом руки пригласил Алекс следовать за ним наверх.

– Кто такая Вирсавия Смит? – спросила сзади Алекс.

Значит, она читала «Жизнь Леты». Он был доволен, что она запомнила это имя, но, если его не подводила память, Вирсавия упоминалась на первой странице первой главы, так что слишком радоваться не стоило.

– Семнадцатилетняя дочь местного фермера. Ее тело нашли в подвале Йельской медицинской школы в 1824 году. Ее раскопали для изучения студенты.

– Господи.

– Такое случалось нередко. Врачам необходимо было изучать анатомию, а для этого нужны трупы. Но мы полагаем, что Вирсавию использовали во время одной из первых попыток установить контакт с мертвецами. Фельдшера уволили, а студенты Йеля научились быть более скрытными. После того, как обнаружили тело этой девушки, местные чуть не сожгли Йель дотла.

– Может, и надо было сжечь, – пробормотала Алекс.

Возможно. Тот период называли Мятежом воскрешения, но до настоящих зверств не дошло. В расцвете или в упадке, но Нью-Хейвен всегда был городом, балансирующим на грани.

Дарлингтон показал Алекс остальную часть II Bastone: большую гостиную со старой картиной Нью-Хейвена над камином, кухню и кладовую, спортзалы на первом этаже, оружейную комнату на втором этаже, где целую стену занимали выдвижные ящики, в каждом из которых хранились травы и святыни.

В обязанности Доуз входила забота о том, чтобы они вовремя пополнялись, чтобы скоропортящиеся позиции заменялись и выбрасывались, прежде чем стухнуть, а также уход за требующими внимания артефактами. Защитные жемчуга Катберта необходимо было носить по несколько часов каждый месяц, чтобы они не утратили блеск и способность защищать своего носителя от ударов молний. Выпускник «Леты» по имени Ли де Форест, которого в бытность его студентом временно исключили за то, что он вызвал перебои с электричеством по всему кампусу, оставил «Лете» бесчисленные изобретения, включая Часы революции, с точностью до минуты отсчитывающие время до вооруженных восстаний в странах по всему миру. У них было двадцать два циферблата и семьдесят шесть стрелок, и заводить их необходимо было регулярно, иначе они попросту начинали кричать.

Дарлингтон показал Алекс запасы костяной пыли и кладбищенской земли, которые им предстояло пополнять по вечерам четверга, а также редкие склянки с Гибельной водой, как говорят, собранной из семи рек ада, которую следовало использовать только в чрезвычайных обстоятельствах. Дарлингтону никогда еще не представлялся такой случай, но он не терял надежды.

В центре комнаты стоял горн Хирама, или, как предпочитали называть его делегаты «Леты», Золотое блюдо. По окружности он был сравним с колесом трактора и был отлит из двадцатидвухкратного чеканного золота.

– «Лета» давно знала, что в Нью-Хейвене водятся призраки. Случалось, что людей преследовали привидения, ходили слухи о том, что они являлись кому-то из городских, и некоторым членам общества удавалось преодолеть Покров на спиритических сеансах. Но «Лета» знала, что есть нечто большее – тайный мир, существующий рядом с нашим и зачастую с ним пересекающийся.

– Пересекающийся каким образом? – спросила Алекс, и он заметил, что ее узкие плечи напряглись, и она, слегка ссутулившись, встала в бойцовскую позу.

– В то время никто не мог сказать точно. Подозревали, что присутствие Серых в священных кругах и храмовых залах мешает чарам и ритуалам обществ. Выяснилось, что из-за вмешательства Серых заблудшая магия, высвобождаемая при проведении ритуалов, может привести к чему угодно, от внезапной стужи в десяти милях от кампуса до приступов агрессии у школьников. Но у «Леты» не было ни доказательств, ни способов это предотвратить. Годами они пытались создать эликсир, который бы позволил им видеть духов, экспериментировали над собой методом проб и ошибок – иногда смертельных. Но результатов это не приносило. Пока не появился горн Хирама.

Алекс провела пальцем по золотому краю чаши.

– Похоже на солнце.

– Многие предметы в Мачу-Пикчу были посвящены культу бога солнца.

– Эта штука из Перу? – спросила Алекс. – Не обязательно так удивляться. Я знаю, где Мачу-Пикчу. И даже могу найти на карте Техас.

– Тебе придется простить мое незнание программы лос-анджелесских государственных школ и того, насколько ты интересовалась учебой.

– Ты прощен.

Возможно, подумал Дарлингтон. Алекс Стерн казалась злопамятной.

– Хирам Бингэм был одним из отцов-основателей «Леты». Он «открыл» Мачу-Пикчу в 1911 году, хотя многим это слово не по нраву, поскольку местные прекрасно знали о его существовании, – когда Алекс не отозвалась, он добавил: – По слухам, он также был прототипом Индианы Джонса.

– Круто, – сказала Алекс.

Дарлингтон едва удержался, чтобы не вздохнуть. Конечно, только это и привлекло ее внимание.

– Бингэм украл около сорока тысяч артефактов.

– И привез их сюда?

– Да, в Йель, для изучения в Пибоди. Он обещал вернуть их через восемнадцать месяцев. Но у Перу буквально ушло сто лет на то, чтобы получить их назад.

Алекс щелкнула пальцем по горну, и раздался негромкий гулкий звук.

– А это забыли вложить в посылку? Кажется, его довольно сложно не заметить.

– Горн не был включен в опись, потому что его никогда не передавали Йелю. Хирам привез его для «Леты».

– То есть, стащил.

– Боюсь, что так. Но это ключ к «Оросчерию». У «Леты» не получался эликсир не из-за рецепта, а из-за сосуда.

– Значит, это магическая чаша для смешивания?

Маленькая язычница.

– Я бы не стал его так называть, но да.

– И он полностью отлит из золота?

– Прежде чем пытаться его украсть, прими к сведению, что он весит в два раза больше тебя, а заклинание защищает весь дом от краж.

– Как скажешь.

Дарлингтон подумал, что не удивился бы, если бы она нашла способ скатить горн вниз по лестнице в кузов фургона и переплавить его на сережки.

– Помимо «Оросчерио», у эликсира есть и множество других имен, – сказал он. – Золотая проба. Пуля Хирама. Всякий раз, как член «Леты» использует горн и выпивает эликсир, он рискует жизнью. Микстура токсична, а сам процесс причиняет невероятную боль. Но мы ее принимаем. Снова и снова. Чтобы заглянуть за Покров.

– Ясно, – сказала Алекс. – Я уже встречала наркоманов.

«Все не так», – захотелось возразить Дарлингтону. Но, возможно, все было именно так.

Дальнейший обход обошелся без происшествий. Он показал Алекс хранилища и кабинеты на верхних этажах, научил ее, как пользоваться библиотекой, – хотя и предостерег, чтобы она не делала этого самостоятельно, пока дом не узнает ее получше, – и наконец привел ее в спальню с примыкающей к ней ванной, убранные и приготовленные для нее как для новой Данте «Леты». Свои вещи Дарлингтон перенес в покои Вергилия в конце прошлого года, когда еще верил, что у него будет настоящий протез, и предвкушал это с постыдной сентиментальностью. Покои Вергилия находились этажом выше комнаты Данте и вдвое превышали ее размером. После того, как Дарлингтон окончит университет, они останутся свободными, чтобы он при желании мог в них остановиться. Туалетный столик когда-то принадлежал Элеазару Уилоку. Напротив кровати находилось занимающее полстены витражное окно с изображением хвойного леса. На протяжении дня, когда солнце вставало и заходило, цвета стеклянных деревьев и небес над ними, казалось, также менялись. Когда он заселился в комнату, то обнаружил, что в свой последний визит Мишель оставила ему бутылку бренди и записку:

*Это девственный лес. Неразличимые в сумерках
Шелестящие сосны и гемлоки
в бородах мха и зеленых одеждах
Стоят, как древние друиды
с печальными, пророческими голосами...*

В былые времена существовал монастырь, где производили настолько благородный арманьяк, что монахам пришлось сбежать в Италию, после того, как Людовик Четырнадцатый пошутил: следовало бы убить их, чтобы защитить их секреты. Это последняя бутылка. Не пей на пустой желудок и не звони, если ты не умер. Удачи, Вергилий!

Дарлингтон всегда считал поэзию Лонгфелло дрянью, но все равно дорожил и запиской, и бренди.

Алекс потела в роскошной обстановке его старых комнат, которые он редко использовал, но очень любил. В спальне были темно-синие стены, кровать с балдахином была заправлена тяжелым покрывалом цвета морской волны, а гардероб украшен орнаментом из белого кизила. По обеим сторонам камина с расписными изразцами находились два витражных окна поскромнее, на которых изображались сине-фиолетовые облака в звездном небе.

Алекс медленно оглядывала комнату, обхватив себя руками. Ему снова вспомнилась Ундина. Но, возможно, она – просто потерявшаяся в море девушка.

– Когда ты впервые их увидела? – не удержался от вопроса Дарлингтон.

Она посмотрела на него и перевела взгляд на окно, где в витражных небесах вечно нарастала луна. Она взяла со стола музыкальную шкатулку от «Reuge», дотронулась до крышки, но потом, передумав, поставила ее на место.

Дарлингтону не составляло труда поддержать беседу, но он любил моменты, когда к нему никто не обращался, а значит, он мог не исполнять роль самого себя и просто наблюдать за другими. Алекс казалась зернистой, как в старом фильме. Ему было очевидно, что сейчас она принимает решение. Раскрыть ли свои тайны? Или сбежать?

Она пожала плечами, и ему показалось, что на этом все и закончится, но она снова взяла музыкальную шкатулку и сказала:

– Я не знаю. Какое-то время я принимала их за людей, а на детей, разговаривающих с пустотой, никто не обращает внимание. Помню, как видела стоящего посреди улицы толстого мужика. Не считая носков и майки, он был голым и держал в руке пульт, как плюшевого медвежонка. Помню, как пыталась сказать маме, что его собьют. Когда мы ездили на пирс Санта-Моники, я видела женщину, лежащую в воде, как девушка на картине... – Алекс взмахнула рукой, словно перемешивая содержимое горшка. – Ну, с волосами и цветами?

– Офелия.

– Офелия. Она пошла за мной домой, а, когда я заплакала и закричала ей, чтобы ушла, она попыталась подойти еще ближе.

– Они любят слезы. Соль, грусть, любые сильные эмоции.

– Страх? – спросила она, стоя так неподвижно, словно позировала для портрета.

– Страх.

Злой Серые обычно не отличались, но любили вызывать оторопь и ужас.

– Почему их так мало? Разве не должны они быть повсюду?

– Немногие Серые способны пройти через Покров. Подавляющее большинство остается в загробной жизни.

– Я видела их в супермаркете рядом с лотками с горячей едой и этими розовыми коробками с выпечкой. Они обожали нашу школьную столовую. Я особо об этом не задумывалась, пока Джейкоб Крейг не спросил, не хочу ли я посмотреть на его штучку. Я сказала, что сто раз их видела, каким-то образом это дошло до его матери, и она позвонила в школу. В общем, учительница приводит меня в кабинет и спрашивает: «Что значит, ты сто раз видела эти штучки?». Я не додумалась солгать, – Алекс резко поставила шкатулку на место. – Если хочешь, чтобы кто-то срочно позвонил в органы опеки, достаточно заговорить о призрачных членах.

Дарлингтон сам не знал, чего ожидал. Романтичного мертвого разбойника, поджидающего ее у окна? Банши, скитающейся на берегах реки Лос-Анджелес, как Ла Йорона?⁵ Было что-то удивительно обыкновенное и ужасное в ее истории. В ней самой. Кто-то доложил о случае Алекс в органы опеки и попечительства, и один из многих поисковых алгоритмов «Леты» или один из их многих агентов в одном из многих бюро, которым они платили, обратил внимание на характерные ключевые слова: *Галлюцинации. Паранойя. Призраки*. С этого момента ее, скорее всего, взяли под наблюдение.

– А что было той ночью в квартире на Седрос?

– А, ты о Граунд-Зиро, – нахмурившись, ответила она. – Только не говори, что не читал мое дело.

– Читал. Я хочу знать, как тебе удалось выжить.

Алекс потерла большим пальцем борт подоконника.

– Я тоже.

Можно ли считать такой ответ удовлетворительным? Дарлингтон видел снятые полицейскими фото и видео с места преступления. Все пятеро погибших мужчин были избиты почти до неузнаваемости, двоим из них воткнули кол в сердце, как вампирам. Несмотря на масштабы бойни, кровавые брызги указывали, что все это – дело рук единственного нападавшего. Судя

⁵ Ла Йорона, или Плакальщица – в мексикано-американском фольклоре призрак матери, оплакивающей своих погибших детей и обреченной на вечные скитания.

по оставленным всюду кровавым дугам, каждый жестокий удар был нанесен с замахом слева направо.

Что-то здесь не сходилось, но Алекс подозрение не коснулось. Во-первых, она была правой, а во-вторых, вследствие своих миниатюрных размеров не смогла бы нанести удары такой силы. Кроме того, в крови у нее было столько фентанила, что ей очень повезло остаться в живых. Волосы у нее были мокрые, и ее нашли совершенно обнаженной. Дарлингтон не мог отбросить свои подозрения и покопался в деле дополнительно, но полицейские не обнаружили ни крови, ни ДНК: если бы она и была каким-то образом замешана в убийствах, то не смогла бы смыть с себя улики. Так почему преступник не тронул девушек? Если полиция права, и дело было в разборках с другим барыгой, почему он пощадил Алекс и ее подругу? От торговцев наркотиками, которые до смерти забивают людей бейсбольными битами, не ожидаешь сочувствия к женщинам и детям. Возможно, нападавший считал, что они уже погибли от передозировки. Или Алекс сливала информацию преступнику. Как бы там ни было, она явно знала о случившемся больше, чем рассказала полиции. Дарлингтон в этом нисколько не сомневался.

– Мы с Хелли были обдолбаны, – тихо сказала она, продолжая водить пальцем по подоконнику. – Я очнулась в больнице. Она не очнулась вообще.

Алекс вдруг показалась Дарлингтону очень маленькой, и он ощутил укол стыда. В свои двадцать она была старше большинства первокурсников, – но во многом оставалась еще ребенком, и потому влипла по уши. Той ночью она лишилась друзей, парня, всей своей привычной жизни.

– Идем, – сказал он, сам не зная, почему. Возможно, он испытывал чувство вины за свои расспросы. Возможно, потому что она не заслуживала наказания за то, что согласилась на сделку, от которой не смог бы отказаться ни один разумный человек.

Дарлингтон отвел ее назад в сумрачную оружейную – глухую комнату, стены которой были заставлены полками и ящиками высотой почти в два этажа. Ему не сразу удалось найти нужный шкаф. Когда он положил ладонь на дверцу, дом замер. Затем замок осуждающе шелкнул.

Он осторожно достал тяжелую инкрустированную перламутром коробку из полированного черного дерева.

– Скорее всего, тебе придется снять рубашку, – сказал Дарлингтон. – Я отдам коробку Доуз, и она...

– Я не нравлюсь Доуз.

– Доуз никто не нравится.

Алекс стянула рубашку через голову. Под черным лифчиком показались торчащие, как борозды обработанной пашни, ребра:

– Готово. Не зови Доуз.

Почему она с такой готовностью отдавалась на его милость? Она не боялась или была просто безрассудна? Ни то, ни другое не сулило ей в «Лете» ничего хорошего. Но Дарлингтон склонялся к мысли, что ни одна из его догадок не была верной. Казалось, что теперь Алекс испытывает *его*, что она бросила ему новый вызов.

– Приличия тебя бы не убили, – сказал он.

– Не хочу рисковать.

– Обычно женщины не раздеваются при мне без предупреждения.

Алекс пожала плечами, и борозды на ее теле зашевелились.

– В следующий раз зажгу сигнальный огонь.

– Было бы неплохо.

Татуировки кольчужой покрывали ее кожу от запястий до плеч и ключиц.

Дарлингтон открыл крышку коробки.

Алекс резко втянула в себя воздух и отпрянула.

– В чем дело? – спросил он.

Она отошла почти в другой конец комнаты.

– Не люблю бабочек.

– Это мотыльки.

Насекомые сидели в коробке ровными рядами. Их мягкие белые крылья подрагивали.

– По фигу.

– Мне нужно, чтобы ты замерла, – сказал он. – Сможешь?

– Зачем?

– Просто доверься мне. Оно того стоит, – Дарлингтон задумался. – Если тебе не понравится, я отвезу тебя и твоих соседок в «Икею».

Алекс смяла рубашку в кулаке:

– А потом отвезешь в пиццерию.

– Ладно.

– А тетушка Айлин купит мне осеннюю одежду.

– *Ладно*. А теперь иди сюда, трусиха.

Она неуверенно, бочком снова подошла к нему, отводя взгляд от содержимого коробки.

Дарлингтон одного за другим достал мотыльков и бережно посадил их на Алекс – по одному на ее правое запястье, правое предплечье, изгиб локтя, тонкий бицепс, плечо. Прodelав то же самое с ее левой рукой, он посадил двух мотыльков на ее ключицы, где изгибались головы двух черных змей. Их языки почти встречались на ее яремной ямке.

– *Chabash*, – пробормотал Дарлингтон. Мотыльки в унисон взмахнули крыльями. – *Uverat*, – они снова забили крыльями и начали сереть. – *Memash*.

С каждым ударом крыльев мотыльки становились темнее, а татуировки начали бледнеть.

Алекс быстро, неровно задышала. Ее зрачки расширились от страха, но, пока мотыльки темнели и чернила исчезали с ее кожи, ее лицо менялось, открывалось. Она распахнула рот.

Алекс видела мертвецов, подумал Дарлингтон. Видела ужасы. Но никогда не видела магии.

Вот почему он это сделал – не из чувства вины или гордости, а потому, что настал момент, которого он ждал: шанс показать кому-то чудо, понаблюдать, как они осознают, что им не лгали, что обещанный им в детстве мир не сказка, от веры в которую нужно отказаться, что в лесу, под лестницей и среди звезд действительно что-то скрывается, что все исполнено тайны.

Мотыльки хлопали крыльями снова и снова, пока не стали угольно-черными. Один за другим они с тихим стуком падали с ее рук на пол. Теперь руки Алекс были чистыми, без малейших следов татуировок, хотя там, где игла проникла особенно глубоко, по-прежнему можно было различить едва заметные рубцы. Алекс, взволнованно дыша, вытянула руки перед собой.

Дарлингтон собрал хрупкие тела мотыльков и бережно положил их в коробку.

– Они умерли? – прошептала она.

– Напились чернил.

Он закрыл крышку и убрал коробку обратно в шкаф. На этот раз щелчок замка прозвучал более покорно. Дарлингтон решил, что необходимо провести с этим домом воспитательную беседу.

– Изначально адресные мотыльки использовались для передачи конфиденциальных сведений. Когда насекомые выпивали документ, их можно было отвезти куда угодно в кармане пальто или ящике с раритетами. Затем их клали на чистый лист бумаги, и они дословно воссоздавали документ. При условии, что получатель знал нужное заклинание.

– То есть мы можем перевести мои тату на твою кожу?

– Не факт, что мне татуировки подойдут, но это возможно. Просто будь осторожна... – он взмахнул рукой. – В порывах страсти. Человеческая слюна обращает магию вспять.

– Только человеческая?

– Да. Если собака полижет тебе локти, ничего не случится.

Алекс взглянула на него. В сумраке ее глаза выглядели черными и дикими.

– Мне нужно знать что-то еще?

Спрашивать, о чем она, было излишне. Продолжит ли мир открываться перед ней? Делиться своими тайнами?

– Да. Много чего.

Она замялась:

– Ты мне покажешь?

– Если позволишь.

Тогда Алекс чуть заметно улыбнулась, и Дарлингтон мельком увидел девочку, скрывающуюся внутри нее, – счастливую, менее затравленную девочку. Вот что делает магия. Она открывает сердце человека, которым ты был, прежде чем жизнь разрушила твою веру в возможное. Она возвращает тебе мир, о котором мечтают все одинокие дети. Для него все это сделала «Лета». Возможно, то же самое она сделает и для Алекс.

Через много месяцев он вспомнит, как держал на ладони мотыльков. Он будет вспоминать это мгновение с мыслью о том, как глупо было полагать, что он хоть что-то о ней знает.

5

Зима

Когда Алекс наконец вернулась в Старый кампус, небо уже посерело. Она заскочила в «Конуру», чтобы принять душ с вербеновым мылом под курильницей с можжевельником и пало санто. Только они могли справиться с вонью Покрова.

Она почти не бывала в убежищах «Леты» одна. Ее всегда сопровождал Дарлингтон, и она по-прежнему надеялась увидеть его на подоконнике с книгой, услышать, как он ворчит, что она использовала всю горячую воду. Он предлагал оставить сменную одежду в «Конуре» и П Bastone, но Алекс и так было почти нечего носить. Она не могла позволить себе хранить запасную пару джинсов и один из двух своих лифчиков где-то, кроме своего уродливого комода. Так что, когда она вышла из ванной в узкую раздевалку, ей ничего не оставалось, кроме как надеть спортивный костюм Дома Леты. У сердца и на правом бедре была вышита гончая «Леты» – эмблема, непонятная никому, кроме членов общества. Там же до сих пор хранилась одежда Дарлингтона: куртка от Barbour, полосатый шарф колледжа Дэвенпорт, чистые, аккуратно сложенные, отутюженные джинсы, идеально разношенные рабочие сапоги и топсайдеры от Sperry, только и ждущие, когда их наденет Дарлингтон. Алекс ни разу не видела, чтобы он их надевал, но, возможно, нужно иметь такую пару на случай, если придется преобразиться в мажора.

Она оставила зеленую настольную лампу в «Конуре» включенной. Доуз это не понравится, но она не могла заставить себя уйти в темноте.

Алекс отпирала входную дверь в Вандербильт, когда ей пришло сообщение от декана Сэндоу: *Побеседовал с Центурионом. Спи спокойно.*

Ей захотелось отшвырнуть телефон. Спи спокойно?! Если Сэндоу собирается разбираться с убийством лично, она зря потратила свое время и монету принуждения. Она знала, что декан ей не доверяет. Да и с чего бы он ей доверял? Когда до него дошла новость о смерти Тары, он наверняка попил ромашковый чай рядом со спящим у его ног большим псом. Наверняка ждал у телефона, чтобы убедиться, что на предсказании не случится ничего ужасного и Алекс не опозорит себя и «Лету». Конечно, меньше всего ему хотелось подпускать ее к расследованию убийства.

Спи спокойно. Остальное оставалось ненаписанным: *Я не жду, что ты с этим разберешься. Никто не надеется, что ты с этим разберешься. Пока мы не вернем Дарлингтона, от тебя не ждут ничего, просто не привлекай к себе лишнего внимания.*

Если они вообще смогут его найти. Если они каким-то образом смогут вернуть его домой из того темного места, в котором он пропал. Меньше чем через неделю, в новолуние, они проведут ритуал. Как это работает, Алекс не понимала. Она знала только, что декан Сэндоу верит, что это сработает, и что, пока это не произойдет, ее задача – позаботиться, чтобы никто не задавал лишних вопросов об исчезнувшем золотом мальчике «Леты». По крайней мере сейчас ей не придется волноваться из-за убийства и препираться с угрюмым детективом.

Войдя в общую комнату и обнаружив, что Мерси уже проснулась, Алекс обрадовалась, что зашла принять душ и переодеться. Раньше она воображала, что общежития колледжей похожи на отели с длинными коридорами, в которые выходит множество спален, но Вандербильт напоминал скорее старомодное многоквартирное здание: отовсюду доносилась музыка, напевающие и смеющиеся люди входили и выходили из общих ванных комнат, а по колодцу центральной лестницы эхом разносилось хлопанье дверей. В дыре, где она жила с Леном,

Хелли, Бузилой и другими, тоже было шумно, но там шум был иным – он звучал, как подавленные вздохи и стоны умирающего.

– Ты не спишь, – сказала Алекс.

Мерси подняла взгляд от романа «На маяк», заложеного множеством пастельных стикеров. Ее волосы были заплетены в причудливую косу, а вместо того, чтобы завернуться в их дешевый шерстяной плед, она накинула поверх джинсов шелковый балахон с синими гиацинтами.

– Ты вообще дома ночевала?

Алекс воспользовалась представившейся возможностью:

– Ага. Когда я пришла, ты уже храпела. Я проснулась, только чтобы пробежаться.

– Ты была в спортзале? Разве душевые так рано открываются?

– Для сотрудников да.

Алекс была не слишком уверена, что это так, но знала, что спорт интересует Мерси меньше всего на свете. Кроме того, у Алекс не было ни кроссовок, ни спортивного бра, и Мерси ни разу об этом не спросила. Люди не уличают никого во лжи ни с того ни с сего, а с чего бы кому-то лгать о том, что он бежит по утрам?

– Вот психи! – Мерси бросила Алекс скрепленную пачку листов. Той не хотелось даже смотреть, что там написано. Это было ее эссе по Мильтону. Мерси предложила его почитать. Алекс уже видела начерканные красной ручкой замечания.

– Ну и как тебе? – спросила она, входя в их спальню.

– Не ужасно.

– Но и не хорошо, – пробормотала Алекс, войдя в их крошечную каморку и снимая спортивный костюм.

Мерси повесила на свою часть стены постеры, семейные фотографии, корешки билетов на бродвейские мюзиклы и написанную китайскими иероглифами поэму, которую она, по ее словам, выучила для званных ужинов по настоянию родителей, но искренне полюбила, несколько скетчей Александра Маккуина и целую россыпь красных конвертов. Алекс знала, что все это – отчасти притворство для создания образа девушки, которой Мерси хотела стать в Йеле, но каждый предмет, каждая вещь была как-то связана с ней. Алекс же чувствовала себя так, будто кто-то взял и слишком рано обрезал все ее ниточки. Ее главной связью с прошлым была бабушка, но Эстреа Стерн умерла, когда Алекс было девять. Мира Стерн по ней скорбела, но не испытывала никакого интереса к материнским историям и песням, рецептам и молитвам. Она называла себя исследовательницей и увлекалась гомеопатией, аллопатией⁶, целительными драгоценными камнями и Крайоном⁷, а как-то три месяца добавляла спирулину в каждое блюдо. Всем увлечениям она предавалась с одинаково неистовым энтузиазмом и пичкала Алекс то одним волшебным средством, то другим. Когда речь заходила об отце Алекс, Мира была не слишком щедра на подробности, и, если ее расспрашивали чересчур настойчиво, ее ответы становились еще туманнее. Он был знаком вопроса, фантомной половиной Алекс. Она знала только, что он любил океан, родился под знаком Близнецов и был смуглым – Мира не могла сказать, был ли он доминиканцем, гватемальцем или пуэрториканцем, зато знала, что он восходящий Водолей с луной в Скорпионе. Или что-то в этом духе. Алекс никогда не могла запомнить.

Она мало что привезла из дома. Возвращаться в Граунд-Зиро за своим старым барахлом ей не хотелось, а дома у ее матери оставались вещи маленькой девочки – пластиковые пони, розочки из цветных лент, ластики с запахом жвачки. В конце концов она взяла с собой

⁶ Термин, используемый приверженцами альтернативной медицины для описания фармакотерапии и других методов классической медицины.

⁷ Согласно учению, основанному Ли Кэрроллом, Крайон – это астральная сущность, высший разум.

большой дымчатый топаз, подаренный матерью, бабушкины почти нечитабельные карточки с рецептами, деревце для сережек, которое было у нее с восьми лет, и ретро-карту Калифорнии, которую она повесила рядом с принадлежавшим Мерси постером Коко Шанель. «Я знаю, что она была фашисткой, – говорила Мерси. – Но не могу ее разлюбить».

Декан Сэндоу предложил Алекс для вида купить несколько альбомов и угольные карандаши, и она покорно положила их на свой полупустой комод.

Алекс постаралась выбрать самые легкие предметы: английскую литературу, испанский, введение в социологию, живопись. Она рассчитывала, что уж литература-то точно дастся ей легко, потому что любила читать. В школе, даже когда дела пошли совсем плохо, у нее все равно получалось сдать эти предметы. Но теперь, в колледже, литература показалась ей чем-то совершенно чужеродным. За свою первую работу она получила тройку. Замечание препода гласило: «Это изложение». Прямо как в старших классах, только на этот раз она действительно старалась.

– Я тебя люблю, но твое эссе – настоящая мура, – сказала из общей комнаты Мерси. – Кажется, тебе не помешает поменьше бегать и побольше заниматься.

«Да что ты», – подумала Алекс. Мерси ждет большой сюрприз, если она когда-нибудь попросит Алекс пробежаться или поднять что-нибудь тяжелое.

– Можем разобрать его за завтраком, – продолжала Мерси.

Алекс хотелось одного – лечь спать, но, похоже, возвращаться в постель после пробежки не принято, к тому же Мерси оказала ей услугу, отредактировав ее ужасную работу по английскому, так что она не могла отказаться вместе позавтракать. «Лета» предоставила Алекс репетитора – аспиранта отделения американистики по имени Ангус, который проводил большую часть их еженедельных занятий, ссутулившись над работой Алекс, раздраженно фыркая и качая головой, как осаждаемая мухами лошадь. Нельзя назвать Мерси деликатной, но она была куда более терпелива.

Алекс натянула джинсы, футболку и черный кашемировый свитер, покупке которого в Target еще недавно так радовалась. Только увидев роскошный лавандовый пуловер Лорен и по-дурацки спросив: «Из чего он?», она поняла, что видов кашемира существует не меньше, чем форм лобков, и ее жалкий свитер с распродажи – это безыскусный ширпотреб. По крайней мере в нем было тепло.

Она еще раз побрызгала пальто кедровым маслом на случай, если от него еще пахивало Покровом, закинула на плечо сумку и замешкалась. Выдвинув ящик комода, она принялась копаться в вещах и наконец нашла маленький пузырек, похожий на обыкновенный флакон с глазными каплями. Не дав себе времени на размышления, она запрокинула голову и закапала по две капли белладонны в каждый глаз. Это был сильный стимулятор наподобие волшебного адерола. Вштыривал он жестко, но своих сил на то, чтобы вынести это утро, Алекс бы не хватило. Все старожилы «Леты» вели хроники своего времяпрепровождения в обществе, и каждый мухлевал по-своему. Об этом способе Алекс узнала после исчезновения Дарлингтона.

Она снова вышла в утренний холод в компании Мерси. Алекс всегда нравилось прогуливаться от Старого кампуса до столовой Джонатана Эдвардса, но этим хмурым днем двор выглядел не так красиво. Ночью неряшливые сугробы мерцали неопределенной белизной, но сейчас они были грязными и коричневыми, как кипы грязного белья. Над всем этим, подобно тающей свече, нависала башня Харкнесса, колокола которой отбивали начало часа.

У Алекс ушло несколько недель, чтобы понять, почему Йель показался ей каким-то не таким. Дело было в полном отсутствии гламура. В Лос-Анджелесе, даже в Долине, даже в худшие дни, всё и все было на стиле. Даже мать Алекс с ее пурпурными тенями и слоями бирюзы, даже их унылая квартира с наброшенными на лампы шальями, даже ее нищие, страдающие от похмелья друзья, устраивающие барбекю у кого-нибудь на заднем дворе, девицы в облегающих

шортах с голыми пупками и развевающимися волосами до пояса, парни с бритыми головами, шелковистыми пучками или толстыми дредами. У всех и вся был собственный стиль.

Но здесь цвета словно смазывались. Здесь носили что-то вроде униформы: качки ходили в бейсболках козырьком назад, длинных мешковатых шортах, вопреки холодам, и с ключами на шнурках, которыми они размахивали, как денди; девушки носили джинсы и стеганные куртки; творческая молодежь красила волосы во все цвета радуги. Считается, что твоя одежда, машина, доносящаяся из нее музыка должны выражать твою индивидуальность. А здесь кто-то словно спилил все серийные номера, стер отпечатки. «*Кто ты?*» – иногда думала Алекс, глядя на очередную девушку в темно-синем бушлате и шерстяной шапке с бледным, истощенным лицом и хвостом, перекинутым через плечо, как мертвое животное. *Кто ты?*

Мерси представляла собой исключение. Она предпочитала шмотки с цветочным принтом и, казалось, имела бесчисленное множество очков, которые она носила на блестящих тесемках вокруг шеи. При этом Алекс ни разу не видела, чтобы она их надевала. Сегодня Мерси надела парчовое пальто с вышитыми на нем пуансеттиями, в котором выглядела, как самая молодая эксцентричная бабушка в мире. Когда Алекс приподняла брови, та сказала только: «Люблю одеваться броско».

Они вошли в общую комнату Джонатана Эдвардса, и их тут же окутало теплом. Зимний свет падал на кожаные диваны, оставляя на них водянистые квадраты, – все это было жеманной, притворно-скромной прелюдией к высокому балочному потолку и каменным нишам столовой.

Мерси рассмеялась:

– По моим наблюдениям, ты так улыбаешься только перед едой.

Она была права. Если Бейнеке был храмом Дарлингтона, то Алекс ежедневно восхищалась столовой. В квартире в Ван-Найс они питались фастфудом, когда были деньги, а, когда оставались на мели – хлопьями, иногда сухими, иногда вымоченными в газировке, если она совсем отчаивалась. Всякий раз, как их приглашали на барбекю к Итану, она краля пакет булочек для хот-догов, чтобы было на что мазать арахисовое масло, а однажды попыталась съесть сухой корм Локи, но не смогла его прожевать. Даже когда она жила с мамой, питались они только замороженной едой, рисовыми блюдами, которые достаточно было разогреть в упаковке, а потом, когда Мира стала торговать «Гербалайфом», – странными коктейлями и питательными батончиками. Алекс неделями носила в школу протеиновую смесь для пудинга.

Мысль о том, что горячая еда вот так запросто ждала ее три раза в день, по-прежнему ее поражала. Но что и сколько бы она ни ела, насытить ее наголодавшееся тело было невозможно. Каждый час ее желудок начинал урчать, как колокола башни Харкнесса. Алекс всегда брала с собой два сэндвича и завернутые в салфетку шоколадные печенья. Запас еды в рюкзаке вызывал у нее чувство защищенности: если все это закончится, если ее всего этого лишат, ей не придется голодать минимум пару дней.

– Хорошо, что ты столько тренируешься, – заметила Мерси, глядя, как Алекс жадно ест гранолу. Только вот на самом деле она, конечно, не тренировалась, и рано или поздно быстрый метаболизм перестанет ее выручать, но ей было просто все равно. – Как думаешь, надеть юбку на «Психоз Омеги» завтра ночью – это чересчур?

– Ты по-прежнему собираешься на эту вечеринку братства?

Мерси твердо решила, что им с Алекс нужно побывать на пяти вечеринках, чтобы завести знакомства, и одной из этих вечеринок должен был стать «Психоз Омеги».

– Не у всех же есть смазливый кузен, который водит нас в интересные места. Так что да, собираюсь, пока меня не позовут на вечеринку покруче. Это тебе не школа. Мы не обязаны дожидаться, пока нас куда-то пригласят, как каких-то неудачниц. Я и так сто раз наряжалась – но только для того, чтобы в итоге меня, кроме тебя, никто так и не увидел.

– Ладно, я пойду в юбке, если ты пойдешь в юбке, – сказала Алекс. – А еще... Мне придется одолжить у тебя юбку.

Наряжаться на вечеринки братств было не принято, но, если Мерси хотелось разодеться для кучки парней в костюмах химзащиты, значит, именно так они и поступят.

– Тебе надо надеть эти твои ботинки со шнурками, – добавила она. – Пойду за добавкой.

Белладонна действовала как раз, когда Алекс накладывала себе на поднос блинчики с арахисовым маслом, и она резко втянула в себя воздух, почувствовав себя совершенно бодрой. Казалось, будто за шиворот ей засунули ледяное яйцо. Разумеется, именно в этот момент профессор Бельбалм подозвала ее к своему столу. Преподавательница сидела за угловым столиком под решетчатыми окнами. Ее прилизанные седые волосы блестели, как голова тюленя среди волн.

– Твою мать, – сказала себе под нос Алекс и съежилась, когда губы Бельбалм изогнулись, будто та ее услышала.

– Дай мне минутку, – сказала она Мерси и поставила поднос на их стол.

Маргарита Бельбалм была француженкой, но по-английски говорила безупречно. Ее белоснежные волосы были подстрижены под гладкое, строгое каре, словно высеченное из кости и лежащее на ее голове неподвижно, как шлем. Она носила ассиметричную черную одежду, спадающую в высшей степени элегантными складками, и излучала безмятежность, от которой Алекс потряхивало. Алекс трепетала перед ней с тех пор, как впервые увидела ее стройную безукоризненную фигуру в ознакомительный день в Джонатане Эдвардсе и почувствовала аромат ее перечных духов. Бельбалм была профессором феминологии, главой колледжа Дж. Э. и одной из самых молодых преподавательниц, получивших постоянный контракт. Алекс не слишком хорошо понимала, что подразумевается под постоянным контрактом и что значит «молодая» – тридцать, сорок или пятьдесят? В зависимости от освещения Бельбалм выглядела по-разному. Сейчас, когда Алекс была под воздействием белладонны, Бельбалм можно было дать от силы лет тридцать, и отражающийся от ее белых волос свет мерцал, как крошечные падающие звезды.

– Здравствуй, – сказала Алекс, замерев за спинкой одного из деревянных стульев.

– Александра, – сказала Бельбалм, положив подбородок на сложенные руки. Она всегда путала имя Алекс, и та никогда ее не поправляла. Признаться этой женщине, что ее зовут Гэлакси, было бы немыслимо. – Я знаю, что ты завтракаешь с подругой, но мне нужно тебя украсть. – Алекс еще не видела никого с настолько утонченными манерами. – У тебя найдется минутка? – вопросы Бельбалм всегда больше походили на утверждения. – Ты зайдешь в кабинет, да? Там мы сможем побеседовать.

– Конечно, – сказала Алекс, хотя на самом деле хотела спросить: «У меня неприятности?» Когда в конце первого семестра Алекс оставили на испытательный срок, Бельбалм сообщила ей эту новость, сидя в своем элегантно обставленном кабинете и положив перед собой три работы Алекс: одну по «Парням что надо» для курса по социологии на тему организационных катастроф; другую по «Позднему воздуху» Элизабет Бишоп – стихотворению, которое она выбрала за краткость, но позже поняла, что ей нечего о нем сказать и она даже не может заполнить пространство листа солидными длинными цитатами; третью – к семинару по Свифту – она рассчитывала, что писать о нем эссе будет весело, из-за «Путешествий Гулливера». Как выяснилось, «Путешествия Гулливера», которые она читала, были детской версией и не имели ничего общего с заумным оригиналом.

Бельбалм пригладила ладонью бумаги и мягко сказала, что Алекс следовало предупредить о своих трудностях в обучении:

– У тебя же дислексия, да?

– Да, – солгала Алекс. Ей нужно было как-то объяснить тот факт, что она настолько отстаёт от однокурсников. Она чувствовала, что ей должно стать стыдно за то, что она не поправила Бельбалм, но не могла не воспользоваться этим объяснением.

И что теперь? Семестр начался не так давно, чтобы Алекс успела снова облажаться.

Бельбалм подмигнула и сжала ее ладонь.

– Ничего страшного. Не нужно пугаться, – пальцы профессора были прохладными и костлявыми, твердыми, как мрамор; на ее безымянном пальце мерцал единственный крупный темно-серый камень. Алекс сознавала, что поедает кольцо глазами, но из-за наркотика оно казалось горой, алтарем, планетой на орбите. – Я предпочитаю штучные украшения, – сказала Бельбалм. – Простота, хм-м?

Алекс кивнула и, сделав над собой усилие, отвела взгляд. На ней самой сейчас были дешевые серьги, которые она стащила из Claire's в молле Fashion Square. Простота.

– Пойдем, – сказала Бельбалм, поднявшись и взмахнув изящной рукой.

– Я только сумку возьму, – ответила Алекс, вернулась к Мерси, записала в рот блинчик и принялась торопливо жевать.

– Ты видела? – спросила Мерси, показывая Алекс экран телефона. – Ночью в Нью-Хейвене убили какую-то девушку. Напротив Пейна Уитни. Похоже, ты утром проходила прямо мимо места преступления!

– Жесть, – сказала Алекс, взглянув на ее мобильник. – Я видела прожекторы, но подумала, что там просто случилась какая-то авария.

– Кошмар. Ей было всего шестнадцать, – Мерси потеряла руки. – Чего хочет Красотка Бельбалм? Я думала, мы будем разбирать твоё эссе.

Мир сиял. Алекс чувствовала себя полной сил и способной на все. Мерси была к ней добра, и Алекс хотелось поработать с ней, пока эффект белладонны не пошел на спад, но она ничего не могла поделать.

– У Бельбалм сейчас есть время, и мне нужно обсудить с ней свое расписание. Встретимся у нас в комнате?

«*Эта сука врет, как дышит*», – как-то сказал об Алекс Лен. Он много чего говорил, пока не умер.

Алекс вслед за преподавательницей вышла из столовой и пошла через двор к ее кабинету. Ей было неловко бросать Мерси. Мерси родилась в семье профессоров, живущей в богатом пригороде Чикаго. Она написала какое-то нереально крутое сочинение, впечатлившее даже Дарлингтона. У них с Алекс не было ничего общего. Но им обоим было не с кем сидеть в столовой, и Мерси не засмеялась, когда оказалось, что Алекс не знает, как правильно произносится фамилия Гете. При ней и Лорен Алекс было легче притворяться, что ей здесь самое место. И все-таки, если Красотка Бельбалм требует твоего присутствия, спорить не приходится.

У Бельбалм было два помощника, которые сменяли друг друга за столом перед ее кабинетом. Этим утром была смена очень жизнерадостного, очень смазливового Колина Хатри. Он был членом «Свитка и ключа» и обладал каким-то особым дарованием в химии.

– Алекс! – воскликнул он так, будто она долгожданная гостья на вечеринке.

Энтузиазм Колина всегда казался искренним, но иногда из-за этой его неумной энергии ей хотелось психануть и проткнуть ему ладонь карандашом. Профессор повесила свое элегантное пальто на вешалку и позвала Алекс в кабинет.

– Чай, Колин? – с вопросительной интонацией произнесла Бельбалм.

– Конечно, – сказал тот, сияя не как помощник, а скорее как прислужник.

– Спасибо, дорогой.

– Пальто, – одними губами произнес Колин.

Алекс сбросила пальто. Однажды она спросила у Колина, что Бельбалм известно об обществах. «Ничего, – ответил он. – Она думает, это “брехня старомодной элиты”».

И она не ошибалась. Раньше Алекс задавалась вопросом, что такого особенного в старейшинах, которых каждый год избирали общества, и думала, что в них наверняка есть что-то волшебное. Но то были просто самые перспективные студенты: наследники состояний, отличники, королевы красоты, редактор Daily News, квотербек команды по регби, паренек, поставивший

радикальную версию «Эквуса», которую никто не хотел смотреть. Люди, которым предстояло управлять хедж-фондами и стартапами и пожинать лавры исполнительных продюсеров.

Алекс вошла вслед за Бельбалм в кабинет, где царил атмосфера покоя. На полках стояли книги и бережно подобранные сувениры из путешествий Бельбалм: выпуклый, как медуза, декантер из выдувного стекла, какое-то старинное зеркало. На подоконнике в белых керамических горшках, похожих на геометрические скульптуры, росли растения. Даже солнечный свет здесь казался мягче.

Алекс сделала глубокий вдох.

– Слишком сильно пахнет духами? – с улыбкой спросила Бельбалм.

– Нет! – громко ответила Алекс. – Все отлично.

Бельбалм изящно опустилась в кресло за своим столом и жестом пригласила Алекс сесть на зеленый бархатный диван напротив.

– Le Parfum de Thérèse, – сказала Бельбалм. – Edmond Roudnitska. Он был одним из величайших носов двадцатого века и создал этот аромат для своей жены. Пользоваться им позволялось только ей. Романтично, не правда ли?

– Но тогда...

– Каким образом он достался мне? Ну, они оба умерли, и на этом можно было заработать, так что Фредерик Малле выпустил духи в продажу, чтобы мы, обыватели, смогли их покупать.

Обыватель было словом, которым не пользовались бедняки. Точно так же, как люди из мира роскоши не пользовались словом *роскошный*. Но благодаря улыбке Бельбалм Алекс почувствовала себя включенной в ее круг и постаралась понимающе улыбнуться в ответ.

Вошел Колин и поставил на край стола поднос, на котором стоял чайный сервиз цвета красной глины.

– Что-нибудь еще? – с надеждой спросил он.

Бельбалм отмахнулась.

– Займись чем-нибудь важным, – она разлила чай по чашкам и протянула одну из них Алекс. – Если хочешь, добавь сливок и сахара. А еще есть свежая мята, – она встала и сорвала веточку с какого-то растения на подоконнике.

– Мятку, пожалуйста, – сказала Алекс, забрав ветку и вторя движениям Бельбалм: размолоть листья, бросить их в свою чашку.

Бельбалм откинулась в кресле, сделала глоток. Алекс повторила за ней, обожгла язык и постаралась не подавать виду.

– Полагаю, ты слышала о той бедной девушке?

– О Таре?

Бельбалм вскинула тонкие брови.

– Да, о Таре Хатчинс. Ты ее знала?

– Нет, – ответила Алекс, раздражаясь из-за собственной глупости. – Я только что о ней читала.

– Страшная новость. Сделаю еще более страшное признание: я рада, что она не была студенткой. Это, конечно, несколько не облегчает утрату.

– Конечно, – но Алекс была почти уверена, что именно это и имела в виду Бельбалм.

– Алекс, чего ты хочешь от Йеля?

Денег. Алекс знала, что такой ответ покажется Маргарите Бельбалм безнадежно примитивным. «Когда ты впервые их увидела?» – спросил ее Дарлингтон. Возможно, все богачи задают не те вопросы. Для таких, как Алекс, никаких *чего ты хочешь* не существует. Вопрос состоял в том, *сколько можно получить*. Хватит ли для выживания? Хватит ли, чтобы позаботиться о матери, когда все неизбежно плохо кончится?

Алекс не ответила, и Бельбалм задала новый вопрос:

– Почему ты поступила сюда, а не в художественную школу?

«Лета» написала для Алекс картины, создала ложный след успехов и блестящих рекомендаций, компенсирующих ее академические провалы.

– Я талантлива, но не настолько, чтобы преуспеть.

Это было правдой. При помощи магии можно породить умелых художников, искусных музыкантов, но не гениев. Алекс внесла в свое расписание художественные факультативы, потому что от нее это ожидалось, и они оказались самой легкой частью ее учебы. Потому что кистью водила не ее рука. Когда она вспоминала, что надо бы взяться за альбомы, которые посоветовал ей купить Сэндоу, писать картины оказывалось так легко, словно она позволяла планшетке-указателю скользить по «говорящей доске»⁸, хотя появляющиеся образы возникали откуда-то у нее изнутри: полуголый, пьющий из лунки Бузила; Хелли в профиль с растущими на спине крыльями бабочки «монарх».

– Не стану обвинять тебя в ложной скромности. Я полагаю, тебе лучше знать, какими талантами ты обладаешь, – Бельбалм сделала еще глоток чая. – Мир довольно суров к художникам, которые талантливы, но не велики. Итак. Чего ты хочешь? Стабильности? Постоянной работы?

– Да, – сказала Алекс, и, вопреки ее стараниям, тон ее голоса прозвучал капризно.

– Александра, ты меня не поняла. В подобных желаниях нет ничего зазорного. Только люди, никогда не знавшие нужды, видят в них мещанство, – профессор подмигнула. – Самые ярые марксисты – всегда мужчины. Женщин несчастья настигают слишком легко. Нашу жизнь может разрушить единственный поступок, белая волна⁹. А деньги? Деньги – это скала, за которую мы цепляемся, когда нас уносит течение.

– Да, – сказала Алекс, подавшись вперед.

Вот чего никогда не могла понять ее мать. Мира любила *искусство, истину, свободу*. Она не хотела быть *частью системы*. Но системе было все равно. Шестеренки машины продолжали вертеться и неизбежно ее настигали.

Бельбалм поставила чашку на блюдце:

– Итак, когда у тебя появятся деньги, когда вместо того, чтобы цепляться за скалу, ты сможешь забраться на ее вершину, что ты там построишь? Что ты будешь проповедовать, стоя на скале?

Алекс почувствовала, что от ее заинтересованности ничего не осталось. Неужели профессор рассчитывает, что ей есть что сказать, что она может поделиться какой-то мудростью? *Не бросайте школу? Не принимайте наркотики? Не трахайтесь с плохими парнями? Не позволяйте плохим парням водить вас за нос? Уважайте родителей, даже если они этого не заслуживают, потому что у них есть бабло, чтобы заплатить за ваш прием у дантиста? Довольствуйтесь мечтами поскромнее? Не позволяйте своей любимой девушке умереть?*

Молчание затянулось. Алекс взглянула на мяту, плавающую в чашке.

– Ладно, – со вздохом сказала профессор Бельбалм. – Алекс, я спрашиваю тебя об этом, потому что не знаю, как еще тебя замотивировать. Хочешь узнать, почему для меня это важно?

Вообще-то нет. Алекс просто думала, что Бельбалм принимает свою должность главы Дж. Э. близко к сердцу, а потому заботится обо всех студентах под своей опекой. Но она все равно кивнула.

– Алекс, все мы с чего-то начинали. Многие из этих детей привыкли жить на всем готовеньком. Они забыли, каково добиваться желаемого. Ты же голодна, а я уважаю голод, – Бельбалм постучала двумя пальцами по столу. – Но *к чему* ты стремишься? Ты становишься лучше, я это вижу. Думаю, тебе помогают, и это хорошо. Ты явно умная девушка. Твой академический

⁸ «Говорящая доска», или «уиджа» – доска для спиритических сеансов с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами, словами «да» и «нет» и со специальной планшеткой-указателем

⁹ Белая волна, волна-убийца – гигантская одиночная волна высотой 20–30 метров, возникающая в океане.

испытательный срок вызывает беспокойство, но еще больше меня беспокоит, что ты, похоже, выбираешь не самые интересные, а самые легкие предметы. Здесь ты не можешь просто *пробавляться* кое-как.

«*Могу и перебыть*», – подумала Алекс, но сказала только:

– Простите.

Она извинялась искренне. Бельбалм искала в ней какой-то скрытый потенциал, и Алекс предстояло ее разочаровать.

Бельбалм отмахнулась от ее извинений:

– Подумай, чего ты хочешь, Алекс. Возможно, ты не найдешь этого здесь. Но, если твои цели достижимы в пределах университета, я сделаю, что могу, чтобы помочь тебе остаться.

Алекс хотела *этого*: совершенного покоя этого кабинета, мягкого света, люющего из окон, нежных листьев мяты, базилика, майорана.

– Ты уже думала о планах на лето? – спросила Бельбалм. – Ты не хотела бы остаться здесь? Поработать на меня?

Алекс вскинула голову:

– Но что я могу для вас сделать?

Бельбалм рассмеялась.

– Думаешь, Изабель и Колин выполняют сложные задания? Они ведут мой календарь, архив, организуют мою жизнь, чтобы этим не пришлось заниматься мне. Я не сомневаюсь, что с этим справишься и ты. У нас есть летний курс писательского мастерства, который, как мне кажется, поможет подтянуть твои навыки настолько, чтобы ты могла продолжить обучение здесь. Тебе нужно бы задуматься о будущей карьере. Алекс, я не хочу, чтобы ты осталась за бортом.

Целое лето на то, чтобы наверстать упущенное и перевести дух. Алекс умела здраво рассчитывать свои шансы. Иначе было нельзя. Прежде чем ввязаться в сделку, надо знать, что можешь благополучно ее завершить. И она знала: вероятность, что ей удастся всеми правдами и неправдами проучиться в Йеле четыре года, невелика. Когда рядом был Дарлингтон, все было по-другому. Благодаря его помощи у нее появлялось преимущество, эта жизнь становилась сносной, возможной. Но Дарлингтон исчез – кто знает, насколько, – а она так устала кое-как удерживаться на плаву.

Бельбалм предлагала ей три месяца, чтобы отдышаться, восстановиться, придумать план, собраться с силами, стать настоящей студенткой Йеля, а не притворщицей, играющей эту роль на бабки «Леты».

– И как это устроить? – спросила Алекс. Ей хотелось поставить свою чашку на стол, но у нее так дрожали руки, что она боялась звякнуть ей о блюдец.

– Покажи мне, что можешь продолжать совершенствоваться. Закончи год с хорошими оценками. И в следующий раз, когда я спрошу, чего ты хочешь, я ожидаю получить ответ. Ты знаешь о моем салоне? У меня был салон вчера, но будет еще один на следующей неделе. Можешь начать с того, что будешь его посещать.

– Это я могу, – безо всякой уверенности сказала Алекс. – Это я могу. Спасибо.

– Алекс, не благодари, – Бельбалм взглянула на нее из-за красного бортика своей чашки. – Просто делай, что необходимо.

Алекс выпорхнула из кабинета, помахала Колину, ощущая себя легкой как перышко, и вышла в тихий двор. Иногда такое случалось: все двери закрывались, никто не проходил мимо по пути на занятия или в столовую, все окна накрепко запирались от холода, и ты оставался в полной тишине. Безмолвие окутало Алекс. Она вообразила, что окружающие ее корпуса заброшены.

Каким станет кампус летом? Тихим, как сейчас? Влажным и безлюдным городом под стеклянным куполом? Зимние каникулы Алекс провела в Il Bastone. Она смотрела фильмы на купленном ей «Летой» ноутбуке, постоянно переживая, что придет Доуз. Она разговаривала по «Скайпу» с мамой и выходила только за пищей и лапшой. Даже Серые исчезли, будто без студенческих волнений и тревог ничто не тянуло их в кампус.

Алекс представила себе безмятежность и поздние утра, которые могло принести лето. Она могла бы сидеть за тем же столом, что Колин и Изабель, заваривать чай, обновлять сайт Дж. Э., делать все, что необходимо; выбрать курсы – те, где учебный план особо не менялся; заранее прочесть книги из списка для чтения; пройти курс писательского мастерства, чтобы ей больше не пришлось постоянно полагаться на Мерси – если, конечно, Мерси захочет жить вместе и в следующем году.

В следующем году. Волшебные слова. Бельбалм построила для Алекс мост в возможное будущее. Ей оставалось только его перейти. Мать Алекс будет разочарована, если она не придет домой в Калифорнию... Или нет? Может, так будет проще. Когда Алекс сказала матери, что уезжает в Йель, Мира посмотрела на нее с такой грустью, что Алекс не сразу сообразила: мать решила, что она под кайфом. Алекс виновато сделала фото пустого двора и послала маме с припиской: «*Холодное утро!*» Сообщение было бессмысленным, но свидетельствовало о том, что у нее все хорошо и она *здесь*. Доказательство жизни.

Перед тем, как отправиться на занятия, она заглянула в ванную, провела пальцами по волосам. Они с Хелли обожали краситься, спускали изредка появлявшиеся деньги на подводку с блестками и блеск для губ. Иногда она по всему этому скучала. Здесь макияж значил нечто иное; он говорил о том, что девушка слишком старается привлечь внимание.

Алекс высидела час на испанском – это было скучно, но сносно, потому что от нее требовалось только запоминать. Все обсуждали Тару Хатчинс, хотя никто не называл ее по имени. Она была погибшей девушкой, жертвой преступления, городской, которую пырнули ножом. Люди говорили о телефонах доверия и психологической поддержке для тех, кого потрясло это событие. Аспирант, который вел у нее испанский, напомнил им, что после заката следует пользоваться предоставляемыми на территории кампуса услугами провожатого. *Я была совсем рядом. Я была там от силы за час до того, как все произошло. Я прохожу мимо каждый день.* Эти фразы Алекс слышала снова и снова. В словах звенели волнение и неловкость, в очередной раз доказывающие, что, сколько бы сетевых магазинов здесь ни открылось, Нью-Хейвену никогда не стать Кембриджем. Но по-настоящему напуганным никто не казался. *Потому что Тара не была одной из вас,* подумала Алекс, собирая сумку. *Вы-то по-прежнему чувствуете себя в безопасности.*

У Алекс было два свободных часа после пары, и она хотела провести их в своей комнате в общежитии. Она собиралась перекусить заранее припасенными сэндвичами, написать отчет для Сэндоу, проспять отходняк после белладонны и пойти на лекцию по литературе.

Вместо этого ноги сами понесли ее в спорткомплекс Пейна Уитни. Перекресток больше не был огорожен, и толпа рассеялась, но треугольный участок земли напротив комплекса по-прежнему опоясывала полицейская лента. Прохожие украдкой косились на место преступления и торопливо шли дальше, словно стыдясь, что кто-то заметит, как они разглядывают это жуткое место в холодном хмуром свете дня. Рядом была припаркована частично заехавшая на тротуар патрульная машина, а на другой стороне улицы стоял фургон службы новостей.

Алекс невольно подумала, что декан Сэндоу и другие члены йельской администрации сейчас наверняка проводят срочные совещания на тему минимизации ущерба. Раньше она не понимала, чем Йель отличается от Принстона и Гарварда и в чем разница между городами, где они расположены. Каждый из них казался фантастическим местом в воображаемом городе. Но по тому, как Лорен и Мерси прикалывались над Нью-Хейвеном, становилось ясно, что этот город и университет считаются чуть менее престижными, чем другие. И убийство, произошед-

шее так близко к кампусу, – хоть жертва и не была студенткой – не будет для них хорошим пиаром.

Алекс гадала, убили ли Тару здесь или ее тело просто бросили перед спорткомплексом. Надо было спросить коронера, пока он находился под воздействием чар монеты. Сама Алекс склонялась к первому варианту. Если хочешь избавиться от тела, не будешь бросать его посреди людного перекрестка.

В памяти всплыла туфля Хелли – розовая пластиковая сандалия, соскользнувшая с ее ноги с накрашенными ногтями. Единственной некрасивой частью Хелли были ее широкие ступни с жавшимися друг к другу пальцами и толстой, огрубелой кожей.

Что я здесь делаю? Алекс не хотелось приближаться к месту, где еще недавно лежало тело. *Это был ее парень.* Так сказал ей коронер. Он был торговцем наркотиками. Они из-за чего-то поругались. Раны были глубокими, но, если он был под кайфом, кто знает, что творилось у него в голове?

И все-таки что-то здесь ее тревожило. Ночью она пришла со стороны Гров-стрит, но сейчас стояла на другой стороне перекрестка, прямо напротив общежитий Бейкер-холл и пустого, ледяного участка земли, где нашли Тару. С этого ракурса в том, как все выглядело, было что-то знакомое: две улицы, колы, воткнутые в землю там, где умерла или была брошена Тара. Может, зрелище кажется иным только потому, что сейчас она смотрит на него при дневном свете и вокруг нет толпы? Ложное дежа-вю? А может, с ней играет шутки остаточный эффект белладонны? В дневниках «Леты» было полно предостережений о том, что ее действие бывает сильным.

Алекс вспомнила, как туфля Хелли, секунду покачавшись на ее большом пальце, со стуком упала на пол квартиры. Лен повернулся к Алекс, с трудом удерживая обмякшее тело Хелли под мышками. Бузила прижимал колени Хелли к своему бедру, они словно танцевали свинг. «Ну же, – сказал Лен. – Открой дверь, Алекс. Выпусти нас».

Выпусти нас.

Она отогнала это воспоминание подальше и взглянула на группу Серых перед спорткомплексом. Сегодня их стало меньше, а их настроение – если у них действительно было настроение – пришло в норму. Но Жених был по-прежнему здесь. Как бы Алекс ни пыталась его игнорировать, взгляд невольно задерживался на этом призраке: брюки со стрелками, начищенные ботинки, красивое лицо, напоминающее актера из какого-нибудь старого кино, большие темные глаза и черные волосы, зачесанные назад со лба мягкой волной. Впечатление портила только большая кровавая оспина огнестрельного ранения на груди.

Он был настоящим привидением, Серым, который мог проходить сквозь слои Покрова. Он мог дать почувствовать свое присутствие, дребезжа лобовыми стеклами и вызывая вой автомобильных сигнализаций на крытой парковке, расположенной там, где когда-то находилась каретная фабрика, принадлежавшая его семье, – и где он убил сначала свою невесту, а потом и себя самого. Это была любимая остановка туристов, отправляющихся в «призрачные» туры по Новой Англии. Алекс отвела от Жениха взгляд, но краем глаза увидела, как он отделяется от группы и направляется к ней.

Пора валить. Ей не хотелось привлекать интерес Серых – особенно тех, которые способны были принимать осязаемую физическую форму. Она повернулась к нему спиной и торопливо пошла к центру кампуса.

По возвращении в Вандербилт она в полной мере ощутила на своей шкуре отходняк и чувствовала себя настолько слабой и изможденной, словно целую неделю проболела самым тяжелым гриппом в жизни. Отчет Сэндоу мог подождать. К тому же, ей было особо нечего сказать. Она поспит. Возможно, ей приснится лето. Она по-прежнему слышала исходящий от своих пальцев аромат мяты.

Закрыв глаза, она увидела лицо Хелли, ее бледные, выгоревшие на солнце брови, рвоту, засохшую у нее на губе. И все по вине Тары Хатчинс. Блондинки всегда напоминали Алекс о Хелли. Но почему место преступления выглядело таким знакомым? Что она увидела в этом сиротливом куске мертвой земли, огибаемом машинами?

Ничего. Она слишком поздно леглась спать, слишком часто ощущала, что Дарлингтон шепчет ей на ухо. Тара вовсе не походила на Хелли. Она была плагиатом, дешевой подделкой.

«Нет», – сказал голос в ее голове. Говорила Хелли. Она стояла на скейтборде и, безупречно удерживая баланс, раскачивалась из стороны в сторону на своих широких стопах. Кожа ее была пепельной, на лифчике от бикини виднелись засохшие кусочки еды. *Она – это я. Она – это ты, не получившая второй шанс.*

Алекс боролась с сонливостью. В комнате было темно, в единственное узкое окно свет почти не проникал.

Хелли давно нет, как нет и людей, которые ей навредили. Но кто-то навредил и Таре Хатчинс. Кто-то, оставшийся безнаказанным. Пока.

Предоставь это детективу Тернеру, говорила ей воительница – частичка ее собственной души. *Спи спокойно. Забудь об этом. Сосредоточься на оценках. Подумай о лете.*

Алекс видела мост, построенный Бельбалм. Оставалось лишь его перейти.

Она потянулась в комод за каплями белладонны. Еще один день. Хотя бы день она может подарить Таре Хатчинс, прежде чем похоронить ее навсегда и зажечь дальше. Так же, как она похоронила Хелли.

«Аврелиан», дом мнимых царей-философов, великих объединителей. «Аврелиан» был основан, чтобы поддержать идеалы лидерства и, предположительно, объединить в себе лучшее в обществах. Аврелианцы считали себя чем-то вроде новой «Леты», собирали руководящий совет из членов всех остальных обществ. Долго это не продлилось. Оживленные дебаты сменились бурными спорами, были завербованы новые члены, и вскоре «Аврелиан» стал столь же клановым, как и другие Дома Покрова. В конечном счете их магии присуща фундаментальная практичность, лучше всего подходящая работающим профессионалам, – скорее ремесло, чем призвание. Это превратило их в посмешище со стороны тех, кто обладал более тонким вкусом, но, когда «Аврелиану» отказали в доступе к их собственной «гробнице», и он остался без постоянного адреса, аврелианцам удалось выжить в обстоятельствах, в которых другие Дома терпели фиаско, – они занимались наемным трудом.

Из «Жизни «Леты»: процедуры и протоколы Девятого Дома»

У них попросту нет никакого стиля. Да, изредка они отрывают какого-нибудь сенатора или посредственного писателя, но ночи «Аврелиана» всегда немного похожи на чтение протокола какого-нибудь пикантного судебного заседания. Начинаешь читать в предвкушении, а на второй странице понимаешь, что в этой куче слов не так уж много драмы.

Дневник Мишель Аламеддин времен «Леты» (Колледж Хонпер)

6

Прошлая осень

Он вводил ее в курс дела понемногу, начав с «Аврелиана». Дарлингтон посчитал, что большая магия может подождать, и понял, что принял верное решение, когда спустился на первый этаж II Bastone и увидел, как Алекс сидит на краю бархатной подушки, взволнованно грызя ноготь. Доуз, казалось, ничего не замечала. На ней были шумоподавляющие наушники, и все ее внимание было сосредоточено на «Справочнике по линейному письму Б»¹⁰.

– Готова? – спросил Дарлингтон.

Алекс встала и вытерла ладони о джинсы. Он заставил ее перебрать запасы оберегов в их сумках и с удовольствием отметил, что она ничего не забыла. Наконец они сняли свои пальто с вешалок в прихожей.

– Доброй ночи, Доуз, – сказал он. – Мы не допоздна.

Та опустила наушники на шею:

– У нас есть сэндвичи с яйцом, укропом и копченым лососем.

– Позволь полюбопытствовать?..

– И авголемоно.

– Я бы назвал тебя ангелом, но ты гораздо интереснее.

Доуз прищелкнула языком:

– Вообще-то это не осенний суп.

– Осень только началась, и ничто не придает сил лучше авголемоно.

К тому же после глотка эликсира Хирама согреться бывало непросто.

Доуз улыбнулась и вернулась к своему тексту. Она любила, когда превозносили ее кулинарные способности, почти так же, как когда признавали ее научные достижения.

Когда они шли по Оранж назад к парку Грин и кампусу, воздух казался ему бодряще холодным. Весна приходила в Новую Англию медленно, зато осень наступала в мгновение ока. Только что ты потел в летней хлопковой одежде – а в следующую секунду уже дрожишь под суровым кобальтовым небом.

– Расскажи об «Аврелиане».

Алекс вздохнула:

– Основан в 1910-м. Комнаты были выделены ему в Шеффилд-Стерлинг-Страткона-холле...

– Не мучайся. Все называют его ШСС.

– ШСС. Во время реставрации 1932-го.

– Примерно в то же время «Кости» огораживали свой анатомический театр, – добавил Дарлингтон.

– Свой что?

– Узнаешь на своем первом предсказании. Но я подумал, что в нашу с тобой первую вылазку лучше не слишком торопиться.

Мысленно Дарлингтон добавил, что Алекс Стерн будет лучше сделать свои первые шаги среди пылких, щедрых аврелианцев, а не при Костлявых.

– Университет даровал эти комнаты «Аврелиану» в награду за оказанные услуги.

– Какие услуги?

¹⁰ «Справочник по линейному письму Б: тексты на микенском греческом языке и их мир». Авторы Ив Дюхоу, Анна Морпурго Дэвис.

- Это ты мне скажи, Стерн.
- Ну, их специализация – логомантия, магия слов. Что-то, связанное с договором?
- Покупка Сакемского леса в 1910 году. Университет собирался приобрести огромный участок земли и хотел позаботиться, чтобы сделку невозможно было оспорить. Эта земля стала Сайенс-Хиллом. Что еще?
- Люди не воспринимают их всерьез.
- Люди?
- «Лета», – поправилась она. – Другие общества. Потому что у них нет настоящей гробницы.
- Но мы не такие, как эти люди, Стерн. Мы не снобы.
- Дарлингтон, ты самый настоящий сноб.
- Ну, разве что другой разновидности. Нас волнуют только два вопроса: плодотворна ли их магия и опасна ли она?
- Ну и как? – спросила Алекс.
- Ответ на оба вопроса – иногда. «Аврелиан» специализируется на нерасторжимых договорах, обязывающих клятвах, рассказах, способных буквально усыпить читателя. В 1989 году некий миллионер впал в кому в каюте своей яхты. Рядом с ним нашли книгу «Бог и человек в Йеле», и, если бы кто-то потрудился туда заглянуть, то нашел бы вступление, которого не существует ни в одном другом издании, – вступление, составленное «Аврелианом». Возможно, тебе также будет интересно узнать, что последними словами Уинстона Черчилля были: «Мне все это наскучило».
- То есть, по-твоему, Уинстона Черчилля убил «Аврелиан»?
- Это всего лишь гипотеза. Но я могу подтвердить, что половина мертвецов с кладбища на Гров-стрит остается в могилах только потому, что надписи на их могильных камнях составлены членами «Аврелиана».
- По-моему, вполне плодотворно.
- То была старая магия. Тогда они еще владели собственной гробницей. «Аврелиан» вышибли из их комнат, когда провалились переговоры по поводу соглашения с профсоюзом. Их обвинили в том, что они подавали алкоголь несовершеннолетним, но на самом деле Йель считал, что «Аврелиан» заперол изначальные договоры. Они потеряли комнату 405, и с тех пор качество их работы оставалось сомнительным. В наше время они по большей части изредка занимаются соглашениями о неразглашении и чарами вдохновения. Именно это мы и увидим сегодня ночью.
- Они проходили мимо административного отдела Вудбридж-холла и мерцающих золотых ширм «Свитка и ключа». Замочники отменили свой следующий ритуал. «Лете» это работу не облегчало – «Книга и змей» с радостью заняли их время в ночь четверга, но Дарлингтон задавался вопросом, что именно происходит в «Ключе». Ходили слухи о слабеющей магии, о порталах, которые работали неисправно или не открывались вообще. Возможно, все это пустые разговоры: Дома Покрова были скрытными и склонными к соперничеству и мелочным сплетням. Но Дарлингтон собирался воспользоваться этой задержкой, чтобы разобраться в том, с чем, возможно, борются в «Свитке и ключе», прежде чем рисковать своей Данте.
- Если аврелианцы не опасны, зачем нам туда идти? – спросила Алекс.
- Чтобы обеспечить непрерывность процесса. Этот конкретный ритуал обычно привлекает много Серых.
- Почему?
- Из-за всей этой крови.
- Алекс замедлила шаг.
- Только не говори мне, что ты слабонервна. Если ты не выносишь крови, то не дотянешь до конца семестра.

Дарлингтон тут же почувствовал себя мудаком. Конечно, Алекс настрожена после того, что пережила в Калифорнии. Эта девушка видела настоящие травмы, а не театр ужасов, к которому так привык он сам.

– Я справлюсь, – сказала она, крепко стиснув обеими руками лямку своего портфеля.

Они вышли на суровое плато Бейнеке-плазы. Окна библиотеки мерцали, как глыбы янтаря.

– Обязательно справишься, – пообещал он. – Это регулируемая среда и простое заклинание. Считай, что сегодня ночью мы всего лишь вышибалы.

– Окей.

Но *выглядела* она вовсе не окей.

Пройдя сквозь крутящиеся двери, они оказались под высокими сводами. Гордон Баншафт задумывал библиотеку как коробку внутри коробки. Позади пустого стола охраны до самого потолка высилась огромная стеклянная стена с полками книг. Это и была настоящая библиотека – стеллажи, бумажно-пергаментное сердце Бейнеке, – а окружающая его внешняя структура служила входом, щитом, ложной кожей. За гигантскими окнами с каждой стороны виднелась пустая плаза.

Недалеко от стола охраны, на изрядном расстоянии от кейсов, в которых выставлялись вращающиеся экспонаты из коллекций библиотеки и в отдельном стеклянном кубе хранилась Библия Гутенберга, был установлен длинный стол. Библия освещалась сверху, и каждый день сотрудники переворачивали по одной ее странице. Господи, как Дарлингтон любил это место.

Аврелианцы, уже переодетые в мантии цвета слоновой кости, топтались вокруг стола, нервно переговариваясь. Одного этого беспокойства, скорее всего, было достаточно, чтобы привлечь Серых. Джош Зелински, президент этой делегации, отделился от группы и торопливо подошел их поприветствовать. Дарлингтон знал его по нескольким семинарам по американистике. У Джоша был ирокез, он носил мешковатый комбинезон и много говорил. За ним следовала женщина лет сорока, сегодняшняя Император – выпускница, избранная для наблюдения за ритуалом. Дарлингтон помнил ее по прошлогоднему обряду, который «Аврелиан» устраивал, чтобы составить нормативные документы для правления ее кондоминиума.

– Амелия, – сказал он, нащупав в памяти ее имя. – Как приятно видеть вас снова.

Она улыбнулась и взглянула на Алекса:

– Это новая ты?

О том же спрашивали Мишель Аламеддин, когда он сопровождал ее на первом курсе.

– Познакомьтесь с нашей новой Данте. Алекс из Лос-Анджелеса.

– Мило, – сказал Зелински. – Знаешь каких-нибудь кинозвезд?

– Я как-то голой плавала в бассейне у Оливера Стоуна – это считается?

– Он там тоже был?

– Нет.

На лице Зелински отразилось искреннее разочарование.

– Мы начинаем в полночь, – сказала Амелия.

У них оставалось полно времени, чтобы провести периметр вокруг ритуального стола.

– В ходе этого обряда мы не можем совершенно отгородиться от Серых, – объяснял Дарлингтон, делая вместе с Алекс широкий круг вокруг стола и выбирая, где провести границу. – Магия требует, чтобы пути сквозь Покров оставались открытыми. А теперь опиши мне первые шаги.

Он задал ей прочесть несколько отрывков из «Заклинаний Фаулера» и короткий трактат о магии порталов, восходящий к периоду становления «Свитка и ключа».

– Костяная пыль, кладбищенская земля или любое другое *memento mori* для формирования круга.

– Хорошо, – сказал Дарлингтон. – Сегодня будем пользоваться вот этим, – он протянул ей мелок из спрессованного пепла из крематория. – Так мы сможем делать пометки более аккуратно. С каждой стороны света оставим по открытому пути.

– А потом что?

– Затем займемся дверьми. Серые могут нарушить ритуал, а нам не нужно, чтобы такая магия вырвалась на свободу. Магия должна находить применение. Когда начнется этот конкретный обряд, она возжаждет крови, и, если заклинание отделится от стола, оно может буквально разрубить пополам какого-нибудь милого студента юрфака, занятого зубрежкой в квартале отсюда. Таким образом, в мире станет на одного законника меньше, но, говорят, что шутки о юристах устарели. Так что, если какой-нибудь Серый попытается прорваться, у тебя есть два варианта: либо посыпь их землей, либо произнеси смертные слова.

Серые ненавидели любые напоминания о смерти и угасании: ламентации, погребальные песни, поэмы о горе или утрате – сработала могла даже особо виртуозная реклама морга.

– Как насчет и того, и другого? – спросила Алекс.

– В этом нет никакой необходимости. Мы не тратим силы понапрасну.

Она не выглядела убежденной. Ее тревога удивила Дарлингтона. Возможно, Алекс Стерн и была испорчена и необразована, но до сих пор она проявляла немалое мужество – по крайней мере, когда речь не шла о мотыльках. Где же та сталь, блеск которой он мельком заметил? И почему ее страх так сильно его разочаровал?

Когда они уже заканчивали делать отметки, чтобы замкнуть круг, через турникет прошел молодой человек в шарфе, из-под которого виднелись одни его глаза.

– Почетный гость, – пробормотал Дарлингтон.

– Кто он?

– Зеб Йерроумэн, вундеркинд. Или бывший вундеркинд. Не сомневаюсь, что у немцев есть название для дарований, которые вышли из возраста *enfant terrible*¹¹.

– Тебе ли не знать, Дарлингтон.

– Как жестоко, Стерн. У меня еще есть время. На первом курсе в Йеле Зеб Йерроумэн написал роман, опубликовал его еще до выпускного и был любимчиком нью-йоркского литературного сообщества несколько лет подряд.

– И как книжка, хорошая?

– Неплохая, – сказал Дарлингтон. – Неудовлетворенность, безумие, ранняя любовь, обычный роман воспитания, а происходило все, когда Зеб работал на разоряющейся молочной ферме своего дяди. Но его слог впечатлял.

– Так он здесь, чтобы кого-то наставлять?

– Он здесь, потому что «Королек» вышел почти восемь лет назад, и с тех пор Зеб Йерроумэн не написал ни слова, – Дарлингтон заметил, что Зелински подает знак Императору. – Пора начинать.

Аврелианцы встали в два ровных ряда лицом друг к другу по обе стороны длинного стола. На них были длинные балахоны, похожие на мантии хористов. Их длинные заостренные рукава касались столешницы. На одном конце стола стоял Джош Зелински, на другом – Император. Оба надели белые перчатки, какими листают древние манускрипты, и развернули по всей длине стола какой-то свиток.

– Пергамент, – сказал Дарлингтон. – Сделан из козьей кожи и вымочен в бузине. Дар музе. Но это не все, чего она требует. Пошли, – он отвел Алекс назад к первым отметкам, которые они начертили. – Будешь присматривать за южными и восточными воротами. Не вставай между отметками без необходимости. Если увидишь, что приближается Серый, просто прегради ему

¹¹ *Enfant terrible* (франц.) – несносный, избалованный ребенок.

дорогу и воспользуйся кладбищенской землей или произнеси смертные слова. Я буду следить за севером и западом.

– Как? – ее голос звучал нервно и агрессивно. – Ты же их даже не видишь.

Дарлингтон достал из кармана пузырек с эликсиром. Дальше оттягивать было нельзя. Он сломал восковую печать, откупорил пробку и, не дав себе задуматься о самосохранении, выпил содержимое.

Он так и не смог привыкнуть к этому – рвотному позыву, горечи, прокатывающейся от заднего неба до самого затылка, – и сомневался, что это когда-либо случится.

– Блядь, – выдохнул Дарлингтон.

Алекс моргнула:

– Кажется, я еще ни разу не слышала, чтобы ты матерился.

Он покрылся гусиной кожей и попытался совладать с дрожью:

– Я с-ставляю ссс-квернословие в од-дин ряд с признаниями в любви. Лучше употреблять их в меру и только от ч-чистого сердца.

– Дарлингтон... твои зубы должны стучать?

Он попытался кивнуть, но, разумеется, и без того уже судорожно кивал.

Принять эликсир было все равно что окунуть голову в Великий Холод или выйти в длинную темную зиму. Или, как когда-то выразилась Мишель, «все равно что тебе в задницу засовывают сосульку».

«Но менее локализованно», – попытался тогда пошутить Дарлингтон. Но ему хотелось потерять сознание от вызывающей содрогания жути. Дело было не во вкусе, не в холоде, не в дрожи. Дело было в ощущении, что ты только что соприкоснулся с чем-то ужасным. В то время ему не удалось дать определение этому чувству, но через несколько месяцев он ехал по шоссе «I-95», когда вылетевший на его полосу трактор разминул с его машиной разве что на миллиметр. В кровь ему выбросило адреналин, и во рту появился резкий привкус раскрошенного аспирина. Тогда-то он и вспомнил вкус Пули Хирама.

Вот каково это всякий раз бывало – и будет, пока очередная доза наконец не попытается его убить, а его печень не станет токсичной. Нельзя постоянно подкрадываться к смерти и макать ножки. Однажды она схватит тебя за лодыжку и попытается затянуть на глубину.

Что ж. Если это случится, «Лета» найдет ему донора печени. Он такой не первый. И не каждому повезло обладать врожденным даром, как Гэлакси Стерн.

Теперь, когда трясучка прошла, мир на мгновение стал молочным – Дарлингтон словно видел золотой блеск Бейнеке сквозь толстую катаракту паутины. То были слои Покрова.

Когда они перед ним раздвинулись, его зрение прояснилось. Привычные колонны Бейнеке, облаченные в мантии члены «Аврелиана», опасливое выражение лица Алекс снова обрели свой обычный вид – только вот он увидел старика в твидовой куртке, который сначала парил в воздухе у кейса с Библией Гутенберга, а потом подлетел поближе к коллекции реликвий Джеймса Болдуина, чтобы лучше их разглядеть.

– Я думаю... Я думаю, это... – он удержался, чтобы не назвать Фредерика Прокоша по имени. Имена устанавливают близость и могут создать связь с мертвецом. – Он написал свой когда-то знаменитый роман «Азиаты» за столом в библиотеке Стерлинга. Интересно, не является ли его фанатом Зеб.

Прокош утверждал, что непостижим, что остается загадкой даже для ближайших друзей. И все же вот он, слоняется по библиотеке колледжа в загробной жизни. Возможно, оно и к лучшему, что эликсир так дорог и отвратителен на вкус. Иначе Дарлингтон бы пил его каждый день, только чтобы мельком увидеть нечто подобное. Но сейчас пора было браться за работу.

– Стерн, отправь его восвояси. Но не встречайся с ним взглядом.

Алекс поворочала плечами, как выходящий на ринг боксер, и, отводя глаза, подошла к Прокошу. Она залезла в свою сумку и достала пузырек с кладбищенской землей.

– Чего ты ждешь?

– Не могу снять крышку.

Прокош поднял взгляд от стеклянного кейса и поплыл к Алекс.

– Тогда скажи *слова*, Стерн.

Продолжая возиться с крышкой, Алекс шагнула назад.

– Он не может тебе навредить, – сказал Дарлингтон, вставая между Прокошем и входом в круг. Ритуал еще не начался, но лучше было бы обойтись без накладок. Дарлингтону не слишком улыбалось рассеивать этого Серого лично. Он и без того слишком много знал об этом призраке: если он изгонит его обратно за Покров, может невольно создать между ними связь.

– Ну же, Стерн.

Алекс зажмурилась и закричала:

– *Не робей! Никто не бессмертен!*

Прокош беспокойно вздрогнул, вскинул руку, словно чтобы отмахнуться от Алекс и метнулся прочь сквозь стеклянные стены библиотеки. По сути, смертные слова могли быть какими угодно. Главное, чтобы в них упоминалось о том, чего Серые боялись больше всего, – о необратимости кончины, о жизни без наследия, о пустоте загробного мира. Дарлингтон научил Алекс некоторым словам из тех, что было проще всего запомнить, – с орфических пластин, найденных в Фессалии.

– Видишь? – сказал он. – Все просто, – он покосился на аврелианцев: кое-кто из них хихикал над пылким восклицанием Алекс. – Хотя кричать было не обязательно.

Но Алекс, казалось, было все равно, что она привлекла к себе внимание. Она сияющими глазами глядела туда, где всего несколько секунд назад находился Прокош.

– Просто! – сказала она и, нахмурившись, посмотрела на пузырек с землей в своей руке. – Так просто.

– Стерн, ты могла бы побахвалиться хоть немножко. Не лишай меня радости поставить тебя на место, – когда она не ответила, Дарлингтон произнес: – Пошли, они готовы начинать.

Зеб Йерроумэн стоял во главе стола. Он снял рубашку, обнажившись до пояса: бледная кожа, узкая грудь, руки напряженно прижаты к бокам, как сложенные крылья. За последние три года Дарлингтон видел во главе этого стола множество мужчин и женщин. Некоторые из них были членами «Аврелиана». Другие просто заплатили высокую цену, требуемую фондом общества. Они приходили, чтобы сказать свое слово, выставить свои требования, надеясь увидеть нечто особенное. Нужды их были разнообразны, и «Аврелиан» менял место проведения ритуала в зависимости от их потребностей: надежные брачные договоры составлялись в холле юридического колледжа. Подлоги обнаруживались под бдительным оком бедного, обманутого «Цицерона, открывающего могилу Архимеда» Бенджамина Уэста в университетской художественной галерее. Сделки, связанные с землей и недвижимостью, заключались высоко на Ист-Роке с видом на мерцающий далеко внизу город. Может, магия «Аврелиана» и слабее, чем у других обществ, зато более подвижна и практична.

Сегодняшние песнопения начались по-латински – убаюкивающие, ласковые чтения заполняли Бейнеке и воспаряли вверх, вверх, мимо заключенных в стеклянные кейсы полок в центре библиотеки. Дарлингтон слушал вполуха, обводя взглядом периметр круга и одним глазом присматривая за Алекс. Он пришел к выводу, что ее напряжение – хороший знак. По крайней мере, ей важно не напортачить.

Песнопения зазвучали на разговорном итальянском, переходя от античного к современному. Громче всех звенел умоляющий, отдающийся от камня голос Зеба, и Дарлингтон ощущал его отчаяние. Он не мог не быть в отчаянии, учитывая, что должно было произойти дальше.

Зеб вытянул руки. Аврелианцы справа и слева от него вскинули ножи и, не переставая скандировать, сделали два длинных надреза от запястий Зеба до его предплечий.

Поначалу кровь текла медленно, выступая на поверхность красными щелями, будто открывающиеся глаза.

Зеб положил ладони на край лежащей перед ним бумаги, и его кровь полилась на бумагу. Бумага словно вошла во вкус: кровь потекла быстрее, поток крался все дальше по свитку, а Зеб продолжал скандировать по-итальянски.

Как и ожидал Дарлингтон, сквозь стены начали просачиваться влекомые кровью и надеждой Серые.

Когда кровь наконец достигла конца пергамента, каждый аврелианец опустил рукава, касаясь ими промокшей бумаги. Кровь Зеба словно карабкалась вверх по ткани, скандирование становилось все громче – теперь не на одном языке, а на всех; слова заимствовались из книг вокруг них и над ними, находящихся в кондиционированных хранилищах под ними. Тысячи и тысячи томов. Мемуары и детские сказки, открытки и меню, поэзия и дневники путешествий, мягкий, округлый итальянский, пронизываемый колючими звуками английского, тархтением немецкого, шелестящими нитями кантонского.

Все как один, аврелианцы резко опустили руки на пропитанный кровью пергамент. Хлопок расколол воздух, как гром, и от их ладоней расплзлась чернота, новый поток: кровь превратилась в чернила и потекла обратно по столу, сочась по бумаге к ладоням Зеба. Когда чернила вошли в него, запетляли вверх по его рукам каракулями, строка за строкой, слово за словом – палимпсест, чернящий его кожу, медленно, путаным курсивом подползающий к его локтям – он закричал. Он плакал, дрожал, вопил от боли – но не отрывал рук от бумаги.

Чернила вскарабкались выше, к его сутулым плечам, расплзлись по шее, по груди и одновременно вошли в его голову и сердце.

Это была самая опасная часть ритуала, когда аврелианцы оказывались наиболее уязвимы, а Серые были особенно нетерпеливы. Они еще быстрее проходили сквозь стены и запертые окна, окружали круг, ища подступы, оставленные открытыми Алекс и Дарлингтоном. Их притягивали страстное желание Йерроумэна и железная едкость свежей крови. Какие бы волнения ни терзали Алекс, сейчас она с наслаждением швыряла в Серых горсти кладбищенской земли излишне изощренными движениями, из-за которых напоминала профессионального рестлера, пытающегося завести невидимую толпу. Дарлингтон сосредоточился на собственных сторонах света и принялся осыпать облаками костяной пыли приближающихся Серых, бормоча старые смертные слова, как только кто-то из них пытался проскочить мимо него. Его любимый орфический гимн начинался со слов: *«О дух незрелого плода»*, но произносить эти слова было бы слишком долго.

Он услышал возглас Алекс и обернулся через плечо, ожидая увидеть, как она исполняет изгоняющий маневр, требующий каких-то невероятных акробатических способностей. Однако она лежала на полу и отползала назад с полным ужаса взглядом – а Серые проходили прямо в защитный круг. Дарлингтон мгновенно понял, что произошло: отметки южного подступа смазались. Алекс так увлеклась, что наступила на них и прорвала южную сторону круга. Узкая дверь, пропускающая магический поток, превратилась в открытую настежь зияющую дыру. Сосредоточившие все свое внимание на крови и желании Серые наступали, подступая все ближе к ничего не подозревающим аврелианцам.

Дарлингтон бросился им наперерез, прорывав самые короткие и жестокие смертные слова, которые знал:

– *Непонят!* – прокричал он. – *Неутешен, невоспет!*

Некоторые из них замедлили шаг, кто-то даже сгинул.

– *Непонят, неутешен, невоспет!* – повторил он.

Но они уже набрали ход – масса Серых, видимых только ему и Алекс, облаченных в одежду разных эпох, одни молодые, другие старые, одни раненые и искалеченные, другие невредимые.

Если они доберутся до стола, ритуал будет сорван. Йерроумэн точно умрет, а вместе с ним, возможно, половина аврелианцев. Магия вырвется на волю.

Но, Бейнеке была не только живым домом слов, но и великим мемориалом конца всего. Посмертная маска Торнтон Уайлдера. Зубы Эзры Паунда. Сотни элегических поэм. Дарлингтон нащупывал слова... Харт Крейн о Мелвилле, Бен Джонсон на смерть сына. «Реквием» Роберта Льюиса Стивенсона. Его разум искал точку опоры. *Начни с чего-нибудь. С чего угодно.*

*Шальная кость, я пою свою песнь,
И бреду туда, куда ветер кость гонит.*

Господи Боже. Перед ним стояла задача отвадить сверхъестественное – каким же образом ему в голову пришла поэма Фоли о скелете, занимающемся сексом?

Несколько Серых исчезло, но ему требовалось что-то повнушительней.
Гораций.

*Зима придет
И нижнее море разобьет о скалы, пока
Мы пьем летнее вино.*

Теперь они двигались медленнее, некоторые закрыли уши руками.

– *Видите, в белизне зимнего воздуха,* – воскликнул Дарлингтон, – *висит, как роза, день.* Он склоняется к тянущейся руке. *Возьми его, пока он не ушел!*

Он поднял руки вперед, будто каким-то образом мог их оттолкнуть. Почему он не мог вспомнить первую строфу поэмы? Потому что та его не интересовала. *Зачем пытаться заглянуть в будущее, если оно непознаваемо?*

– *Зима придет!* – повторил он.

Но, выгалкивая Серых из прорванных врат и протягивая руку к мелку, Дарлингтон смотрел на стеклянные стены библиотеки. Собиралась орда – сквозь стены виднелась окружающая здание волна Серых. Он не успеет вовремя дорисовать отметки.

Алекс по-прежнему лежала на полу. Ее так трясло, что он даже издали видел ее дрожь. Когда магия высвободится, то, возможно, первым делом убьет их обоих.

– *Не робей!* – снова и снова повторяла она. – *Не робей!*

– Этого недостаточно!

Серые быстро устремлялись в библиотеку.

– *Mors vincit omnia!* – воскликнул Дарлингтон, положившись на слова, напечатанные в каждом руководстве «Леты». Император и аврелианцы подняли взгляды от стола; только Зеб Йерроумэн по-прежнему не замечал мук ритуала и оставался глух к проникшему в круг хаосу.

Затем воздух пронзил голос, высокий и дрожащий, не говорящий, но поющий:

– *Pariome mi madre en una noche oscura.*

Пела Алекс, и к ее всхлипываниям цеплялась мелодия:

– *Ponime por nombre niña y sin fortuna.*

Мать родила меня темной ночью и назвала меня неудачливой девочкой.

Испанский, но искаженный. Какой-то диалект.

– *Ya crecen las yerbas y dan amarillo triste mi corazón vive con suspiro.*

Дарлингтон не знал этой песни, но ее слова, казалось, замедляли шаги Серых.

Листва растет и становится золотой.

Мое тяжелое сердце бьется и вздыхает.

– Еще! – сказал Дарлингтон.

– Остальных слов я не знаю! – закричала Алекс. Серые двинулись вперед.

– Скажи что-нибудь, Стерн! Нам нужно больше слов.

– *Quien no sabe de mar no sabe de mal!* – эти слова она не пропела; она прокричала их, снова и снова.

Тот, кто ничего не знает о море, ничего не знает о страданиях.

Тянущийся снаружи поток Серых замедлился, они оглядывались через плечо: позади них что-то надвигалось.

– Продолжай! – сказал он ей.

– *Quien no sabe de mar no sabe de mal!*

Это была волна – огромная волна, нависшая над плазой из ниоткуда. Но как? Она даже не произносила смертных слов. Тот, кто ничего не знает о море, ничего не знает о страданиях. Дарлингтон даже не совсем понимал, что значат эти слова.

Волна поднялась, и Дарлингтону вспомнились новые слова из Вергилия – настоящего Вергилия. Из «Эклог».

– *В море пускай обратится весь мир!* – провозгласил он. Волна вздыбилась, закрыла здания и небо. – *О роицы, прощайте! В бурные волны стремглав с утеса высокого брошусь! Дар пусть примет она от близкого к смерти!*

Волна обрушилась вниз, и Серых разметало по каменной кладке плазы. Дарлингтон видел, как они качаются за стеклом, будто глыбы льда в лунном свете.

Он поспешно дорисовал защитные отметки, усилив их кучками кладбищенской земли.

– Что это было? – спросил он.

Алекс с еще влажными от слез щеками смотрела наружу на павших Серых.

– Я... Так обычно говорила моя бабушка.

Ладно. Она говорила по-еврейски и по-сефардски и кто знает, на каком еще языке. Это был язык диаспоры. Язык смерти. Ей повезло. Повезло им обоим.

Дарлингтон протянул ей руку.

– Ты в порядке? – спросил он.

Ее ладонь была холодной и мокрой. Она поднялась.

– Да, – сказала она, но ее еще трясло. – Нормально. Извини, я...

– Ни слова больше, пока не вернемся в Il Bastone, и, ради бога, ни перед кем не извиняйся, пока мы отсюда не уйдем.

Зелински быстро шел к ним, за ним спешила Император. Ритуал закончился, и они, казалось, были в ярости, но и немного походили на клановцев, вышедших прогуляться и забывших капюшоны.

– Какого черта вы творили? – спросила Амелия. – Вы чуть не сорвали ритуал своими криками. Что тут произошло?

Дарлингтон резко повернулся к ним, загораживая смазанные отметки и призывая весь авторитет своего деда:

– Почему бы *вам* мне это не объяснить?

Зелински застыл как вкопанный; его рукава – снова чистые и белые – слегка всколыхнулись, когда он опустил руки.

– Что?

– Вы уже проводили этот ритуал ранее?

– Сам знаешь, что проводили! – огрызнулась Амелия.

– Именно таким образом?

– Конечно, нет! Ритуал всегда слегка меняется по необходимости. Все истории разные.

Дарлингтон знал, что ступил на зыбкую почву, но лучше было перейти в наступление, чем выставить «Лету» кучкой любителей.

– Что ж, не знаю, что за новый роман задумал Зеб, но он едва не спустил на вашу делегацию целое войско призраков.

Зелински широко распахнул глаза:

– Здесь были Серые?

– Целая армия.

– Но она кричала...

– Вы подвергли опасности меня и мою Данте, – сказал Дарлингтон. – Мне придется доложить об этом декану Сэндоу. «Аврелиан» не должен якшаться с силами...

– Нет-нет, пожалуйста, – сказал Зелински, вскинув ладони так, словно сбивал огонь. – Пожалуйста. Это наш первый ритуал в качестве делегации. Разумеется, кое-что пошло не так. Мы стараемся вернуть наши комнаты в ШСС.

– Ее могли ранить, – сказал Дарлингтон, исходя благородным возмущением. – Убить.

– Это ведь год пожертвований, – сказала Амелия. – Мы можем позаботиться, чтобы пожертвование было щедрым.

– Пытаетесь меня подкупить?

– Нет! Что ты! Договоренность, взаимопонимание.

– Прочь с глаз моих. Вам повезло, что не причинен ущерб коллекции.

– Спасибо, – прошептала Алекс, когда Император и Зелински торопливо отошли.

Бросив на нее единственный сердитый взгляд, Дарлингтон наклонился, чтобы начать стирать круг:

– Я сделал это не ради тебя, а ради «Леты».

Они стерли остатки отметок и убедились, что аврелианцы не оставили следов, руки Зеба перевязаны, а его показатели жизнедеятельности стабильны. Его губы, зубы и десна по-прежнему испещряли чернильные пятна. Выглядел он чудовищно, но улыбался, невнятно бормотал себе под нос и уже строчил что-то в блокноте. Ему предстояло продолжать в том же духе, пока из него не выйдет вся история.

Дарлингтон и Алекс возвращались в II Bastone в напряженном молчании. Ночь, казалось, стала еще холоднее, не только из-за позднего часа, но и из-за длительного воздействия эликсира Хирама. Обычно Дарлингтону становилось грустно, когда его магия испарялась, но сегодня он был рад, что Покров снова опускается.

Что произошло во время обряда? Как могла Алекс проявить такую неосторожность? Она нарушила самые базовые правила, которые он для нее установил. Круг должен был оставаться незбылемым. Береги отметки. Не был ли он слишком беспечен на этот счет? Не слишком ли старался, чтобы она расслабилась?

Когда они вошли в II Bastone, светильники при входе замерцали, словно дом почувствовал их настроение. Доуз сидела в точности там же, где находилась, когда они уходили, – перед камином. Она подняла взгляд и, словно еще больше сжавшись, утонула в свитере, после чего вернулась к своей куче карточек, с радостью отстранившись от человеческих невзгод.

Дарлингтон снял пальто и повесил его у двери, а потом, не взглянув, пойдёт ли Алекс за ним, направился по коридору в кухню. Включив конфорку, чтобы разогреть суп Доуз, он достал из холодильника тарелку с сэндвичами и с громким стуком поставил ее на стол. Бутылка шираза была уже декантирована, и он налил себе бокал, сел и перевел внимание на Алекс, которая рухнула на стул за кухонным столом, не сводя темных глаз с черно-белой плитки на полу.

Он заставил себя допить свое вино, налил себе еще бокал и наконец сказал:

– Ну? Что случилось?

– Я не знаю, – чуть слышно пробормотала она.

– Этого недостаточно. Ты буквально бесполезна для нас, если не можешь справиться с парой Серых.

– Они не нападали на тебя.

– Нападали. Моей задачей было охранять двое врат, помнишь?
Она потеряла руки.
– Я была просто не готова. В следующий раз справлюсь лучше.
– Следующий раз будет другим. И следующий тоже. И следующий. Существует шесть действующих обществ, и у каждого – свои ритуалы.
– Дело не в ритуале.
– А в чем? В крови?
– Нет. Один из них меня схватил. Ты не говорил, что так будет. Я...
Дарлингтон не верил своим ушам:
– Хочешь сказать, один из них до тебя дотронулся?
– Больше чем один. Я...
– Это невозможно. То есть... – он поставил бокал, провел ладонями по волосам. – Редко. Очень редко. Иногда, если проливается кровь или дух особенно взволнован. Поэтому преследование призраками – такая редкость.
Ее голос звучал резко, отчужденно:
– Это возможно.
Может быть. Если она не лжет.
– В следующий раз тебе нужно быть готовой. Ты не подготовилась...
– И кто в этом виноват?
Дарлингтон выпрямился:
– Что, прости? Я дал тебе две недели, чтобы войти в курс дела. Я задавал тебе прочесть конкретные абзацы, чтобы ты не перенапрягалась.
– А как насчет всех предыдущих лет? – Алекс встала и резко задвинула стул. Она перешла в утреннюю столовую. Ее черные волосы отражали свет лампы, она лучилась энергией. Дом предупреждающе застонал. Ей не было грустно, стыдно или тревожно. Она была *в ярости*. – Где вы были? – спросила она. – Вы, мудрецы «Леты» со своими заклинаниями, мелкими и книжками? Где вы были, когда мертвецы увязывались за мной до самого дома? Когда они врывались ко мне в класс? В спальню? В мою долбаную ванную? Сэндоу сказал, что вы следили за мной годами, с тех пор, как я была маленькой. И ни один из вас не мог объяснить мне, как от них избавиться? Что для этого нужно всего несколько волшебных слов?
– Они безвредны. Просто ритуалы...
Алекс схватила бокал Дарлингтона и с силой запустила им в стену. Повсюду разлетелись осколки и красное вино.
– Они не *безвредны*. Ты рассуждаешь так, будто что-то в этом соображаешь, прямо-таки специалист, – она ударила ладонями в стол, наклонилась к нему. – Ты и понятия не имеешь, на что они способны.
– Ты закончила или хочешь разбить еще один бокал?
– Почему мне никто не помог? – почти зарычала Алекс.
– Я тебе помог. Если припоминаешь, тебя едва не погребло под морем Серых.
– Не *ты*, – Алекс обвела рукой дом. – Сэндоу. «Лета». Кто-нибудь, – она закрыла лицо руками. – *Не робей. Никто не бессмертен*. Знаешь, как много бы значило для меня знать эти слова в детстве? Такая мелочь могла изменить все. Но никто не удосужился помочь. Только потом, когда вы решили, что я могу вам пригодиться.
Дарлингтону не нравилась мысль, что он поступил плохо. Ему не нравилась мысль, что плохо поступила «Лета». *Мы настыри*. И все же они оставили Алекс, вынуждая бороться с волками самостоятельно. Она права. Они о ней не позаботились. Она была объектом, который «Лета» изучала, наблюдая за ней издали.

Он говорил себе, что дает ей шанс, справедливо относится к этой девушке, которую столкнула с ним судьба. И тем не менее позволил себе считать, что она совершила все возможные ошибки, пошла по кривой дорожке. Ему и в голову не приходило, что ее туда загнали.

После долгого молчания он спросил:

– Тебе станет легче, если разобьешь что-то еще?

– Может быть, – тяжело дыша, ответила она.

Дарлингтон встал и принялся распаивать дверцы шкафчиков с целыми полками «Lenox», «Waterford», «Limoge» – посуды из стекла, тарелок, кувшинов, блюд, масленок, соусников, хрусталя и фарфора стоимостью в много тысяч долларов. Достав один из бокалов, он наполнил его вином и протянул Алекс:

– С чего бы ты хотела начать?

7

Зима

У «Леты» должно быть руководство на случай убийства, последовательность шагов, которые ей следует предпринять и которые должен был знать Дарлингтон.

Он бы, скорее всего, велел ей обратиться за помощью к Доуз. Но максимум, чего достигли Алекс и аспирантка в своих отношениях, – это способность вежливо друг друга игнорировать. Как и почти все вокруг, Доуз любила блистательного Дарлингтона. Он был единственным, кто общался с ней совершенно непринужденно, не испытывая неловкости, которая окутывала Доуз, будто один из ее мешковатых свитеров неопределенной расцветки. Алекс была почти уверена, что Доуз винит ее за случившееся в Розенфелд-холле, и, хотя Доуз никогда не была разговорчива с Алекс, ее молчаливость приобрела новую враждебную интонацию, напоминающую захлопывающиеся шкафчики и полные подозрения взгляды. Алекс не хотела разговаривать с Доуз больше, чем необходимо.

Вместо этого она решила свериться с библиотекой «Леты». *«Или можно просто забыть про всю эту историю»*, – подумала она, взбираясь по ступеням в особняк на Оранж. Возможно, уже через неделю Дарлингтон снова окажется под этой самой крышей. Обряд в новолуние может вернуть его целым и невредимым, и он применит свои великолепные мозги для решения загадки, связанной с убийством Тары Хатчинс. А может, его ум будет занят чем-то другим.

Ключа, открывающего II Bastone, не существовало. Дарлингтон представил ее двери в первый же день, и теперь, когда она вошла, дом скрипуче вздохнул. Когда с ней был Дарлингтон, особняк всегда радостно напевал. По крайней мере, он не спустил на нее стаю шакалов. Алекс не видела гончих «Леты» с того первого утра, но думала о них всякий раз, как приближалась к дому, гадая, где они спят, голодны ли они и нуждаются ли духовные гончие в пище вообще.

Теоретически по пятницам у Доуз был выходной, но почти всегда можно было рассчитывать, что она будет сидеть в углу гостиной на первом этаже с ноутбуком. Благодаря этому ее легко было избегать. Алекс проскользнула по коридору в кухню, где нашла тарелку вчерашних сэндвичей, которые Доуз оставила накрытыми влажным полотенцем на верхней полке холодильника. Она принялась набивать ими рот, чувствуя себя воровкой, но от этого мягкий белый хлеб, кружочки огурца и тонко нарезанный лосось с укропом становились только вкуснее.

«Лета» приобрела дом на Оранж в 1888 году, вскоре после того, как из него съехал Джон Андерсон, якобы пытаясь сбежать от призрака продавщицы сигар, которую убил его отец. С тех пор II Bastone притворялся частным домом, школой, управляемой сестрами Св. Марии, юридической конторой, а теперь – частным жилищем, вечно ожидающим ремонта. Но он всегда был «Летой».

Книжный стеллаж стоял в коридоре на втором этаже рядом со старинным письменным столом и вазой с сушеной гортензией. То был вход в библиотеку. В стену рядом с ней была вмонтирована старая панель, якобы управляющая стереосистемой, но работала она только в пятидесяти процентах случаев: иногда музыка, доносящаяся из колонок, звучала так надломленно и будто бы издавала, что дом казался еще более пустым.

Алекс достала с третьей полки Книгу Альбемарла. Книга выглядела, как обыкновенный гротеск в тканевой обложке, но, когда она ее раскрыла, страницы слегка зашуршали, и она выругалась, ощутив легкий удар тока. Книга сохраняла эхо последнего запроса, и, перелистав до последней страницы с записями, Алекс увидела написанные почерком Дарлингтона слова:

план Розенфелд-холла. Дата – десятое декабря. Последняя ночь, когда Дэниэла Арлингтона видели живым.

Алекс взяла со стола ручку, написала дату, а затем слова «*Руководства Дома Леты. Убийство*». Она сунула книгу обратно на полку между «Стовером в Йеле» и потрепанным вторым томом «Кулинарии в Новой Англии». Первого тома она никогда не видела.

Дом осуждающе застонал, и полка слегка затряслась. Алекс спросила себя, как отреагирует Доуз: возможно, та слишком занята работой, чтобы это заметить? Или поднимет взгляд к потолку, гадая, что затеяла Алекс?

Когда полка перестала дребезжать, Алекс схватила ее за правый бок и потянула на себя. Она отделилась от стены, словно дверь, и за ней показалась круглая двухэтажная комната, заполненная книжными полками. Хотя на улице было еще светло, небо за стеклянным куполом в потолке над Алекс мерцало сияюще-синим, характерным для ранних сумерек. Воздух благоухал, и она чувствовала запах апельсиновых цветов.

Места у «Леты» не хватало, поэтому библиотеку оборудовали порталом-телескопом с помощью магии, предоставленной «Свитком и ключом» и впервые примененной покойным делегатом «Леты» Ричардом Альбемарле, когда он был еще всего лишь Данте. Стоило записать то, что тебя интересует, в Книге Альбемарле, поставить ее на полку, и библиотека любезно выдавала подборку томов из коллекции Дома Леты, которая ждала за тайной дверью. Полная коллекция хранилась в подземном бункере под поместьем в Гринвиче, и большинство книг было посвящено истории оккультизма, Нью-Хейвена и Новой Англии. Среди них были первое издание «*Malleus Maleficarum*» Генриха Крамера и пятьдесят два разных перевода этого текста, полное собрание сочинений Парацельса, тайные дневники Алистера Кроули и Фрэнсиса Бэкона, книга заклинаний из зороастрийского Храма огня Чак-Чак, фотография Кэлвина Хилла с автографом и первое издание «Бога и человека в Йеле» Уильяма Ф. Бакли, а также написанное на салфетке «Янки-дудл» заклинание, выявляющее тайные главы книги. Но найти здесь «Гордость и предубеждение» или историю Холодной войны, которая бы не строилась полностью вокруг ущербной магии, использованной в тексте Доктрины Эйзенхауэра¹², было невозможно.

А еще у библиотеки был капризный нрав. Если запрос был указан слишком расплывчато или она не могла найти книги на нужную тему, полка тряслась без конца и со временем начинала излучать жар и издавать писклявый, судорожный стон, пока кто-то не хватал Книгу Альбемарле и не бормотал над ее страницами успокаивающее заклинание, одновременно поглаживая ее корешок. Портальную магию также надо было поддерживать с помощью сложных обрядов, проводимых каждые шесть лет.

«Что будет, если вы пропустите год?», – спросила Алекс, когда Дарлингтон впервые показал ей, как работает библиотека.

«В 1928-м такое случилось».

«И?»

«Все книги из коллекции перенесли в библиотеку одновременно, и пол обвалился на Окулуса Честера Вэнса».

«Господи, вот ужас-то».

«Не знаю, – задумчиво ответил Дарлингтон. – По-моему, задохнуться под тяжестью книг – подходящая смерть для научного ассистента».

Алекс всегда с опаской относилась к библиотеке и не приближалась к стеллажу, когда он дрожал. Слишком легко было представить, как какой-нибудь будущий Дарлингтон шутит:

¹² Доктрина Эйзенхауэра (1957) – внешнеполитическая программа президента США Дуайта Эйзенхауэра. Согласно доктрине, любая страна могла запросить экономическую или военную помощь у США, если подвергалась военной агрессии со стороны другого государства.

какая ирония, что невежественную Гэлакси Стерн смертельно садануло в челюсть неуправляемое знание.

Она положила сумку на стоящий в центре комнаты круглый деревянный стол, инкрустированный картой незнакомых ей созвездий. Алекс казалось странным, что запах книг никогда не менялся. Древние документы в кондиционированных хранилищах и стеклянных кубках Бейнеке. Исследовательские комнаты в Стерлинге. Изменчивая библиотека Дома Леты. Везде пахло так же, как в освещенных флюоресцентными светильниками читальных залах, полных дешевых карманных изданий, откуда она не вылезала в детстве.

Большинство полок были пусты. На некоторых стояли какие-то тяжелые старые книги по истории Нью-Хейвена и книга в мягкой глянцевой обложке под названием «Беспредел в Нью-Хейвене!», которая, должно быть, когда-то продавалась в сувенирных лавках. Только через минуту Алекс заметила, что одна из полок полностью забита переизданиями одного и того же тонкого томика. Это была «Жизнь «Леты»: процедуры и протоколы Девятого Дома»: первое издание вышло в твердой обложке, а затем, когда «Лета» подрастеряла претенциозность и начала экономить, стало переиздаваться в более дешевом формате.

Алекс потянулась за последним изданием, на обложке которого значился 1987 год. У него не было оглавления – только криво распечатанные на копире страницы, на полях которых изредко встречались примечания, и отрывной талон с концерта группы Squeeze, выступавшей в Колизее Нью-Хейвена. Колизей давно ушел в прошлое – его снесли, чтобы построить многоквартирные дома и кампус муниципального колледжа, чего так и не произошло. На парковке, занявшей место Колизея, Алекс видела Серого – подростка в футболке R.E.M., который бесцельно бродил кругами, будто до сих пор надеясь разжиться билетами.

Запись об убийствах была обескураживающе короткой:

В случае насильственной смерти, связанной с действиями земельных обществ, должен состояться colloquium между деканом, президентом университета, действующими членами Дома Леты, действующим Центурионом и президентом Траста «Леты» с целью определить курс действий (См. «Протокол встреч»).

Алекс открыла «Протокол встреч», но нашла только схему столовой Дома Леты, а также руководство по рассадке согласно старшинству, напоминание о том, что действующий Окулус должен вести протокол, и несколько рекомендуемых меню. Трапеза должна была быть легкой, а алкоголь подавался только по требованию. В рекомендациях присутствовал даже рецепт чего-то под названием мятный пунш «слаш».

– Очень полезно, чуваки, – пробормотала Алекс.

О смерти говорилось, будто о нарушении правил хорошего тона. И она понятия не имела, как произносится слово «colloquium», но это явно было крутое сборище, созывать которое она совершенно не собиралась. Неужели от нее действительно ждут, что она свяжется с президентом университета и позовет его в гости на холодные закуски? Сэндоу велел ей спать спокойно. Насчет совещания он ничего не говорил. Почему? *Потому что это год финансирования. Потому что Тара Хатчинс – городская. Потому что ничто не указывает на то, что здесь замешаны общества. Так что забудь об этом.*

Вместо этого Алекс вернулась в коридор, заперла дверь в библиотеку и снова открыла Книгу Альбемарле. На этот раз страницы отдавали запахом сигар, и она услышала звяканье посуды. Таково было воспоминание «Леты» об убийстве – не кровь, не страдание, а собравшиеся за столом мужчины, пьющие мятный пунш «слаш». Она засомневалась, пытаясь сообразить, как лучше сформулировать библиотеке задание, затем написала новый запрос: *Как говорить с мертвецами.*

Она сунула книгу на место, и стеллаж сильно затрясло. На сей раз, когда она вошла в библиотеку, полки были набиты битком.

Сложно было стряхнуть с себя чувство, что Дарлингтон каким-то образом смотрит ей через плечо – рьяный ученый, удерживающийся, чтобы не вмешаться в ее неуклюжие попытки изысканий.

Когда ты впервые их увидела? Алекс сказала Дарлингтону правду. Она попросту не могла вспомнить, когда впервые увидела мертвых. Она никогда даже мысленно так их не называла: девушку в бикини с синими губами у бассейна; голого мужчину, стоявшего за сетчатым ограждением в ее школьном дворе и лениво мастурбировавшего, пока ее класс соревновался в беге; двух мальчиков в окровавленных свитерах, сидевших в зале в In-N-Out и никогда ничего не заказывавших. Они были просто Тихонями, и, если она не уделяла им слишком много внимания, они оставляли ее в покое.

Все изменилось в туалете в Голете, когда ей было двенадцать.

К тому времени она научилась держать рот на замке о том, что видела, и неплохо справлялась. Когда пришла пора поступать в среднюю школу, она попросила мать называть ее Алекс, а не Гэлакси, и писать это имя в школьных документах. В старой школе все знали ее как дерганую девочку, которая разговаривала сама с собой и отшатывалась от несуществующих опасностей, – безотцовщину, не похожую на маму. Один психолог считал, что у нее синдром дефицита внимания, другой – что ей нужен более регулярный режим сна. Не стоит забывать и о завуче, который отвел ее мать в сторонку и прошептал, что Алекс, возможно, умственно отсталая. «Не все можно решить с помощью терапии или таблеток, понимаете? Некоторые дети немного медлительны, и для них тоже есть место в классе».

Но новая школа означала новое начало, шанс превратиться в обычного человека.

«Ты не должна стесняться того, что отличаешься от других, – сказала ей мать, когда Алекс набралась храбрости, чтобы попросить сменить имя. – Я не просто так назвала тебя Гэлакси».

Алекс не стала возражать. В большинстве книг и сериалов утверждалось, что отличаться от других – не плохо. Отличаться – это замечательно! Только вот никто не отличался так, как она. Кроме того, думала она, оглядывая их крошечную квартиру, увешанную ловцами снов, шелковыми шарфами и картинами, где феи плясали под луной, она все равно никогда не станет такой, как все.

«Может, со временем я смогу».

«Ладно, – сказала Мира. – Это твой выбор, и я его уважаю, – потом она подхватила дочку на руки и подула ей в лоб. – Но ты все равно моя маленькая звездочка».

Алекс со смехом отстранилась. Голова у нее кружилась от облегчения и предвкушения. Затем она начала обдумывать, как бы уговорить маму купить ей новые джинсы.

Начался седьмой класс, и Алекс спрашивала себя, не является ли ее новое имя каким-то волшебным словом. Оно не решило все проблемы. У нее по-прежнему не было правильных кедров, правильных резинок для волос, она не приносила правильные блюда на обед. Имя не могло сделать ее блондинкой или высокой, не могло выщипать ее густые брови, за которыми надо было бдительно следить, чтобы они, объединив силы, не выступили единым фронтом моноброви. Белые дети по-прежнему считали ее мексиканкой, а мексиканцы – белой. Но училась она нормально. Ей было с кем сидеть за обедом. У нее была подруга по имени Меган, которая приглашала ее в гости смотреть кино и есть сладкие фирменные хлопья, переливающиеся химическими цветами.

Утром перед экскурсией в Голету, когда мисс Розалес велела им разбиться на пары, и Меган схватила Алекс за руку, Алекс ощутила такую невыносимую благодарность, что испугалась, что ее вырвет крохотными черничными маффинами, которыми угостили их учителя. Утром они пили горячий шоколад из пластиковых стаканчиков, сидя близко друг к другу

на зеленых виниловых сиденьях автобуса. Обе их матери любили Fleetwood Mac, и, когда по радио водителя автобуса зазвучала песня «Go Your Own Way», они принялись подпевать, почти крича, хихикая и задыхаясь, а Коди Морган зажимал уши ладонями и орал, чтобы они ЗАТКНУЛИСЬ.

Дорога в заповедник бабочек заняла около трех часов, и Алекс наслаждалась каждой минутой. В самой роще не было ничего особенного: симпатичные эвкалипты, между которыми извивались пыльные тропинки; гид рассказывал об особенностях питания и миграциях монархов. Алекс заметила стройную женщину, идущую по роще; ее рука болталась, висела буквально на единственной жиле. Алекс быстро отвела взгляд – как раз вовремя, чтобы увидеть, как с деревьев взвилось одеяло оранжевых крыльев, когда взлетели монархи. Они с Меган пообедали, сидя плечом к плечу за одним из столов для пикника рядом со входом, и, прежде чем вернуться в автобусы, все зашли в туалет. Туалеты представляли собой низкие выложенные плитками постройки с влажными бетонными полами, и, войдя, и Меган, и Алекс едва сдержали рвотные позывы.

– Да ну на фиг, – сказала Меган. – Потерплю, пока не вернемся в школу.

Но Алекс терпеть не могла. Она выбрала самую чистую металлическую кабинку, тщательно разложила по сиденью туалетную бумагу, стянула свои джинсовые шорты и застыла. Долго еще она не могла понять, на что смотрит. Кровь почти засохла и была коричневой до неузнаваемости. У нее наступила менструация. Разве у нее не должен был болеть живот или еще что? У Меган первые месячные наступили летом, и ей было что сказать насчет тампонов, прокладок и важности обезболивающих.

Главное, что кровь не испачкала ей шорты. Но как ей продержаться во время поездки домой?

– Меган! – закричала она.

Но, если в туалете раньше и был кто-то, то сейчас все ушли. Алекс охватила паника. Надо добежать до мисс Розалез, прежде чем все усядутся по местам. Она должна знать, что делать.

Алекс намотала на ладонь несколько слоев туалетной бумаги и положила самодельную прокладку в грязные трусы, натянула шорты и вышла из кабинки.

Она вскрикнула. Перед ней стоял мужчина с кровавым месивом вместо лица. Она испытала облегчение, осознав, что он мертв. Мертвый мужчина в женском туалете далеко не так страшен, как живой. Она сжала кулаки и прошла сквозь него. Она *ненавидела* ходить сквозь них. Иногда ей передавались обрывки воспоминаний, но сейчас ее просто обдало холодом. Она подбежала к раковинам и торопливо вымыла руки. Алекс чувствовала, что он все еще там, но избегала встречаться с ним взглядом в зеркале.

Что-то дотронулось до ее поясницы.

В следующую секунду ее впечатали лицом в зеркало. Что-то вдавило ее бедра в керамический борт раковины. Она почувствовала, как за резинку на ее шортах тянут чьи-то холодные пальцы.

Алекс закричала, забрыкалась, задела твердую плоть, ощутила, что хватка на ее шортах ослабла. Она попыталась оттолкнуться от раковины, заметила в зеркале собственное лицо с соскальзывающей с волос синей заколкой-пряжкой, увидела человека – существо, которое ее схватило. *Ты не можешь этого делать*, подумала она. *Ты не можешь ко мне прикасаться*. Это невозможно. Это не разрешается. Никто из Тихонь не мог к ней прикоснуться.

Потом она оказалась лежащей лицом вниз на бетонном полу. Ее бедра потянули назад, с нее сдернули трусики, она ощущала, как что-то трется об нее, толкается ей *внутрь*. Она увидела лежащую в луже под раковиной бабочку, одно крыло которой беспокойно хлопало, словно маша ей. Она все кричала и кричала.

Такой ее и нашли Меган и мисс Розалез – на полу в туалете, со скрученными вокруг лодыжек шортами, с трусами вокруг коленей, с пятнами смазанной крови на бедрах и куском

пропитанной кровью туалетной бумаги между ног. Она рыдала и ерзала, ее бедра подрагивали. Она была одна.

Мисс Розалез подскочила к ней:

– Алекс! Дорогая!

Тварь, пытавшаяся войти в нее, исчезла. Она так и не узнала, почему он остановился, почему улетучился, но прижалась к мисс Розалез, теплой, живой и пахнущей лавандовым мылом.

Мисс Розалез велела Меган выйти из туалета. Она вытерла Алекс слезы и помогла ей помыться. Она нашла в сумке тампон и объяснила Алекс, как его вставить. Не переставая дрожать и плакать, Алекс последовала ее инструкциям. Она не хотела трогать себя там. Не хотела думать о том, как он пытался в нее войти. Мисс Розалез села рядом с ней в автобусе, дала ей пакетик сока. Алекс слышала, как другие дети смеются и поют, но слишком боялась обернуться. Боялась смотреть на Меган.

В эту долгую поездку назад в школу, в долгой очереди в кабинет медсестры она хотела только одного – оказаться рядом с матерью, чтобы та заключила ее в объятия и забрала домой, хотела оказаться в безопасности в их квартире, завернуться в плед на диване, посмотреть мультики. К тому времени, как ее мать приехала и закончила тихий разговор с директором, школьным психологом и мисс Розалез, коридоры опустели, и школа стала безлюдной. Когда Мира повела ее на парковку по отражающейся эхом тишине, Алекс захотелось опять стать маленькой, чтобы мама могла нести ее на руках.

Когда они приехали домой, Алекс как можно быстрее приняла душ. Она чувствовала себя слишком незащищенной, слишком голой. Что, если он вернется? Что, если на нее нападет что-то еще? Что может помешать ему, им всем, ее найти? Она видела, как они проходят сквозь стены. Где она снова сможет почувствовать себя в безопасности?

Она выбежала из душа и заглянула в кухню, чтобы залезть в один из выдвижных ящичков. Было слышно, как мать говорит по телефону в своей спальне.

– Они думают, что над ней, возможно, надругались, – плача, говорила Мира. – Что сейчас она из-за этого психует... Я не знаю. Я не знаю. В У. был тренер по плаванию. Он всегда казался немного странным, и Алекс не любила ходить в бассейн. Может, что-то случилось?

Алекс ненавидела бассейн из-за Тихого мальчика с проломленной левой стороной черепа, которому нравилось слоняться рядом с ржавым подиумом, где когда-то был трамплин для прыжков.

Она рылась в ящичке, пока не нашла маленький красный карманный нож. Она взяла его с собой в душ, положила на подставку для мыла. Неизвестно, поможет ли он против кого-то из Тихонь, но он ее немного успокаивал. Она быстро помылась, вытерлась и переоделась в пижаму, потом вышла в гостиную и свернулась на диване, завернув мокрые волосы в полотенце. Должно быть, мать услышала, как выключился душ, потому что через несколько секунд она вышла из спальни.

– Эй, детка, – мягко сказала она. У нее были красные глаза. – Есть хочешь?

Алекс не отводила взгляд от телевизора:

– Можем поесть настоящую пиццу?

– Я могу приготовить тебе пиццу здесь. Ты же хочешь миндальный сыр?

Алекс не ответила. Через несколько минут она услышала, как мама по телефону заказывает еду из Amici's. Они ели перед телевизором, и Мира притворялась, что не наблюдает за Алекс.

Алекс ела, пока у нее не заболел живот, потом поела еще. Для мультиков было уже слишком поздно, и по телевизору начали показывать ситкомы про волшебников-подростков и живущих в лофтах близнецов – в школе все притворялись, будто уже из всего этого выросли. «Кто

эти люди? – гадала Алекс. – Кто эти счастливые, замечательные, веселые люди? Почему они ничего не боятся?»

Ее мать покусывала корку. Наконец она потянулась к пульту и поставила телевизор на беззвучный режим.

– Детка, – сказала она. – Гэлакси.

– Алекс.

– Алекс, ты можешь со мной поговорить? Можем мы обсудить то, что случилось?

Алекс почувствовала, что из горла у нее болезненно вырывается смех. Если он вырвется, засмеется она или заплачет? *Можем мы обсудить то, что случилось?* И что ей сказать? *Меня пытался изнасиловать призрак? Может, он меня даже изнасиловал?* Она толком не знала, как это определяется, насколько глубоко он должен войти. Но это было не важно, потому что ей бы все равно никто не поверил.

Алекс сжала нож в кармане пижамы. У нее вдруг быстро заколотилось сердце. Что она скажет? *Помоги мне. Защити меня.* Только никто не сможет ее защитить. Никто не видит тварей, которые делают ей больно.

Возможно, они даже не настоящие. Вот что хуже всего. Что, если она все придумала? Может, она просто сумасшедшая, и тогда что? Ей захотелось кричать без остановки.

– Детка? – глаза ее матери снова наполнились слезами. – Что бы ни случилось, ты не виновата. Ты ведь это знаешь, правда? Ты...

– Я не могу вернуться в школу.

– Гэлакси...

– Мама, – сказала Алекс, повернувшись к матери и схватив ее за запястье, чтобы та прислушалась к ее словам. – *Мама*, не заставляй меня туда идти.

Мира попыталась ее обнять:

– О, моя маленькая звездочка.

Тогда Алекс закричала. Она изо всех сил оттолкнула мать.

– Ты долбаная неудачница! – снова и снова визжала она, пока ее мама не расплакалась, а сама Алекс не заперлась в своей комнате, стыдясь своих слов до тошноты.

Мира разрешила Алекс остаться дома до конца недели. Она нашла для нее психиатра, но той было нечего сказать.

Мира уговаривала ее, пыталась подкупить фаст-фудом и разрешением смотреть телик, потом наконец сказала:

– Либо ты общаешься с психиатром, либо возвращаешься в школу.

Так что в следующий понедельник Алекс вернулась в школу. Никто с ней не разговаривал. Одноклассники едва смотрели в ее сторону, и, найдя на своем шкафчике для физкультуры размазанный соус от спагетти, она поняла, что Меган все рассказала.

Алекс прозвали Кровавой Мэри. Обедала она в одиночестве.

Ее никогда не выбирали в качестве партнерши по лабораторным или пары на экскурсиях, и учителям приходилось навязывать ее людям насильно. Отчаявшись, Алекс совершила ошибку, попытавшись рассказать Меган, что произошло на самом деле, все объяснить. Она поняла, что это глупо, уже в момент, когда рассказывала; когда увидела, как Меган отстраняется от нее подальше, а взгляд ее становится отчужденным, как она накручивает на указательный палец длинную прядь кудрявых, блестящих каштановых волос. Но чем больше Меган отстранялась, чем больше затягивалось ее молчание, тем больше говорила Алекс, как будто где-то во всех этих словах скрывался тайный код, ключ, который поможет вернуть проблеск того, что она потеряла.

В конце концов Меган сказала только:

– Ладно, мне пора.

А потом сделала то, чего и ожидала от нее Алекс, и все это всем передала.

Так что, когда Сара Маккинни стала умолять Алекс встретиться с ней в «Трес Мучачос», чтобы поговорить с призраком ее бабушки, Алекс понимала, что это, скорее всего, подстава, один большой прикол. Но все равно туда пошла, все равно понадеялась и в одиночестве сидела в ресторанном дворике, пытаясь не заплакать.

В этот момент из-за кассы «Hot Dog on a Stick» выглянула Мош и пожалела ее. Мош была старшеклассницей с выкрашенными в черный волосами и тысячей серебряных колец на белых, как у трупа, руках. Она знала все, что можно, о дрянных девчонках и пригласила Алекс потусить с ее друзьями на парковке молла.

Алекс не знала, как себя вести, а потому стояла, сунув руки в карманы, пока парень Мош не предложил ей бонг, который они передавали по кругу.

– Ей двенадцать лет! – сказала Мош.

– У нее стресс, я это вижу. И она в порядке, разве нет?

В школе Алекс видела, как дети постарше затягиваются косяками и сигаретами. Они с Меган притворялись, что курят, поэтому она хотя бы знала, что не нужно выдувать дым, как от сигареты.

Она взяла бонг в рот и затянулась дымом, попыталась удержать его и громко, тяжело закашлялась.

Мош и ее друзья разразились аплодисментами.

– Видишь? – сказал парень Мош. – Эта девочка в порядке. И симпатичная.

– Извращенец, – сказала Мош. – Она еще ребенок.

– Я не говорил, что хочу ее трахнуть. И вообще, как тебя зовут?

– Алекс.

Парень Мош протянул ей руку; на обоих его запястьях были кожаные браслеты, предплечья были покрыты темными волосами. Он был не похож на мальчиков из ее класса.

Она пожала ему руку, и он ей подмигнул.

– Приятно познакомиться, Алекс. Я Лен.

Через несколько часов, когда она заползла в постель, чувствуя себя одновременно сонливой и неуязвимой, она поняла, что не видела ничего мертвого с тех пор, как впервые накурилась.

Алекс узнала, что все дело в балансе. Срабатывал алкоголь, окси, все, что расслабляло ее фокус. Лучшее всего был валиум. Он все смягчал и заворачивал ее в хлопок. Спида были огромной ошибкой, особенно аддералл, но хуже всего было экстази. В тот единственный раз, когда Алекс его попробовала, она не только видела Серых, она их *чувствовала* – их печаль и голод просачивались к ней отовсюду. Ничего подобного инциденту в туалете рощи больше не происходило. Никому из Тихонь не удавалось к ней прикоснуться, но она не знала, почему. И они по-прежнему были повсюду.

Самое прекрасное, что при своих новых друзьях, укуренных друзьях, она могла психовать, и им было все равно. Они считали, что это смешно. Она была самой младшей из тех, кому позволялось с ними тусить, их талисманом, и все они смеялись, когда она говорила с тварями, которых не было. Мош называла девочек вроде Меган «белобрысыми суками» и «куклами-мутантами». По ее словам, все они были «жалкими маленькими рыбешками, пьющими собственную мочу в общем течении». Она говорила, что убила бы ради таких черных волос, как у Алекс, а, когда Алекс сказала, что в мире полно призраков, которые пытаются в него ворваться, Мош только покачала головой и сказала: «Алекс, клянусь, тебе надо это записывать».

Алекс оставили на второй год. Ее отстраняли от занятий. Она забирала наличные из маминой сумочки, потом мелочи из дома и наконец дедушкин бокал для киддуша. Мира кричала, плакала, устанавливала в доме новые правила. Алекс нарушала их все, чувствовала себя

виноватой из-за того, что расстраивает маму, злилась на чувство вины. Все это ее утомляло, поэтому однажды она перестала приходить домой.

Когда Алекс исполнилось пятнадцать, ее мать на последние сбережения попыталась отправить ее в реабилитационный центр для проблемных подростков, где их лечили испугом. К тому времени Мош давно не было, она уехала в художественную школу, а, когда приезжала домой на каникулы, не тусовалась с Алекс, Леном и другими ребятами. Однажды Алекс столкнулась с ней в косметическом магазине, где та по-прежнему покупала черную краску для волос. Мош спросила, как в школе, и, когда Алекс только рассмеялась, Мош начала перед ней извиняться.

– Ты о чем вообще? – спросила Алекс. – Ты меня спасла.

Казалось, Мош так грустно и стыдно, что Алекс практически выбежала из магазина. В ту ночь она пошла домой – ей захотелось увидеть маму и поспать в собственной постели. Но проснулась она от того, что пара здоровенных мужиков светила фонариком ей в глаза. Они вытащили ее из кровати, а мама со слезами смотрела, говоря: «Прости, детка. Не знаю, что еще делать». Очевидно, это был большой день для извинений.

Они стянули ей запястья пластиковыми стяжками, запихнули ее в кузов внедорожника босиком и в пижаме. Они кричали ей что-то про уважение и про то, что она разбивает сердце своей матери и что она отправится в Айдахо, где ее научат правильно жить и где ее ждет хорошенький урок. Но Лен показывал Алекс, как избавиться от стяжек, и со второй попытки она освободилась, тихо открыла заднюю дверь и исчезла между двумя многоквартирными домами, прежде чем придурки на переднем сиденье заметили, что ее нет. Она прошла семь миль до «Baskin Robbins», где работал Лен. После его смены они опустили покрывшиеся волдырями ноги Алекс в контейнер мороженого со вкусом жвачки, накурились и занялись сексом на полу подсобки.

Она работала в «TGI Fridays», потом в мексиканском ресторане, где с тарелок покупателей соскребали фасоль и снова использовали ее каждый вечер, потом в лазертаге и в «Mail Boxes Etc». Как-то днем, когда она стояла за экспедиторской стойкой, вошла хорошенькая девушка с каштановыми волосами. Она была со своей матерью и держала пачку манильских конвертов. У Алекс ушло не меньше минуты на то, чтобы узнать Меган. Стоя в своем коричневом фартуке и глядя, как Меган беседует с другим клерком, Алекс вдруг почувствовала себя так, словно она среди Тихонь, словно она умерла в том туалете много лет назад, и с тех пор люди смотрели прямо сквозь нее. Просто она была слишком накурена, чтобы это заметить. Затем Меган обернулась через плечо, и ее беспокойного, напряженного взгляда хватило, чтобы Алекс вернулась в свое тело. *Ты меня видишь*, подумала она. *Хотела бы не видеть, но видишь*.

Шли годы. Иногда Алекс поднимала голову, думала о том, чтобы перестать пить, думала о книгах, школе или своей маме. Она мечтала о чистых простынях и о ком-нибудь, кто поправлял бы ей одеяло перед сном. Затем она вдруг замечала какого-нибудь байкера со стертой с половины лица кожей, под которую вонзился гравий, или старушку в полураспахнутом халате, стоявшую незамеченной у витрины магазина электроники, и снова срывалась. Если она их не видела, то каким-то образом и они не могли видеть ее.

Так все и продолжалось до Хелли – золотой Хелли, девушки, которую она, как ожидал и даже, возможно, надеялся Лен, должна была возненавидеть, но вместо этого полюбила – до той ночи в Граунд-Зиро, когда все стало плохо, до того утра, когда она очнулась в больничной палате, а перед ней сидел декан Сэндоу.

Он принес в своем портфеле какие-то бумаги, старое сочинение, которое она написала, когда еще утруждалась ходить в школу. Она не помнила, как его писала, но называлось оно «День из моей жизни». Сверху была выведена большая красная двойка, а рядом слова: «Тебе не задавали писать художественную литературу».

Сэндоу устроился на стуле у ее кровати и спросил:

– То, что ты описываешь в этом сочинении... Ты их по-прежнему видишь?

В ночь аврелианского ритуала, когда Серые пробрались в защитный круг, приняли форму, привлеченные кровью и желанием, все эти воспоминания разом нахлынули на нее. Она почти потеряла все еще до того, как начала, но каким-то образом удержалась, и с кое-какой помощью – например, летней работой, на которой она научится заваривать идеальную чашку чая в кабинете профессора Бельбалм, для начала – она сможет продержаться и подольше. Ей просто нужно упокоить Тару Хатчинс.

К тому времени, как Алекс закончила изыскания в библиотеке Леты, солнце село, а ее мозг отупел. Изначально она совершила ошибку, не ограничив искомые книги английским языком, и даже после того, как она перезагрузила библиотеку, на полке было удивительное количество непонятных текстов, научных работ и трактатов, которые были попросту слишком дремучи для ее понимания. В каком-то смысле это облегчило ей задачу. Алекс могла разобратся только в определенных ритуалах, и это сужало ей выбор. К тому же существовали обряды, требующие определенного положения планет, равноденствия или светлого октябрьского дня, один, требующий использовать крайнюю плоть «юного, смелого, обходительного мужчины», и еще один, для которого необходимы менее ошеломляющие, но столь же трудно добываемые перья сотни золотых скоп.

– Чувство выполненного долга, – это была одна из любимых фраз матери Алекс. – Тяжелый труд утомляет душу. Хорошая работа кормит душу!

Алекс не слишком хорошо понимала, что, по ее мнению, означает хорошая работа, но это было лучше, чем не делать ничего. Она переписала текст – поскольку ее телефон не работал в этом флигеле, и невозможно было сделать фото, – потом закрыла библиотеку и спустилась по лестнице в гостиную.

– Эй, Доуз, – неловко сказала Алекс. Ответа не поступило. – Памела.

Она нашла Доуз на ее обычном месте, сидящей на полу у рояля с маркером в зубах. Сбоку стоял ее ноутбук, а вокруг лежали стопки книг и ряды индексных карт, как предположила Алекс, с названиями глав ее диссертации.

– Эй, – снова позвала она. – Мне нужно, чтобы ты кое-куда вместе со мной сходила.

Доуз засунула «из Элевсина в Эмполи» под «Мимесис и колесо колесницы».

– Мне нужно работать, – пробормотала она, не выпуская изо рта фломастер.

– Мне нужно, чтобы ты сходила со мной в морг.

При этих словах Доуз подняла взгляд, наморщив лоб и моргая, словно от яркого света. Если с ней кто-то заговаривал, она всегда выглядела слегка выбитой из равновесия, словно она была на грани откровения, которое бы наконец помогло ей закончить диссертацию, которую она писала шесть лет.

Она достала маркер изо рта, беззастенчиво вытерла его о свой узловатый свитер, который мог быть как серым, так и синим, в зависимости от освещения. Ее рыжие волосы были убраны в пучок, и Алекс видела розовый ореол прыща, растущего на ее подбородке.

– Зачем? – спросила Доуз.

– Тара Хатчинс.

– Это декан Сэндоу хочет, чтобы ты туда пошла?

– Мне нужно больше информации, – сказала Алекс. – Для отчета.

Этой проблеме Доуз должна была посочувствовать.

– Тогда тебе надо позвонить Центуриону.

– Тернер не станет со мной разговаривать.

Доуз провела пальцем по краю одной из своих индексных карт.

Еретическая герменевтика: Иосиф и влияние хитреца на Дурака. Ее ногти были обкусаны под корень.

– Разве в убийстве не обвиняют ее парня? – спросила Доуз, потягивая себя за ворсистый рукав. – При чем тут мы?

– Скорее всего, ни при чем. Но это произошло в ночь четверга, и я думаю, что надо в этом убедиться. Разве не для этого мы здесь?

Алекс не произнесла: *Дарлингтон бы это сделал*, но с таким же успехом могла и произнести.

Доуз неуютно поежилась.

– Но если детектив Тернер...

– Да пошел он в жопу, – сказала Алекс. Она устала. Она пропустила ужин. Она потратила на Тару Хатчинс несколько часов и собиралась потратить еще несколько.

Доуз покусала себя за губу, словно искренне пытаясь визуализировать ход действий.

– Я не знаю.

– У тебя машина есть?

– Нет. У Дарлингтона есть. Была... Блин, – на секунду он словно оказался в комнате вместе с ними, позолоченный и талантливый. Доуз встала, открыла свой рюкзак, достала связку ключей. Она стояла в сумеречном свете, взвешивая их в ладони. – Я не знаю, – снова сказала она.

Она могла говорить о сотне разных вещей. *Я не знаю, удачная ли это мысль. Я не знаю, можно ли тебе доверять. Я не знаю, как закончить диссертацию. Я не знаю, не украли ли ты у меня нашего золотого, обреченного на славу, идеального мальчика.*

– Как мы туда войдем? – спросила Доуз.

– Я об этом позабочусь.

– А потом что?

Алекс протянула ей листок с записями, сделанными в библиотеке.

– У нас есть все это, верно?

Доуз оглядела страницу. С очевидным удивлением она сказала:

– Неплохо.

Не извиняйся. Просто выполни работу.

Доуз пожевала нижнюю губу. Ее рот был таким же бесцветным, как и вся она. Возможно, диссертация высасывала из нее соки.

– Может, все-таки вызовем такси?

– Нам, возможно, придется очень быстро уехать.

Доуз вздохнула и потянулась за своей паркой.

– Я поведу.

8

Зима

Доуз припарковала машину Дарлингтона чуть в отдалении от морга. Это был старый мерседес винного цвета, годов восьмидесятых – Алекс никогда не интересовалась. Сиденья были обиты карамельной кожей, кое-где изношенной, швы немного прохудились. Дарлингтон всегда сам следил за чистотой машины, но и сейчас она была безупречна. Несомненно, дело рук Доуз.

Словно спрашивая разрешения, Доуз помедлила, прежде чем повернуть ключ в зажигании. Затем машина с урчанием ожила, и они выехали из кампуса на шоссе.

Ехали они в молчании. Вообще-то офис начальника бюро судебно-медицинской экспертизы находился в Фармингтоне, почти за сорок миль от Нью-Хейвена. *Морг*, подумала Алекс. *Я еду в морг. На мерседесе*. Алекс решила было включить радио – старомодное, с красной линией, которая скользила по станциям, будто палец, ищущий нужное место на странице. Затем она представила исходящий из колонок голос Дарлингтона – *Прочь из моей машины, Стерн* – и решила, что в тишине вполне неплохо.

Чтобы добраться до офиса, у них ушел почти час. Алекс сама не знала, чего ожидать, но, когда они приехали, была рада увидеть яркие огни, большую парковку и что-то, похожее на бизнес-парк.

– Что дальше? – спросила Доуз.

Алекс достала из сумки приготовленные ими пластиковый мешочек и жестянку и сунула их в задние карманы джинсов. Она открыла свою дверцу, стянула пальто и шарф и бросила их на пассажирское сиденье.

– Что ты делаешь? – спросила Доуз.

– Не хочу выглядеть, как студентка. Дай свой свитер, – бушлат Алекс был сшит из тонкой шерсти с полиэстеровой подкладкой, но так и кричал: *колледж*. Поэтому она его и купила.

Доуз выглядела так, словно хочет возразить, но расстегнула парку, сняла свитер и бросила его Алекс, дрожа в футболке.

– Не уверена, что это хорошая мысль.

– Конечно, плохая. Пошли.

Сквозь стеклянные двери Алекс увидела зал ожидания, а в нем – нескольких человек, каждый из которых пытался разобраться со своими делами до закрытия. За столом на задах комнаты сидела какая-то женщина. У нее были пушистые каштановые волосы, отливающие красным под офисным освещением.

Алекс быстро написала Тернеру: *Нужно поговорить*. Затем она сказала Доуз:

– Подожди пять минут, потом войди, сядь, притворись, что кого-то ждешь. Если эта женщина выйдет из-за стола, сразу напиши мне, окей?

– Что ты задумала?

– Поговорю с ней.

Алекс жалела, что потратила монету принуждения на коронера. Теперь у нее оставалась последняя монета, и она не могла позволить себе использовать ее, если все пойдет так, как она надеялась.

Она заправила волосы за уши и шмыгнула в зал ожидания, потирая руки. За столом висел плакат: «Сочувствие и уважение». На маленькой табличке было написано: *Меня зовут Мойра Адамс, и я рада помочь*. Рада, не счастлива. Не положено быть счастливой в здании, полном мертвецов.

Мойра подняла взгляд и улыбнулась. Вокруг глаз у нее были оставленные заботами морщинки, а вокруг шеи – крест.

– Привет, – сказала Алекс. Она нарочито громко, лихорадочно дышала. – Эм-м, один детектив сказал, что мне можно приехать сюда и увидеть кузину.

– Ладно, дорогая. Конечно. Как зовут твою кузину?

– Тара Энн Хатчинс, – ее второе имя легко было найти в интернете. Женщина нахмурилась. Тару Хатчинс показывали в новостях. Она была жертвой убийства – из тех, что могли привлечь сумасшедших. – Меня отправил сюда детектив Тернер.

Выражение лица Мойры оставалось настороженным. Он был главным следователем по делу, и, скорее всего, его имя упоминалось в СМИ.

– Присядьте, а я попытаюсь с ним связаться, – сказала Мойра.

Алекс показала ей телефон.

– Это он мне дал эту информацию.

Она быстро написала еще одно сообщение: *Тернер, подними трубку СЕЙЧАС ЖЕ*. Затем она переключилась на экран звонка и набрала номер по громкой связи.

– Вот, – сказала она, протягивая свой мобильник.

– Я не могу... – запинаясь, начала Мойра, но тихий звук гудков и выжидающее выражение лица Алекс сделали свою работу. Мойра поджала губы и взяла у Алекс телефон.

Звонок переключился на голосовую почту Тернера, как и ожидала Алекс. Детектив Тернер поднимает трубку тогда, когда ему заблагорассудится, а не когда ему говорит сделать это какая-то стервозная первокурсница, особенно если она этого требует.

Алекс надеялась, что Мойра просто повесит трубку, но вместо этого та откашлялась и сказала:

– Детектив Тернер, это Мойра Адамс, отдел по работе с общественностью офиса начальника бюро судебно-медицинской экспертизы. Не могли бы вы нам перезвонить... – она оставила номер. Алекс оставалось лишь надеяться, что Тернер проверит голосовую почту с ее номера еще не скоро. Может, он даже поведет себя по-настоящему мелочно и удалит ее.

– Знаете, Тара ведь была хорошей девушкой, – сказала она, когда Мойра вернула ей телефон. – Она всего этого не заслужила.

Мойра издала неопределенный звук.

– Я сочувствую твоей потере.

Можно подумать, она зачитывает сценарий.

– Мне просто нужно помолиться над ней, попрощаться.

Мойра прикоснулась к своему кресту.

– Конечно.

– У нее было много проблем, но у кого их нет? Мы убедили ее ходить в церковь каждые выходные. Можете не сомневаться: ее бойфренду это не пришлось по вкусу, – на это Мойра согласно хмыкнула. – Как думаете, детектив Тернер скоро перезвонит?

– Как только сможет. Возможно, он занят.

– Но вы, ребята, через час закрываетесь, да?

– Для посетителей да. Но ты можешь вернуться в поне...

– Но я не могу, – Алекс оглядела фотографии, приклеенные над столом Мойры, и заметила девушку в медицинской форме с Винни-Пухом. – Я учусь в медучилище.

– В «Альбертус Магнус»?

– Ага!

– У меня племянница там учится. Элисон Адамс?

– Очень симпатичная, рыжеволосая?

– Это она, – с улыбкой сказала Мойра.

– Мне нельзя прогуливать занятия. Там все строго. Кажется, я в жизни так не уставала.

– Знаю, – с сочувствием сказала Мойра. – Они с Элисон три шкуры дерут.

– Я просто... Мне нужно иметь возможность сказать маме, что я с ней попрощалась. Мама с папой Тары... Они не были близки, – теперь Алекс перешла к чистым догадкам, но она подозревала, что у Мойры Адамс есть собственное мнение насчет таких девушек, как Тара Хатчинс. – Мне бы просто взглянуть ей в лицо, сказать «прощай».

Мойра замялась, потом потянулась к Алекс и сжала ее ладонь.

– Я могу попросить кое-кого тебя к ней отвести. Подготовь свои документы и... Это трудно, но молитва помогает.

– Всегда, – с жаром ответила Алекс.

Мойра нажала на кнопку, и через пару минут появился изможденный с виду коронер в синем медицинском костюме и взмахом руки пригласил Алекс следовать за ним. По другую сторону двойных дверей было холодно, на полу лежала пестро-серая плитка, стены были выкрашены в цвет подтаявшего мороженого.

– Мне нужен документ с фотографией. Мобильные телефоны, камеры и все записывающие устройства в корзину. Можете забрать их по возвращении.

– Ладно, – сказала Алекс. Потом она протянула руку, и под флюоресцентными лампами блеснуло золото. – Кажется, вы это уронили.

Комната оказалась больше, чем она ожидала, и ужасно холодной. А еще она была неожиданно шумной – капающий кран, гудение морозилок, поток кондиционера – хотя в ином смысле здесь царил покой. Это последнее место, куда явились бы Серые. К черту Бельбалм. Ей нужно проходить летнюю практику в морге.

Столы были металлическими, а над ними были раковины и гидравлические шланги, а еще ящики – плоские квадраты, вделанные в две стены, как архивные шкафы. Может, и Хелли разрезали в таком месте? Не то чтобы причина ее смерти оставалась загадкой.

Алекс жалела, что на ней нет пальто. Или парки Доуз. Или стопки водки.

Работать нужно было быстро. Принуждение даст ей около получаса на то, чтобы закончить с работой и убраться отсюда. Но она быстро нашла Тару, и, хотя ящик был тяжелее, чем она ожидала, он легко открылся.

Второй раз увидеть ее было хуже – они словно были знакомы. Глядя на Тару сейчас, Алекс видела, что Хелли ей напомнили только светлые волосы. Хелли была сильной. Ее тело помнило соккер и софтбол, в которые она играла в старшей школе, и она умела серфить и кататься на скейтборде не хуже девушек из журнала «Seventeen». А эта девушка телосложением походила на Алекс – жилистая, но слабая.

Колени Тары выглядели коричнево-серыми. Рядом с линией ее бикини была щетина, красные следы бритвы, словно сыпь. На ее бедре был вытатуирован попугай, а под ним написано «Ки-Уэст» курсивом. На ее правой руке был уродливый реалистичный портрет маленькой девочки. Дочь? Племянница? Ее собственное лицо в детстве? Был также пиратский флаг и корабль на вздымающихся волнах, девушка-зомби а-ля Бетти Пейдж на каблуках и в черном нижнем белье. Камео с внутренней стороны руки Тары выглядело поновее, чернила были свежее и темнее, хотя текст, написанный надоевшим готическим шрифтом, был почти нечитабельным: «И я, поверь, скорей умру, чем в верности твоей засомневаюсь». Стихи из песни, но Алекс не могла вспомнить, из какой.

Она гадала, появятся ли ее собственные татуировки снова после ее смерти, или же искусство будет жить внутри адресных мотыльков вечно.

Хватит медлить. Алекс достала свои записи. Первая часть ритуала была простой – песнопение. *Sanguis saltido* – но просто произнести слова было нельзя; их надо было спеть. Делать это в этой пустой, отдающей эхом комнате казалось непристойным, но она заставила себя пропеть: *Sanguis saltido! Salire! Saltare!* Мелодия была неизвестна, лишь указание *allegro*. Только

повторив второй раз, она поняла, что поет слова на мелодию рекламы «Twizzlers». *Такие жевательные. Такие фруктовые. Такие счастливые и, ах, такие сочные.* Но, если это необходимо, чтобы вызвать танец крови... Она поняла, что это работает, когда губы Тары начали розоветь.

Теперь все станет хуже. Кровавое песнопение нужно было только для того, чтобы запустить циркуляцию крови Тары и ослабить ее онемение, чтобы Алекс могла открыть ей рот. Алекс взяла Тару за подбородок, пытаясь не обращать внимание на ее потеплевшую, мягкую кожу, и открыла ей челюсти.

Она достала из пластикового пакета в своем заднем кармане скарабея и мягко положила его Таре на язык. Потом она достала из другого кармана жестянку и начала рисовать на теле Тары восковые узоры с помощью хранящегося внутри бальзама, пытаясь думать о чем угодно, только не о мертвой коже под ее пальцами. Стопы, лодыжки, бедра, живот, груди, ключицы, вниз по рукам Тары к ее запястьям и средним пальцам. Наконец, она провела черту, разделяющую торс Тары, начиная с пупка, до ее горла, подбородка и макушки.

Алекс поняла, что забыла взять зажигалку. Ей нужен был огонь. Рядом с дверью, под грязной доской, был стол. Большие ящики были заперты, но узкий верхний ящик открылся. Рядом с пачкой «Мальборо» лежала розовая пластиковая зажигалка.

Алекс взяла зажигалку и поднесла пламя прямо к узорам, которые нанесла бальзамом, повторяя свой путь по телу Тары. В это время чуть заметный туман появился над кожей, словно жар подымался над асфальтом, воздух словно колыхался и мерцал. В некоторых местах эффект был сильнее, густой туман вибрировал, будто она смотрела сквозь крутящиеся спицы колеса.

Алекс положила зажигалку обратно в ящик. Она потянулась к дымке над локтем Тары, провела ладонью сквозь мерцание. Внезапно она увидела, как быстро едет по улице на велосипеде. Прямо перед ней резко распахнулась дверца машины. Она нажала на тормоза, не успела остановиться, влетела в дверь, ударившись рукой. Ее пронзила боль. Алекс зашипела и отдернула ладонь, потирая свою руку, как будто кость сломала она, а не Тара.

Дымка над Тарой была картой всего того вреда, что причинили ее телу – проблески над татуировками и там, где были проколоты ее уши, густой комок над сломанной рукой, крошечная сумеречная спираль над оспиной на ее щеке, дымчатая темнота, зависшая над ранами в ее груди.

В книгах Леты Алекс не нашли ни единого способа заставить Тару заговорить или найти ее на другой стороне Покрова – по крайней мере, ничего, что можно было совершить без помощи хотя бы одного из обществ. Даже если бы Алекс это было под силу, многие из найденных ей ритуалов давали понять, что разговоры с недавно почившими создавали риск их воскресить, а это всегда опасно. Никого нельзя навсегда вернуть из-за Покрова, а попытки вернуть несговорчивую душу назад в ее тело могли закончиться непредсказуемыми результатами. «Книга и змей» специализировались на некромантии и соблюдали множество мер безопасности, но даже они иногда теряли контроль, когда Серый находил путь в тело. В конце семидесятых они пытались вселить дух Дженни Крэмер, легендарной красотки Нью-Хейвена в тело девочки-подростка из Кэмдена, которая замерзла насмерть, когда по пьяни отключилась у себя в машине во время метели. Вместо этого вернулась девочка из Кэмдена, дрожащая от холода и одержимая дикой силой недавно умершей.

Она прорвалась сквозь ворота «Книги и змея» и отправилась в «Yorkside Pizza», где, съев два куса пиццы, легла в одну из печей, чтобы согреться. При ритуале присутствовал один из делегатов Леты. Ему удалось быстро оцепить местность и с помощью нескольких принуждений убедить покупателей, что девочка просто участвует в перформансе. Хозяин был греком, и оказать на него влияние оказалось просто. Он давно носил *гаури*, подаренный ему матерью, – особенно синий «сглаз», или *мати*, который предотвращал все попытки принуждения. Наличные сработали куда эффективнее. По требованию хозяина Лета также позаботилась, чтобы «Yorkside» сохранила аренду, когда большинство других предприятий вытеснила из престиж-

ного шоппинг-района выросшая рента, целью которой было привлечь дорогие магазины. Местные предприниматели на Элм и Бродвее исчезли, уступая место люксовым брендам и сетевым магазинам, но «Yorkside Pizza» осталась.

Так что, поскольку Тара не могла говорить, придется говорить ее телу. Алекс обнаружила ритуал, выявляющий вред, – нечто попроще, полегче, – используемый для диагностики или в случаях, когда пациент или свидетель не мог говорить. Его изобрел Джироламо Фракасторо, чтобы узнать, кто отравил итальянскую графиню после того, как она рухнула с пеной изо рта на собственной свадебной церемонии.

Алекс не хотелось проводить ладонью в дымке над страшными ранами на груди Тары. Но она пришла сюда за этим. Переведя дух, она вытянула пальцы вперед.

Она лежала на земле, а над ней было лицо ее парня – Ланса. Иногда она его любила, но в последнее время все было... Она потеряла мысль. Она почувствовала, что открывает рот, ощутила что-то едкое на языке. Ланс улыбался. Они направлялись... Куда? Она чувствовала только возбуждение, предвкушение. Мир начинал размываться.

«Прости», – сказал Ланс.

Она лежала на спине, глядя в небеса. Уличные фонари казались далекими; все двигалось, и собор рядом с ней превратился в здание, закрывшее редкие звезды. Было тихо, но она что-то слышала. Словно бы в грязи хлопнул ботинок. *Хрясь-хлоп, хрясь-хлоп*. Она увидела, как над ней нависает чье-то тело, увидела нож, поняла, что звук вызывался ее собственными кровью и костями, ломающимися, когда ее пилило лезвие. Почему она этого не чувствовала? Что реально, а что нет?

«Закрой глаза», – сказал незнакомый голос. Она закрыла и исчезла.

Алекс покачнулась назад, прижимая руку к груди. Она по-прежнему слышала этот ужасный хлопающий звук, чувствовала, как что-то теплое и влажное разливается по ее груди. Но почему не было боли? Как ее могло не быть? Она что, была под кайфом? Настолько, что не чувствовала ударом ножом? Перед этим Ланс накачал ее наркотиками. Он попросил у нее прощения. Должно быть, он тоже был под кайфом.

Так что вот и ее ответ. Тара с Лансом явно имели дело с чем-то помимо травы. Без сомнения, сейчас Тернер уже обыскал их квартиру и нашел странную херню, которую они юзали и продавали. Алекс не имела возможности узнать, о чем в ту ночь думал Ланс, но, если он принимал какие-то галлюциногены, это могло быть что угодно.

Алекс посмотрела вниз на тело Тары. В свои последние мгновения она была напугана, но больно ей не было. Это уже кое-что.

Ланс отправится за решетку. Найдутся улики. Столько крови... Ну, это не спрячешь. Алекс знала.

Карта по-прежнему поблескивала над Тарой. Маленькие повреждения. Большие. Что бы показала карта Алекс? У нее никогда не было переломов, операций. Но самый страшный вред не оставлял следов. Когда умерла Хелли, кто-то словно разрезал Алекс грудь, расколол ее, будто пробковое дерево. Что, если бы все так и было? Ей пришлось бы идти по улицам, истекая кровью, пытаясь удержать свои ребра, сердце и легкие, и все ее части были бы открыты миру? Вместо этого то, что сломало ее, не оставило следов. У нее не было шрама, на который она могла указать со словами: *Вот где я закончилась*.

Несомненно, так же случилось и с Тарой. Внутри нее была заперта боль, которой не смогла бы выявить ни одна мерцающая карта. Но, какими бы чудовищными ни были ее раны, у нее не изъяли органов, на теле ее не осталось ни кровавых следов, ни признаков магического вреда. Тара умерла, потому что была такой же глупой, как Алекс, и никто не успел прийти ей на помощь. Она не нашла Иисуса, не увлеклась йогой, и никто не предложил ей стипендию в Йеле.

Пора было уходить. Ответы она получила. Этого должно было хватить, чтобы изгладить из памяти образ Хелли и суждения Дарлингтона. Но что-то по-прежнему не давало ей покоя

– чувство чего-то знакомого, которое она ощутила на месте преступления, не имевшее ничего общего со светлыми волосами Тары или печальными параллельными рельсами их жизней.

– Нам не пора идти? – спросила она коронера в медкостюме, который стоял в углу, рассеянно глядя в никуда.

– Как пожелаете, – сказал тот.

Алекс закрыла ящик.

– Кажется, я бы хотела проспать восемнадцать часов, – со вздохом сказала Алекс. – Проводите меня и скажите Мойре, что все прошло хорошо.

Она открыла дверь и врезалась в детектива Авеля Тернера.

Он схватил ее за руку, втащил ее назад в комнату и захлопнул за собой дверь.

– Какого хрена вы тут устроили?

– Эй! – радостно сказала Алекс. – Это благодаря тебе.

За его спиной нависал коронер.

– Мы идем? – спросил он.

– Подождите минуту, – сказала Алекс. – Тернер, вы должны меня отпустить.

– Не вам указывать, что я должен. И какого хрена с ним не так?

– У него хорошая ночь, – ответила Алекс. У нее колотилось сердце. Авель Тернер никогда раньше не терял спокойствия. Он всегда улыбался, всегда был уравновешен. Но таким он отчасти нравился Алекс больше.

– Вы прикасались к этой девушке? – спросил он, впиваясь пальцами ей в кожу. – Ее тело – это улика, и вы ее портите. Это преступление.

Алекс решила было ударить Тернера коленом по яйцам, но с копами так себя не ведут, так что она обмякла. Совершенно обмякла. Этой стратегии она научилась с Леном.

– Какого хрена? – он попытался удержать ее, когда она навалилась на него, затем отпустил. – Что с вами не так? – он вытер ладонь, как будто ее слабость была заразна.

– Много чего, – сказала Алекс. Ей удалось восстановить равновесие и заодно держаться подальше от него. – Во что ввязались Тара с Лансом?

– Прошу прощения?

Она вспомнила парящее над ней лицо Ланса. *Прости.* Что они употребляли в свою последнюю ночь вместе?

– Чем они торговали? Кислотой? Экстази? Я знаю, что не просто травой.

Тернер прищурился, возвращаясь к своему привычному вкрадчивому поведению.

– Как и все остальное, относящееся к этому делу, вас это не касается.

– Они продавали студентам? Обществам?

– У них был длинный список.

– Кто?

Тернер покачал головой.

– Идемте. *Сейчас же.*

Он потянулся к ее руке, но она уклонилась.

– Можете остаться здесь, – сказала Алекс коронеру. – Ослепительный детектив Тернер меня проводит.

– Что вы с ним сделали? – пробормотал Тернер, когда они вышли в коридор.

– Страшные вещи.

– Это вам не шутки, мисс Стерн.

Пока он тащил ее по коридору, Алекс сказала:

– Я тоже этим не для прикола занимаюсь, ясно? Мне не нравится быть Данте. Вам не нравится быть Центурионом, но это наша работа, и вы лагаете за нас обоих.

Эти слова, казалось, слегка выбили Тернера из колеи. Разумеется, они не совсем соответствовали действительности. Сэндоу велел ей отступить. *Спи спокойно.*

Они вышли в зал ожидания. Доуз нигде не было.

– Я велел вашей подруге ждать в машине, – сказал Тернер. – По крайней мере, ей хватает здравого смысла, чтобы сообразить, что она накосячила.

Хоть бы предупредила. Из Доуз вышел дерьмовый караульный.

Мойра Адамс улыбнулась из-за стола.

– Получила свой момент, дорогуша?

Алекс кивнула.

– Да. Спасибо.

– Я буду молиться за твою семью. Доброй ночи, детектив Тернер.

– С ней вы тоже сделали страшные вещи? – спросил Тернер, когда они вышли на холод.

Алекс раздосадованно потерла руки. Она тосковала по своему пальто.

– Это не потребовалось.

– Я обещал Сэндоу держать его в курсе. Если бы я считал, что в дело замешан кто-то из юных психопатов под вашим крылом, я бы так это не оставил.

Алекс в это верила.

– Возможно, есть что-то, чего вы не видите.

– Тут нечего видеть. Ее парня арестовали рядом с местом преступления. В последние несколько недель их соседи слышали ужасные ссоры. Кровавые улики связывают его с преступлением. У него в крови были сильные галлюциногены...

– Какие именно?

– Мы пока не уверены.

Алекс держалась подальше от любых галлюциногенов с тех пор, как поняла, что они делают Серых еще страшнее, но держала немало рук во время хороших и плохих трипов и еще не видела грибов, которые заставляли бы тебя не чувствовать, что тебя до смерти пыряют ножом.

– Вы хотите, чтобы ему все сошло с рук? – спросил Тернер.

– Что? – вопрос застал ее врасплох.

– Вы трогали труп. Тело Тары – это улика. Если вы достаточно вмешаетесь в это дело, это может привести к тому, что Ланса Грессанга не посадят. Вы этого хотите?

– Нет, – сказала Алекс. – Ему не сойдет это с рук.

Тернер кивнул.

– Хорошо.

Они постояли на морозе. Алекс видела стоящий на парковке старый мерседес – одну из немногих оставшихся машин. Лицо Доуз за ветровым стеклом казалось смазанным пятном. Она подняла руку и вяло помахала. *Спасибо, Пэмми.* Давно пора забыть об этом. Так почему же она этого не делает?

Она испробовала последний трюк.

– Просто дайте мне имя. Рано или поздно Лета узнает. Если общества имеют дело с незаконными субстанциями, нам следует об этом знать.

А потом мы сможем перейти к похищениям, инсайдерской торговле и – считается ли вскрытие человека для прочтения его внутренностей нанесением телесных повреждений? Им придется включить в уголовный кодекс новый раздел, чтобы покрыть то, чем балуются общества.

– Мы можем провести расследование, не мешая вашему делу об убийстве.

Тернер вздохнул. Его дыхание вышло белым паром на холоде.

– В ее контактах было только одно имя, связанное с обществами. Трипп Хельмут. Мы его как раз проверяем...

- Я видела его прошлой ночью. Он Костяной. Он следил за дверью на предсказании.
- Так он и сказал. Он был там всю ночь?
- Не знаю, – признала она.

Триппу поручили сторожить коридор. Нельзя отрицать, что после начала ритуала люди редко входят и выходят, разве что кому-то станет плохо или нужно будет что-нибудь принести для Гаруспики. Алекс вроде бы помнила, что дверь несколько раз открывалась и закрывалась, но она была не уверена. В это время она волновалась о меловом круге и сдерживала тошноту. Но ей было сложно поверить, что Трипп мог пропустить ритуал, добраться до Пейна Уитни, убить Тару и никем не замеченным вернуться на свой пост. Кроме того, какие убийственные разборки у него могли быть с Тарой? Трипп был достаточно богат, чтобы откупиться от любых неприятностей, которые могли попытаться устроить ему Тара или ее парень, а лицо, которое Алекс видела маячащим над Тарой с ножом, не принадлежало Триппу. Это было лицо Ланса.

– Не говорите с ним, – сказал Тернер. – Я пришлю вам и декану информацию, когда мы установим его алиби. Держитесь подальше от моего дела.

– И от вашей карьеры?

– Вот именно. В следующий раз, обнаружив вас там, где вам быть не положено, я арестую вас на месте.

Алекс невольно ощутила, что у нее готов вырваться темный пузырь смеха.

– Вы меня не арестуете, *детектив* Тернер. Вы вовсе не хотите, чтобы я оказалась в участке и наделала шуму. И я, и Лета чреваты неприятностями, и вы бы предпочли с этим разобраться таким образом, чтобы наша грязь не замарала ваши дорогие туфли.

Тернер пристально посмотрел на нее.

– Не знаю, как вы здесь оказались, мисс Стерн, но я умею различать качественные товары и то, что нахожу прилипшим к подошве, и вы определенно не хорошего качества.

– Спасибо за беседу, Тернер, – Алекс наклонилась к нему, зная, что от нее тяжелыми волнами исходит вонь сверхъестественного. Она улыбнулась ему своей самой милой и теплой улыбкой. – И больше никогда меня не хватайте. Может, я и дерьмо, но вонючее.

9

Зима

Алекс рассталась с Доуз рядом с теологическим факультетом, перед жалким многоквартирным домом в форме подковы в гетто аспирантов. Доуз не хотела оставлять машину в руках Алекс, но ей предстояло выставить оценки за работы, и она уже опаздывала, поэтому Алекс сказала, что поставит мерседес дома у Дарлингтона. Она видела, что Доуз хотелось отказать, несмотря на проклятые работы.

– Будь осторожна и не... Тебе не следует.... – но Доуз умолкла, и Алекс к своему удивлению осознала, что в этой ситуации Доуз полагалось с ней считаться. Данте служил Вергилию, но Окулус служил им обоим. И все они служили Лете. Доуз кивнула, продолжала кивать, кивала, выходя из машины, и всю дорогу до своей квартиры, будто подтверждая каждый свой шаг.

Дом Дарлингтона находился в Вествилле, всего в нескольких милях от кампуса. Это был Коннектикут, о котором Алекс мечтала, – фермерские дома без ферм, крепкие колониальные особняки из красного кирпича с черными дверями и чистенькими белыми плинтусами, округа, полная древесных каминов, ухоженных лужаек, окон, по ночам мерцающих золотом, будто проход в лучшую жизнь, кухни, где что-то вкусное варилось на плите, столы для завтрака, на которых лежали цветные карандаши. Никто не закрывал шторы; свет, тепло и благополучие выливались в темноту, словно эти глупые люди не знали, что может привлечь такое изобилие, как будто они оставляли эти сияющие двери открытыми для любой голодной девчонки.

Алекс почти не водила автомобиль с тех пор, как уехала из Лос-Анджелеса, и ей было приятно снова оказаться за рулем, хотя она до ужаса боялась поцарапать машину. Несмотря на открытую в телефоне карту, она проехала поворот на подъездную дорожку Дарлингтона, и ей пришлось дважды разворачиваться, прежде чем она заметила толстые каменные колонны, отмечающие вход в «Черный вяз». Окаймляющие дорожку лампы были зажжены, и благодаря их ярким ореолам голые деревья выглядели мягкими и дружелюбными, как зимняя открытка. Показался массивный силуэт дома, и Алекс резко нажала на тормоза.

В кухонном окне мерцал яркий, как маяк, свет, и еще один – в высокой башне, где находилась спальня Дарлингтона. Она вспомнила, как ее тело прижималось к ней, затуманившееся узкое окно, море черных ветвей внизу, темные леса, отделяющие «Черный вяз» от внешнего мира.

Алекс торопливо выключила фары и двигатель. Если здесь кто-то есть, если здесь *что-то* есть, то она не хотела его спугнуть.

Ее шаги казались невозможно громкими на гравийной дорожке, но она не пыталась красться – нет, не пыталась; она просто шла к кухонной двери. В руках у нее был ключ. Она здесь желанная гостья.

Может, это его мама или папа, сказала она себе. Она почти ничего не знала о семье Дарлингтона, но у него должна быть семья. *Кто-то еще из родни. Кто-то еще, кого Сэндоу нанял присматривать за домом, пока занята Доуз.*

Все это было гораздо более вероятно, но... *Он здесь,* настаивало ее сердце, бьющееся в груди с такой силой, что ей пришлось замереть у двери и заставить себя дышать более размеренно. *Он здесь.* Эта мысль тянула ее вперед, будто ухватившийся за ее рукав ребенок.

Укрывшись в темноте, она заглянула в окно. Кухня с теплым деревом и синей плиткой с узором – *дельфтской плиткой*, большой кирпичный очаг и медные котелки, поблескивающие

со своих крючков. На кухонном островке была разложена почта, словно кто-то как раз начал ее разбирать. *Он здесь.*

Алекс подумала было постучать, но вместо этого принялась возиться с ключами. Второй ключ повернулся в замке. Она вошла, тихо закрыла за собой дверь. Радостный свет кухни был теплым, приветливым, отражался в плоских медных кастрюлях, улавливался кремово-зеленой эмалью плиты, которую кто-то установил в пятидесятые.

– Эй? – чуть слышно позвала она.

Брошенные на стойку ключи неожиданно громко звякнули. Алекс виновато замерла посреди кухни, дожидаясь, что ее кто-нибудь заругает – может быть, даже сам дом. Но это был не особняк на Оранж с его оптимистичным поскрипыванием и осуждающими вздохами. Жизнью этого места был Дарлингтон, и без него дом казался огромным и пустым – корпусом разбитого судна.

С той самой ночи в Розенфелд-холле Алекс невольно надеялась, что, возможно, все это – проверка, которой подвергается каждый ученик Дома Леты, и что Доуз, Сэндоу и Тернер тоже в ней участвуют. Прямо сейчас Дарлингтон прячется в своей спальне на третьем этаже. Он слышал машину на подъездной дорожке. Он взбежал по ступеням и затаился в темноте, дожидаясь, пока она уедет. И убийство – тоже часть испытания. Нет никакой мертвой девушки. Когда все закончится, сама Тара Хатчинс, вальсируя, спустится по лестнице. Они просто должны были убедиться, то Алекс может справиться с чем-то серьезным самостоятельно.

Это было абсурдно. Но голосок все равно настаивал: *Он здесь.*

Сэндоу говорил, что он, возможно, еще жив, что они, возможно, смогут его вернуть. Он говорил, что им нужны только новолуние и верная магия, и все станет так же, как и раньше. Но, возможно, Дарлингтон сам нашел путь назад. Он может все. Он может и это.

Она прошла вглубь дома. От проникающих в окна огней с дорожки в комнатах царил желтушный сумрак – кладовая дворецкого с белыми ящичками, полная блюд и бокалов; большое морозильное помещение с металлической дверью, так похожей на дверь в морге; формальная столовая с сияющим, как зеркало, столом, похожим на темное озеро на тихой прогалине; и наконец просторная гостиная с большим черным окном, выходящим на смутные очертания сада, горбы изгородей и скелеты деревьев. Рядом с главной гостиной находилась комната поменьше, заставленная большими диванами, с телевизором, игровыми консолями. Увидев размер этого экрана, Лен бы описался. В такую комнату он бы просто влюбился. Пожалуй, это единственное, что объединяло его с Дарлинтоном. *Ну, не единственное.*

Большинство комнат на втором этаже были закрыты. «Тут у меня закончились деньги», – говорил он, положив руку ей на плечи, пока она пыталась его поторопить. Этот дом походил на тело, отрезавшее циркуляцию ко всем, кроме самых жизненно необходимых частей себя, чтобы выжить. Старый бальный зал был превращен в подобие самодельного спортзала. С потолка свисала подвешенная на крючок боксерская груша. Большие металлические веса, медболы и фехтовальные рапиры хранились на стене, и тяжелые тренажеры вырисовывались на фоне окон, как громоздкие насекомые.

Она поднялась по лестнице на верхний этаж и пошла по коридору. Дверь в комнату Дарлингтона была открыта.

Он здесь. Ее снова охватила уверенность, на этот раз еще сильнее. Он оставил свет для нее. Он хотел, чтобы она его нашла. Он будет сидеть на кровати, скрестив длинные ноги, склонившись над книгой, и темные волосы будут спадать ему на лоб. Он поднимет взгляд, скрестит руки. *Наконец-то.*

Ей хотелось броситься к квадрату света, но она заставляла себя идти неторопливо, как невеста к алтарю. Ее уверенность таяла, рефрен *Он здесь* менялся с каждым шагом, пока она не поняла, что молится: *Будь здесь, будь здесь, будь здесь.*

Комната была пуста. В сравнении с покоями в Il Bastone она была мала – странная круглая комната, которая, очевидно, никогда не предназначалась для того, чтобы стать спальней, и чем-то напоминала ей келью монаха. Она выглядела в точности так же, как и в последний раз, когда Алекс ее видела: придвинутый к изогнутой стене стол, приклеенная над ним пожелтевшая вырезка из газеты со старыми американскими горками, будто забытая там; мини-холодильник – потому что Дарлингтон, разумеется, не хотел отрываться от чтения или работы, чтобы спуститься перекусить; поставленный у окна стул с высокой спинкой для чтения. Никаких книжных полок не было, только стопки и стопки книг, высящиеся на разной высоте, словно он был в процессе самозамуровывания с помощью цветных кирпичей. Круг света от настольной лампы падал на раскрытую книгу – «Медитации на Таро: путешествие в христианский герметизм».

Доуз. Доуз приходила, чтобы позаботиться о доме, разобрать почту, вывезти машину. Доуз заходила в эту комнату, чтобы позаниматься. Чтобы побыть поближе к нему. Может, чтобы подождать его. Ее внезапно вызвали, и она оставила свет включенным, рассчитывая, что вечером вернется и обо всем позаботится. Но машину вернула Алекс. Вот насколько все просто.

Дарлингтон не в Испании. Он не дома. Он никогда не вернется домой. И все это – по вине Алекс.

Белый силуэт прорезал темноту на периферии зрения. Она отшатнулась, смахнув стопку книг, и выругалась. Но это оказался всего лишь Космо, кот Дарлингтона.

Он крался по краю стола, подбираясь к теплоте настольной лампы. Алекс всегда про себя называла его котом Боуи из-за шрама на глазу и полосатой белой шерсти, которая выглядела, как один из париков, которые Боуи носил в «Лабиринте». Он был до глупости нежным – надо было всего лишь вытянуть ладонь, и он прижимался носом к твоим пальцам.

Алекс села на край узкой кровати Дарлингтона. Она была аккуратно заправлена – скорее всего, дело рук Доуз. Может, и она здесь сидела? Спала здесь?

Алекс вспомнила изящные стопы Дарлингтона, с каким криком он исчез. Она опустила руку, подзывая кота.

– Эй, Космо.

Тот уставился на нее своими разными глазами. Зрачок левого походил на кляксу чернил.

– Ну же, Космо. Я не хотела, чтобы так вышло. Честно.

Космо пошел к ней. Как только его маленькая гладкая мордочка прикоснулась к пальцам Алекс, она заплакала.

Алекс уснула в постели Дарлингтона, и ей приснилось, что он прижимается к ней на узком матрасе.

Он притянул ее поближе к себе, его пальцы вдавливались в ее живот, и она чувствовала когти на их концах.

«Я буду служить тебе до конца дней», – прошептал он ей на ухо.

«И любить меня», – со смехом сказала она. Во сне она была смелой, ничего не боялась.

Но он всего лишь ответил:

«Это не одно и то же».

Алекс резко проснулась, перевернулась, посмотрела на резкий скат крыши, деревья за окном, исполозовавшие потолок тенью, и тяжелое зимнее солнце. Она побоялась управлять термостатом, поэтому завернулась в три свитера Дарлингтона и надела ужасную коричневую шапку, которую нашла на верхней полке его гардероба, но которую никогда на нем не видела. Она снова заправила кровать, после чего направилась вниз, чтобы наполнить водой блюдечко Космо и съесть навороченных сухих хлопьев с орехами и фруктами из коробки в кладовой.

Алекс достала из своей сумки ноутбук и пошла на пыльную застекленную террасу, которая шла по всей длине первого этажа. Она посмотрела в окна на задний двор. Покатый холм

вел к заросшему ежевикой лабиринту из живой изгороди, а в его центре виднелось что-то вроде статуи или фонтана. Она толком не знала, где заканчивается земля Дарлингтона, и спрашивала себя, какой частью этого холма владеет семья Арлингтон.

У нее ушло почти два часа на то, чтобы написать отчет об убийстве Тары Хатчинс. Причина смерти. Время смерти. Поведение Серых на предсказании «Череп и костей». Насчет последнего она сомневалась, но Лета привезла ее сюда из-за того, что она могла их видеть, и у нее не было причин об этом лгать. Она упомянула об информации, которую выудила у коронера и у Тернера в его ипостаси Центуриона, заметив, что всплыло имя Триппа, а также об уверенности Тернера в том, что в деле замешаны Костяные. Она надеялась, что Тернер не станет упоминать о ее визите в морг.

В конце отчета об инциденте имелся раздел под названием «Установленные факты». Алекс надолго задумалась, рассеянно поглаживая Космо, который мурчал рядом с ней на старом плетеном маленьком диване. В конце концов она не стала писать о странном ощущении, которое возникло у нее на месте преступления, и о том, что подозревала, что Тара и Ланс продавали наркотики другим членам других обществ. *Центурион будет держать Данте в курсе своих находок, но в настоящее время все улики указывают на то, что преступление совершено парнем Тары под воздействием сильных галлюциногенов и никак не связано ни с Летой, ни с Домами Покрова.* Она еще дважды перечитала текст, проверяя пунктуацию и стараясь, чтобы ее ответы звучали как можно более похоже на ответы Дарлингтона, после чего отправила отчет Сэндоу, поставив в копию Доуз.

Космо недовольно мяукнул, когда Алекс выскользнула за дверь кухни, но ей было приятно оставить дом позади и подышать ледяным воздухом. Небо было ярко-голубым, дочиства выскобленным от облаков, и гравий дорожки блестел. Она поставила мерседес в гараж, дошла до конца подъездной дорожки и вызвала такси. Вернуть ключи Доуз можно и позже.

Если соседки спросят ее, где она была, она просто скажет, что провела ночь у Дарлингтона. Семейный кризис. Это оправдание давно затаскалось, но с этих пор поздних возвращений и необъяснимых отсутствий станет меньше. Она отдала Таре должное. Ланс будет наказан, и Алекс не придется терзаться муками совести по крайней мере из-за этого. Сегодня она бы попивала пиво, пока ее соседка нажиралась бы перечным шнапсом из ледяного лотка «Психоза Омеги», а завтра она проведет весь день, читая все, что у нее накопилось.

Она попросила водителя высадить ее перед пафосным мини-маркетом на Элм. Только, войдя в магазин, она заметила, что на ней до сих пор шапка Дарлингтона. Она сняла ее и снова напялила. Было холодно. Не обязательно впадать в слезливость из-за шапки.

Алекс наполнила корзину сухими завтраками, «Twizzlers», кислыми мармеладными червяками. Не стоило тратить столько денег, но она жаждала успокаивающего фастфуда. Она потянулась в ящик с напитками, разыскивая шоколадное молоко, годное подольше, и почувствовала, как что-то коснулось ее ладони – рука, погладившая ее пальцы.

Алекс отдернула руку и прижала ладонь к груди, словно обожглась, а еще захлопнула дверцу с грохотом. Ее сердце тяжело колотилось. Она отошла от ящика, ожидая, что что-то рванется сквозь стекло, но ничего не произошло. Она смущенно оглянулась по сторонам.

На нее взглянул парень в маленьких круглых очках и синем йельском свитере. Она нагнулась, чтобы поднять свою корзинку с покупками, воспользовавшись возможностью зажмуриться и перевести дух. Воображение. Недосып. Общая нервозность. Да, может, даже крыса. Но она заглянет в «Конуру». Она прямо напротив, через дорогу. Она пройдет через защиту, чтобы собраться с мыслями без присутствия Серых.

Она схватила свою корзинку и выпрямилась.

Парень в маленьких очках успел подойти к ней вплотную и теперь стоял слишком близко. Она не видела его глаз, только свет, отражающийся от линз. Он улыбнулся, и что-то пошевелилось в уголке его рта. Алекс осознала, что это – загибающееся черное щупальце насекомого.

Жук выполз из кармана его щеки, как будто он хранил его там, словно жуя табак. Он упал с его губ. Алекс отпрянула, душа крик.

Слишком медленно. Тварь в синем свитере схватила ее за загривок и ударила головой о дверь холодильника. Стекло разлетелось. Алекс почувствовала, как осколки врезаются ей в кожу, как теплая кровь стекает по ее щекам. Он отдернул ее назад, бросил на пол. *Ты не можешь ко мне прикасаться. Это не разрешается.* Несмотря на все эти годы и все эти ужасы у нее сохранился этот детский ответ.

Она, шатаясь, попятилась. Женщина за кассой кричала, ее муж, широко распахнув глаза, выбегал из задней комнаты. К ней приближался мужчина в очках. Не мужчина – Серый. Но что привлекло его и помогло ему перейти грань? И почему он не походил ни на кого из Серых, которые встречались ей прежде? Его кожа больше не напоминала человеческую. В ней было что-то прозрачное, стеклянное, сквозь нее виднелись вены и очертания костей. От него воняло Покровом.

Алекс порылась в карманах, но она не пополнила запасы кладбищенской грязи. Она почти всегда носила немного с собой – просто на всякий случай.

– *Не робей!* – закричала она. – *Никто не бессмертен!*

То были слова смерти, которые она повторяла про себя каждый день с тех пор, как ее научил им Дарлингтон.

Но тварь не проявляла никаких признаков смутения или тревоги.

Хозяева магазина кричали; у одного из них был телефон в руке. *Да, вызывайте полицию.* Но они кричали на нее, а не на него. Его они не видели. Видели они только девушку, которая разбила их холодильник для напитков и громила их магазин.

Алекс рывком вскочила на ноги. Надо было добраться до «Конуры». Она вырвалась за двери и на тротуар.

– Эй! – воскликнула девушка в зеленой куртке, когда Алекс с ней столкнулась. За ней бежал хозяин магазина, вопя, чтобы кто-нибудь ее остановил.

Алекс взглянула назад. Тварь в очках прошла сквозь хозяина и словно *перепрыгнула* через толпу. Его рука вцепилась в горло Алекс. Она споткнулась о бордюр и упала на дорогу. Завизжали клаксоны. Она услышала визг тормозов. Она не могла дышать.

Она увидела на углу потрясенного Джонаса Рида. Она ходил с ней на английский. Она вспомнила пораженное лицо Меган, как удивление уступало место отвращению. Она услышала, как мисс Розалез на одном дыхании сказала: *Алекс! Дорогая!* Ее вот-вот задушат посреди улицы, и никто не увидит этого, никто не сможет помешать.

– *Не робей!* – попыталась сказать она, но у нее вырвался только скрип. Алекс в отчаянии оглянулась вокруг с влажными глазами, ее лицо налилось кровью. *Теперь им до тебя не добраться,* – обещал ей Дарлингтон. Она знала, что это неправда, но позволила себе поверить, что ее можно защитить, потому что это позволяло всему стать выносимым.

Ее ладони царапали кожу твари; она была жесткой и скользкой, как стекло. Она увидела, как что-то облачное, темно-красное, вырывается из чистой плоти его горла. Его губы разошлись. Он отпустил ее шею и, не успев удержаться, она глубоко вдохнула в тот самый момент, когда он выдул облако красной пыли ей в лицо. Боль взорвалась у нее в груди острыми приступами, едва пыль попала ей в легкие. Она попыталась закашляться, но тварь сидела, нажимая коленями ей на плечи, пока она вырвалась.

Люди кричали. Она слышала завывания сирены, но знала, что скорая помощь опоздает. Она умрет здесь в дурацкой шапке Дарлингтона. Возможно, он будет ждать ее по ту сторону Покрова вместе с Хелли. И Леном. И всеми остальными.

Мир почернел – и вдруг она сумела пошевелиться. Вес испарился с ее плеч. Она охнула и кое-как поднялась на ноги, сжимая грудь и пытаясь отдышаться. Куда делось это чудовище? Она посмотрела вверх.

Тварь в очках боролась с чем-то высоко над перекрестком. Нет, *с кем-то*. С Серым. С Женихом, любимым убийством-самоубийством Нью-Хейвена в своем модном костюме и с прической звезды немого кино. Тварь в очках схватила его за лацканы, и он слегка мигал на солнце, когда они носились в воздухе, его ударило о фонарь, который вспыхнул к жизни и потух, он прошел сквозь стены здания и снова вышел. Вся улица, казалось, сотрясалась, словно дрожь от грома, но Алекс знала, что слышит все это только она.

Визг тормозов перекрыл шум. На Йорк поворачивала патрульная машина, за которой ехала скорая. Алекс в последний раз взглянула на лицо Жениха, рот которого был широко открыт, когда он замахивался кулаком на своего противника. Она бросилась через перекресток.

Боль в ее груди продолжала разворачиваться, взрываясь, как фейерверки. Что-то случилось с ней, что-то плохое, и она не знала, как долго сможет оставаться в сознании. Она знала только, что необходимо добраться до «Конуры», наверх, под защиту тайных комнат Леты. Возможно, на нее нападут другие Серые, другие монстры. Что они могут сделать? Чего они не могут? Ей нужно было попасть в безопасное место.

Она обернулась через плечо и увидела, что к ней бежит парамедик. Она выскочила на тротуар за углом и побежала по переулку. Он бежал прямо позади нее, но он не мог ее защитить. Под его опекой она умрет. Она это знала. Она свернула левее, к двери, скрывшись из вида.

– Это я! – крикнула она «Конуре», молясь, чтобы дом ее узнал. Дверь распахнулась, и ступени потекли к ней, затягивая ее внутрь.

Она попыталась подняться по лестнице на ногах, но встала на колени. Обычно запах в холле казался успокаивающим. Это был зимний запах горящего дерева, медленно готовящейся клюквы, глинтвейна. Сейчас ее от него замутило. *Это сверхъестественное*, поняла она. Вонь мусора в переулке по крайней мере была реальной. А эти фальшивые запахи покоя – это чересчур. Ее организм больше не выдерживал магию. Она схватилась одной рукой за железные перила, а другой за край каменной ступени и подтянула себя вверх. Она увидела пятна на бетоне, черные звезды, расцветающие наростами лишайника на ступенях. Ее кровь, капающая с губ.

Ее пронзила паника. Она лежала на полу того общественного туалета. Раненый монарх хлопал единственным здоровым крылом.

Вставай. Кровь может их привлечь. Голос Дарлингтона в ее голове. *Серые могут пересечь черту, если достаточно сильно чего-то хотят.* Что, если защиты не выдержат? Что, если они не рассчитаны на то, чтобы удерживать нечто вроде этого чудовища? Ей показалось, что Жених побеждает. Ну, а если он и победит? Кто сказал, что он будет обращаться с ней лучше, чем эта тварь в очках? Он вовсе не казался милым.

Она написала сообщение Доуз. *SOS. 911.* Наверняка существовал какой-то условный код, чтобы передать, что у нее кровь изо рта, но Доуз придется обойтись.

Если Доуз в II Bastone, а не здесь, в «Конуре», Алекс умрет на этой лестнице. Она ясно видела, как аспирантка сидит в гостиной дома на Оранж, а перед ней разложены эти индексные карточки, с помощью которых она распределяет главы, будто Таро, и все они предвещают катастрофу, неудачу. Королева Беспольности, девушка с ножом над головой. Должник, мальчик, раздавленный камнем. Студент, сама Доуз в собственноручно выстроенной клетке. А в миле от нее тем временем до смерти истекает кровью Алекс.

Алекс подтащила себя еще на ступень вверх. Необходимо оказаться за дверью. Явочные квартиры – это матрешки безопасности. «Конура». Там прячутся маленькие животные.

По ней прокатилась волна тошноты. Ее вырвало, и изо рта у нее полилась черная желчь. Она двигалась по ступеням. Она увидела влажные, блестящие спинки жуков. *Скарабеи.* Кусочки радужных панцирей поблескивали в вырвавшейся у нее крови и рвоте. Она поползла подальше от лужи, продолжая плевать и одновременно пытаясь уложить в голове то, что с ней

происходит. Чего хотела от нее эта тварь? Неужели кто-то ее за ней послал? Если она умрет, ее мелочное сердце желает знать, кого преследовать. Лестница исчезала и снова возвращалась в фокус. Она не выживет.

Она услышала металлический лязг и через мгновение поняла, что где-то над ней рывком открылась дверь. Алекс попыталась позвать на помощь, но с ее губ сорвался только тихий влажный стон. Вниз по лестнице зашлепали «Tevas» Доуз – пауза, затем снова ее шаги, уже быстрее, перемежаемые «блядь блядь блядь блядь».

Чья-то крепкая рука подхватила Алекс под спину и вздернула ее вверх.

– Боже. *Боже*. Что случилось?

– Помоги мне, Пэмми.

Доуз отшатнулась. Почему Алекс вспомнила это имя? Так Доуз называл только Дарлингтон.

Доуз потащила Алекс вверх по лестнице. Ее ноги были тяжелыми. Кожа ее чесалась, словно под ней что-то ползало. Она вспомнила, как изо рта у нее хлынули жуки, и снова ощутила рвотные позывы.

– Только не на меня, – сказала Доуз. – Если тебя вырвет, меня тоже вырвет.

Алекс вспомнила, как Хелли держала ей волосы. Они напились «ягермейстера» и сидели на полу в туалете Граунд-Зиро, смеясь и блюя и чистя зубы, а потом повторяя все это снова.

«Шевели ногами, Алекс», – сказала Хелли. Она толкала колени Алекс в сторону, уселась рядом с ней на большой плетеный стул. От нее пахло кокосом, и ее тело было теплым, всегда теплым, как будто солнце ее любило, как будто хотело лгнуть к ее золотистой коже как можно дольше.

– Шевели своими дурацкими ногами, Алекс! – не Хелли. Доуз кричала ей на ухо.

– Я шевелю.

– *Не шевелишь*. Давай же, еще три шага.

Алекс хотела предупредить Доуз, что грядет эта тварь. Слова смерти на нее не повлияли: возможно, что и защиты ее не остановят. Она открыла рот, и ее опять вырвало.

Доуз тоже затошнило. А потом они оказались на лестничной площадке, за дверью. Наклонившись вперед, Алекс увидела, что падает. Она лежала на полу «Конуры», прижимаясь лицом к потертому ковру.

– Что случилось? – спросила Доуз, но Алекс слишком устала, чтобы отвечать. Она почувствовала, что ее перевернули на спину, с силой ударили по щеке. – Алекс, скажи, что случилось, иначе я не смогу помочь.

Алекс заставила себя посмотреть на Доуз. Она этого не хотела. Она хотела вернуться в плетеное кресло, и чтобы рядом с ней, будто сияющий кусочек солнца, сидела Хелли.

– Серый, я не знаю. Как стекло. Я видела сквозь него.

– Блядь, это *глума*.

Алекс нуждалась в своих дидактических карточках. Но где-то в глубине памяти таилось это слово. *Глума* – это оболочка, воскрешенный дух недавно умершего, чтобы проходить через мир, посредник, способный преодолеть Покров. Глумы были гонцами. Гонцами «Книги и змея».

– Красный дым. Я его вдохнула, – она снова начала бороться со рвотой.

– Мертвые жуки. Они съедят тебя изнутри.

Разумеется. Разумеется, съедят. Потому что магия не бывает доброй и хорошей.

Она услышала шум и почувствовала, что к ее губам прижали чашку.

– Пей, – сказала Доуз. – Будет ужасно больно, и ты обожжешь горло, но это я смогу вылечить.

Доуз поднимала Алекс подбородок, заставляя ее открыть рот. Горло Алекс обожгло огнем. К ней пришло видение освещенных синим пламенем прерий. Ее опалила боль, и она схватила Доуз за руку.

– Господи, Алекс, почему ты улыбаешься?

Глума. Оболочка. Кто-то натравил на нее что-то, и у этого могла быть единственная причина: Алекс наткнулась на что-то важное. Они знают, что она ходила посмотреть на тело Тары. Но кто? «Книга и змей»? «Череп и кости»? Кто бы это ни был, у них не было причин полагать, что она остановится на визите в морг. Они не знали, какой выбор она сделала, не знали, что отчет уже сдан. Алекс была права. Со смертью Тары что-то не так, она как-то связана с обществами, с Домами Покрова. Но улыбалась она не поэтому.

– Они пытались меня убить, Хелли, – выдохнула она, проваливаясь в темноту. *Это значит, что я вправе попытаться убить их.*

«Манускрипт» – юный выскочка среди Домов Покрова, но в то же время, вполне возможно, общество, которое лучше прочих перенесло современность. Легко назвать его членов, ставших лауреатами премии «Оскар» и телезвездами, но среди его выпускников также есть советники президентов, куратор музея искусства «Метрополитен» и, что, пожалуй, наиболее характерно, один из величайших ученых в области нейробиологии. Говоря о «Манускрипте», мы говорим о магии зеркал, иллюзиях, великих чарах из тех, что могут создать звезду, но стоит помнить, что все их достижения полагаются на манипуляции нашим собственным восприятием.

Из «Жизни Леты: процедуры и протоколы Девятого Дома»

Не ходите на вечеринки «Манускрипта». Просто не ходите.
Дневник Дэниела Арлингтона времен Леты (Колледж Дэвенпорт)

10

Прошлая осень

Ранний вечер перед вечеринкой «Манускрипта» Дарлингтон провел в «Черном вязе», раздавая конфеты. Окна дома горели, а подъездную дорожку освещали фонарики из тыкв. Он любил эту часть Хэллоуина, любил ритуал, прилив счастливых незнакомцев к его берегам, протянутые руки. Большую часть времени «Черный вяз» походил на темный остров, не указанный ни на одной карте. Но не в ночь Хэллоуина.

Дом стоял на пологой возвышенности холма недалеко от земель, когда-то принадлежавших Дональду Гранту Митчеллу, и в его библиотеке было множество книг Митчелла: «Грезы холостяка», «Жизнь мечты» и единственная книга, которую его дед посчитал достойной чтения, – «Моя ферма в Эджвуде». В детстве Дарлингтона привлекало загадочное звучание литературного псевдонима Митчела – Аик Марвел, и он был горько разочарован, не найдя в его книгах ничего волшебного и чудесного.

Но то же чувство сопровождало его во всем. Магии должно было быть больше. Не представлений клоунов в унылом гриме и скучных иллюзионистов. Не карточных фокусов. Обещанная ему магия таилась в стенках гардеробов, под мостами, в зеркалах. Она была опасна и обольстительна и не пыталась развлекать. Возможно, если бы его вырастили в обычном доме с качественной изоляцией и аккуратно подстриженной лужайкой на переднем дворе, а не под сенью ветхих башен «Черного вяза» с его озерами мха, неожиданными, зловещими шипами наперстянки, вездесущей мглой, прокрадывающейся сквозь деревья в осенних сумерках, – возможно, тогда бы у него и был шанс. Возможно, если бы он жил где-то вроде Феникса, а не в проклятом Нью-Хейвене.

Мгновение, предопределившее его судьбу, даже не принадлежало ему по-настоящему. Ему было одиннадцать лет, и он был на пикнике, организованном Рыцарями Колумба, куда он отправился по настоянию их домработницы Бернадет, потому что «мальчикам нужен свежий воздух». Как только они приехали на мыс Лайтхаус, она тут же уединилась в шатре с подругами и тарелкой фаршированных яиц и велела ему идти играть.

Дарлингтон нашел компанию мальчиков своего возраста, или они нашли его, и они весь день бегали наперегонки и участвовали в праздничных конкурсах, а, когда те им наскучили, стали придумывать собственные игры. Каким-то образом высокий, стриженный под ежик мальчик по имени Мэйсон с кривыми зубами стал в этот день у них за главного – он решал, когда есть, когда плавать, когда игра надоела, – и Дарлингтон с радостью шел у него в кильватере. Когда им надоело кататься на старой карусели, они пошли к краю парка, где открывался вид на пролив Лонг-Айленд и Нью-Хейвенскую гавань в отдалении.

– У них должны быть лодки, – сказал Мэйсон.

– Типа моторок. Или гидроциклы, – сказал мальчик по имени Лиам. – Было бы круто.

– Ага, – сказал еще один мальчик. – Мы могли бы добраться до американских горок.

Этот мальчик был с ними весь день. Он был маленьким, и на лице его густели песочного цвета веснушки. За день у него обгорел нос.

– Какие американские горки? – спросил Мэйсон.

Веснушчатый мальчик показал куда-то на другой берег залива.

– Там, где все эти огни. Рядом с пирсом.

Дарлингтон вглядывался вдаль, но не видел ничего, кроме угасающего дня и плоской береговой косы.

Мэйсон посмотрел, потом сказал:

– О чем ты, блядь, толкуешь?

Даже в сгущающемся сумраке Дарлингтон заметил, как по лицу веснушчатого мальчика разлился яркий румянец. Мальчик засмеялся:

– Ни о чем. Я просто над вами прикалывался.

– Мудила.

Они вышли на узкую пляжную полосу, чтобы побегать в волнах, и этот момент забылся. А вспомнился только через несколько месяцев, когда дед Дарлингтона развернул за завтраком свою газету, и Дарлингтон увидел заголовок: «Вспоминаем Сэйвин Рок». Под ним была фотография больших деревянных американских горок, выступающих над водами пролива Лонг-Айленд. Подпись под картинкой гласила: *Легендарная «Гроза», самый популярный аттракцион в парке развлечений «Сэйвин Рок», уничтоженный ураганом в 1938 году.*

Дарлингтон вырезал фото из газеты и приклеил его над своим столом. В тот день на мысе Лайтхаус тот обгорелый веснушчатый мальчик *видел* старые американские горки. Он был уверен, что все они их видят. Он не притворялся и не шутил. Он был удивлен и смущен, а потом быстро заткнулся. Как будто что-то подобное уже случалось с ним прежде. Дарлингтон пытался вспомнить, как его звали. Он спрашивал Бернадет, нельзя ли им пойти к Рыцарям Колумба на бинго, обед в складчину, на что угодно, лишь бы снова встретить этого мальчика. В конце концов его дед положил этому конец, проворчав: «Не пытайся превратить его в проклятого католика».

Дарлингтон повзрослел. Воспоминание о мысе Лайтхаус побледнело. Но он так и не снял со стены фотографию «Грозы». Он забывал об этом на недели, иногда на несколько месяцев, но он так и не смог отделаться от мысли, что он видит только один мир, в то время, как, возможно, существует множество миров, множество затерянных мест, возможно, даже затерянных народов, которые могут ожить для него, если он только достаточно приглядится или найдет правильные волшебные слова. Книжки с их обещаниями заколдованных дверей и тайных мест все только усугубили.

Со временем и постоянными мягкими разочарованиями взросления это чувство должно было угаснуть. Но первым местом, куда поехал на старом мерседесе деда шестнадцатилетний Дарлингтон, в бумажнике которого лежали только что полученные водительские права, был мыс Лайтхаус. Он стоял на обрыве над водой и ждал, пока перед ним откроется мир. Много лет спустя, когда он познакомился с Алекс Стерн, ему пришлось сдерживать порыв привезти туда и ее, чтобы посмотреть, не появится ли перед ней «Гроза», как всякий другой Серый, – рокошующий призрак радости и веселого ужаса.

Когда окончательно спустилась темнота, и поток детей в масках гоблинов истощился до ручейка, Дарлингтон надел собственный костюм – тот самый, что он надевал каждый год: черное пальто и дешевые пластиковые клыки, в которых он выглядел так, будто только что перенес стоматологическую операцию.

Он припарковался в переулке за «Конурой», где ждала Алекс, дрожащая в длинном черном пальто, которое он никогда раньше не видел.

– А нельзя поехать на машине? – спросила она. – На улице холодрыга.

Калифорнийки.

– Сейчас пятьдесят градусов, а идти всего три квартала. Думаю, ты преодолеешь это путешествие по тундре. Надеюсь, под пальто у тебя не какой-нибудь откровенный костюмчик кошки. Мы должны поддерживать репутацию.

– Я могу сделать свою работу и в шортах. Скорее всего, даже лучше, – она изобразила ленивый карате-удар. – Больше простора для движений.

Хорошо хоть на ней практичные ботинки.

В свете уличного фонаря он видел, что она густо подвела глаза и надела крупные золотые серьги. Он надеялся, что она не оделась слишком провокационно или неподобающе. Он не горел желанием провести весь вечер, отбиваясь от осуждающих язвительных замечаний «Манускрипта», потому что Алекс захотелось нарядиться в сексуальную Покахонтас.

Он провел их по переулку в «Вяз». Она казалась внимательной, готовой. Она неплохо себя проявила со времени инцидента в «Аврелиане», с тех пор, как они разможили стекла и фарфора на несколько тысяч долларов о кухонный пол II Bastone. Возможно, неплохо себя показал и сам Дарлингтон. Они наблюдали за несколькими превращениями в «Волчьей морде», прошедшими без происшествий, – правда, Шейн Маккэй никак не мог превратиться обратно в человека, и им пришлось запереть его в кухне, пока он не избавится от обличья петуха. Он разбил себе нос, пытаясь клевать стол, а один из его друзей потратил час, усердно выщипывая с его тела крохотные белые перышки. Шуткам о петухах не было конца. Они наблюдали за воскрешением в «Книге и змее», где иссохший труп с помощью переводчика передал последний отчет о недавно погибших в Украине солдатах в странной игре в макабрический телефон. Дарлингтон не знал, кто в госдепе запросил эти сведения, но не сомневался, что их обязательно передадут адресату. Они присутствовали при безуспешной попытке открыть портал в «Свитке и ключе» – то была бездарная попытка отправить кого-то в Венгрию, которая не принесла результатов, помимо того, что вся гробница пропахла гуляшом, – и настолько же непримечательном вызове шторма «Святым Эльмом» в их похожей на притон квартире на Линвуде, изрядно сконфузившем и пристыдившем президента делегации и присутствовавших выпускников.

«У них вид, как у мужиков, когда они настолько напиваются, что у них не встает», – прошептала тогда Алекс.

«Неужели обязательно быть такой вульгарной, Стерн?»

«Скажи мне, что я неправа, Дарлингтон».

«Я понятия не имею».

Сегодня ночью все будет иначе. Они не станут рисовать защитных кругов, а только дадут знать о своем присутствии, понаблюдадут за тем, как в нексусе «Манускрипта» собирается сила, и напишут отчет.

– Как долго мы там пробудем? – спросила Алекс, когда улица разделилась надвое.

– Закончим после полуночи, может, чуть позже.

– Я обещала Мерси и Лорен, что встречу с ними на Инферно Пирсона.

– К тому времени они так напьются, что не заметят, если ты опоздаешь. А теперь соберись: «Манускрипт» выглядит безобидно, но это не так.

Алекс покосилась на него.

– Кажется, кое-кто нервничает.

Из всех обществ Дарлингтона больше всего настораживал «Манускрипт». Он видел недоверие на лице Алекс, когда они остановились перед грязной белой кирпичной стеной.

– Здесь? – спросила она, плотнее заворачиваясь в пальто. Удары басов и отзвуки разговоров доносились до них откуда-то из узкой аллеи.

Дарлингтон понимал Алекс. Другие гробницы были построены, чтобы выглядеть, как *гробницы*, – плоские неоегипетские пьедесталы Костей, парящие белые колонны «Книги и змея», изящные экраны и мавританские арки «Свитка и ключа», любимого склепа Дарлингтона. Даже «Волчья морда», члены которой утверждали, что хотят избавиться от претенциозных атрибутов магического и основать более эгалитаристский дом, построили для себя миниатюру английской усадьбы. Дарлингтон читал описания каждой гробницы в путеводителе Пиннеля по Йелю и считал, что анализ их составных частей по какой-то причине был лишен загадки, которой они были окутаны. Разумеется, Пиннель не знал о тоннеле под Гров-стрит, который вел от «Книги и змея» прямо в сердце кладбища, и о зачарованных апельси-

новых деревьях, привезенных из Альгамбры, что круглый год давали плоды во дворе «Свитка и ключа».

Но «Манускрипт» снаружи выглядел, как приземистый кирпичный бугор, вдоль которого стояло несколько мусорных контейнеров.

– Это, что ли? – спросила Алекс. – Это еще хуже, чем то место на Линвуде.

На самом деле не существовало ничего хуже, чем дом «Святого Эльма» на Линвуде с запятнанным ковром, просевшей лестницей и крышей, на которой были установлены покосившиеся флюгера.

– Не суди о книге по обложке, Стерн. Глубина этого склепа – восемь этажей, и он содержит одну из лучших коллекций современного искусства в мире.

Алекс вскинула брови.

– Значит, они по-калифорнийски богаты.

– По-калифорнийски?

– В Лос-Анджелесе реально заряженные чуваки одеваются, как бомжи, как будто хотят, чтобы все знали, что они живут на пляже.

– Подозреваю, что «Манускрипт» хотел показать сдержанную элегантность, а не *Я трахаю модели в своем особняке в Малибу*, но кто знает?

Эта гробница была закончена в начале шестидесятых Кинг-Луи Ву. Дарлингтон никогда не проявлял к архитектуре середины века ничего, кроме скупого уважения. Как бы он ни старался восхищаться ее суровыми линиями и четким исполнением, она не производила на него впечатления. Его отец открыто насмехался над буржуазной любовью сына к башенкам и остроконечным крышам.

– Вот, – сказал Дарлингтон, взяв Алекс за плечи и отведя ее чуть левее. – Смотри.

К его удовольствию, она воскликнула:

– Ой!

С этой точки зрения взгляду открывался круглый узор, скрытый белыми кирпичами. Большинство людей полагало, что это символ солнца, но Дарлингтон знал больше остальных.

– Глядя по прямой, его не рассмотреть, – сказал Дарлингтон. – Как и все здесь. Это дом иллюзий и лжи. Не забывай, что некоторые из этих людей могут быть очень харизматичны. Наша задача – позаботиться, чтобы никто не позволял себе лишнего и не пострадал. А то был один инцидент в 1982-м.

– Какой инцидент?

– Девушка съела что-то на одной из этих вечеринок и решила, что она тигр.

Алекс пожалла плечами.

– Я видела, как Салома Нильс вытаскивает перья из задницы парня на кухне «Волчьей морды». Так что может быть и хуже.

– Она *так и не перестала* считать себя тигрицей.

– Что?

– «Волчья морда» меняет физическое, отказывается от человеческой формы, но сохраняет человеческое сознание. «Манускрипт» специализируется на том, что меняет сознание.

– Пудрит мозги.

– Родители этой девушки до сих пор держат ее в клетке к северу от Нью-Йорка. Условия вполне приличные. Акры земли, чтобы побегать. Сырое мясо дважды в день. Однажды она вырвалась и попыталась загрызть их почтальона.

– Представляю ее маникюр.

– Она повалила его на землю и впилась зубами в его икру. Мы представили это как нервный срыв. «Манускрипт» полностью оплатил ее лечение. Ему было запрещено действовать в течение семестра.

– Сурово.

– Я не говорил, что это справедливо, Стерн. Такова жизнь. Но я говорю тебе, что сегодня ночью нельзя доверять своему восприятию. Магия «Манускрипта» обманывает чувства. Не ешь и не пей *ничего*. Будь начеку. Не хочу, чтобы тебя тоже пришлось отправлять на север с собственным клубком пряжи.

Они пошли за группой девушек в корсетах, покрашенных, как зомби, по узкому переулку и вошли через черный ход. Жены Генриха Восьмого. Шея Анны Болейн была покрыта липкой с виду фальшивой кровью.

На табурете у двери сидела Кейт Мастерс со штампом для ладоней, но Дарлингтон схватил Алекс за запястье, прежде чем она успела вытянуть руку.

– Неизвестно, что входит в состав краски этого штампа, – пробормотал он. – Ты можешь просто нас пропустить, Кейт.

– Гардероб слева, – она подмигнула. На ее веках переливался красный глиттер. Она была одета Ядовитым Плющом, к зеленому бюстке были пришпилены листья из цветной бумаги.

Внутри бухала и завывала музыка, их обдало жаром тел, парфюмом и влажным воздухом. Большая, сумеречная квадратная комната была полна людей, слоняющихся вокруг чанов пунша в форме черепов, задний сад был обмотан мигающими огоньками. Дарлингтон уже начинал потеть.

– Выглядит не так уж плохо, – сказала Алекс.

– Помнишь, что я говорил? Настоящая вечеринка ниже.

– Значит, всего тут девять этажей? Девять кругов ада?

– Нет, они берут за основу китайскую мифологию. Самым счастливым числом считается восьмерка, так что тайных уровней восемь. Лестница символизирует божественную спираль.

Алекс сняла пальто. Под ним оказалось черное платье-футляр. Ее плечи были усыпаны каскадом серебряных звезд.

– И кем ты нарядилась? – спросил он.

– Девушкой в черном с густо покрашенными глазами? – она достала из кармана пальто корону из пластиковых цветов, сбрызнутую серебряной краской, и надела на голову. – Королевой Маб.

– Не знал, что ты поклонница Шекспира.

– А я и не поклонница. Лорен раздобыла костюм Пака из костюмерной драмы. Мерси пойдет в костюме Титании, так что она всучила мне вот это и сказала, что я могу побыть Маб.

– Ты знаешь, что Шекспир называл Маб повитухой фей?

Алекс нахмурилась.

– Я думала, она была Королевой ночи.

– И это тоже. Тебе идет.

Дарлингтон хотел сделать ей приятно, но Алекс оскалилась.

– Это просто платье.

– Что я пытался тебе объяснить? – сказал Дарлингтон. – Ничто не бывает *просто* чем-то.

И, возможно, он хотел, чтобы она была из тех девушек, что одеваются, как Королева Маб, любят слова и имеют звезды в крови.

– Давай обойдем первый этаж, прежде чем начнем разбираться с ложью внизу.

Много времени это не заняло. «Манускрипт» был построен с открытой планировкой, популярной в пятидесятые и шестидесятые, и комнат и проходов, которые следовало бы осмотреть, там было немного. По крайней мере на этом уровне.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Алекс, когда они оглядывали захудалый задний двор. Так было слишкомлюдно, но ничего необычного, казалось, не происходило. – Если «Манускрипт» считает сегодняшнюю ночь такой особенной, зачем проводить обряд, когда вокруг столько народу?

– Это не совсем обряд. Это извлечение. Но в том-то и загвоздка с их магией. Практиковать ее в уединении нельзя. Магия зеркал держится на отражении и восприятии. Ложь не является ложью, пока в нее кто-то не поверит. Не важно, насколько ты очарователен, если очаровывать некого. Все находящиеся на этом этаже подпитывают то, что происходит внизу.

– Просто развлекаюсь?

– *Пытаясь* развлекаться. Оглянись вокруг. Что ты видишь? Людей в костюмах, рогах, фальшивых драгоценностях, украшающих себя крошечными слоями иллюзий. Они держат осанку, втягивают животы, говорят то, во что не верят, льстят. Они совершают тысячи маленьких обманов, лгут друг другу, лгут себе, пьют до помрачения, чтобы это стало легче. Это ночь сговора между видящими и видимым, ночь, когда люди добровольно идут на ложные сделки, надеясь быть одураченными и одурачить в ответ ради удовольствия почувствовать себя смелыми, сексуальными, красивыми или попросту желанными – и не важно, насколько это чувство будет мимолетно.

– Дарлингтон, ты что, хочешь сказать мне, что «Манускрипт» подпитывается пьяными иллюзиями?

– У тебя есть манера зреть в корень, Стерн. Каждая ночь выходного дня, каждая вечеринка – это серия таких сделок, но Хэллоуин все это усугубляет. Эти люди заключают договор, когда проходят через эту дверь, полные предвкушения. Даже раньше, когда надевают свои крылья, рога... – он покосился на нее, – ... и глиттер. Кажется, кто-то говорил, что любовь – это взаимная иллюзия?

– Как цинично, Дарлингтон. Тебе это совсем не к лицу.

– Если предпочитаешь, можешь называть это магией. Двое людей, произносящих одно заклинание.

– Ну, а мне нравится, – сказала Алекс. – Выглядит, как вечеринка из кино. Но тут повсюду Серые.

Он это знал, но все равно удивился. После стольких лет ему казалось, что он должен научиться как-то ощущать их присутствие. Дарлингтон попытался отстраниться, увидеть это место так же, как Алекс, но все выглядело, как обычная вечеринка. Хэллоуин – это ночь, когда оживают мертвецы, потому что живые чувствуют себя более живыми: счастливые дети, наевшиеся конфет, злые подростки с яйцами и кремом для бритья, спрятанными в худи, пьяные студенты колледжей в масках, крыльях и рогах, позволяющие себе побыть кем-то еще – ангелами, демонами, хорошими докторами, плохими медсестрами. Пот и возбуждение, пересахаренный пунш, насыщенный фруктами и спиртным. Серым не устоять.

– Кто здесь? – спросил он.

Она подняла темные брови.

– Хочешь подробный отчет?

– Я не прошу тебя рисковать собой ради моего любопытства. Просто... Общий обзор.

– Двое у стеклянной раздвижной двери, пять-шесть во дворе, один у входа рядом с девицей-контролершей, целое племя рядом с пуншем. Невозможно пересчитать.

Она с готовностью все рассказала. Она замечала их, потому что боялась.

– Все нижние этажи защищены. Об этом тебе сегодня волноваться не придется, – он повел ее к лестнице, где Даг Фэр, оперевшись на перила, контролировал, чтобы никто не спустился без приглашения. – В Хэллоуин кровавая магия строго регулируется. Она слишком привлекательна для мертвых. Но сегодня «Манускрипт» поглотит всю праздничную страсть и раскрепощенность, чтобы подпитывать свои обряды остаток года.

– Неужели в вечеринках столько силы?

– На самом деле рост Андерсона Купера – пять футов четыре дюйма, вес – две сотни, а говорит он с ужасным лонг-айлендским акцентом.

Алекс распахнула глаза.

- Просто будь осторожна.
- Дарлингтон! – сказал Даг. – Джентльмен из Леты!
- Ты застрял здесь на всю ночь?
- Только на следующий час, а потом я нахерачусь до потери пульса.
- Круто, – сказал Дарлингтон и заметил, что Алекс закатила глаза.

Не считая ночи, когда они напились после провального ритуала аврелианцев, он никогда не видел, чтобы она выпила хотя бы глоток вина. Он спрашивал себя, тусуется ли она со своими соседками или намеренно воздерживается от алкоголя и наркотиков после того, что случилось с ее друзьями в Лос-Анджелесе.

– Кто это? – спросил Даг, и Дарлингтон невольно испытал раздражение, заметив, как лениво тот разглядывает костюм Алекс. – Твоя девушка или твоя Данте?

– Алекс Стерн. Она – это новый я. Она будет наблюдать за вами, дурнями, когда я наконец отсюда свалю.

Он сказал это, потому что они от него этого ожидали, но Дарлингтон ни за что бы не покинул этот город. Он слишком много сил положил на то, чтобы здесь остаться, чтобы сохранить «Черный вяз». Он попутешествует несколько месяцев, посетит остатки пещерной библиотеки в Дуньхуане, совершит паломничество в монастырь на горе Сент-Одиль. Он знал, что Лета ожидает, что он подаст документы в аспирантуру, возможно, займет исследовательскую должность в нью-йоркской конторе. Но его сердце к этому не лежало. Нью-Хейвен нуждался в новой карте, карте невидимого, и Дарлингтон хотел стать тем, кто ее создаст, и, возможно, в линиях его улиц, тишине садов, глубокой тени Ист-Рока найдется ответ на вопрос, почему Нью-Хейвен так и не стал Манхэттеном или Кембриджем, почему, несмотря на все возможности и все надежды на благополучие, он всегда испытывал трудности. Было ли это случайностью? Невезением? Или живущая в городе магия каким-то образом мешала ему в то самое время, как он продолжал процветать?

– Так ты кто? – спросил Даг Алекс. – Вампириша? Высосешь мою кровь?

– Если тебе повезет, – сказала Алекс и спустилась по лестнице.

– Береги себя сегодня, Даг, – сказал Дарлингтон, последовав за ней. Она уже пропала из виду, исчезла, а сегодня ее не стоило оставлять без присмотра.

Даг рассмеялся.

– Это твоя работа.

Выхлоп из дым-машины ударил Дарлингтона прямо в лицо, и он чуть не споткнулся. Он раздраженно разогнал рукой дым. Почему люди не могут просто выпить и поговорить? Зачем все это отчаянное притворство? Уж не завидует ли какая-то его часть Дагу и всем, кто может на одну ночь стать безрассудным? Возможно. Он чувствовал себя отрезанным от всего с тех пор, как переехал назад в «Черный вяз». Студенты первого и второго курса должны были жить в общежитиях, и, хотя он с религиозным пылом навещал «Черный вяз», ему нравилось чувство, что его затягивает на другие орбиты, что соседи по комнате из благих побуждений насильно вырывают его из ракушки и увлекают в мир, не имеющий ничего общего с Летой и сверхъестественным. Джордан и И. Дж. нравились ему настолько, что он жил с ними все два года, и он был рад, что они разделяют его чувства. Он все собирался им позвонить, позвать встретиться. Но дни бежали, а его время уходило на книги, «Черный вяз», Лету, а теперь и Алекс Стерн.

– Держись позади меня, – сказал он, догнав ее, и удивился своему недовольному тону. Она уже была на следующем уровне, с любопытством оглядываясь вокруг. Этот этаж напоминал VIP-зону ночного клуба: освещение здесь было тусклым, басы приглушены, но все было, как во сне. Казалось, каждый человек, каждый предмет в этой комнате озарен золотым светом.

– Похоже на какой-то клип, – сказала Алекс.

– С бесконечным бюджетом. Это чары.

– Почему он назвал тебя джентльменом из Леты?

– Потому что люди, у которых нет манер, притворяются, что манеры их забавляют. Вперед, Стерн.

Они спустились еще на один лестничный пролет.

– Мы спустимся в самый низ?

– Нет. На нижних уровнях проводятся и поддерживаются обряды. В любое время у них действуют пять-десять заклинаний в разных странах. Заклинания харизмы и чары требуют постоянного поддержания. Но сегодня ночью они не будут проводить обрядов, только выкачивать силу из вечеринки и города, чтобы спрятать ее в хранилище.

– Чувствуешь? – спросила Алекс. – Пахнет, как...

Лес. Следующий пролет привел их в зеленеющий лес. В прошлом году здесь был высокий голый холм. Солнечный свет пробивался сквозь листву густых деревьев, а горизонт, казалось, простирался на много миль. Одетые в белое тусовщики, развалясь, сидели на пледах для пикника, расстеленных на пышной траве, в теплом воздухе носились и парили колибри. На этот уровень и ниже допускались только выпускники и действующие члены, которые их обхаживали.

– Это что, настоящая лошадь? – прошептала Алекс.

– Настолько настоящая, насколько необходимо.

Это была магия – расточительная, жизнелюбивая магия, и Дарлингтон не мог отрицать, что часть его хочет здесь задержаться. Но именно поэтому им и следовало продолжать путь.

– Следующий этаж.

Ступени снова повернули, но на этот раз стены, казалось, изогнулись вместе с ними. Здание каким-то образом изменило форму, потолок стал высоким, как в соборе, и выкрашенным в ярко-голубой и золотой цвета Джотто; пол был покрыт макаками. Это была церковь, но не церковь. Музыка была потусторонней: возможно, то были колокола и барабаны, а может – сердцебиение огромного зверя, убаюкивающее их с каждым мощным стуком. На скамьях и в приделах лежали переплетенные тела, окруженные раздавленными красными лепестками.

– Вот это уже больше похоже на то, чего я ожидала, – сказала Алекс.

– Оргия в заполненном цветами соборе?

– Излишества.

– В этом и фишка сегодняшней ночи.

На следующем уровне была беседка на вершине горы, даже не пытающаяся выглядеть правдоподобно. Сплошные смутные персиковые облака, глициния, густыми кистями свисающая с бледно-розовых колонн, женщины в прозрачных платьях, нежащиеся на теплом от солнца камне, невозможный бриз, развевающий их волосы, предзакатный час, который никогда не закончится. Они вошли в картину Максфилда Пэрриша.

Наконец они попали в тихую комнату. Возле одной стены стоял длинный банкетный стол, освещенный светлячками. Отзвуки бесед были тихими и культурными. Обращенную к северу стену занимало огромное круглое зеркало высотой почти в два этажа. Его поверхность, казалось, клубится. Это было все равно что смотреть на огромный котел, в котором помещивает невидимая рука, но благоразумнее было воспринимать это зеркало как хранилище,местилище магии, пополняемое страстью и самообманом. Этот, пятый, уровень «Манускрипта» знаменовал собой центральную точку между комнатами подпитки наверху и ритуальными комнатами внизу. Он был намного просторнее остальных, простирался под улицей и под окружающими домами. Дарлингтон знал, что вентиляционная система находится в полной исправности, но с трудом гнал мысли о том, что его здесь раздавит.

На многих тусовщиках были маски – вероятно, то были знаменитости и выдающиеся выпускники. Некоторые носили причудливые платья, другие – джинсы и футболки.

– Видишь пурпурные языки? – спросил Дарлингтон, указав подбородком в сторону покрытого глиттером мальчика, наливающего вино, и почти обнаженной девочки с кошачьими ушками, несущей поднос. – Они приняли Заслугу, наркотик служения. Его принимают прислужники, чтобы отказаться от своей воли.

– Зачем кому-то это делать?

– Чтобы служить мне, – сказал нежный голос.

Дарлингтон поклонился фигуре, одетой в серовато-зеленую шелковую мантию и золотой головной убор, также служащий в качестве полумаски.

– Как мы можем обращаться к вам этой ночью? – спросил Дарлингтон. Носитель маски представлял Ланя Цайхе, одного из восьми Бессмертных из китайских мифов, который мог менять пол по своей воле. На каждом собрании «Манускрипта» избирался новый Цайхе.

– Сегодня я – это она.

Ее глаза под маской были совершенно белыми. Сегодня она могла видеть все, и никаким чарам было ее не обмануть.

– Мы благодарим вас за приглашение, – сказал Дарлингтон.

– Мы всегда приветствуем представителей Леты, хотя, к нашему сожалению, вы никогда не пользуетесь нашим гостеприимством. Может быть, бокал вина? – она подняла ухоженную руку с изогнутыми, словно когти, но гладкими и отшлифованными, как стекло, ногтями, и вперед выступил один из прислужников с кувшином.

Дарлингтон предостерегающе покачал головой Алекс.

– Спасибо, – виновато сказал он. Он знал, что некоторые члены «Манускрипта» воспринимают отказ членов Леты отведать удовольствий общества как личное оскорбление. – Но нас связывает протокол.

– Ни одно из наших предложений касательно кандидатов-первокурсников не было принято, – сказала Лань Цайхе, устремив белые глаза на Алекс. – Это большое разочарование.

Дарлингтон разозлился. Но Алекс сказала:

– Зато вы не будете многого от меня ожидать.

– Осторожнее, – сказала Цайхе. – Я люблю, когда меня обезоруживают. Вы еще можете повысить мои ожидания. Кто заколдовал ваши руки?

– Дарлингтон.

– Вы стыдитесь своих татуировок?

– Иногда.

Дарлингтон удивленно взглянул на Алекс. Она что, под принуждением? Но, увидев довольную улыбку Лань Цайхе, он понял, что Алекс ей просто подыгрывает. Цайхе любила сюрпризы, а прямота удивляла.

Цайхе провела ногтем по гладкой коже на обнаженной руке Алекс.

– Мы могли бы стереть их окончательно, – сказала Цайхе. – Навсегда.

– За небольшую плату? – спросила Алекс.

– За *справедливую* плату.

– Миледи, – предупреждая сказал Дарлингтон.

Цайхе пожала плечами.

– Это ночь подпитки, когда наши запасы пополняются и бочки наполняются. Никаких сделок не будет. Спустись, мальчик, если хочешь знать, что дальше. Спустись и увидишь, что тебя ждет, если посмеешь.

– Я просто хочу знать, здесь ли Джоди Фостер, – пробормотала Алекс, когда Лань Цайхе вернулась к банкетному столу. Она была одной из самых известных выпускниц «Манускрипта».

– Откуда тебе знать, может, *это и была* Джоди Фостер, – сказал Дарлингтон, но в голове у него потяжелело. Язык казался слишком большим для рта. Все вокруг, казалось, мерцало.

Лань Цайхе обратилась к нему со своего места во главе банкетного стола:

– Спустись.

Дарлингтон не должен был услышать ее с такого расстояния, но слово будто эхом пронеслось у него в голове. Он почувствовал, что пол проваливается и он падает. Он стоял в просторной пещере, выбитой в земле, скалы были скользкими от влаги, воздух наполнен запахом свежескопанной земли. В ушах у него жужжало, и Дарлингтон осознал, что звук исходит от зеркала, от хранилища, которое почему-то по-прежнему висело на стене пещеры. Он был в той же самой комнате, но и не был. Он взглянул в клубящуюся поверхность зеркала, и дымка внутри него разошлась, жужжание стало громче, отдаваясь у него в костях.

Нельзя смотреть. Он это знал. Никогда не следовало смотреть сверхъестественному в лицо, но разве он когда-то был способен отвернуться? Нет, он добивался этого, умолял. Он должен был знать. Он хотел знать все. Он увидел, как в зеркале отразился банкетный стол, еда на нем гнила, люди вокруг по-прежнему набивали животы испорченными фруктами и мясом вместе с кружащими мухами. Они были стары, у некоторых едва хватало сил, чтобы поднести чашу вина или увядший персик к своим сухим губам. Все, кроме Лань Цайхе, которая стояла в отсветах огня: золотой убор превратился в пламя, платье сияло янтарно-красным, черты лица менялись с каждым вздохом – верховная жрица, богомолка, проповедница. На секунду Дарлингтону показалось, что он заметил своего деда.

Он почувствовал, что его тело дрожит, почувствовал на губах влагу, прикоснулся к лицу и понял, что у него пошла кровь из носа.

– Дарлингтон? – то был голос Алекс, и он увидел ее в зеркале. Но она выглядела все так же. Она по-прежнему была Королевой Маб. Нет... На сей раз она действительно была Королевой Маб. Ночь слабела и текла вокруг нее в пелерине блестящих звезд; над масляно-серой массой ее волос мерцало созвездие – колесо, корона. Ее глаза были черными, рот – темно-красным, как перезрелые черешни. Он чувствовал, как сила пенится вокруг нее, струится сквозь нее.

– Что ты такое? – прошептал он. Но ему было все равно. Он упал на колени. Именно этого он всегда ждал.

– А, – сказала подошедшая Лань Цайхе. – Прислужник в сердце.

Он увидел в зеркале себя – склонившего голову рыцаря, предлагающего службу с мечом в руке и мечом в спине. Он не чувствовал боли – только боль в сердце. *Выбери меня.* На щеках у него были слезы, как бы ему ни было стыдно. Она была никем, девушкой, которой достался случайный талант, не сделавшей ничего, чтобы его заслужить. Она была его королевой.

– Дарлингтон, – сказала она. Но это не было его подлинным именем, как и в случае с Алекс.

Только бы она его выбрала. Только бы позволила ему...

Она прикоснулась к его лицу, приподняла его подбородок. Ее губы дотронулись до его уха. Он не понимал этого. Только хотел, чтобы она сделала это снова. Звезды потекли сквозь него, холодная, вздымающаяся волна ночи. Он видел все. Он видел их сплетенные тела. Она была над ним и под ним одновременно, ее раскинувшееся тело было белым, как цветок лотоса. Она укусила его за ухо – сильно.

Дарлингтон вскрикнул и отшатнулся, поток хлынул в его рассудок.

– *Дарлингтон*, – рявкнула она. – Возьми себя в руки.

И тогда он увидел себя. Он задрал ей платье. Его руки лежали на ее белых бедрах. Он увидел кругом лица в масках, ощутил их пыл, когда они подались вперед с горящими глазами. Алекс смотрела на него сверху, схватив его за плечи и пытаясь оттолкнуть. Пещера исчезла. Они были в банкетной комнате.

Он упал назад, отпустив ее подол, его эрекция доблестно пульсировала в джинсах, а потом он почувствовал унижение. Какого хрена они с ним сотворили? И как?

– Мгла, – сказал он, чувствуя себя последним дураком. Голова его по-прежнему кружилась, тело звенело от того, что он вдохнул. Он прошел прямо через выхлоп дым-машины, даже не задумавшись.

Лань Цайхе ухмыльнулась.

– Нельзя винить бога за попытку.

Дарлингтон поднялся на ноги, опираясь о стену и держась подальше от зеркала. Он по-прежнему чувствовал его жужжание в своем теле. Он хотел сорвать гнев на этих людях. Вредить представителям Леты было строго воспрещено, это было нарушением всех кодексов обществ, но он хотел уйти из «Манускрипта», прежде чем еще больше себя опозорит. Куда бы он ни взглянул, он видел скрытые масками и раскрашенные лица.

– Пошли, – сказала Алекс, взяв его за руку, и повела его вверх по лестнице, заставляя идти впереди нее.

Он знал, что им нужно остаться. Увидеть ночь до колдовского часа, убедиться, что ничто не просочится сквозь запретные этажи и не нарушит подпитку. Он не мог. Он должен был освободиться. *Сейчас*.

Ступени словно продолжались вечно, поворачивали и поворачивали, пока Дарлингтон не утратил всякое представление о том, как долго они поднимаются. Он хотел оглянуться, чтобы убедиться, что Алекс по-прежнему рядом, но читал достаточно рассказов, чтоб знать, что, уходя из ада, нельзя оглядываться.

Верхний этаж «Манускрипта» показался ему бешеной вспышкой цвета и света. Он слышал запах бродящих в пунше фруктов, дрожжевой запах пота. Воздух на его коже был липким и теплым.

Алекс сбросила его руку и потянула его вперед за локоть. Он мог только, спотыкаясь, следовать за ней. Они вырвались в холодную ночь, будто проскользнув через мембрану. Дарлингтон глубоко вдохнул и почувствовал, что голова его немного прочистилась. Он услышал голоса и осознал, что Алекс говорит с Майком Аволово, президентом делегации «Манускрипта». Рядом с ним стояла Кейт Мастерс. Ее покрывали цветущие лозы. Они собирались ее съесть – *нет*. Она просто оделась Ядовитым Плющом, Господи Боже.

– Неприемлемо, – сказал Дарлингтон. Его губы казались ворсистыми.

Ладонь Алекс по-прежнему лежала на его руке.

– Я разберусь. Побудь здесь.

Они пошли вниз по улице к «Конуре». Дарлингтон прислонился головой к мерседесу. Он должен был внимательно слушать, что говорит Алекс Кейт и Майку, но прикосновение к прохладному, всепрощающему металлу было слишком приятным.

Через несколько секунд они уже садились к нему в машину, и он бормотал адрес «Черного вяза».

Майк и Кейт вглядывались в пассажирское окно их уезжающей машины.

– Они боятся, что ты на них доложишь, – сказала Алекс.

– Еще как. Их ждет огромный штраф. Отстранение.

– Я сказала ему, что сама напишу отчет.

– Вот уж нет.

– Ты не можешь воспринимать это объективно.

Да, он не мог. В своей голове он снова стоял на коленях, прижимая лицо к ее бедрам и отчаянно желая приблизиться. При этой мысли у него снова встал, и он был рад, что сейчас темно.

– Что ты хочешь, чтобы я сказала в отчете? – спросила Алекс.

– Все, – горестно сказал Дарлингтон.

– Ничего страшного не случилось.

Случилось. Он чувствовал... слово «желание» не давало никакого понимания. Он по-прежнему ощущал ее кожу ладонями, а губами – ее жар сквозь тонкую ткань ее трусиков. Какого хрена с ним не так?

– Мне очень жаль, – сказал он. – Это было непростительно.

– Ты напился и выставил себя дураком на вечеринке. Расслабься.

– Если ты не хочешь больше со мной работать....

– Заткнись, Дарлингтон, – сказала Алекс. – Я не собираюсь выполнять эту работу без тебя.

Она отвезла его назад в «Черный вяз» и уложила в постель. Дома было очень холодно, и у него стучали зубы. Алекс легла рядом с ним, расстелив одеяло между ними, и его сердце заболело от стремления к близости.

– Майк сказал, что наркотик выветрится из твоего организма часов через двенадцать.

Дарлингтон лежал в своей узкой постели и мысленно раз за разом переписывал имейлы, адресованные выпускникам «Манускрипта» и Лете, терял нить, потрясенный видениями Алекс в лунном свете, с плеч которой соскальзывало это черное платье, потом возвращался к своему гневному монологу и требованиям принять меры. Слова путались, цеплялись за спицы колеса, за зубцы короны. Но одна мысль возвращалась снова и снова, пока он ворочался, засыпал и просыпался, и утренний свет медленно начинал литься через высокое башенное окно: Алекс Стерн – не та, кем кажется.

11

Зима

Алекс резко проснулась. Она спала, а в следующую секунду уже бодрствовала и была в ужасе, отбиваясь от рук, которые до сих пор ощущала вокруг шеи.

Ее горло покраснело и саднило. Она лежала на диване в общей комнате «Конуры». Спустилась ночь, и огни в бра тускло горели, отбрасывая желтые полумесяцы на обрамленные картины холмистых лугов, испещренных овцами и пастухами, играющими на дудках.

– Вот, – сказала сидящая на подушках Доуз, поднося к губам Алекс полный стакан жидкости, похожей на эгг-ног с щепоткой зеленого пищевого красителя. От его ободка исходил запах плесени. Алекс отстранился и открыла рот, чтобы спросить, что это, но вырвался у нее только тихий скрип: ей показалось, будто кто-то прикоснулся к ее горлу горящей спичкой.

– Скажу, когда выпьешь, – сказала Доуз. – Доверься мне.

Алекс покачала головой. Последний напиток, которым угостила ее Доуз, поджег ей внутренности.

– Ты же жива, разве нет? – спросила Доуз.

Да, но сейчас она жалела, что не умерла.

Алекс зажала себе нос, взяла стакан и выпила его большими глотками. Вкус был несвежим и пыльным, а жидкость такой густой, что чуть ее не задушила, но, как только она прикасалась к ее горлу, жжение ослабевало, оставляя после себя только легкую боль.

Она отдала стакан обратно и вытерла рот ладонью, слегка вздрогнув от послевкусия.

– Козье молоко и горчичное семя, заправленные паучьими яйцами, – сказала Доуз.

Алекс прижала костяшки пальцев к губам и постаралась сдержать тошноту.

– Довериться тебе?

У нее першило в горле, но по крайней мере она могла говорить, и ярящийся огонь внутри нее, казалось, потух.

– Мне пришлось воспользоваться комовой серой, чтобы выжечь из тебя жуков. Я бы сказала, что лекарство было хуже болезни, но, учитывая, что эти твари съели бы тебя изнутри, думаю, я бы солгала. В древности их использовали для очистки трупов, чтобы опустошить тела, которые потом наполнялись благовониями.

Ползучее ощущение вернулось, и Алекс пришлось сжать кулаки, чтобы не почесать кожу.

– Что они со мной сделали? Будут ли какие-то последствия?

Доуз поводила большим пальцем по стеклу.

– Честно говоря, не знаю.

Алекс подтянулась на подушках, которые Доуз подложила ей под шею. *Она любит заботиться о людях*, поняла Алекс. Может, поэтому они с Доуз никогда и не ладили? Потому что Алекс отвергала ее заботу?

– Как ты узнала, что надо делать?

Доуз нахмурилась.

– Это моя работа.

И Доуз знала свое дело. Все настолько просто. Она казалась довольно спокойной, но, сожми она стакан еще сильнее, он бы разбился у нее в руках. На ее пальцах были радужные разводы, в которых Алекс узнала остатки фломастера.

– Что-то пыталось... войти? – Алекс даже не знала толком, как это могло выглядеть.

– Не уверена. Колокола то звонили, то умолкали. Что-то прикасалось к защитам.

Алекс поднялась, и комната перед ее глазами поплыла. Она споткнулась и заставила себя взять заботливую руку Доуз.

Алекс была не уверена, что она ожидала увидеть снаружи. Глядящее на нее в ответ лицо *глумы* с отвечающими очками?

Что-то похуже? Она прикоснулась пальцами к своему горлу и задернула занавеску.

Слева улица была темной и пустой. Должно быть, она проспала целый день. В переулке она увидела Жениха, шагающего взад и вперед в желтом свете уличного фонаря.

– В чем дело? – нервно спросила Доуз. – Что там такое? – голос ее звучал напряженно.

– Просто Серый. Жених.

Он поднял взгляд к окну. Алекс окончательно задернула занавеску.

– Ты правда можешь его видеть? Я видела только фотографии.

Алекс кивнула.

– Он очень всклокоченный. Очень угрюмый. Очень... Моррисси.

Доуз удивила ее, запев:

– *And I wonder, does anybody feel the same way I do?*

– *And is evil*, – тихо запела Алекс, – *just something you are or something you do...*

Она запела в шутку, чтобы усилить тонкие нити товарищества, формирующиеся между ними, но в зловещей освещенной лампами тишине слова прозвучали угрожающе.

– Думаю, он спас мне жизнь. Он напал на эту тварь.

– На *глуму*?

– Ага, – Алек вздрогнула. Нападающий был так силен и словно бы неуязвим ко всему, что она использовала против него – а средств, она не могла не признать, было немного. – Мне нужно знать, как остановить одну из этих тварей.

– Я соберу все, что у нас на них есть, – сказала Доуз. – Но тебе не стоит формировать связь с Серыми, особенно с агрессивными.

– Между нами нет связи.

– Тогда почему он тебе помог?

– Может, он мне и не помогал. Может, он пытался навредить *глуме*. Вообще-то у меня не было времени поинтересоваться.

– Я просто говорю...

– Я знаю, о чем ты, – сказала Алекс и дернулась, услышав низкий звон гонга. Кто-то вошел на лестницу.

– Все нормально, – сказала Доуз. – Это всего лишь декан Сэндоу.

– Ты позвонила Сэндоу?

– Конечно, – сказала Доуз, выпрямляясь. – Тебя чуть не убили.

– Я в порядке.

– Потому что тебя защитил Серый.

– Только не говори это ему, – огрызнулась Алекс, не успев сдержать свой ответ.

Доуз отодвинулась.

– Он должен знать, что произошло!

– Ничего ему не говори.

Алекс сама не знала, почему так боится, что Сэндоу узнает о случившемся. Возможно, в силу старой привычки. Нельзя разговаривать. Нельзя рассказывать. Иначе вызовут службу опеки. Иначе тебя запрут «для наблюдения».

Доуз положила руки на бедра.

– И что бы я ему сказала? Я знаю о том, что случилось с тобой, не больше, чем что случилось с Дарлингтоном. Я здесь, только чтобы разруливать ваши провалы.

– Разве тебе не за это платят?

Опустоши холодильник. Повытирай немного пыль. *Спаси мою никчемную жизнь. Проклятие.*

– Доуз...

Но Сэндоу уже открывал дверь. Увидев у окна Алекс, он вздрогнул.

– Ты встала. Доуз говорила, что ты без сознания.

Алекс гадала, что еще наговорила ему Доуз.

– Она хорошо обо мне позаботилась.

– Прекрасно, – сказал Сэндоу, повесив пальто на бронзовую стойку в форме головы шакала и широкими шагами подходя к углу, в котором стоял старомодный самовар. По словам Дарлингтона, в конце семидесятых Сэндоу и сам был делегатом Леты, и очень хорошим. *Блестяще знал теорию, но и с практикой справлялся не хуже. Он изобрел некоторые оригинальные обряды, которым учат до сих пор.* Через десять лет он вернулся в кампус в качестве доцента и с тех пор служил посредником между Летой и президентом университета. За исключением нескольких выпускников, которые и сами были в Лете, администрация и профессора не знали ничего ни о Лете, ни об истинной деятельности обществ.

Алекс без труда могла представить, как Сэндоу с радостью работает в библиотеке Леты или педантично отмечает меловой круг. Он был невысоким, опрятным человечком с подтянутой комплекцией бегуна и серебристыми бровями, складывающимися домиком в центре его лба, что придавало ему постоянно встревоженный вид. С тех пор, как началось ее обучение в Лете, она его почти не видела. Он прислал ей свои контактные данные и «открытое приглашение в служебные часы», которым она ни разу не воспользовалась. Как-то в конце сентября он пришел на долгий неловкий обед в Il Bastone, во время которого он обсуждал с Дарлингтоном новую книгу о женщинах и промышленности в Нью-Хейвене, а Алекс прятала свою белую спаржу под рогаиком.

И, конечно, именно ему написала Алекс в ночь, когда Дарлингтон исчез.

Той ночью Сэндоу пришел в Il Bastone со своим старым палевым лабрадором-ретривером Медком. Он развел огонь в камине в гостиной и попросил Доуз принести чай и бренди, пока Алекс пыталась объяснить... но не что случилось. Она *не знала*, что случилось. Она знала только, что видела. К тому времени, как она закончила, ее трясло. Она вспоминала холод подвала, потрескивающий запах электричества в воздухе.

Сэндоу мягко похлопал ее по колену и поставил перед ней дымящуюся кружку.

– Пей, – сказал он. – Это поможет. Должно быть, это было очень страшно.

Его слова удивили Алекс. Ее жизнь была чередой страшных ударов, и от нее ожидалось, что она и бровью не поведет.

– Звучит похоже на порталную магию. Кто-то играет с чем-то, с чем играть не должен.

– Но он сказал, что это не портал. Он сказал...

– Алекс, он был напуган, – мягко сказал Сэндоу. – Скорее всего, запаниковал. Дарлингтон не исчез бы таким образом, если бы не было портала. Возможно, это была какая-то аномалия, созданная нексусом под Розенфелд-холлом.

В комнату вошла Доуз и замерла за спинкой дивана, крепко скрестив руки и едва сдерживая себя, пока Сэндоу бормотал что-то о заклинаниях возвращения и вероятности, что Дарлингтона нужно просто вытянуть назад оттуда, куда он попал.

– Нужно дождаться ночи новолуния, – сказал Сэндоу. – И тогда мы просто вызовем нашего мальчика домой.

Доуз разрыдалась.

– Он... *Где он?* – спросила Алекс. *Страдает ли он? Напуган ли?*

– Я не знаю, – сказал декан. – Это будет одной из главных наших сложностей, – судя по его голосу, ему почти не терпелось, словно перед ним стояла любопытная проблема. – Описанный тобой портал подобного размера и формы, достаточно стабильный, чтобы его можно было под-

держивать без присутствия практикантов, не мог вести в какое-либо интересное место. Скорее всего, Дарлингтона перенесло в какой-то карманный реалм. Это как уронить монету между подушками дивана.

– Но он там в западне...

– Скорее всего, он даже не в курсе, что исчез. Дарлингтон вернется к нам в полной уверенности, что только что находился в Розенфельде, и придет в ярость, когда узнает, что ему придется повторить семестр.

С тех пор они обменивались имейлами и переписывались: Сэндоу сообщал ей, кто и что понадобится для обряда, о придуманной истории об Испании для прикрытия; затем последовал шквал виноватых и разочарованных сообщений, когда январское новолуние сорвалось из-за расписания Мишель Аламеддин, после чего Доуз погрузилась в глубокое молчание. Но той ночью, ночью, когда из мира исчез Дарлингтон, был последний раз, когда они все находились в одной комнате. Сэндоу был пожарной тревогой, включать которую они не должны были без уважительной причины. Алекс хотелось считать его чем-то вроде ядерного ответа, но на самом деле он был просто родителем. Полноценным взрослым.

Теперь декан размешивал сахар в своей чашке.

– Я ценю твою сообразительность, Памела. Мы не можем позволить себе очередной... – он умолк. – Нам просто нужно дожить до конца года и... – и он снова позволил предложению раствориться, словно мокнув его в свой чай.

– И что? – настойчиво спросила Алекс. Потому что ее действительно интересовало, что должно произойти дальше. Доуз стояла, сцепив пальцы, словно собиралась спеть хоровое соло, и ждала, ждала.

– Я думал об этом, – наконец сказал Сэндоу. Он опустил ниже в каминном кресле. – Мы готовы к новолунию. В среду ночью я заберу Мишель Аламеддин с вокзала и отвезу ее прямо в «Черный вяз». У меня есть причины надеяться, что обряд сработает и Дарлингтон скоро снова будет рядом с нами. Но нам также нужно быть готовыми к альтернативе.

– К альтернативе? – переспросила Доуз. Она резко села. Ее лицо было напряженным, даже злым.

Алекс даже не притворялась, что понимает механику плана декана Сэндоу, но была готова поспорить, что ее понимала Доуз. *Это моя работа.* Она здесь, чтобы разруливать провалы, которые неизбежно случаются, и это был большой провал.

– Мишель в Колумбии, учится в магистратуре. Она присоединится к нам для ритуала в новолуние. Алекс, я думаю, мы сможем убедить ее приезжать по выходным и продолжать твоё обучение и тренировки. Это успокоит выпускников, если нам придется... – он провел пальцем над своими сидящими усами, – ... сообщить им новость.

– А как насчет его родителей? Его семьи?

– Арлингтоны не общаются с сыном. По всеобщему мнению, Дэниел Арлингтон изучает нексус под часовней Сан-Хуан-де-Гастелугаче. Если обряд завершится неудачей...

– Если обряд завершится неудачей, мы попытаемся снова, – сказала Доуз.

– Ну конечно, – с искренне обеспокоенным видом сказал Сэндоу. – Конечно. Мы испробуем все способы. Мы воспользуемся всеми возможностями. Памела, я не хочу показаться толстокожим, – он протянул ей руку. – Дарлингтон сделал бы все, что в его силах, чтобы вернуть домой одного из нас. Мы сделаем то же самое.

Но если обряд завершится неудачей, если Дарлингтона не смогут вернуть, что тогда? Расскажет ли Сэндоу правду выпускникам? Или он и совет изобретут историю, которая не будет звучать, как: *Мы оставили двух студентов колледжа в ситуации, с которой, как нам было известно, они не могли справиться, и один из них погиб.*

Как бы там ни было, Алекс не нравилось, что Лета могла так легко оставить проблему Дарлингтона позади. Да, он ее раздражал, но он любил свою работу и Дом Леты. Жестоко со

стороны Леты не отвечать ему взаимностью. В тот день Сэндоу впервые заговорил о том, что существует возможность, что Дарлингтон не вернется, что, возможно, его не удастся просто выдернуть из кармана между межпространственных подушек космического дивана. Не потому ли, что до попытки оставались считанные дни?

Сэндоу поднял пустой стакан, покрытый пленкой после мерзкого напитка из зеленого молока.

– Акстапта? На тебя напала *глума*?

Пока он говорил о Дарлингтоне, его голос звучал вкрадчиво, дипломатично, задумчиво – это был его деканский голос. Но при мысли о *глуме* между его взволнованными бровями залегла глубокая морщина.

– Вот именно, – твердо сказала Алекс, хотя до сих пор не до конца понимала, что это означает. Потом она прыгнула в неизвестность. – Думаю, кто-то ее на меня натравил. Возможно, «Книга и змей».

Сэндоу издал недоверчивый смешок.

– С чего бы им делать что-то подобное?

– Потому что Тара Хатчинс мертва, и я думаю, что они имели какое-то отношение к ее смерти.

Сэндоу быстро заморгал, словно его глаза были сломанными линзами камеры.

– По словам детектива Тернера...

– Так считаю я, а не Тернер.

Сэндоу встретился с ней взглядом, и она поняла, что его удивила уверенность в ее голосе. Но ей было не до почтительных хождений вокруг да около, которые он явно бы предпочел.

– Ты проводила расследование?

– Да, проводила.

– Алекс, это небезопасно. Ты не готова к...

– Кто-то должен был это сделать.

И Дарлингтон был далеко.

– У тебя есть доказательства, что было замешано одно из обществ?

– «Книга и змей» воскрешает мертвых. Они используют *глумов*...

– *Глум*, – пробормотала Доуз.

– *Глумы* — посланники, чтобы говорить с мертвыми. Один из них на меня напал. По моему, достоверная теория.

– Алекс, – мягко, с чуть заметным осуждением в голосе сказал он. – Когда ты сюда приехала, мы понимали, что данную позицию никогда не занимал человек твоих способностей. Возможно – даже вероятно, – что одно твое пребывание здесь могло внести разлад в бог знает какие системы.

– По-вашему, я спровоцировала нападение *глумы*? – она возненавидела себя за защитную резкость в своем голосе.

– Я не утверждаю, что ты что-то *сделала*, – ровно сказал Сэндоу. – Я утверждаю лишь, что нападение могло быть вызвано тобой в силу твоих особенностей.

Доуз сложила руки на груди.

– Звучит как «сама напросилась», декан Сэндоу.

Алекс не могла поверить своим ушам. Памела Доуз спорит с деканом Сэндоу. Защищая ее.

Сэндоу со стуком поставил свою кружку.

– Это, безусловно, не то, что я подразумевал.

– Но смысл таков, – сказала Доуз четким, резким голосом, какого Алекс никогда прежде от нее не слышала. Ее взгляд был холодным. – Алекс упомянула о своих опасениях в связи с нападением на нее, а вы вместо того, чтобы ее выслушать, предпочли усомниться в правдиво-

сти ее слов. Может быть, вы ничего и не подразумевали, но целью и результатом ваших слов было заставить ее замолчать, так что сложно не подумать, что от этого за версту несет обвинением жертвы. Это семантический эквивалент заявления о том, что на ней была слишком короткая юбка.

Алекс постаралась сдержать улыбку. Доуз откинулась в кресле, скрестив ноги и руки и склонив голову набок, и выглядела одновременно разозленной и расслабленной. Лицо Сэндоу зарумянилось. Он вскинул руки, словно пытаясь успокоить зверя, – *полегче*.

– Памела, я надеюсь, что ты слишком хорошо меня знаешь для таких умозаключений.

Алекс никогда еще не видела его таким сконфуженным. Значит, Доуз прекрасно владела языком декана и знала, какими угрозами выбить его из колеи.

– Кто-то натравил на меня это чудовище, – сказала Алекс, воспользовавшись данным ей Доуз преимуществом. – И то, что всего за несколько дней до этого погибла девушка – не совпадение. В списке вызовов Тары есть звонки Триппу Хельмуту. Это указывает на «Кости». Только что глума пыталась убить меня посреди улицы. Это может указывать на «Книгу и змея». Тару убили в ночь четверга, в ритуальную ночь, и, если вы читали мой отчет, то знаете, что в то самое время, как кто-то ее резал, я видела, как двое ранее смирных Серых совершенно рехнулись, – брови Сэндоу еще больше сдвинулись, словно подобные выражения причиняли ему боль. – Вы – Лета – привезли меня сюда не просто так, и я говорю вам, что погибла девушка, и ее смерть связана с обществами. Просто притворитесь на минуту, что я Дарлингтон, и попытайтесь воспринять меня всерьез.

Сэндоу остановил на ней изучающий взгляд, и Алекс спросила себя, уж не удалось ли ей до него достучаться. Потом он перевел взгляд на Доуз.

– Памела, полагаю, что у нас есть камера, направленная на перекресток Элм и Йорк.

Алекс увидела, что плечи Доуз расслабились, а голова опустилась, словно Сэндоу произнес эти слова, чтобы развеять чары, во власти которых она пребывала. Она поднялась и принесла свой ноутбук. Алекс почувствовала, что у нее заныло в животе.

Доуз нажала несколько клавиш на своем компьютере, и зеркало на дальней стене посветлело. Через мгновение на экране появилась полная машин и людей Элм-стрит – море серого и темно-серого. Временная метка в углу показывала 11.50 утра. Алекс окинула ищущим взглядом поток людей, идущих по тротуару, но каждый из них походил на одетую в куртку неуклюжую глыбу. Затем ее внимание привлекло резкое движение перед «Good Nature Market». Она увидела, как толпа разошлась и пошла волнами, инстинктивно удаляясь от насилия. Вот и она, убегающая из магазина от кричащего на нее хозяина, – черноволосая девушка в шерстяной шапке. Шапке Дарлингтона. Должно быть, та слетела с нее в драке.

Девушка на экране сошла с тротуара на дорогу, и все это в холодном молчании, как пантомима.

Алекс помнила, как глума яростно схватила ее и выволокла на дорогу, но на экране не было никакой глумы. Вместо этого она увидела, как темноволосая девушка сама бросилась под поток машин, спотыкаясь, крича и цепляясь за пустоту. Потом она оказалась лежащей на спине. Память говорила Алекс, что на ней сидела глума, но экран ничего подобного не показывал – только как она лежит посреди улицы, и машины сворачивают, чтобы ее не переехать, ее спина изгибается, рот широко раскрыт, руки цепляются за пустоту, она в судорогах.

Мгновение спустя она была уже на ногах и, шатаясь, шла к переулку за «Конурой». Она увидела, как один раз оглянулась с широко распахнутыми глазами, испачканным в крови лицом, раскрытым в ужасе ртом, уголки которого смотрели вниз, как углы туго натянутого паруса. *Я видела, как Жених дерется с глумой. Или нет?* Это было лицо сумасшедшей. Она снова лежала на полу того туалета одна и кричала со спущенными на лодыжках трусами.

– Алекс, все, что ты говоришь, может быть правдой. Но нет никаких доказательств того, что на тебя напали, и не говоря уже о том, кто может за этим стоять. Если я покажу это выпуск-

никам... Необходимо, чтобы они считали тебя устойчивой и надежной, особенно, учитывая... Ну, учитывая, как все сейчас неопределенно.

Учитывая, что Дарлингтон исчез. Учитывая, что это произошло, когда она должна была его прикрывать.

– Разве не для этого мы здесь? – спросила Алекс. Это была ее последняя попытка, призыв от имени чего-то большего, чем она сама, чего-то, что могло иметь большую ценность для Сэндоу. – Не для того, чтобы защищать таких девушек, как Тара? Не для того, чтобы позаботиться, чтобы общества не просто... делали, что хотят?

– Разумеется, для этого. Но неужели ты действительно веришь, что готова самостоятельно расследовать убийство? Я не просто так велел тебе отступить. Я пытаюсь сделать так, чтобы ситуация выглядела настолько нормальной, насколько она может быть в мире, где живут чудовища. Убийство Хатчинс расследует полиция. Молодой человек этой девушки арестован и ждет суда. Ты честно считаешь, что, если бы Тернер подозревал в причастности одно из обществ, он не повел бы расследование в этом направлении?

– Нет, – признала Алекс. – Я знаю, что повел бы.

Какого бы мнения о нем она ни придерживалась, Тернер был ищейкой с совестью, которая никогда не брала выходной.

– Если это произойдет, то мы, несомненно, его поддержим, и я обещаю передать все, что ты узнала. Но в настоящий момент мне нужно, чтобы ты сосредоточилась на том, чтобы поправиться и оставаться в безопасности. И я, и Доуз будем думать о том, что могло спровоцировать нападение глумы, и не мог ли твой талант вызвать другие нарушения. Твое присутствие в кампусе – это неизвестный фактор, дезинтегратор. Поведение тех Серых во время предсказания, исчезновение Дарлингтона, насильственная смерть рядом с кампусом, а теперь глума...

– Подождите, – сказала Алекс. – По-вашему, мое присутствие имеет какое-то отношение к убийству Тары?

– Конечно, нет, – сказал декан. – Но я не хочу давать основания совету Леты прийти к подобным выводам. И не могу позволить тебе играть в детектива-любителя в столь серьезном деле. В этом году будет пересматриваться наше финансирование. Мы существуем по милости университета и остаемся на плаву благодаря постоянной поддержке других обществ. Нам нужно их расположение, – он тяжело вздохнул. – Алекс, я не хочу показаться холодным. Убийство Хатчинс – ужасная трагедия, и я, несомненно, буду наблюдать за этой ситуацией, но мы должны соблюдать осмотрительность. Конец прошлого семестра... Случившееся в Розенфельде все изменило. Памела, ты хочешь, чтобы Лету лишили финансирования?

– Нет, – прошептала Доуз. Если она и говорила на языке Сэндоу, то и Сэндоу в совершенстве владел языком Доуз. Лета была ее убежищем, ее бункером. Она ни за что бы не рискнула ее потерять.

Но Алекс слушала речь декана вполуха. Она смотрела на старую карту Нью-Хейвена, висящую над камином. Та представляла собой изначальный девятиквартальный план Нью-Хейвенской колонии. Она вспомнила, что сказал Дарлингтон в первый день, когда они шли по лужайке: *Город должен был стать новым Эдемом, заложеным между двух рек, как между Тигром и Евфратом.*

Алекс взглянула на форму колонии – клин земли, окаймленный рекой Вест и каналом Фармингтона, двумя узкими полосками воды, торопящимися встретиться в гавани. Она наконец поняла, почему место преступления казалось таким знакомым. Перекресток, где нашли тело Тары Хатчинсон, выглядело точь-в-точь как карта: этот участок голой земли перед Бейкер-холлом был словно колония в миниатюре. Улицы, окружающие участок земли, были реками, запруженными машинами, объединяющимися на аллее Башни. И Тару Хатчинс нашли посреди этого всего, ее изуродованное тело лежало в сердце нового Эдема. Ее тело бросили там не просто так. Его намеренно там положили.

– Если честно, Алекс, – говорил Сэндоу, – какой вообще мотив мог быть у кого-то из этих людей, чтобы навредить подобной девушке?

Она вообще-то не знала. Она знала лишь, что они это сделали.

Затем кто-то выяснил, что Алекс побывала в морге. Кто бы это ни был, он думал, что Алекс знает тайны Тары – по крайней мере некоторые – и что в ее распоряжении достаточно магии, чтобы узнать больше. Они решили что-то предпринять. Возможно, они пытались ее убить, а может быть, достаточно было ее дискредитировать.

А как же Жених? Почему он решил ей помочь? Был ли он как-то со всем этим связан?

– Алекс, я хочу, чтобы ты добилась здесь успеха, – сказал Сэндоу. – Я хочу, чтобы мы пережили этот тяжелый год, и хочу, чтобы мы уделяли все свое внимание обряду в новолуние и тому, чтобы вернуть Дарлингтона домой. Давайте пройдем через это, а уж потом подведем итоги.

Алекс хотела того же. Ей нужен был Йель. Ей нужно было свое место здесь. Но декан ошибался. Смерть Тары не была просто ужасной трагедией, как хотелось бы Сэндоу. Кто-то из обществ был в этом замешан, и, кто бы это ни был, он хотел заткнуть ей рот.

Я в опасности, хотелось сказать ей. *Кто-то навредил мне, и я не думаю, что они закончили. Помогите мне.* Но когда слушали ее просьбы о помощи? Почему-то раньше Алекс думала, что в этом месте со всеми его правилами и ритуалами все по-другому, и декан Сэндоу за ними присматривает. *Мы пастыри.* Но они просто заигравшиеся дети. Глядя на сидящего, скрестив ноги, и попивающего чай Сэндоу, и отражающийся от его покачивающегося ботинка свет, Алекс поняла, что на каком-то уровне ему было, в сущности, все равно, что с ней будет. Возможно, он даже надеется, что с ней что-то случится. Если Алекс навредят, если она исчезнет, вместе с ней исчезнет вся вина за случившееся с Дарлингом, и ее короткий катастрофический стаж в Йеле спишут как прискорбное недоразумение, неудачный амбициозный эксперимент. В новолуние он вернет своего золотого мальчика и все исправит. Ему хотелось комфорта. Разве сама Алекс не такая же? Разве она не мечтает о мирном лете и чае с мятой, пока холодное тело Тары Хатчинс лежит в ящике?

Спи спокойно. Она готова была сделать это. Но кто-то попытался ей навредить.

Алекс почувствовала, как внутри нее ворочается что-то темное. «Ты тихий зверь, – как-то сказала ей Хелли. – У тебя внутри маленькая гадюка, готовая ужалить. Скорее всего, гремучая змея». Она сказала это, ухмыляясь, но она была права. Вся эта зимняя погода и вежливые беседы усыпили змею, ее сердцебиение замедлилось, и она стала ленивой и неподвижной, как любое хладнокровное существо.

– Я тоже хочу, чтобы мы через это прошли, – сказала Алекс и улыбнулась ему испуганной, заискивающей улыбкой. Его облегчение ворвалось в комнату подобно теплему фронту, который приветствуют жители Новой Англии и про который жителям Лос-Анджелеса известно, что он приводит к пожарам.

– Хорошо, Алекс. Значит, так и будет, – он поднялся и надел пальто и свой полосатый шарф. – Я передам твой отчет выпускникам и увижу вас с Доуз в среду ночью в «Черном вязе», – он сжал ее плечо. – Всего через несколько дней все вернется в норму.

Только не для Тары Хатчинс, осел.

Она снова улыбнулась.

– До среды.

– Памела, я напишу тебе письмо насчет закусок. Ничего слишком изысканного. Мы ожидаем двух представителей «Аврелиана» вместе с Мишель, – он подмигнул Алекс. – Ты будешь в восторге от Мишель Аламеддин. Она была Вергилием Дарлингтона. Настоящий гений.

– Мне уже не терпится, – сказала Алекс, махая рукой уходящему декану. Как только дверь закрылась, она сказала: – Доуз, насколько тяжело говорить с мертвыми?

– Совсем не сложно, если ты член «Книги и змея».

– Они последние в моем списке. Я стараюсь не просить о помощи людей, которые, возможно, хотят меня убить.

– Это ограничивает твои возможности, – пробормотала Доуз, глядя в пол.

– Ах, Доуз, мне нравится, когда ты ведешь себя, как сучка, – Доуз неловко поежилась и подергала себя за мрачный серый свитер. Она закрыла ноутбук. – Спасибо, что поддержала меня перед деканом. И что спасла мне жизнь, – Доуз кивнула в ковер. – Так какие еще у меня варианты, если мне нужно поговорить с кем-то по ту сторону Покрова?

– Мне приходит в голову только «Волчья морда».

– Оборотни?

– *Не стоит* их так называть. Особенно когда тебе нужна услуга.

Алекс подошла к окну, открыла штору.

– Он еще там? – спросила сзади Доуз.

– Он там.

– Алекс, что ты делаешь? Как только ты егопустишь... Ты знаешь истории о нем, что он сделал с той девушкой.

Алекс, открой дверь.

– Я знаю, что он спас мне жизнь и хочет привлечь мое внимание. Отношения и не на таком строятся.

Правила Леты были невразумительны и затейливы. *Католические*, говорил Дарлингтон. *Византийские*. И все-таки главные из них было несложно запомнить. Оставь мертвецов мертвецам. Обращай взгляд к живым. Но Алекс нужны были союзники, и одной Доуз ей бы не хватило.

Она постучала в окно.

Внизу, на улице, поднял взгляд Жених. Его темные глаза встретились с ее в свете уличного фонаря. Она не отвела взгляд.

«Волчья морда» – четвертый из Домов Покрова, хотя «Берцелиус» с этим бы поспорил. Его члены практикуют териантропию и считают оборотничество базовой магией. Вместо этого они фокусируются на способности сохранить человеческое сознание и характеристики, пребывая в форме животного. Это используется главным образом в сборе информации, корпоративном шпионаже и политическом саботаже. «Волчья морда» была важным источником вербовки ЦРУ в 1950–1960-х гг. После ритуала оборотничества у человека может уйти несколько дней, чтобы избавиться от характеристик животного. Старайтесь не обсуждать предметы важного или деликатного свойства при животных.

Из «Жизни Леты: процедуры и протоколы Девятого Дома»

Я устал, мое сердце никогда не перестанет отчаянно биться. Глаза у меня розовые. Не белые. Радужная оболочка. Когда Роджерс сказал, что мы будем трахаться как кролики, он, как выяснилось, действительно имел в виду кроликов.

Дневник Чарльза «Чейса» Макмэйхона времен Леты (Колледж Сэйбрук, 1988)

12

Зима

Алекс знала, что нельзя отправляться в «Волчью морду» с пустыми руками. Если она нуждается в их помощи, сначала необходимо заскочить в «Свиток и ключ» и забрать статую Ромула и Рема. «Волчья морда» донимала Лету, чтобы та добилась ее возвращения с тех пор, как статуя пропала во время их вечеринки в честь Дня Святого Валентина в прошлом году, когда они по традиции распахнули двери для членов других обществ. Хотя Алекс видела, что статуя стоит на полке в гробнице Замочников с повешенной на нее пластиковой тиарой, Дарлингтон отказался вмешиваться. «Лета не снисходит до мелкой грызни, – сказал он. – Мы выше подобных розыгрышей».

Но Алекс нужно было попасть в храмовый зал в сердце гробницы «Волчьей морды», и она прекрасно знала, что президент их делегации Салома Нилс потребует взамен.

Алекс выпила один из отвратительных протеиновых коктейлей Дарлингтона, стоявших в холодильнике. Она была голодна, и Доуз утверждала, что это хороший признак, но ее горло еще не вынесло бы твердой пищи. Ей не слишком хотелось покидать безопасную нору, пока она толком не знает, что случилось с глумой, но она просто не могла сидеть на месте. Кроме того, кто бы ни натравил на нее глуму, он считал, что Алекс лежит где-то, поглощаемая мертвыми жуками изнутри. Что же до ее публичного приступа посреди Элм-стрит, то, по крайней мере, свидетелей было не так много, и, не считая Джонаса Рида, было маловероятно, что кто-то из них знал ее лично. Если кто-то все же ее узнал, то ее, вероятно, ждал звонок от обеспокоенного терапевта из медицинского центра.

Алекс догадывалась, что, когда они с Доуз выйдут в переулок, ее будет ждать Жених. Ее «защитник» шел за ними всю дорогу до «Свитка и ключа», где она нашла издерганного Замочника, пишущего работу, и убедила его впустить ее в гробницу, чтобы поискать там шарф, который Дарлингтон оставил после последнего обряда, за которым они наблюдали. Обычно Лету впускали в гробницы только в ритуальные ночи и во время санкционированных инспекций. «В Андалусии бывает зябко», – сказала она ему.

Пока Алекс притворялась, что разыскивает шарф, Замочник мялся на пороге, глядя в телефон. Когда колокольчик на входной двери снова зазвонил, он выругался. *Спасибо, Доуз.* Алекс схватила статуэтку и сунула ее в портфель. Она взглянула на круглый каменный стол, где делегация собиралась, чтобы проводить свои обряды – или пытаться их проводить. В столешнице была вырезана цитата, которая ей всегда нравилась: *Властвуй над этой темной землей, чтобы освещать ее, и над этим мертвым миром, чтобы его оживлять.* Что-то в этих словах казалось ей знакомым, но она не могла вспомнить, что именно. Она услышала, как хлопнула входная дверь, и торопливо вышла из зала, на ходу поблагодарив Замочника, который бормотал что-то о пьяных тусовщиках, что не могут найти собственные проклятые общежития.

Скорее всего, обнаружив пропажу статуэтки, члены «Свитка и ключа» сразу подумают на нее, но об этом можно побеспокоиться и позже. Доуз ждала за углом у готической беседки, служившей входом в библиотеку Басс. Дарлингтон рассказывал ей, что каменные мечи, высеченные в ее украшениях, означали защиту.

– Это неудачная мысль, – сказала завернувшаяся в парк Доуз, излучая неодобрение.

– Зато я последовательна.

Голова Доуз повернулась на шее, как луч прожектора.

– Он здесь?

Алекс знала, что она имеет в виду Жениха, и, хотя она никогда бы в этом не призналась, ее нервировало, как просто оказалось добиться его внимания. Она сомневалась, что избавиться от него будет так же легко. Она обернулась через плечо и увидела, что он следует за ними на расстоянии, которое можно было назвать разве что почтительным.

– За полквартала от нас.

– Он *убийца*, – прошептала Доуз.

Что ж, тогда у нас есть кое-что общее, – подумала Алекс, но сказала лишь:

– Не до жиру, быть бы живу.

Ей не слишком улыбалось так близко подпускать к себе Серого, но она уже приняла решение и не собиралась сейчас его менять. Если мишень ей на спину прицепил кто-то из обществ, она узнает, кто это, и позаботится, чтобы им не представилось возможности сделать это снова. И все-таки...

– Доуз, – пробормотала она. – Когда вернемся, давай начнем искать способы разорвать связь между людьми и Серыми. Я не хочу, чтобы Моррисы всю жизнь заглядывал мне через плечо.

– Проще всего изначально не формировать эту связь.

– Правда? – сказала Алекс. – Дай-ка я это запишу.

Гробница «Волчьей морды» находилась всего в нескольких дверях от «Конуры». Это был величавый серый особняк с неухоженным садом, окруженный высокой каменной стеной. Это было одно из самых волшебных мест в кампусе. Огибавший его переулок граничил со старыми зданиями братств, крепкими кирпичными постройками, давно переданными университету, с древними символами, высеченными в камне над проходами рядом с непримечательными группами греческих букв. Переулок служил чем-то вроде крепостного рва, где плотной поблескивающей мглой собиралась сила. Большинство прохожих объясняли пробирающую их дрожь изменениями погоды или дурным настроением и сразу же забывали о ней, добравшись до Йельского кабаре или Афроамериканского центра. Члены «Волчьей морды» немало гордились тем, что во время процессов над «Черной пантерой» давали приют протестующим, но они также были последними из Древней Восьмерки, кто начал принимать женщин, так что Алекс считала это отмазкой. В ритуальные ночи она часто видела, как во дворе стоит Серый, тоскующий по соседнему офису «Yale Daily News».

Алекс пришлось дважды позвонить в колокольчик у ворот, прежде чем Салома Нилс наконец открыла ипустила их внутрь.

– Кто это? – спросила Салома.

На секунду Алекс показалось, что та видит Жениха. Он подтянулся поближе, шел за Алекс шаг в шаг, и губы его изогнулись в чуть заметной улыбке, словно он слышал стук колибри ее сердца. Затем она сообразила, что Салома говорит о Доуз. Скорее всего, большинство людей из обществ понятия не имели о самом существовании Памелы Доуз.

– Она мне помогает, – сказала Алекс.

Но Салома уже проводила их в темное фойе. Жених последовал за ними. Гробницы оставались без защиты, чтобы не мешать легкому течению магии, но это означало, что Серые могли входить и выходить, когда им заблагорассудится. Именно поэтому защита Леты была необходима во время обрядов.

– Она у тебя? – спросила Салома.

Интерьер был безликим: сланцевая напольная плитка, темное дерево, витражные окна, выходящие на маленький внутренний двор, где рос ясень. Он был здесь задолго до университета и, скорее всего, по-прежнему будет пускать корни, когда камни вокруг него превратятся в пыль. Магнитная доска у двери показывала, кто из членов делегации в данный момент находится в гробнице, – необходимость, учитывая ее размеры. Они указывались под своими име-

нами египетских богов, и только анх Саломы, названной Хефрен, был перемещен в столбик «Дома».

– У меня, – сказала Алекс, доставая из сумки статуэтку.

Салома схватила ее с радостным воплем.

– Идеально! «Ключи» обоссутся, когда поймут, что мы ее вернули.

– Что она делает? – спросила Алекс, когда Салома повела их назад в очередную темную комнату – на этот раз в центре комнаты стоял вытянутый ромбовидный стол, окруженный низкими стульями. Вдоль стен стояли стеклянные ящики, полные египетских диковинок и изображений волков.

– Она ничего *не делает*, – с уничтожающим взглядом сказала Салома. Она поставила статуэтку назад в ящик. – Это вопрос принципа. Мы пригласили их в наш дом, а они насрали на наше гостепреимство.

– Ну да, – сказала Алекс. – Это ужасно, – но она чувствовала, как злая змея в ней шевельнулась, вибрируя у нее в груди. Кто-то только что пытался ее убить, а эта принцесса играет в глупые игры. – Давайте начнем.

Салома переступила с ноги на ногу.

– Слушай, я правда не могу открыть храм без одобрения делегации. Внутрь нельзя входить даже выпускникам.

Доуз быстро и энергично выдохнула. Она явно испытывала облегчение от того, что перед ней замаячила перспектива развернуться на сто восемьдесят градусов и пойти домой. Но Алекс не собиралась этого допускать.

– У нас был договор. Ты серьезно пытаешься меня кинуть? – спросила она.

Салома ухмыльнулась. Она ничуть об этом не жалела. Да и с чего бы? Алекс была первокурсницей, ученицей, явно не в своей тарелке. Раньше при Саломе и делегации «Волчьей морды» она была тихой и почтительной и всегда предоставляла в присутствии Дарлингтона вести разговор джентльмену Леты. Возможно, если бы Лета спасла ее от прежней жизни раньше, она могла бы быть такой девушкой. Возможно, если бы глума не напала и декан Сэндоу ее не проигнорировал, она могла бы продолжить притворяться таковой.

– Я достала твою дурацкую фигурку, – сказала Алекс. – Ты мне задолжала.

– Только вот ты вообще-то не должна была так поступать, правда? Так что...

Большинство сделок с наркотой делаются в кредит. Тебя снабжает кто-то с настоящими связями, ты доказываешь, что можешь распродать наркотик по хорошей цене, и, возможно, в следующий раз получишь шанс на кусок пожирнее. «Ты знаешь, почему твой паренек – любитель и любителем останется?» – как-то спросил ее Итан. Он показал большим пальцем на Лена, который хихикал над бонгом, пока Бетча рядом играл в «Halo». – Он слишком занят тем, что курит мой продукт, чтобы обогатить кого-либо, кроме меня». Лен всегда еле сводил концы с концами, ему всегда немного не хватало.

Когда Алекс было пятнадцать лет, она вернулась к Лену без его денег, сбита с толку и сконфуженная этим инвестиционным банкиром, с которым она встретилась на парковке «Sports Authority» в Шерман-Оакс. Обычно с ним имел дело Лен, а миловидную Алекс отправлял обходить колледжи и торговые центры. Но в то утро Лен слишком страдал от похмелья, так что он дал ей денег на автобусный билет, и она поехала на местном автобусе на бульвар Вентура. Алекс не знала, что сказать, когда банкир сказал ей, что у него маловато наличных, что прямо сейчас денег у него нет, но он потом отдаст. Никогда раньше никто прямо не отказывался платить. Ребята из колледжей, которым она продавала, называли ее сестренкой и иногда даже приглашали ее покурить вместе с ними.

Алекс ожидала, что Лен разозлится, но он пришел в такую ярость, в какой она никогда еще его не видела, испугался, кричал, что она во всем виновата и будет отвечать перед Итаном. Так что она нашла способ заплатить деньги. Она поехала домой на выходных, украла и

заложила бабушкины гранатовые серьги и получила смену в «Club Joy» – худшем из стрип-клубов, полном неудачников, которые почти не оставляли на чай. Им владел коротышка по имени Кинг Кинг, не выпускавший девушек из гримерки, пока не облапает. Это было единственное место, куда ее готовы были взять без документов и с почти плоской грудью. «Кому-то такое по вкусу, – сказал Кинг Кинг, прежде чем сунуть лапу ей в топик. – Но не мне».

С тех пор она никогда не возвращалась с недостатчей.

Теперь она смотрела на Салому Нилс – тощую и гладкокожую девушку из Коннектикута, которая каталась на лошадях и играла в теннис, и ее густой бронзовый хвостик лежал на плече, как дорогой мех.

– Почему бы тебе и твоей тетушке-старой деве не пойти домой?

Саломе было выше Алекса, но Алекс с силой схватила ее за нижнюю губу и дернула. Та запищала и согнулась вдвое, махая руками.

– Алекс! – вскрикнула Доуз, прижав ладони к груди и словно изображая труп.

Алекс сцепила руки на шее Саломы в удушающем захвате – это прием, которому она научилась у Минки. Рост Минки составлял всего четыре фута пять дюймов и она была единственной девушкой в «Club Joy», которую Кинг Кинг никогда не лапал. Алекс сжала пальцы вокруг бриллиантовой серьги в форме капли, свисающей с уха Саломы.

Она осознавала, что Доуз в шоке, что Жених выступает вперед, словно его обязывает к этому рыцарский дух, что сам воздух вокруг них приходит в движение, меняется, мгла рассеивается, так что Саломе, Доузу и, возможно, даже Серый впервые видят ее ясно. Алекс понимала, что ее выпад, скорее всего, ошибка. Лучше оставаться незаметной, не высовываться, быть тихоней, которая хоть и чужачка, но никому не угрожает. Но, как большинство ошибок, эта была приятной.

– Мне очень нравятся эти серьги, – мягко сказала она. – Сколько они стоили?

– Алекс! – снова возмутилась Доуз.

Саломе царапала руку Алекса. Она была сильна благодаря спорту вроде сквоша и хождения под парусом, но никто еще не поднимал на нее руку. Скорее всего, она даже никогда не видела драку за пределами кинотеатра.

– Ты не знаешь, верно? Тебе подарил их папа на шестнадцатилетие или выпускной или еще какое дерьмо вроде того? – Алекс толкнула ее, и Саломе снова взвизгнула. – Вот что сейчас произойдет: тыпустишь меня в эту комнату или я вырву эти штуки у тебя из ушей и суну обе тебе в глотку, чтобы ты задыхнулась, – это была пустая угроза. Алекс не стала бы понапрасну тратить милую пару бриллиантов. Но Саломе этого не знала. Она заплакала. – Так-то лучше, – сказала Алекс. – Мы друг друга поняли?

Саломе судорожно закивала, влажная кожа заскользила под рукой Алекса.

Алекс ее отпустила. Саломе, выставив вперед руки, попятилась. Доуз прижала пальцы ко рту. Даже Жених выглядел взволнованным. Она умудрилась скандализировать убийцу.

– Ты сумасшедшая, – сказала Саломе, дотрагиваясь кончиками пальцев до горла. – Ты не можешь просто...

Змея внутри Алекса перестала дергаться и вскинулась. Она завернула ладонь в рукав пальто и обрушила удар на стеклянный ящик, где они хранили свои безделушки. Саломе и Доуз вскрикнули. Обе сделали шаг назад.

– Я знаю, что ты привыкла иметь дело с людьми, которые *не могут просто*, но я могу, так что дай мне ключ от храмового зала и давай рассчитаемся и забудем об этом.

Саломе замерла в нерешительности на носках стоп в проеме двери. Она выглядела такой легкой, такой невозможно худой, словно могла попросту потерять связь с землей, взлететь к потолку и парить там, как воздушный шар. Затем что-то в ее взгляде изменилось, весь ее пуританский прагматизм просочился назад в ее кости. Она встала на полные стопы.

– Пофиг, – пробормотала она, выудила из кармана ключи, сняла один из них с кольца и положила на стол.

– Спасибо, – Алекс подмигнула. – Теперь мы снова можем быть подружками.

– Психопатка.

– Так говорят, – сказала Алекс.

Но сумасшедшие выживают. Алекс взяла ключ.

– После тебя, Доуз.

Держась как можно дальше от Алекс и не сводя взгляд с пола, Доуз подошла к коридору. Алекс снова повернулась к Саломе.

– Знаю, ты думаешь, что, как только я войду в храм, ты начнешь звонить своим, постараешься устроить мне неприятности, – Салома сложила руки. – Думаю, именно так тебе и стоит поступить. Тогда я вернусь и вышибу тебе передние зубы этой волчьей статуэткой.

Жених покачал головой.

– Ты не можешь просто...

– Салома, – погрозила ей пальцем Алекс. – Опять эти слова.

Но Салома сжала кулаки.

– Ты не можешь делать такие вещи. Тебя посадят.

– Скорее всего, – сказала Алекс. – Но ты все равно будешь выглядеть, как жертва инцеста.

– **Что с тобой не так? – фыркнула Доуз, когда Алекс подошла к ней возле неприметной двери,** ведущей в храмовый зал. За ней следовал Жених.

– Я плохо танцую и не пользуюсь зубной нитью. А что не так *с тобой?*

Теперь, когда волна адреналина прошла, она начала сожалеть о своем поступке. Сняв маску, ты уже не можешь просто вернуть ее на место. Салома не вызовет кавалерию, в этом Алекс не сомневалась. Но она также была уверена, что эта девица заговорит. *Психопатка. Сумасшедшая сука.* Другое дело, поверят ли ей. Салома сама это сказала: *Ты не можешь просто.* Люди здесь не ведут себя так, как повела Алекс.

Более важным было то, как хорошо себя чувствовала Алекс. Она будто впервые свободно вдохнула за несколько месяцев, освободившись от удушающей тяжести новой Алекс, которую она пыталась создать.

Но Доуз тяжело дышала. Как будто это она сделала всю работу.

Алекс нажала на выключатель, и в газовых фонарях на красных с золотом стенах вспыхнуло пламя, освещая египетский храм, возведенный в сердце английского особняка. Алтарь был выложен черепами, чучелами животных и кожаной конторской книгой, где подписывался каждый член делегации перед началом ритуала. В центре задней стены был саркофаг со стеклянной крышкой – иссохшая мумия, похищенная из долины Нила. Все это было почти слишком ожидаемо. Потолок был покрашен под куполообразное небо, в углах были листья аканта и стилизованные пальмы, а центр комнаты пересекал ручей, питаемый водопадом, стекающим с края балкона наверху. Эхо было оглушительным. Жених переместился через ручей, как можно дальше от саркофага.

– Я ухожу, – прокричала Салома из дальнего конца коридора. – Не хочу здесь находиться, если что-то пойдет не так.

– Ничего не пойдет не так! – крикнула ей Алекс. Они услышали, как захлопнулась входная дверь. – Доуз, что она имела в виду?

– Ты читала ритуал? – спросила Доуз, обходя комнату по периметру и изучая детали.

– Частично.

Достаточно, чтобы знать, что он может связать ее с Женихом.

– Ты должна попасть в пограничную область между жизнью и смертью.

– Подожди... Мне придется умереть?

Ей действительно пора начать читать.

– Да.

– И вернуться?

– Ну да, суть в этом.

– А тебе придется меня убить? – Застенчивой Доуз, которая при виде любого насилия забивалась в угол, как ежик в свитере? – И тебя это не смущает? У тебя будут проблемы, если я не вернусь.

Доуз тяжело вздохнула.

– Ну так вернись.

Лицо Жениха было мрачным, но таков уж был его обычный вид. Алекс пристально посмотрела на алтарь.

– Так загробная жизнь – это Египет? Из всех религий правы были древние египтяне?

– На самом деле мы не знаем, какова загробная жизнь. Это лишь один из путей в пограничную область. Существуют и другие. Они всегда отмечены реками.

– Как Лета для греков.

– Вообще-то греки считают пограничной рекой Стикс. Лета – это последняя граница, которую должны пересечь умершие. Египтяне верили, что солнце ежедневно умирает на западных берегах Нила, так что пересечь его с восточного берега к западному значит оставить мир живых позади.

И именно это путешествие предстояло Алекс.

«Река», пересекающая храм, была символической, высеченной из камня, добытого в древних известняковых тоннелях под Турой, на бортах и дне канала были высечены иероглифы из «Книги мертвых».

Алекс замаялась. Было ли это перепутьем? Ее последней глупостью? И кто встретит ее по ту сторону? Хелли. Может, Дарлингтон. Лен и Бетча с расколотыми черепами, с мультяшным удивлением, так и застывшим на лице Лена. А может, где-то на том берегу их снова сделали невредимыми. Если она умрет, то сможет ли вернуться обратно сквозь Покров и провести вечность, порхая по кампусу? Или она окажется дома, обреченная на бесконечность в какой-нибудь трущобе в Ван-Найс? *Ну так вернись.* Вернись или предоставь Доуз держать твоё мертвое тело, а Саломе Нилс разделить вину. В последней мысли было нечто приятное.

– Все, что мне надо, – это утонуть?

– Это все, – сказала Доуз без намека на улыбку.

Алекс расстегнула пальто и сняла свитер, а Доуз сняла парку и достала из карманов два тонких зеленых тростника.

– Где он? – прошептала она.

– Жених? Прямо позади тебя, – Доуз подпрыгнула. – Шучу. Он у алтаря, погружен в свои фирменные печальные мысли.

Жених стал еще мрачнее.

– Сделай так, чтобы он встал напротив тебя на западном берегу.

– Доуз, он тебя прекрасно слышит.

– Ой, да, конечно, – Доуз неловко всплеснула руками, и Жених перешел на другой берег ручья. Поток был столь узким, что он пересек его в один длинный шаг. – А теперь оба встаньте на колени.

Алекс сомневалась, что Жених захочет последовать инструкциям, но он это сделал. Они встали на колени. Казалось, он хочет побеседовать с Алекс не меньше нее самой.

Она чувствовала холод пола сквозь джинсы. Она понимала, что на ней белая футболка, которая промокнет насквозь. *Ты сейчас умрешь*, оборвала она себя. *Пожалуй, сейчас не время переживать, что призрак увидит твои сиськи.*

– Убери руки за спину, – сказала Доуз.

– Зачем?

Доуз подняла тростинки и сказала:

– *Да будут эти запястья связаны стеблями папируса.*

Алекс убрала руки за спину. Это было все равно что быть арестованной. Она наполовину ожидала, что Доуз стянет ей запястья пластиковыми стяжками. Вместо этого она почувствовала, как Доуз положила что-то в ее левый карман.

– Это стручок рожечника. Когда захочешь вернуться, положи его в рот и закуси. Готова?

– Давай помедленней, – сказала Алекс.

Алекс наклонилась вперед. Это было неудобно с руками за спиной. Доуз взяла ее за голову и шею и помогла ей упасть вперед. Алекс на мгновение застыла над поверхностью воды, подняла глаза и встретила взглядом с Женихом.

– Давай, – сказала она.

Она глубоко вдохнула и постаралась не паниковать, когда Доуз сунула ее голову под воду.

Ее уши наполнила тишина. Она открыла глаза, но не увидела ничего, кроме черного камня. Она ждала, дыхание вырывалось у нее неохотными пузырьками, и в груди сжималось.

У нее заболели легкие. Она не сможет это сделать, не таким способом. Им придется придумать что-то еще.

Она попыталась поднять голову, но пальцы Доуз, как когти, сжимали ей затылок. Вырваться из такой позы было невозможно. Колено Доуз давило ей в спину. Ее пальцы казались шипами, вдавливающимися Алекс в скальп.

Давление в груди Алекс стало невыносимым. Паника напала на нее, как сорвавшийся с поводка пес, и она поняла, что совершила очень серьезную ошибку. Доуз работала с «Книгой и змеем». Или с «Черепом и костями». Или с Сэндоу. Или с кем-то еще, кто хотел от нее избавиться. Доуз заканчивала начатое глумой. Доуз наказывала ее за случившееся с Дарлингтоном. Все это время она знала, что в действительности произошло той ночью в Розенфельде и мстила Алекс за то, что та украла ее золотого мальчика.

Алекс брыкалась и билась в тишине. Ей необходимо было подышать. *Не надо.* Но тело не слушалось. Ее рот судорожно открылся. Вода ударила ей в нос, в рот, наполнила ее легкие. Ее разум кричал от ужаса, но выхода не было. Она вспомнила свою мать, серебряные браслеты, нанизанные на ее предплечья, как перчатки. Ее бабушка прошептала: *Somos almicas sin pecado.* Ее скрюченные руки впились в кожу граната, роняя семена в чашу. *Мы маленькие безгрешные души.*

А потом давление на ее шею исчезло. Алекс метнулась назад, тяжело дыша. Пока ее тело сотрясалось в конвульсиях, изо рта у нее извергся поток песчаной воды. Она поняла, что ее запястья свободны, и поднялась на четвереньки. Глубокий, дребезжащий кашель сотрясал ее тело. Она набирала воздух горящими легкими. *К черту Доуз. К черту всех.* Она всхлипывала и не могла остановиться. Ее руки подались, и она упала на пол, перевернулась на спину, втягивая в себя воздух, и вытерла лицо мокрым рукавом, размазав по нему сопли и слезы – и кровь. Она прикусила язык.

Она всмотрелась в расписной потолок. По нему двигались серые на фоне неба цвета индиго облака. Над ней мерцали странные звезды. Это не были ее созвездия.

Алекс заставила себя сесть. По-прежнему кашляя, она прикоснулась ладонью к груди и бережно ее потерла, пытаясь сориентироваться. Доуз исчезла. Исчезло все – стены, алтарь, каменные полы. Она сидела на берегу огромной черной реки, текущей под звездами. Вода звучала, как долгий выдох. Тростник обдувал теплый ветер. *Смерть холодна,* – подумала Алекс. – *Разве здесь не должно быть холодно?*

Далеко в воде она видела фигуру человека, который приближался к ней с противоположного берега. Воды расходились вокруг тела Жениха. Значит, здесь у него была настоящая физическая форма. Значит, она прошла через Покров? Она по-настоящему мертва? Несмотря

на теплый воздух, дрожь пробрала Алекс, когда фигура приблизилась. У него не было причин ей вредить; он ее спас. *Но он убийца*, – напомнила себе она. – *Может, он просто скучает по убийствам женщин*.

Алекс не хотелось возвращаться в воду. В груди у нее до сих пор трещало от памяти этого ужасного давления, а ее горло саднило от кашля. Но она попала сюда с определенной целью. Она встала, соскребла с ладоней песок и вошла на мелководье. Ее ботинки хлюпали в иле. Глубина увеличивалась, вокруг ее икр была теплота, течение мягко тянуло на уровне коленей, потом бедер, потом талии. Она прошла мимо колосовидных чаш цветков лотоса, мягко лежащих на поверхности неподвижно, будто сервировка стола. Вода тянула ее на уровне бедер, сильное течение. Она по-прежнему ощущала, как под ногами перемещается ил.

Что-то прикоснулось к ней в воде, и она увидела, как свет звезд отразился от блестящей зубчатой спины. Она отшатнулась, когда мимо проплыл крокодил: единственный золотой глаз покосился на нее, когда он ушел под воду. Слева от нее хлестнул по воде еще один черный хвост.

– Они не могут вам навредить, – Жених стоял всего в нескольких ярдах от нее. – Но вы должны подойти ко мне, мисс Стерн.

К середине реки. Где могут встретиться мертвецы и живые.

Ей не понравилось, что он знает ее имя. Его голос был низким и приятным, произношение почти английским, но с более мягкими согласными, немного похоже на имитацию Кеннеди.

Алекс шла дальше, пока не встала прямо напротив Жениха. Он выглядел точно так же, как в мире живых, серебристый свет лежал на резких чертах его изящного лица, на его темных спутанных волосах – только здесь она была настолько близко, что видела складки узла его галстука, лоск его кителя. Кусочки костей и кровь, забрызгавшие белую ткань его рубашки, исчезли. Здесь он был чист – ни крови, ни ран. Мимо проплыла лодка, легкий челнок, увенчанный павильоном из трепещущих шелков. За тканью двигались тени, смутные формы, которые в одно мгновение были людьми, а в следующее – шакалами. На краю лодки, играя лапой в воде, лежала огромная кошка. Поглядев на нее огромным бриллиантовым глазом, кошка зевнула, показав длинный розовый язык.

– Где мы? – спросила Алекс Жениха.

– В центре реки, в месте Маат, источнике божественного порядка. В Египте все боги являются богами и жизни, и смерти. У нас не слишком много времени, мисс Стерн. Если вы не желаете остаться здесь с нами навсегда. Течение сильно, и все мы неизбежно поддадимся.

Алекс посмотрела через его плечо на дальний берег, к западу, где заходило солнце, темные земли, следующий мир.

Пока нет.

– Мне нужно, чтобы ты поискал кое-кого по ту сторону Покрова, – сказала она.

– Убитую девушку.

– Точно. Ее зовут Тара Хатчинс.

– Это будет непросто. Здесь много людей.

– Готова поспорить, что ты сможешь. И догадываюсь, что ты хочешь чего-то взамен. Поэтому ты и пришел мне на помощь, верно?

Жених не ответил. Его лицо оставалось неподвижным, он словно ждал, пока затихнут зрители. В свете звезд его глаза выглядели почти пурпурными.

– Чтобы найти девушку, мне понадобится ее личная вещь, любимая собственность. Предпочтительно что-то, на чем остались ее миазмы.

– Ее что?

– Слюна, кровь, пот.

– Я раздобуду, – сказала Алекс, хотя понятия не имела, как ей это удастся.

Убедить сотрудников морга еще раз пустить ее внутрь у нее точно не выйдет, а монеты принуждения у нее закончились. Кроме того, сейчас Тара, возможно, уже в могиле или кремирована.

– Вам нужно будет принести эту вещь в пограничную область.

– Сомневаюсь, что смогу сюда вернуться. Мы с Саломой расстались не в лучших отношениях.

– Не представляю, почему, – Жених слегка поджал губы и в это мгновение так напомнил ей Дарлингтона, что она вздрогнула. Она видела, как на западном берегу движутся темные тени – некоторые человеческие, некоторые нет. От них исходило бормотание, но она не могла определить, был ли у этого шума смысл, был ли это язык или просто звуки.

– Мне нужно знать, кто убил Тару, – сказала она. – Имя.

– А если она не знает, кто на нее напал?

– Тогда выясни, чем она занималась с Триппом Хельмутом. Он из «Череп и костей». И знала ли она кого-то из «Книги и змея». Мне нужно знать, что связывало ее с обществами.

Если она вообще была с ними связана, и это не просто совпадение.

– Выясни, какого черта...

В небе вспыхнула молния. Грянул гром, и река внезапно наполнилась беспокойными рептильными телами.

Жених приподнял бровь.

– Они здесь не любят это слово.

«Кто? – хотелось спросить Алекс. – *Мертвые? Боги?*» Алекс посильнее вдавила ботинки в песок, когда течение ударило ей по коленям, толкая ее на запад, в темноту. О механике загробной жизни можно поразмышлять и позже.

– Просто выясни, почему кто-то желал Таре смерти. Она должна что-то знать.

– Давайте договоримся, – сказал Жених. – Вы получите свои сведения, а взамен я желаю знать, кто убил мою невесту.

– Как-то неловко вышло. Я-то считала, что это сделал ты.

Жених снова поджал губы. Он выглядел таким чопорным, таким оскорбленным, что Алекс чуть не рассмеялась.

– Мне это известно.

– Убийство-самоубийство? Застрелил ее, потом себя?

– Я этого не делал. Кто бы ее ни убил, он виновен и в моей смерти. Я не знаю, кто это был. И Тара Хатчинс, возможно, также не знает, кто ей навредил.

– Ладно, – с сомнением сказала Алекс. – Тогда почему ты не спросишь свою невесту, что видела она?

Он отвел взгляд.

– Я не могу ее найти. Я искал ее по обе стороны Покрова больше ста пятидесяти лет.

– Может, она не хочет, чтобы ее нашли.

Он сухо кивнул.

– Если дух не желает быть найденным, он может скрыться в вечности.

– Она тебя винит, – сказала Алекс, складывая вместе кусочки пазла.

– Возможно.

– И ты считаешь, что она перестанет тебя винить, если ты выяснишь, кто это сделал на самом деле?

– Надеюсь.

– Или ты можешь просто оставить ее в покое.

– Я в ответе за смерть Дейзи, хоть и не стрелял в нее. Я не сумел ее защитить. Я обязан ей восстановить справедливость.

– Справедливость? Ты же не сможешь отомстить. Кто бы тебя ни убил, он давно покойник.

– Тогда я найду его по эту сторону.

– И что ты сделаешь? Окончательно его убьешь?

Тогда Жених улыбнулся, и во рту его показался ровный, хищный ряд зубов. Алекс стало зябко. Она вспомнила, как он выглядел, когда боролся с глумой. Как нечто не совсем человеческое. Что-то, чего стоит бояться даже мертвым.

– Есть вещи похуже смерти, мисс Стерн.

С западного берега снова донеслось бормотание, и на этот раз Алекс показалось, что она расслышала звучание чего-то похожего на французский. *Жан дю Морт*? Это могло быть мужским именем или просто бессмысленными слогами, которым ее разум пытается придать значение.

– У тебя было больше ста лет, чтобы найти этого загадочного убийцу, – сказала Алекс. – Почему ты думаешь, что мне повезет больше?

– Ваш коллега Дэниел Арлингтон расследовал это дело.

– Я так не думаю.

Давнее убийство, ставшее хитом «Призрачной Новой Англии» было совсем не в стиле Дарлингтона.

– Он побывал на месте... нашей кончины. С собой у него был блокнот. Он снимал фотографии. Я сильно сомневаюсь, что он осматривал достопримечательности. Я не могу пройти через защиту дома на Оранж-стрит. Я хочу знать, зачем он туда ходил и что нашел.

– И Дарлингтон не... не *там*? Не с тобой?

– Даже мертвые не знают, где Дэниел Арлингтон.

Если Жених не нашел Дарлингтона по ту сторону, значит, Сэндоу должен быть прав. Он просто исчез, а это означает, что его можно найти. Алекс нуждалась в том, чтобы в это верить.

– Найди Тару, – сказала Алекс. Ей не терпелось выбраться из воды и вернуться в мир живых. – Я посмотрю, какую работу оставил после себя Дарлингтон. Но мне нужно кое-что узнать. Скажи мне, что это не ты натравил на меня эту тварь, глуму.

– Зачем бы я...

– Чтобы создать связь между нами. Чтобы я оказалась у тебя в долгу и чтобы заложить основу для этого маленького партнерства.

– Я не натравливал на вас эту тварь и не знаю, кто это сделал. Как мне вас убедить?

Алекс и сама толком не знала. Она надеялась, что сможет как-то это определить, что существует какая-то клятва, которую она сможет заставить его принести, но она предполагала, что так или иначе скоро это узнает. При условии, что сможет выяснить, что узнал Дарлингтон – если он вообще что-то узнал. На месте фабрики, где произошло двойное убийство, теперь была крытая парковка. Зная Дарлингтона, он наверняка ходил туда, чтобы сделать заметки насчет истории нью-хейвенского бетона.

– Просто найди Тару, – сказала она. – Раздобудь мои ответы, и я раздобуду твои.

– Это не тот пакт, который я бы предпочел, и я не стал бы искать союза с вами, но мы оба постараемся примириться с неизбежным.

– А ты милашка. Дейзи нравилось твое красноречие?

Глаза Жениха почернели. Алекс с трудом удержалась, чтобы не попятиться.

– Какой горячий нрав. Парень из тех, кто готов прикончить леди, которой надоели его выходки. Так ты это сделал?

– Я любил ее. Любил больше жизни.

– Это не ответ.

Он глубоко вдохнул, стараясь вернуть себе спокойствие, и его глаза вернулись к своему обычному состоянию. Он протянул ей руку.

– Назовите свое настоящее имя, мисс Стерн, и давайте заключим наш договор.

Имена обладают силой. Именно поэтому имена Серых были вычеркнуты из летописи Леты. Именно поэтому она предпочитала думать о существе перед ней как о Женихе. Опасность скрывается в связи, в мгновении, когда ты переплетаешь свою жизнь с чьей-то еще.

Алекс нащупала в кармане стручок рожочника. Лучше быть готовой на случай... На какой случай? Если он попытается затащить ее под воду? Но с чего бы? Она нужна ему, а он нужен ей. С этого начинается большинство бед.

Она пожала ему руку. Его пожатие было крепким, ладонь – влажной и холодной, как лед. К чему она прикасается? К телу? К мысли?

– Бертрам Бойс Норс, – сказал он.

– Ужасное имя.

– Это семейное имя, – возмущенно сказал он.

– Гэлакси Стерн, – сказала она, но, когда она попыталась убрать руку, его пальцы сжались крепче.

– Я долго ждал этой минуты.

Алекс положила в рот стручок рожочника.

– Минуты проходят, – сказала она, ощущая его между зубами.

– Ты думала, я сплю, а я слышал – *Слышал слова, что ты жена плохая.*

Алекс опять попыталась вырваться. Его ладонь по-прежнему крепко сжимала ее руку.

– *Клянусь не спрашивать тебя о том, Что прячется за этими словами. Тебе я верю вопреки тебе Самой. И я, поверь, скорей умру, Чем в верности твоей засомневаюсь.*

Скорей умру, чем в верности твоей засомневаюсь. Татуировка Тары. Это не цитата из какой-то металлической группы.

– «Королевские идиоты», – сказала она.

– Теперь вы вспомнили.

Ей пришлось прочесть всю эту бесконечную поэму Теннисона, когда она готовилась к их с Дарлингтоном первому визиту в «Свиток и ключ». Цитаты из нее покрывали всю их гробницу, дань королю Артуру и его рыцарям – и усыпальнице, полной сокровищ, похищенных во время Крестовых походов. *Властвуй над этой темной землей, чтобы освещать ее, и над этим мертвым миром, чтобы его оживлять.* Она вспомнила слова, высеченные на каменном столе в гробнице Замочников.

Алекс высвободилась из хватки Жениха. Значит, смерть Тары потенциально связана с тремя обществами. Тара была связана с «Черепом и костями» через Триппа Хельмута, с «Книгой и змеем» через нападение глумы, и – если Тара тайно не увлекалась викторианской поэзией – со «Свитком и ключом» через свою татуировку с цитатой из Теннисона.

Норс слегка поклонился.

– Когда найдете принадлежность Тары, принесите ее к любой воде, и я к вам приду. Сейчас все они для нас – переправы.

Алекс размяла пальцы, стараясь избавиться от ощущения, что она продолжает держать руку Жениха в своей.

– Хорошо.

Она отвернулась от него, закусил стручок рожочника, и ее рот наполнил горький, меловой привкус.

Она попыталась пойти к восточному берегу, но река потащила ее за колени, и она споткнулась. Она потеряла опору, ее ботинки искали опору на дне, а ее потянуло назад и потащило к племени темных теней на западном берегу. Норс был к ней спиной и теперь казался невозможно далеким. Теперь тени вовсе не казались человеческими. Они были слишком высокими, слишком тонкими, а их руки – длинными и сгибающимися под неверными углами,

как у насекомых. Она видела силуэты их голов на фоне неба цвета индиго, поднятые, словно учуявшие ее носы, открывающиеся и закрывающиеся челюсти.

– Норс! – закричала она.

Но Норс продолжал идти прочь.

– В конечном итоге течение предьявляет права на всех нас, – ответил он, не оборачиваясь. – Если хотите жить, вы должны бороться.

Алекс оставила попытки нащупать ногами дно. Она с силой развернула тело к востоку и энергично поплыла, борясь с течением и загребая руками воду. Она повернула голову, чтобы набрать воздуха. Тяжелые ботинки тащили ее вниз, плечи болели. Что-то тяжелое и мускулистое врзалось в нее, отталкивая назад; хвост ударил ее по ноге. Возможно, крокодилы ей и не навредят, но они делают работу реки. Усталость наполняла ее мышцы свинцом. Она ощутила, что ее темп замедляется.

Небо потемнело. Она больше не видела берег, была даже не уверена, что плывет в правильном направлении. *Если хотите жить.*

Хуже всего, что она хотела. Она хотела жить, всегда хотела.

– Черт! – закричала она. – Проклятый черт!

Небеса взорвались разветвленной молнией. Немного богохульства, чтобы осветить путь. Долгое кошмарное мгновение перед ней была лишь черная вода, а потом впереди показался восточный берег.

Она гребла вперед, разводя руками воду, пока наконец не почувствовала, что ее ноги отпустило. Дно было рядом, ближе, чем она считала. Она проползла по мелководью, давя цветы лотоса своим мокрым телом, и рухнула на песок. Она слышала позади крокодилов, низкий гул мотора их открытых пастей. Затащат ли они ее назад в хватку реки? Она протащила себя еще на несколько футов дальше, но она была слишком тяжелой. Ее тело тонуло в песке, песчинки ее утяжеляли, попадали в рот, в нос, двигались под ее веками.

Что-то сильно ударило Алекс по лицу, потом еще раз. Она заставила себя открыть глаза. Она лежала на спине на полу храмового зала, выплевывая ил и глядя в испуганное лицо Доуз на фоне расписного потолка – к счастью, неподвижного и без облаков. Ее тело трясло так сильно, что она слышала, как ее собственный череп бьется о каменный пол.

Доуз подхватила ее, крепко прижала к себе, и мускулы Алекс понемногу перестали сокращаться. Ее дыхание пришло в норму, хотя она по-прежнему ощущала во рту привкус ила и горькие остатки рожечника.

– Ты в порядке, – сказала Доуз. – Ты в порядке.

И Алекс невольно рассмеялась, потому что в порядке ей не быть уж точно никогда.

– Давай свалим отсюда, – выдавила она.

Доуз с неожиданной силой забросила руку Алекс себе на плечи и поставила ее на ноги. Одежда Алекс была совершенно сухой, но ноги и руки были ватными, словно она попыталась проплыть целую милю. Она все еще ощущала запах реки, а в горле оставалось саднящее, рыбно-скользкое чувство попавшей в нос воды.

– Где мне оставить ключ? – спросила Доуз.

– У двери, – сказала Алекс. – Я напишу Саломе.

– Как учтиво.

– Забей. Давай разобьем окно и напишем на бильярдный стол.

Доуз хрипло захихикала.

– Все в порядке, Доуз. Я не умерла. В целом. Я была в пограничной области. Я заключила сделку.

– О, Алекс. Что ты сделала?

– То, что собиралась, – но она была не уверена, какие эмоции испытывала по этому поводу. – Жених найдет для нас Тару. Это самый простой способ выяснить, кто ее убил.

– И чего он хочет?

– Хочет, чтобы я восстановила его доброе имя, – она замялась. – Он утверждает, что Дарлингтон расследовал убийство-самоубийство.

У Доуз взлетели брови.

– Что-то не верится. Дарлингтон ненавидел подобные популярные дела. Он считал их... отвратительными.

– Безвкусными, – сказала Алекс.

Губы Доуз тронула чуть заметная улыбка.

– Вот именно. Подожди... Получается, что Жених *не убивал* свою невесту?

– Он говорит, что нет. Это не одно и то же.

Возможно, он невиновен, возможно, хочет помириться с Дейзи, возможно, просто хочет снова найти девушку, которую убил. Это не важно. Алекс выполнит свою часть сделки. Заключаешь ли ты договор с живым или с мертвым, лучше не терпеть неудачу.

Возможно, нам хочется поскорее миновать «Книгу и змея», и кто нас осудит? В искусстве некромантии есть нечто неприглядное, и это естественное отвращение лишь усугубляется тем, как предпочитают подавать себя Книжники. Входя в их огромный мавзолей, сложно забыть о том, чтоходишь в дом мертвых. Но, возможно, лучше будет отказаться от страха и предубеждений и вместо этого поразмыслить над определенной красотой их девиза: Все меняется; ничто не исчезает. В действительности мертвецы редко восстают из своих роскошных гробниц. Нет, Книжников кормят сведения, добытые у сети мертвых информаторов, которая торгует всевозможными сплетнями и не нуждается в том, чтобы подслушивать у замочной скважины, ведь они могут просто незамеченными проходить сквозь стены.

Из «Жизни Леты: процедуры и протоколы Девятого Дома»

Сегодня ночью Бобби Вудвард выклянчил адрес заброшенного подпольного бара у обломка позвоночника, сломанной челюсти и клока волос. Никакое количество бурбона века джаза не заставит меня забыть это зрелище.
Дневник Батлера Романо времен Леты (Колледж Сэйбрук, 1965)

13

Прошлая осень

После вечеринки «Манускрипта» Дарлингтон проснулся с самым тяжелым похмельем в жизни. Алекс показала ему копию отправленного ею отчета. Детали она описала как можно более туманно, и, хотя ему хотелось быть человеком, требующим строго придерживаться правды, он был не уверен, что сможет смотреть в глаза декану Сэндоу, если станут известны подробности его унижения.

Он принял душ, приготовил Алекс завтрак и вызвал машину, чтобы их обоих отвезли назад в «Конуру» и он забрал свой мерседес. Он вернулся в «Черный вяз» в старой машине, и в голове его теснились смутные воспоминания о прошлой ночи. Он собрал тыквы вдоль подъездной дорожки и положил их в компостную кучу, разгреб граблями листву на задней лужайке. Работать было приятно. Дом внезапно показался ему пустым, каким не был долгое время.

Он мало кого приводил в «Черный вяз». Когда на первом курсе он пригласил посмотреть на него Мишель Аламеддин, та сказала: «Безумное место. Как думаешь, сколько оно стоит?» Он не знал, что ответить.

«Черный вяз» был старой мечтой, его романтические башни были возведены на состояние, сделанное на подошвах ботинок из вулканизированной резины. На нью-хейвенском заводе первого Дэниела Арлингтона, его пра-пра-прадеда, работало тридцать тысяч человек. Он скупал искусство и сомнительные раритеты, приобрел для отдыха «домик» в Нью-Гемпшире площадью шесть тысяч квадратных футов, раздавал индеек на День благодарения.

Трудные времена начались с нескольких пожаров на фабрике и завершились открытием производства отличной водостойкой кожи. Резиновые сапоги Арлингтона были прочными и легкими в изготовлении, но ужасно неудобными. В десять лет Дэнни нашел кучу таких сапог на чердаке «Черного вяза», заброшенными в угол словно за провинность. Он копался в них, пока не нашел подходящую пару и вытер с них пыль своей футболкой. Годы спустя, когда он впервые выпил эликсир Хирама и увидел своего первого Серого, бледного и выщелоченного, словно по-прежнему окутанного Покровом, он вспомнил эти пыльные сапоги.

Он хотел было проходить в этих сапогах весь день, топая по «Черному вязу» и возясь в саду, но выдержал всего час, после чего стащил их с себя и бросил назад в кучу. Теперь он ясно понимал, почему люди сразу ухватились за новый способ держать ноги сухими. Сапожная фабрика закрылась и пустовала много лет, как и фабрика Smoothie Girdle, заводы Винчестера и Ремингтона, Blake Brothers и Rooster Carriages до нее. С возрастом Дарлингтон понял, что так в Нью-Хейвене было всегда. Он пускал кровь промышленности, но, спотыкаясь, шел вперед, изможденный и анемичный, мимо коррумпированных мэров и слабоумных градостроителей, мимо бестолковых правительственных программ и оптимистичных, но недолговечных притоков капитала.

«Этот город, Дэнни», – любил повторять его дед, когда с горечью, а когда и нежно. *Этот город.*

«Черный вяз» строили на манер английского особняка – одно из проявлений претенциозности, охватившей Дэниела Тэйбора Арлингтона, когда он сделал состояние. Но по-настоящему убедительным дом стал, только постарев, – медленно ползущие время и плющ совершенно, что не удалось деньгам.

Родители Дэнни бывали в «Черном вязе» лишь наездами. Иногда они привозили подарки, но чаще игнорировали сына. Он не чувствовал себя нежеланным или нелюбимым. Его миром был дед, домработница Бернадетт и загадочная мрачность «Черного вяза». Добавлением к обучению в государственной школе служил бесконечный поток репетиторов – фехтование, иностранные языки, бокс, математика, фортепьяно. «Ты учишься быть гражданином мира, – говорил его дед. – Манеры, сила и эрудиция. Если не одно, так другое всегда тебе поможет». Помимо практики, в «Черном вязе» было не слишком много развлечений, и Дэнни нравилось уметь все хорошо не только из-за похвал, которые он получал, но и из-за чувства, что перед ним широко распахивается очередная новая дверь. Он преуспевал в каждом новом предмете и всегда ощущал, что к чему-то готовится, хоть и не знал, к чему.

Его дед гордился тем, что он не только голубой крови, но еще и голубой воротничок. Он курил сигареты «Честерфилд» – бренда, которым его впервые угостили в цеху фабрики, где по настоянию отца он проводил каждое лето, и ел за стойкой закусочной «Кларкс», где его называли Стариком. Он слушал и Марти Роббинса, и музыку, которую мать Дэнни описывала как «театральность Пуччини». Она называла это ролью человека из народа.

Дэнни никто особо не предупреждал о приездах родителей. Его дед просто говорил: «Бернадетт, завтра накрой стол на четверых. Дармоеды удостоят нас своим присутствием». Его мать была профессором искусства эпохи Возрождения. Он не совсем понимал, чем занимался его отец – микроинвестированием, формированием портфелей, хеджированием на иностранных рынках. Работа его, казалось, менялась с каждым визитом и, казалось, дела никогда не шли хорошо. Что Дэнни знал, так это то, что его родители жили на деньги деда и нужда в дополнительных средствах была причиной их наездов в Нью-Хейвен. «Единственной причиной», – говаривал дед, и Дэнни не решался с ним спорить.

Беседы за большим обеденным столом всегда сводились к продаже «Черного вяза» и стали более настойчивыми, когда квартал вокруг старого дома начал возвращаться к жизни. Какая-то нью-йоркская скульпторша купила обветшалый старый дом за один доллар, снесла его и построила просторную студию открытой планировки для своей работы.

Она убедила своих друзей переехать вслед за ней, и Вествилль вдруг стал казаться модным.

«Продавать надо сейчас, – говорил его отец. – Когда земля наконец чего-то стоит».

«Ты знаешь, каков этот город, – говорила его мать. *Этот город*. – Долго это не продлится».

«Нам не нужно столько места. Оно пропадает даром; одно содержание этого дома обходится в целое состояние. Переезжай в Нью-Йорк. Так мы с тобой будем чаще видеться. Мы могли бы найти тебе дом со швейцаром или ты мог бы переехать в место потеплее. Дэнни мог бы учиться в Дальтоне или стать пансионером в Эксетере».

Его дед отвечал: «В частных школах из мальчиков делают слабаков. Я больше не совершу эту ошибку».

В Эксетере учился отец Дэнни.

Иногда Дэнни думал, что его деду нравится дразнить Дармоедов. Дед внимательно разглядывал скотч в своем стакане, откидывался в кресле, подставлял ноги поближе к огню, если была зима, созерцал зеленые скопища вязов, нависающие над задним садом летом. Он словно об этом раздумывал. Он перебирал, куда лучше переехать, в верхнюю часть Вестпорта или нижнюю часть Манхэттена. Он рассказывал о новых кондоминиумах, которые строят рядом со старой пивоварней, и родители Дэнни горячо, с надеждой поддакивали, куда бы ни завела его фантазия, надеясь прийти к новому взаимопониманию со стариком.

Первый вечер их приезда неизменно заканчивался словами *Я над этим подумаю*, щеки его отца краснели от выпивки, а мать бодро сжимала кокон роскошного кашемира на своих плечах. Но к концу второго дня Дармоеды становились беспокойными, раздражительными.

Они давили чуть сильнее, и его дед начинал давить в ответ. К третьему вечеру они спорили, и огонь в камине искрился и дымился, когда никто не вспоминал, что пора подбросить в него новое полено.

Долгое время Дэнни гадал, почему его дед продолжает играть в эту игру. Только гораздо позже, когда его дед скончался, а Дэнни остался в темных башнях «Черного вяза» в одиночестве, он осознал, что деду было одиноко, что, возможно, его обычной рутины в виде похода в закусочную, сбора ренты и чтения Кипплинга не хватало, чтобы заполнить темноту в конце дня, что он, возможно, скучал по своему глупому сыну. Только тогда, лежа на боку в пустом доме в окружении гнезда из книг Дарлингтон понял, как многого требовал «Черный вяз» и как мало он отдавал взамен.

Визиты Дармоедов всегда заканчивались одинаково: его родители уезжали в шквале негодования и запахе духов его матери – «*Caron Poivre*», как Дарлингтон выяснил одним роковым вечером в Париже летом после второго курса, когда наконец набрался храбрости и пригласил Анжелику Брюн на свидание и зашел за ней. Она, восхитительная, вышла к нему в черном атласе, и ее запястья были обрызганы дорогой вонью его несчастной юности. Он заявил, что у него мигрень, и ретировался.

Родители Дэнни настаивали на том, чтобы увезти Дэнни, отправить его в частную школу, забрать его с собой в Нью-Йорк. Поначалу эти угрозы приводили Дэнни в волнение и трепет. Но вскоре он понял, что это пустые удары, направленные против его деда. Его родители не могли себе позволить дорогие школы без денег Арлингтонов и не хотели, чтобы ребенок ограничивал их свободу.

Как только Дармоеды уезжали, Дэнни с дедом отправлялись на ужин в «Кларкс», и его дед сидел и болтал с Тони о его детях, разглядывал семейные фотографии, они перевозносили ценность «хорошего честного труда», а потом дед хватал Дэнни за запястье.

«Слушай, – говорил он. Вблизи его глаза были слезящимися и влажными. – Слушай. Когда я умру, они попытаются забрать дом. Они попытаются забрать все. Не позволяй им».

«Ты не умрешь», – говорил Дэнни.

И дед подмигивал и отвечал: «Пока нет».

Однажды, сидя в красной будке, когда в воздухе висел густой запах картофельных оладий и соуса для стейков, Дэнни осмелился спросить:

«Зачем они вообще меня завели?»

«Им нравилась идея стать родителями, – сказал дед, жестикулируя над остатками своего ужина. – Хвалиться тобой перед друзьями».

«А потом они просто бросили меня здесь?»

«Я не хотел, чтобы тебя вырастили няньки. Я сказал, что, если они оставят тебя со мной, я куплю им квартиру в Нью-Йорке».

Тогда Дэнни показалось, что это нормально, потому что деду *лучше знать*, потому что дед *зарабатывал себе на хлеб*. Возможно, какая-то его часть гадала, не в том ли дело, что старик просто хотел еще раз попытаться вырастить сына и больше заботился о династии Арлингтонов, чем о том, что будет лучше для одинокого маленького мальчика, но чаще всего он мудро предпочитал не пускаться в эти мрачные размышления.

С возрастом Дэнни намеренно уходил из дома, когда в город приезжали Дармоеды. Ему стыдно было мозолить им глаза, надеясь на подарок или знак внимания к его жизни. Он устал наблюдать, как они разыгрывают один и тот же спектакль с его дедом, и видеть, как тот их поощряет.

«Почему бы вам не оставить старика в покое и не продолжить растрачивать свое время и его деньги?» – съязвил он им, выходя из дома.

«Когда это маленький принц заделался таким святошей? – парировал его отец. – Вот узнаешь, каково это, когда сам попадешь в опалу».

Но такая возможность Дарлингтону не представилась. Его дед заболел. Врач велел ему бросить курить, начать правильно питаться, сказал, что тот сможет купить себе еще несколько месяцев, возможно, даже год. Дед Дэнни отказался. Он предпочитал, чтобы все было либо как он хочет, либо никак. Он нанял сиделку с проживанием. Дэниел Тэйбор Арлингтон становился все более серым и хрупким.

Дармеды приехали пожить, и «Черный вяз» внезапно превратился во вражескую территорию. Кухня наполнилась материнской особой едой, стопками пластиковых контейнеров, маленькими пакетиками с крупами и орешками. Отец постоянно расхаживал взад и вперед по комнатам нижнего этажа, говоря по мобильнику – об оценке дома, наследственном праве, налоговом законодательстве. Бернадетт уволили и заменили приходящей командой уборщиков, которая появлялась дважды в неделю в темно-зеленом фургоне и пользовалась только органическими чистящими средствами.

Большую часть времени Дэнни проводил в музее или запершись в своей комнате, погруженный в книги, которые поглощал с той же скоростью, что пламя поглощает воздух, чтобы не потухнуть. Он практиковался в греческом, начал самостоятельно учить португальский.

Спальня его деда была заставлена оборудованием: капельницами, чтобы он не страдал от обезвоживания, кислородом, чтобы он продолжал дышать, больничной кроватью рядом с огромной кроватью с пологом, чтобы его поднимать. Комната выглядела так, будто ее сумеречное пространство захватил путешественник во времени.

Всякий раз, как Дэнни пытался поговорить с дедом о поведении своих родителей, о риэлторе, который приезжал и обходил участок, дед хватал его за запястье и со значением поглядывал на сиделку.

«Она подслушивает», – шипел он.

И, возможно, она действительно подслушивала. Дарлингтону было пятнадцать лет. Он не знал, каким из слов деда стоит верить, а какие вызваны раком или лекарствами.

«Они поддерживают во мне жизнь, чтобы управлять имуществом, Дэнни».

«Но твой юрист...»

«Думаешь, они не забросали его обещаниями? Дэнни, дай мне умереть. Они высосут из “Черного вяза» все соки».

Дэнни пошел посидеть за стойкой «Кларкс» в одиночестве, и, когда Леона поставила перед ним блюдо с мороженым, ему пришлось надавить ладонями на глаза, чтобы не заплакать. Он просидел там до самого закрытия и только тогда сел на автобус до дома.

На следующий день они нашли в постели похолодевшее тело его деда. Дед впал в кому, и оживить его было невозможно. За этим последовали яростные переговоры вполголоса, закрытые двери, его отец кричал на сиделку.

Дэнни проводил дни в музее Пибоди. Сотрудники не возражали. Летом там бросали целое племя детей. Он гулял по залу минералов; общался с мумией, с гигантским осьминогом и динозавром Крайтона; пытался перерисовать рептилий со стенной росписи. Он гулял по кампусу Йеля, часами расшифровывая разные языки над дверями в библиотеку Стерлинга, его снова и снова влекла себе собранная Бейнеке коллекция карт таро, недоступный пониманию манускрипт Войнича. Глядя на его страницы, он словно опять стоял на мысе Лайтхаус и ждал, когда ему откроется мир.

Когда начинало темнеть, он садился на автобус домой и, крадучись, входил через садовые двери, неслышно проходил по дому и удалялся к себе в спальню к своим книгам. Школьных предметов ему больше не хватало. Он был слишком взрослым, чтобы верить в магию, но ему нужно было верить, что в мире есть нечто большее, чем жизнь и смерть. Поэтому он называл этот зуд интересом к оккультизму, к сверхъестественному, к мистическому. Он проводил время, охотясь за трудами алхимиков и спиритов, которые обещали способы увидеть невидимое. Все, в чем он нуждался, – это мимолетный взгляд, что-то, что могло его поддержать.

Дэнни, свернувшись, лежал в своей комнате на вершине башни, читая Парацельса рядом с переводом Уэйта, когда в дверь постучал юрист его деда.

«Тебе придется принять кое-какие решения, – сказал он. – Я знаю, что ты хочешь почтить память своего деда, но тебе стоит заняться тем, что лучше для тебя».

Совет был неплохим, но Дэнни понятия не имел, что для него лучше.

Его дед жил на деньги Арлингтонов, распределяя их по своему усмотрению, но ему было запрещено оставлять земельный участок в наследство кому-либо, кроме своего сына. Другое дело дом. Дом должен был находиться в трасте, пока Дэнни не исполнится восемнадцать.

Дэнни был удивлен, когда на пороге его спальни появилась его мать.

«Этот дом хочет купить университет, – сказала она и оглядела круглую башенную комнату. – Если мы все согласимся на продажу, то прибыль можно будет поделить. Ты можешь поехать в Нью-Йорк».

«Я не хочу жить в Нью-Йорке».

«Ты даже представить не можешь, какие возможности там для тебя откроются».

Около года назад он поехал на железной дороге Метро-Норд в город, часами гулял по Центральному парку, сидел в Храме Дендура в Метрополитен-музее. Он пошел к многоквартирному дому родителей, подумал было позвонить в звонок, но струсил.

«Я не хочу уезжать из “Черного вяза”».

Мать села на край его кровати.

«Дэнни, ценна только земля. Ты должен понять, что этому дому грош цена. Хуже того. На него уйдут все наши деньги до последнего доллара».

«Я не собираюсь продавать “Черный вяз”».

«Дэнни, ты не представляешь, что это за мир. Ты еще ребенок, и я этому завидую».

«Ты не этому завидуешь».

Слова прозвучали грубо и холодно, именно так, как и хотел Дэнни, но его мать только рассмеялась.

«Что, по-твоему, произойдет дальше? В трасте на твоё образование меньше тридцати тысяч долларов, так что, если ты не собираешься завести друзей в Коннектикутском университете, пора заново все обдумать. Твой дед ввел тебя в заблуждение. Он водил тебя за нос так же, как и нас. Думаешь, ты станешь каким-то Правителем “Черного вяза”? Ты не правишь этим местом. Оно правит тобой. Возьми у него все, что можешь, сейчас».

Этот город.

Дэнни остался в своей комнате. Он запер дверь. Он ел батончики гранолы и пил воду из раковины в своей ванной. Он считал это чем-то вроде оплакивания, но на самом деле попросту не знал, что делать. В библиотеке была записка в тысячу долларов между страниц «1776» Дэвида Маккалоу. В восемнадцать лет он получит доступ к деньгам на колледж. Больше у него ничего не было. Но он не мог расстаться с «Черным вязом», ни за что, только чтобы кто-то расколотил его стены ядром. Ни за что. Его место здесь. Кем он станет без своего дома? С его заросшими садами и серым камнем, с поющими в его изгородях птицами, с голыми ветвями его деревьев? Он потерял человека, который знал его лучше всех и больше всех его любил. За что еще ему держаться?

И однажды он понял, что дом затих. Он слышал, как машина его родителей прогрехотала по подъездной дорожке, но он не слышал, чтобы они вернулись. Он открыл дверь, прокрался вниз по лестнице и обнаружил, что «Черный вяз» совершенно пуст. Ему не приходило в голову, что родители могут просто уехать. Возможно, он в тайне удерживал их в заложниках, заставляя остаться в Нью-Хейвене и впервые в его жизни обратить на него внимание?

Поначалу он пришел в восторг. Он включил везде свет, телевизор в своей спальне и телевизор в кабинете внизу. Он съел оставшуюся еду из холодильника и покормил белого кота, который иногда гулял по участку в сумерки.

На следующий день он сделал то же, что всегда: встал и пошел в Пибоди. Он вернулся домой, поел вяленой говядины, уснул. Он делал это снова и снова. Когда начался учебный год, он отправился в школу. Он отвечал на все письма, приходящие в «Черный вяз». Он перебивался «гаторэйдом» и куриными рулетами из «7-Eleven». К своему стыду, иногда он скучал по Бернадетт больше, чем по собственному деду.

Однажды он пришел домой и, нажав на выключатель, обнаружил, что электричество отключили. Он собрал все одеяла и достал с чердака старую дедовскую шубу и спал под ними. Он смотрел, как его дыхание превращается в пар в тишине дома. Шесть долгих недель он прожил в холоде и темноте, делал домашнюю работу при свечах и спал в старом лыжном костюме, который нашел в сундуке.

Когда наступило Рождество, перед дверью «Черного вяза» появились его родители с раскрасневшимися щеками и улыбками, нагруженные подарками и пакетами из «Dean & DeLuca». На подъездной дорожке стоял ягуар. Дэнни запер двери и отказался их впускать. Они сделали ошибку, показав ему, что он способен выжить.

Дэнни работал в закусочной. Он развозил навоз и сажал семена в парке Эджертон. Он проверял билеты в Лирик-холл. Он распродал одежду и мебель с чердака. Этого хватало на еду и электричество. Он никогда не приглашал к себе своих немногочисленных друзей. Он не хотел вопросов о его родителях и о том, что подросток делает один в большом пустом доме. Он не смог бы сказать правду: он о нем заботится. Он поддерживает в «Черном вязе» жизнь. Если он уедет, дом умрет.

Прошел год, за ним другой. Дэнни сводил концы с концами. Но он не знал, как долго еще сможет просто пробавляться. Он не знал, что будет дальше. Он даже не знал, сможет ли позволить себе подать документы в колледж вместе с друзьями. Он переждет год, будет работать, получит денег из своего траста. А потом? Он не знал. Он не знал, и ему было страшно, потому что в свои семнадцать лет он уже устал. Прежде жизнь никогда не казалась ему длинной, но теперь она стала до невозможности таковой.

Позже, вспоминая о случившемся, Дэнни так и не мог с уверенностью сказать, чего добивался той ночью в начале июля. Неделями он изучал эликсиры то в Бейнеке, то в Пибоди. Он проводил долгие ночи, собирая ингредиенты и заказывая то, что не мог найти или украсть. Потом он начал приготовление. Тридцать шесть часов подряд он работал в кухне, спал урывками, устанавливал будильник, чтобы проснуться вовремя для следующего этапа. Когда он наконец взглянул на густой, похожий на смолу сироп на дне испорченной кастрюли Бернадетт от Le Creuset, он засомневался. Он знал, что его замысле опасен. Но ему больше не во что было верить. У него оставалась только магия. Он был мальчиком на пороге приключения, а не мальчиком, выпивающим яд.

На следующее утро курьер из UPS нашел его лежащим на ступенях. Кровь шла у него из глаз и изо рта. Прежде чем потерять сознание, он успел выйти из кухни.

Дэнни очнулся на больничной койке. У его кровати сидел мужчина в твидовом пиджаке и полосатом шарфе.

– Меня зовут Эллиот Сэндоу, – сказал он. – У меня к тебе предложение.

Магия едва не убила его, но под конец она же его и спасла. Точно как в рассказах.

14

Зима

Алекс свернулась на подоконнике «Конуры», и Доуз принесла ей чашку горячего шоколада. Сверху она положила маршмеллоу из тех, что выглядят, как грубо отколотый камень из карьера.

– Ты побывала в загробном мире, – сказала Доуз. – Ты заслужила угощение.

– Всю дорогу в загробный мир я не прошла.

– Тогда отдай маршмеллоу обратно, – она сказала это застенчиво, словно боясь пошутить, и Алекс прижала чашку поближе к себе, чтобы показать, что подыгрывает. Такая Доуз ей нравилась, и ей казалось, что, возможно, такой Доуз нравится она.

– Каково там было?

Алекс посмотрела на крыши в свете позднего утра. Отсюда видны были серые фронтоны «Волчьей морды» и часть заросшего плющом заднего двора, синий мусорный контейнер, неуклюже привалившийся к стене. Все выглядело так обыденно.

Она отложила свой сэндвич с беконом и яйцом. Обычно она съедала не меньше двух, но сейчас по-прежнему чувствовала, что вода затягивает ее на глубину и портит ей аппетит. Действительно ли она побывала по ту сторону? Что из этого было иллюзиями, а что произошло на самом деле? Она, как могла, описала, что видела и чего потребовал Жених.

Когда она закончила, Доуз сказала:

– Ты не можешь пойти в квартиру Тары Хатчинс.

Алекс откусила от своего сэндвича.

– Я только что рассказала тебе, как общалась с мертвецом в реке, полной золотоглазых крокодилов, и это все, что ты хочешь мне сказать?

Но, очевидно, Доуз хватило приключений.

– Если декан Сэндоу узнает, что ты сделала с Саломой, чтобы попасть в храм...

– Может, Салома и будет сплетничать с друзьями, но она не станет впутывать тяжелую артиллерию. Она предложила впустить нас в храм, украла у «Свитка и ключа», все это чревато слишком большими проблемами.

– А если впутает?

– Я буду все отрицать.

– И ты хочешь, чтобы я тоже все отрицала?

– Я хочу, чтобы ты думала о важном.

– И ты собираешься мне угрожать? – Доуз не сводила взгляд со своей чашки какао, без конца помешивая в ней ложкой.

– Нет, Доуз. Ты боишься, что я стану тебе угрожать?

Ложка остановилась. Доуз подняла взгляд. Ее глаза были теплым черным кофе, в солнечном свете рыжие волосы в ее растрепанном пучке блестели ярче.

– Да вроде бы нет, – сказала она, словно сама удивляясь этому. – Твоя реакция была... чрезмерной. Но Салома *была* права, – Доуз с ее безжалостной жилкой. – И все-таки, если декан узнает, что ты заключила сделку с Серым...

– Он не узнает.

– Но если узнает...

– Ты боишься, что он накажет тебя за то, что ты мне помогла. Не волнуйся. Я тебя не сдам. Но Салома тебя видела. Тебе, возможно, придется позаботиться, чтобы она тоже молчала.

Доуз широко распахнула глаза, а потом поняла, что Алекс шутит.

– А. Ну да. Просто... Мне правда нужна эта работа.

– Я понимаю, – сказала Алекс. Возможно, лучше, чем любой из тех, кто когда-то бывал под этой крышей. – Но мне нужно что-то, принадлежавшее Таре. Я пойду к ней в квартиру.

– Ты знаешь, где она жила?

– Нет, – признала Алекс.

– Если детектив Тернер выяснит...

– Что этот Тернер выяснит? Что я прошла полпути в загробный мир, чтобы поговорить с призраком? Уверена, что это не считается оказанием давления на сидателя.

– Но ходить в квартиру Тары, рыться в ее вещах... это взлом с проникновением. Это вмешательство в текущее полицейское расследование. Тебя могут арестовать.

– Только если поймают.

Доуз решительно покачала головой.

– Ты переходишь границу. И я не смогу пойти с тобой, если ты собираешься рисковать собой и Летой. Детектив Тернер не хочет, чтобы ты вмешивалась, и сделает все, что сможет, чтобы защитить свое дело.

– Ты права, – задумавшись, сказала Алекс. Так что, пожалуй, вместо того, чтобы действовать в обход Тернера, ей стоит действовать через него.

Алекс хотелось прятаться в «Конуре» и позволять Доуз готовить ей какао. Немного материнской заботы ей бы не помешало. Но ей нужно было вернуться в Старый кампус и заново привыкнуть к обычному миру, пока по-настоящему важные вещи не ускользнули.

Она оставила Доуз перед Драмой, но только после того, как спросила ее об имени, которое она услышала – или ей показалось, что услышала, – в пограничной области.

– Жан дю Монд? Или, может, Джонатан Дезмонд?

– Не помню такого, – сказала Доуз. – Но я сделаю пару запросов и посмотрю, что скажет библиотека, когда вернусь в II Bastone.

Замявшись, Алекс сказала:

– Доуз, будь осторожна. Смотри в оба.

Доуз моргнула.

– Почему? – спросила она. – Я никто.

– Ты Лета и ты жива. Вот кто ты.

Доуз снова моргнула, как заводной механизм в ожидании, что повернется шестеренка, щелкнет правильное колесико, и она сможет продолжить движение. Затем ее взгляд прояснился, а брови сдвинулись.

– Ты его видела? – порывисто спросила она, глядя себе под ноги. – По ту сторону?

Алекс покачала головой.

– Норс утверждает, что его там нет.

– Должно быть, это хороший знак, – сказала Доуз. – В среду мы призовем его назад. Мы вернем его домой. Дарлингтон будет знать, что делать со всем этим.

Возможно. Но Алекс не хотела, чтобы ее жизнь зависела от ожидания.

– Ты много знаешь об убийствах Жениха? – спросила Алекс. Пусть она и знала теперь имя Норса, но не собиралась постоянно его произносить. Это бы только укрепило их связь.

Доуз пожала плечами.

– Все это входит в эти туры по Призрачному Коннектикуту вместе с Дженни Крамер и домом в Саутингтоне.

– Где это случилось?

– Не уверена. Не люблю читать о таких вещах.

– Тогда ты ошиблась в выборе работы, Доуз, – она склонила голову набок. – Или это работа выбрала тебя?

Она вспомнила историю Дарлингтона о том, как он в семнадцать лет проснулся в больнице с капельницей в вене и визиткой декана Сэндоу в руке. Это их объединяло, хотя она никогда этого не чувствовала.

– Они связались со мной из-за темы моей диссертации. Я хорошо подходила для исследовательской работы. Это было скучно, пока... – она замолчала. Ее плечи дернулись, как будто кто-то дернул ее за веревочки. Пока не появился Дарлингтон. Доуз вытерла глаза руками в варежках. – Я дам тебе знать, если что-нибудь выясню.

– Доуз... – начала Алекс.

Но Доуз уже торопливо шла назад к «Конуре».

Алекс огляделась по сторонам, надеясь увидеть Жениха и гадая, знает ли глума или ее хозяин, что она выжила, не ждет ли за углом засада. Ей нужно было вернуться в общежитие.

Алекс вспомнила процитированные Женихом строки из «Королевских идиллий», зловещую силу его слов. Если она правильно помнила, то эти стихи были о романе Герейнта с Энид, о мужчине, которого свела с ума ревность, хотя жена была ему верна. Это не вселяло уверенности. *Скорей умри, чем в верности твоей засомневаюсь.* Почему Тара выбрала эти строки для своей татуировки? Ассоциировала ли она себя с Энид или ей просто понравилось, как звучат эти слова? И почему кто-то из «Свитка и ключа» поделился ими с ней? Алекс не могла представить, что один из Замочников отблагодарил ее за особенно улетный кайф, проведя ее по гробнице и научив ее мифологии. И, даже если Алекс не придумывает на пустом месте, как продажа травы нескольким студентам превратилась в убийство? Здесь должно было повлиять что-то еще.

Алекс вспомнила, как лежала на спине на перекрестке, как видела глазами Тары в ее последние мгновения лицо Ланса над ней. Но что, если это вовсе не был Ланс? Что, если Тара была во власти каких-то чар?

Она пошла по Хай-стрит к столовой колледжа Хоппер. Ее влекла безопасность ее комнаты в общежитии, но ответы защитят ее лучше любых охранных заклинаний. Хотя Тернер и предупреждал ее, чтобы она не трогала Триппа, это было единственное известное ей имя и единственная прямая связь между обществами и Тарой.

Было еще рано, но, само собой, он уже сидел за длинным столом с несколькими приятелями. Все они были в просторных шортах, бейсболках и флисе, у всех были румяные щеки, хотя она знала, что у них наверняка похмелье. Очевидно, богатство лучше инъекций витаминов. Дарлингтон был вырезан из того же богатого холста, но у него было настоящее лицо, лицо, излучавшее какую-то твердость.

Приблизившись, она увидела, как друзья Триппа перевели на нее взгляды, оценили и потеряли интерес. В «Конуре» она успела принять душ, переодеться в спортивный костюм Леты и причесаться. После того, как ее выволокли на дорогу и чуть не утопили, на большее она не была способна.

– Эй, Трипп, – непринужденно сказала она. – Найдется минутка?

Он повернулся к ней.

– Хочешь пригласить меня на выпускной, Стерн?

– Посмотрим. Будешь хорошей шлюшкой и пообжимаешься со мной?

Друзья Триппа одобрительно заухали, и один из них протянул *О-о-о да-а-а*. Теперь они смотрели на нее.

– Мне нужно поговорить с тобой о той задаче.

Щеки Триппа порозовели, но потом он расправил плечи и встал.

– Конечно.

– Верни его домой пораньше, – сказал один из его приятелей.

– Зачем? – спросила она. – Хочешь подобрать объедки?

Они снова заухали и зааплодировали, как будто она нанесла впечатляющий удар.

– Ты такая пошлячка, Стерн, – сказал через плечо Трипп, когда она вслед за ним выходила из столовой. – Мне это нравится.

– Иди сюда, – сказала она. Она повела его вверх по лестнице мимо витражей с изображениями жизни на плантациях, которые пережили смену названия колледжа с «Калхуна Рабство-Это-Благо» на Хоппер. Несколько лет назад черный уборщик разбил один из них вдребезги.

Лицо Триппа изменилось, его рот изогнулся в предвкушении шалости.

– В чем дело, Стерн? – спросил он, когда они вошли в читальный зал. Там было пусто.

Она закрыла за собой дверь, и его ухмылка стала шире – похоже, он искренне думал, что она вот-вот к нему подкатит.

– Откуда ты знаешь Тару Хатчинс?

– Что?

– Откуда ты ее знаешь? Я видела ее журнал звонков, – солгала она. – Я знаю, как часто вы разговаривали.

Он насупился и оперся о спинку кожаного дивана, сложив руки. Угрюмость его не красила. Она превращала его из милого мальчика в озлобленного ребенка.

– Ты в копы подалась?

Она подошла к нему и увидела, как он застыл и приказал себе не пятиться. Весь его мир заключался в отсрочках, в хождении вокруг да около. Нельзя прямо к кому-то подходить. Нельзя смотреть им в глаза. Ты в норме. Ты не против. Ты понимаешь шутки.

– Не заставляй меня говорить, что закон – это я, Трипп. Я не смогу произнести это с серьезным лицом.

Он прищурился.

– В чем вообще дело?

– Ты что, идиот? – у него отвисла челюсть. Его нижняя губа была влажной. Говорил ли кто-то с Триппом Хельмутом таким тоном? – Дело в погибшей девушке. Я хочу знать, в каких вы были отношениях.

– Я уже говорил с полицией.

– А теперь ты говоришь со мной. О погибшей девушке.

– Я не обязан...

Она наклонилась к нему.

– Ты ведь знаешь, как это устроено, да? Моя работа – работа Леты – заботиться, чтобы привилегированные придурки вроде тебя не создавали проблем администрации.

– Почему ты так жестишь? Я думал, мы друзья.

Из-за того, сколько раз мы играли в пив-понг и проводили лето в Биаррице? Неужели он действительно не видит разницы между дружбой и дружелюбием?

– Мы *и есть* друзья, Трипп. Не будь я твоей подругой, я бы уже сообщила об этом декану Сэндоу, но я не хочу напряга и не хочу устраивать неприятности тебе или «Костям» без необходимости.

Он пожал широкими плечами.

– Это были просто мутки.

– Тара не твой тип.

– Ты не знаешь, каков мой тип.

Неужели он действительно рассчитывает отвертеться с помощью флирта? Она встретила его взгляд, и он отвел глаза.

– Она была прикольной, – пробормотал он.

Алекс впервые почувствовала, что он с ней честен.

– Не сомневаюсь, – мягко сказала она. – Всегда улыбалась, всегда была рада тебя видеть. В этом вся фишка торговли наркотой. Скорее всего, Трипп не понимал, что был просто покупателем, что он был ее приятелем, только пока у него были наличные.

– Она была милой.

Расстроен ли он ее смертью? Есть ли в его взгляде что-то затравленное, что не объясняется похмельем, или Алекс просто хочется верить, что ему не все равно?

– Клянусь, все, что мы делали, это страдали фигней и пару раз вместе накурились.

– Ты когда-нибудь встречался с ней у нее дома?

Она покачал головой.

– Она всегда приходила ко мне.

Разумеется, выяснить ее адрес будет не так уж просто.

– Ты когда-нибудь видел ее с кем-то из обществ?

Он снова пожал плечами.

– Не знаю. Слушай, Ланс и Ти были барыгами; у них была лучшая травка, которую я когда-либо курил, самое крутое зеленое дерьмо, что ты в жизни видела. Но я не следил за тем, с кем она тусила.

– Я спросила, видел ли ты ее с кем-то.

Он повесил голову.

– Почему ты так со мной?

– Эй, – мягко сказала она и сжала его плечо. – Ты же понимаешь, что ты не влип, да? У тебя все будет в порядке.

Она почувствовала, что он немного расслабился.

– Ты такая злая.

Ей одновременно захотелось залепить ему пощечину и уложить его в постель с его любимой соской и чашкой теплого молока.

– Трипп, я просто пытаюсь получить ответы. Ты знаешь, каково это. Я просто пытаюсь делать свою работу.

– Понимаю, понимаю.

Она в этом сомневалась, но он знал сценарий. Обычный парень Трипп Хельмут. Работаем в поте лица или еле-еле.

Она сжала его плечо еще крепче.

– Но ты должен понимать, что происходит. Погибла девушка. А эти люди, с которыми она тусовалась? Они тебе не друзья, и ты не собираешься держать язык за зубами и не стучать или что там еще ты видел в кино, потому что это не кино, это твоя жизнь, и у тебя хорошая жизнь, и ты не хочешь все испортить, да?

Трипп не сводил глаз со своих ботинок.

– Ага, окей. Ага.

Ей показалось, что он может расплакаться.

– Так кого ты видел с Тарой?

Когда Трипп закончил говорить, Алекс откинулась.

– Трипп?

– Да?

Он продолжал таращиться на свою обувь – несурзные пластиковые сандалии, как будто лето для Триппа Хельмута никогда не кончалось.

– Трипп, – повторила она и дождалась, пока он поднимет голову и встретится с ней взглядом. Она улыбнулась.

– Это все. Мы закончили. Все позади.

Тебе никогда больше не придется думать об этой девушке. О том, как ты ее трахнул и забыл. О том, как ты думал, что она будет продавать тебе по дешевке, если ты заставишь ее кончить. О том, как тебя заводило быть с кем-то, кто казался тебе слегка опасным.

– У нас все путем? – спросила она. Такой язык он понимал.

– Ага.

– Это останется между нами, обещаю.

А потом он сказал это, и она поняла, что он не расскажет об их разговоре никому – ни своим друзьям, ни Костяным.

– Спасибо.

В этом и заключался весь трюк – заставить его поверить, что ему больше терять, чем ей.

– И последнее, Трипп, – сказала она, когда он торопливо потопал назад в столовую. – У тебя есть велик?

Алекс проехала по лужайке мимо трех церквей, потом покатила по Стейт-стрит и по шоссе. Ей предстояло прочесть около двухсот страниц, если она не хотела отстать на этой неделе, и, возможно, за ней охотилось чудовище, но прямо сейчас ей нужно было поговорить с детективом Авелем Тернером.

За пределами кампуса Нью-Хейвен начинал постепенно терять свои амбиции: магазинчики «Все по доллару» и грязные спортбары соседствовали с лавками деликатесов и гламурными кофейнями; дешевые маникюрные салоны и салоны связи перемежались люксовыми лапшичными и бутиками, где торговали кусочками бесполезного мыла. Лицо города менялось у Алекс на глазах, и ей стало не по себе.

Стейт-стрит была просто длинной полосой пустоты – парковок, линий электропередач, ведущих на восток железнодорожных путей, – и полицейский участок был ничуть не лучше – уродливое суровое здание, обшитое плиткой цвета овсянки. Такие мертвые места были по всему городу – целые кварталы массивных бетонных монолитов, нависающих над пустыми площадями, как нарисованный в прошлом рисунок будущего.

Когда-то Дарлингтон назвал их бруталистскими, и Алекс сказала: «И правда, такое впечатление, что эти здания на тебя наезжают».

«Нет, – поправил ее он. – Это от французского *brut*. Как *сырец*, потому что они использовали голый бетон. Но да, такое впечатление возникает». Раньше здесь были трущобы, а потом в Нью-Хейвен начали поступать деньги по программе «Образцовые города». «Предполагалось, что все станет почище, но они открыли места, где никому не хотелось находиться. А потом деньги кончились, и в Нью-Хейвене просто остались эти... дыры».

«Раны, – подумала тогда Алекс. – Он хотел сказать «раны», потому что для него город – живое существо».

Алекс взглянула на свой телефон. Тернер так и не ответил на ее сообщения. Она так и не собралась с духом, чтобы позвонить, но теперь она здесь, и больше ничего не остается. Когда он не взял трубку, она завершила вызов и набрала номер еще раз, а потом еще. Алекс не приближалась к полицейским участкам с тех пор, как умерла Хелли. *В ту ночь умерла не только Хелли.* Но, когда она вспоминала ту ночь иначе, вспоминала кровь, сероватый пудинг мозга Лена, прилипший к краю кухонной стойки, ее разум в панике начинал скакать по ее черепу.

Наконец Тернер поднял трубку.

– Алекс, что я могу для вас сделать? – его голос был таким любезным, заботливым, словно большего удовольствия, чем говорить с ней, он не мог себе представить.

Ответить на мои долбанные сообщения. Она откашлялась.

– Привет, детектив Тернер. Я бы хотела поговорить с вами о Таре Хатчинс.

Тернер хмыкнул – другим словом это не назвать. Это был снисходительный смешок семидесятилетнего дедушки, хотя Тернеру было едва за тридцать. Всегда ли он вел себя так на работе?

– Алекс, как вам известно, я не могу обсуждать текущие расследования.

– Я рядом с участком.

Пауза. Когда Тернер ответил, голос его изменился. В нем не слышалось ни следа приветливой теплоты.

– Где?

– Прямо через дорогу.

Еще одна долгая пауза.

– На станции через пять минут.

Остаток пути до станции «Юнион» Алекс катила велосипед Триппа рядом с собой. Воздух был мягким, влажным, обещающим снег. Она сама не знала, вспотела ли она от поездки на велике или из-за того, что никогда не привыкнет говорить с копами.

Прислонив велик к стене рядом с парковкой, она села на низкую бетонную скамью и принялась ждать. Мимо пролетел Серый в трусах, глядя на часы и торопясь, словно боялся опоздать на поезд. *На этот поезд ты не успеешь, приятель. И на остальные тоже.*

Она начала копаться в телефоне, гугля имя Бертрама Бойса Норса, одновременно одним глазом поглядывая на улицу. Ей хотелось немного ознакомиться с контекстом, прежде чем задавать вопросы библиотеке Леты.

К счастью, информации в интернете нашлось немало. Норс и его невеста стали своеобразными знаменитостями. В 1854 году Жениха и его суженую, юную Дейзи Фэннинг Уитлок, нашли мертвыми в конторе «North & Sons Carriage Company», которую с тех пор давно снесли. Их портреты открывались по первой же ссылке на тему *Нью-Хейвен* на сайте «Призраки Коннектикута». Норс выглядел красивым и серьезным, и волосы его были причесаны поопрятнее, чем после смерти. Единственным дополнительным отличием была его чистая белая рубашка, не запятнанная кровью. Что-то холодное проскользнуло по ее спине. Иногда она, вопреки всем своим стараниям, забывала, что видит мертвеца, несмотря на брызги крови на его элегантном кителе и рубашке. Но увидеть чопорное, неподвижное черно-белое фото – это было совсем другое. *Он гниет в могиле. Он превратившийся в пыль скелет.* Она могла добиться, чтобы его останки раскопали. Они могут вместе рассматривать его кости, стоя на краю могилы. Алекс попыталась отделаться от этого образа.

Дейзи Уитлок была прекрасна: темноволосая, холодная, что было характерно для девушек того времени. Ее голова слегка склонялась набок, на губах играла легчайшая тень улыбки, кудри были уложены на прямой пробор и мягкими волнами, оставлявшими шею обнаженной. У нее была осиная талия, белые плечи показывались из пены оборок, а в изящных руках она сжимала букетик из хризантем и роз.

Что до фабрики, где произошло убийство, то во время убийства Норса она была еще не достроена, и строительство так и не завершили. «Норс и сыновья» перевезли офис в Бостон и работали вплоть до начала двадцатого века. Фотографий места преступления не было, только шокирующие описания крови и ужаса. Мертвый Норс по-прежнему сжимал в руке пистолет – револьвер, который он хранил в своей новой конторе на случай вторжения злоумышленников.

Тела обнаружила горничная Дейзи, женщина по имени Глэдис О’Донахью, и с криком выбежала на улицу. Ее в истерике нашли на расстоянии почти полумили от фабрики, на углу Чэпел и Хай. Даже выпив успокаивающий глоток бренди, она мало что могла поведать властям. Само преступление казалось очевидным, вопросы вызывал лишь его мотив. Были версии, что Дейзи забеременела от другого мужчины, но ее семья утаила это перед убийствами, чтобы избежать дальнейшего скандала. Один из авторов предположил, что Норса свело с ума отравление ртутью, так как он проводил много времени рядом со шляпными фабриками Дэнбери.

Самой простой версией было то, что Дейзи хотела разорвать помолвку, а Норс не собирался с этим мириться. Его семья хотела притока капитала от Уитлоков – а Норс хотел Дейзи. Она была любимицей местных колонок светской хроники, и ее знали как кокетливую, бойкую и иногда фривольную девушку.

– Ты мне уже нравишься, – пробормотала Алекс.

Алекс прокрутила карты могил Дейзи и Норса и пыталась увеличить старую газетную статью, когда на станции появился Тернер.

О том, чтобы надеть пальто, он не позаботился. Очевидно, задерживаться здесь он не собирался. Как бы там ни было, у мужика был стиль. На нем был простой солидный угольный костюм, но линии были модными, и Алекс заметила прилежные штрихи – нагрудный платок, тонкую лавандовую полоску на галстуке. Дарлингтон всегда выглядел хорошо, но без всяких усилий. Тернер не боялся выглядеть так, словно постарался.

Он стиснул зубы, рот его выглядел как узкий шов. Только когда он заметил Алекс, на лице его снова появилась маска дипломатичности. Изменилось не только выражение его лица, но и вся манера держаться. Его поза стала расслабленной и непринужденной, не угрожающей, словно он активно сбрасывал разряд напряжения, наполняющий его оболочку.

Он сел на скамью рядом с ней и положил локти на колени.

– Должен попросить вас не являться ко мне на работу.

– Вы не отвечали на мои сообщения.

– У меня много дел. Как вы знаете, в самом разгаре расследование убийства.

– Мне оставалось прийти либо сюда, либо к вам домой.

Наэлектризованное напряжение резко вернулось в его тело, и Алекс ощутила приступ удовлетворения от того, что оказалась способна его рассердить.

– Полагаю, Лета собрала файл со всей информацией обо мне, – сказал он. Скорее всего, Лета действительно знала все, от номера социального страхования Тернера до его предпочтений в порно, но Алекс взглянуть на этот файл никогда не предлагали. Она даже не знала, живет ли Тернер в самом Нью-Хейвене. Тернер сверился с телефоном. – Я могу посвятить вам около десяти минут.

– Я хочу, чтобы вы позволили мне поговорить с Лансом Грессангом.

– Без проблем. Может, вы также хотите стать его прокурором?

– Тара не просто была связана с Триппом Хельмутом. Они с Лансом продавали наркотики членам «Свитка и ключа» и «Манускрипта». У меня есть имена.

– Продолжайте.

– Я не вправе их разглашать.

Лицо Тернера по-прежнему оставалось бесстрастным, но она чувствовала, что его раздражение нарастает с каждой секундой, когда он был вынужден ей потакать. Хорошо.

– Вы приходите ко мне за информацией, но не желаете поделиться вашей? – спросил он.

– Позвольте мне поговорить с Грессангом.

– Он главный подозреваемый в убийстве. Вы ведь это понимаете? – на губах его появилась недоверчивая улыбка. Он и правда считал ее тупицей. Нет, привилегированной. Очередным Триппом. Может, очередным Дарлингтоном. И эта ее версия нравилась ему больше, чем та, которую он встретил в морге. Потому что эту версию можно запугать.

– Мне нужно всего несколько минут, – сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал плаксиво. – Вообще-то мне не требуется ваше разрешение. Я могу попросить о встрече через его адвоката, сказать, что я знала Тару.

Тернер покачал головой.

– Нет. Как только мы с вами разойдемся, я позвоню ему и сообщу, что сумасшедшая девушка пытается вмешаться в его дело. Может, я дам ему взглянуть на видео, на котором вы, как юродивая, бегаете по Элм-стрит.

При воспоминании о том, как она извивалась посреди дороги и ее объезжали машины, Алекс окатила волна стыда. Значит, Сэндоу показал видео Тернеру. Может, он и еще кому-то его показал? При мысли, что его могла увидеть профессор Бельбалм, у нее заныло в животе. Неудивительно, что сегодня детектив с ней вдвойне надменен. Он не просто считает ее тупицей. Он считает ее неуравновешенной. Так даже лучше.

– В чем вообще проблема? – спросила Алекс.

Пальцы Тернера сжались на безупречно отглаженных штанинах.

– *Проблема?* Я не могу просто провести вас туда тайком. Все посетители тюрьмы регистрируются. Чтобы привести вас, мне нужна уважительная официальная причина. Должны присутствовать его юристы. Ваша беседа должна быть записана.

– Хотите сказать, что копы всегда подчиняются правилам?

– *Полицейские.* И, если бы я нарушил правила и об этом узнала защита, Лансу Грессангу сошло бы с рук убийство, а я бы потерял работу.

– Слушайте, когда я ходила в квартиру к Таре...

Тернер резко перевел взгляд на нее. Его глаза горели, вся притворная дипломатия испарилась.

– Вы ходили к ней домой? Если вы пересекли ленту...

– Мне нужно было узнать...

Он вскочил. Таким был настоящий Тернер: молодым, амбициозным, вынужденным подстраиваться, чтобы пробить себе дорогу в мире, и уставшим от этого. Он принялся ходить взад и вперед перед скамьей, затем наставил на нее палец.

– Держитесь, блядь, подальше от моего дела.

– Тернер...

– *Детектив* Тернер. Я не позволю вам влезать в мое дело. Если я увижу вас рядом с Вудландом, я выебу вашу жизнь так, что вы всю жизнь будете ходить вразвалку.

– Почему вы такой злой? – заныла она, позаимствовав цитату у Триппа.

– Это вам не *игра*. Вам нужно понять, как легко мне будет разрушить вашу жизнь, найти небольшую заначку травы или таблеток при вас или в вашей комнате в общежитии. Зарубите это себе на носу.

– Вы не можете просто... – широко распахнув глаза, начала Алекс с дрожащей губой.

– Я сделаю все, что необходимо. А теперь убирайтесь отсюда. Вы понятия не имеете, во что ввязываетесь, так что не испытывайте мое терпение.

– Я понимаю, окей? – смиренно сказала Алекс. – Извините.

– Что сказал Трипп? Кого он видел с Тарой?

Алекс была не против поделиться с ним именами. Она собиралась сделать это с самого начала. Тернеру нужно знать, что Тара продавала студентам, не числящимся в ее журналах звонков, использовала одноразовый телефон или телефон, который Ланс спрятал или уничтожил. Она опустила взгляд на свои руки в перчатках и тихо сказала:

– Кейт Мастерс и Колина Хатри.

Кейт была из «Манускрипта», и Алекс ее почти не знала. В последний раз она говорила с ней в ночь вечеринки в честь Хэллоуина, когда она и Майк Аволово умоляли ее не стучать Лете о том, что они опоили Дарлингтона. Кейт была одета Ядовитым Плющом. Но Колина она знала. Колин работал на Бельбалм и был членом «Свитка и ключа». Он был хорошеньким чистюлей, элегантным донельзя. Она могла представить, как он расслабляется с возмутительно дорогой бутылкой вина, но не накуриваясь с городскими девицами. Но по времени, проведенном в Граунд-Зиро, она знала, что внешность обманчива.

Тернер пригладил отвороты пиджака, обшлага, провел ладонями по выбритым частям головы. Она смотрела, как он берет себя в руки, а потом он улыбнулся и подмигнул так, словно злого, голодного Тернера никогда не было.

– Рад, что мы побеседовали, Алекс. Дайте мне знать, если я смогу чем-то помочь вам в будущем.

Он развернулся и пошел назад к громоздким очертаниям полицейского участка. Ей не понравилось скулить перед Тернером. Ей не понравилось, когда он назвал ее сумасшедшей. Но теперь она знала, на какой улице жила Тара, а остальное будет легко.

Алекс казалось соблазнительным отправиться напрямиком на Вудланд и найти квартиру Тары, но ей не хотелось разнюхивать в воскресенье, когда у всех выходной и они дома. Придется отложить это до завтра. Она надеялась, что тот, кто натравил на нее глума, считает, что она по-прежнему отлеживается в «Конуре» – или мертва. Но, если они за ней следят, то она надеялась, что они видели, как она разговаривает с Тернером. Тогда они решат, что полиции известно то же, что и ей, и нет смысла пытаться заткнуть ей рот. *Если, конечно, Тернер в этом не замешан.*

Отмахнувшись от этой мысли, Алекс крутила педали в направлении ворот колледжа Хоппер. Осторожность полезна, но паранойя – всего лишь синоним растерянности.

Она написала Триппу, сообщив, что оставила его велик возле ворот, и направилась через Старый кампус, обдумывая связи Тары с обществами. Глума предполагала вмешательство «Книги и змея», но пока ничто не указывало на то, что Тара продавала наркоту кому-то из этого общества. Трипп связывал ее с «Черепом и костями», Колин и эта странная татуировка – со «Свитком и ключом», Кейт Мастерс – с «Манускриптом» – а «Манускрипт» специализировался по чарам. Если той ночью кто-то облачился в магию, притворившись Лансом, то, скорее всего, без «Манускрипта» не обошлось. Это бы объяснило, почему Алекс видела лицо Ланса в воспоминаниях Тары об убийстве.

Но все это также предполагало, что информация Триппа достоверна. Когда ты напуган, то готов сказать что угодно, чтобы выпутаться из неприятностей. Ей ли не знать. И Алекс не сомневалась, что Трипп с радостью сдал бы любого, чье имя первым пришло ему на ум, чтобы избавиться от проблем. Она предполагала, что могла бы передать эти имена Сэндоу, объяснить, что Тернер сейчас проверяет их алиби, попытаться заставить его пересмотреть свое мнение касательно вмешательства Леты в расследование. Но тогда ей также придется объяснить, что она вытрясла эти сведения из Костяного.

Алекс должна быть честной и с самой собой. Что-то в ней вырвалось на свободу, когда на нее напала глума, – настоящая Алекс, подобно змее, свернувшаяся в фальшивой шкуре девушки, которой она притворялась. Эта Алекс сомкнула челюсти на Саломе, запугала Триппа, манипулировала Тернером. Но ей нужно быть осторожной. *Необходимо, чтобы они считали тебя уравновешенной, надежной.* Она не хотела давать Сэндоу предлог для того, чтобы выкинуть ее из Леты и лишить ее единственной надежды остаться в Йеле.

Поднявшись по ступеням Вандербильта, Алекс ощутила глубокое облегчение. Ей хотелось быть под защитой охранных заклинаний, увидеть Лорен и Мерси и обсудить учебу и парней. Ей хотелось поспать в собственной узкой кровати. Но, когда Алекс вошла в их комнаты, то первым делом услышала плач. Лорен и Мерси сидели на диване. Лорен обвила всхлипывающую Мерси рукой и поглаживала ее по спине.

– Что случилось? – спросила Алекс.

Мерси не подняла взгляд, а лицо Лорен стало суровым.

– Где ты была? – резко спросила она.

– Помогала кое с чем маме Дарлингтона.

Лорен закатила глаза. Очевидно, оправдание с семейным ЧП устарело.

Алекс села на выдавший виды кофейный столик, соприкасаясь с Мерси коленями. Мерси уронила голову в ладони.

– Расскажите мне, что происходит.

– Можно я ей покажу? – спросила Лорен.

Мерси снова всхлипнула.

– Почему нет?

Лорен протянула телефон Мерси. Алекс разблокировала экран и увидела переписку с кем-то по имени Блейк.

– Блейк Кили?

Если она правильно помнила, он играл в лакросс. Ходил слух, что в старших классах он пнул парня из ком анды соперников в голову во время игры. В это время игрок лежал на земле. Все колледжи отменили его стипендию – все, кроме Йеля. Команда по лакроссу оставалась чемпионом Лиги Плюща четыре года подряд, а Блейку предложили стать моделью «Abercrombie & Fitch». Витрины магазина на Бродвее были завешены его постерами – гигантскими черно-белыми фотографиями, на которых он без рубашки выходил из горного озера, нес рождественскую ель по заснеженному лесу, ласкал щенка бульдога рядом с искрящимся огнем.

Ты была горячей вчера ночью. Все братья согласны. Приходи сегодня снова. К переписке было прикреплено видео.

Алекс не хотелось нажимать на «play», но она нажала. Из телефона донесся хриплый смех, глухой шум басов. Блейк сказал: «Ээээй-эй, какая у нас смазливая девочка, сегодня кое-что экзотическое в меню, да?»

Он направил объектив на смеющуюся Мерси. Она сидела на коленях у другого парня, ее бархатная юбка была высоко задрана на бедрах, а в руке у нее была красная чашка «Соло». *Черт. Психоз Омеги.* Алекс обещала Мерси, что пойдет с ней, но совершенно об этом забыла.

– Забери его в другую комнату, – сказала Лорен. Мерси продолжала рыдать.

Алекс торопливо ушла к себе в спальню и закрыла дверь. Кровать Мерси была незаправлена. Это указывало на смятение еще больше, чем слезы.

На видео юбка Мерси была задрана до талии, трусики стянуты. «Господи, вы только гляньте на эти кустики! – пронзительно, пьяно хихикал Блейк, смеясь до слез. – Ты такая правильная. Ты в порядке, детка?»

Мерси кивнула.

«Ты не перебрала? Ты, как говорится, трезва и на все согласна?»

«А то».

Глаза Мерси были ясными, оживленными, внимательными, не остекленевшими и не оловяными. Она не выглядела пьяной или накачанной наркотиками.

«На колени, детка. Время для китайской еды».

Мерси с широко раскрытыми, влажными темными глазами опустила на колени. Она открыла рот. От пунша ее язык стал пурпурным. Алекс поставила видео на паузу. Нет, не от пунша. Она знала этот цвет. Так в ту ночь в «Манускрипте» выглядели прислужники. Это было «Счастье», наркотик службы, который служители принимали, чтобы отказаться от своей воли.

Дверь открылась, и внутрь проскользнула Лорен.

– Она не позволяет мне отвести ее в медцентр.

– Они насильники. Нам нужно обратиться к копам.

Уж на это-то они должны сгодиться.

– Ты видела видео. Она сказала мне, что почти не пила.

– Ее накачали наркотой.

– Я тоже так подумала, но по ее поведению этого не скажешь. И по виду. Ты его посмотрела?

– Частично. Насколько там все плохо?

– Плохо.

– Сколько парней?

– Всего два. Она думает, что он разошлет его своим приятелям, если уже не разослал. Почему тебя с ней не было?

Я забыла. Алекс не хотелось это говорить. Потому что, да, убили девушку, а на Алекс напали, но, в конечном счете, Алекс ни на секунду не вспомнила о Мерси, а Мерси заслуживала лучшего. Она заслуживала того, чтобы повеселиться на вечеринке и, может быть, познакомиться с милым парнем, которого она могла бы поцеловать и позвать на бал в колледже. Вот почему Алекс согласилась пойти с ней на «Психоз Омеги». Она была в долгу перед Мерси, которая была к ней добра, помогала ей с домашкой и никогда ее не жалела, только побуждала больше стараться. Но после нападения глумы Алекс напрочь забыла о вечеринке. Она слишком погрузилась в свой страх, отчаяние и желание узнать, почему на нее открыли охоту.

– С кем она туда ходила? – спросила Алекс.

– С Шарлоттой и этой компанией сверху, – со злостью прорычала Лорен. – Они ее там просто бросили.

Если Мерси была под воздействием «Счастья», то она наверняка сказала, что она в порядке, что они могут уйти, а они недостаточно хорошо ее знали, чтобы спорить. Но, если бы с ней была Алекс, то она заметила бы пурпурный язык Мерси. Она бы это предотвратила.

Алекс снова надела пальто. Она сделала скриншот видео, на котором был виден открытый рот Мерси с пурпурным языком, и отправила его себе на телефон.

– Куда ты собралась? – в ярости прошептала Лорен. – Маме Дарлингтона опять нужна помощь?

– Я это разрулю.

– Она не хочет, чтобы мы обращались в полицию.

– Мне не нужна полиция. Где живет Блейк?

– В доме Омеги.

На Линвуд, в этом грязном районе братств, который вырос там много лет назад, когда университет вышвырнул братства с территории кампуса.

– Алекс... – сказала Лорен.

– Просто попытайся ее успокоить и не оставляй ее одну.

Алекс решительно вышла из Вандербильта и пошла по Старому кампусу.

Она хотела пойти напрямик к Блейку, но это бы ни к чему хорошему не привело. Группа Серых маячила на периферии ее зрения.

– *Orare las di Korach*, – бросила она. Приятно было произнести бабушкино проклятие. *Да будут они сожраны живьем.* Должно быть, весь ее гнев собрался в этих словах. Серые разлетелись, как птицы.

А как насчет глумы? Если глума охотится за Алекс, убежала бы она? Алекс была бы рада хоть мельком увидеть Жениха, но не видела его с их встречи в пограничной области.

Алекс знала, что зря вывела из себя детектива Тернера. Возможно, если бы она его не взбесила, он бы согласился ей помочь. Возможно, он согласился бы и сейчас. Часть ее верила, что он один из хороших парней. Но, чтобы это исправить, она не хотела полагаться ни на Тернера, ни на закон или администрацию. Потому что видео все еще где-то там, а Блейк Кили богат, красив и любим, а между справедливостью и исправлением существует огромная разница.

15

Зима

Алекс не возвращалась в «Манускрипт» с той вечеринки в честь Хэллоуина. В ту ночь она осталась с Дарлингтоном в «Черном вязе», пытаясь не замерзнуть в его узкой постели. Когда она проснулась, рассветный свет струился по комнате, а Дарлингтон лежал, свернувшись позади нее. У него снова была эрекция, его член упирался ей в ягодицы. Его ладонь покоилась у нее на груди, большой палец поглаживал ее сосок с ленивой ритмичностью кошачьего хвоста. Алекс почувствовала, как вспыхнуло все ее тело.

– Дарлингтон, – резко сказала она.

– М-м-м? – пробормотал он ей в шею.

– Проснись и выеби меня или *прекрати*.

Он застыл, и она почувствовала, что он окончательно проснулся. Он скатился с кровати, спотыкаясь и запутавшись в простынях.

– Я не... Прости. Мы что?..

Она закатила глаза.

– Нет.

– Вот убудки.

Он ругался редко, но по делу. Глаза у него были красными, лицо изможденным. Было бы хуже, знай он, что отчет, который она показала ему за завтраком, не имел ничего общего с тем, что она на самом деле отправила декану Сэндоу.

Под полуденным солнцем гробница «Манускрипта» выглядела еще уродливее, спрятанный в ее кирпичной кладке круг, казалось, то появлялся, то исчезал, когда Алекс подходила ко входной двери. Майк Аволово взмахом руки пригласил ее войти. Большая комната и двор за ней казались просторными, безопасными – все признаки сверхъестественного были похоронены глубоко под поверхностью.

– Рад, что ты пошла на контакт, – сказал он, хотя Алекс сомневалась в правдивости его слов. Он специализировался на международных исследованиях и обладал собранным, дружелюбным самообладанием ведущего дневного ток-шоу.

Взглянув ему через плечо, Алекс, к своей радости, увидела, что гробница, казалось, пуста. Теперь, когда Кейт Мастерс попала в список подозреваемых, Алекс не хотелось все усложнять.

– Пора рассчитаться.

На лице Майка появилось смиренное выражение человека, сидящего в кресле дантиста.

– Что тебе нужно?

– Способ кое-что отозвать. Одно видео.

– Если оно уже разошлось, мы ничего не можем поделать.

– Я не думаю, что оно разошлось, пока нет, но это может случиться в любую минуту.

– Сколько человек его видели?

– Не уверена. Прямо сейчас, наверное, всего несколько.

– Алекс, это целый ритуал. И я даже не уверен, что он сработает.

Алекс выдержала его взгляд.

– Единственная причина, благодаря которой ты продолжаешь жить своей жизнью, это отчет, который я отправила на Хэллоуин.

В ночь вечеринки она и Дарлингтон в ярости демонстративно покинули гробницу, по крайней мере пытались сделать это демонстративно, а за ними волочились Майк и Кейт в своих костюмах Бэтмена и Ядовитого Плюща. Дарлингтон с трудом держался на ногах, моргал на любой слишком яркий предмет и всем весом опирался на ее руку.

«Пожалуйста, – умолял Аволово. – Делегация это не санкционировала. Один из выпускников ополчился на Дарлингтона. Он просто хотел пошутить».

«Ничего не произошло», – сказала Кейт.

«Это вам не ничего», – ответила Алекс, таща Дарлингтона по кварталу. Но Аволово и Мастерс продолжали идти за ними, споря, а потом делая предложения. Так что Алекс прислонила Дарлингтона к мерседесу и заключила сделку – на услугу, которую они должны были ей за то, чтобы она смягчила отчет. Она объяснила опьянение Дарлингтона случайностью, и «Манускрипт» был всего лишь оштрафован, в то время как в противном случае их деятельность была бы приостановлена. Она знала, что со временем, когда строгого наказания так и не последует, Дарлингтон все выяснит. В этом случае ей предстояло бы как минимум выслушать суровую лекцию о разнице между моралью и этикой. Но потом Дарлингтон исчез, и вопрос об отчете так и не поднимался. Она знала, что это грязный ход, но, если она переживет первый курс, то будет управлять Летой. Она должна вести себя по-своему.

Аволово скрестил руки на груди.

– Я думал, ты сделала это, чтобы пощадить гордость Дарлингтона.

– Я сделала это, потому что мир работает на одолжениях, – Алекс провела ладонью по лицу, пытаясь избавиться от внезапной волны усталости. Она подняла телефон. – Посмотри на ее язык. Кто-то пользуется вашими наркотиками, чтобы трахать девушек.

Майк взял телефон в руку и нахмурился, глядя на скриншот.

– «Счастье»? Невозможно. Наши запасы под замком.

– Возможно, кто-то поделился рецептом.

– Мы знаем, как высоки ставки. И всех нас ограничивают строгие запреты. Мы не можем болтать о том, чем здесь занимаемся, направо и налево. И потом, дело не только в знании формулы. «Счастье» растет только в горах Большой Хинган. Существует буквально единственный поставщик, и мы платим ему заоблачные деньги, чтобы он продавал только нам.

Тогда откуда его достали Блейк и его друзья? Новая загадка.

– Я в этом разберусь, – сказала Алекс. – Но прямо сейчас мне нужно разрулить это.

Майк окинул Алекс изучающим взглядом.

– Это же не дело Леты, так?

Алекс не ответила.

– Для медиа существует порог. Он различается для музыки, популярности, мемов. Но, если ты прошел этот порог, ни один ритуал не сможет это исправить. Пожалуй, мы могли бы попытаться реверсировать «Полную чашу». Мы пользуемся ей, чтобы раскручивать проекты. Например, сингл Мичи в сентябре.

Алекс вспомнила, как описывал это Дарлингтон: обнаженные члены общества собираются в огромном медном чане и нараспев читают заклинания, а чан постепенно наполняется вином, бьющим из какого-то невидимого места у них под ногами. Полная чаша. Этого хватило, чтобы очень посредственный сингл занял второе место в танцевальных чартах.

– Сколько людей тебе для этого понадобится?

– Как минимум трое. Я знаю, к кому обратиться. Но подготовка займет какое-то время. А пока тебе придется сделать все, что можно, чтобы остановить кровотечение, иначе во всем этом не будет никакого смысла.

– Ладно. Свяжись со своими людьми. Как можно скорее, – ей не нравилась мысль о том, что в ритуале будет участвовать Кейт Мастерс, но, если она упомянула бы ее имя, это бы только вызвало вопросы.

– Ты уверена?

Алекс знала, о чем спрашивает Майк. Это было нарушением всех протоколов Леты.

– Я уверена.

Она была уже в дверях, когда Майк сказал:

– Подожди.

Подойдя к стене декоративных урн, он открыл одну из них, достал из ящика маленький пластиковый конверт и отмерил крошечную порцию серебристого порошка. Он закрыл конверт и отдал его Алекс.

– Что это?

– Звездная пыль. Astrumsalinas. Это соль из проклятого озера, где утонуло бесконечное число мужчин, влюбившихся в собственное отражение.

– Типа Нарцисса?

– Дно озеро покрыто их костями. Порошок сделает тебя по-настоящему убедительной минут на двадцать пять – сорок. Только пообещай, что выяснишь, где этот извращенец достал «Счастье».

– Мне его вынюхать? Высыпать себе на голову?

– Проглотить. На вкус он отвратителен, так что это может оказаться непросто. Когда эффект пройдет, у тебя будет ужасно болеть голова, как и у всех, с кем ты общалась.

Алекс покачала головой. Столько силы просто лежало на камине, где ее мог достать каждый. Что же было в остальных урнах?

– У вас не должно быть таких вещей, – сказала она, вспоминая обезумевшие глаза Дарлингтона, стоящую на коленях Мерси. – У вас не должно быть возможности делать это с людьми.

Майк вскинул брови.

– Ты его не хочешь?

– Я этого не говорила, – Алекс положила конверт себе в карман. – Но, если я когда-нибудь узнаю, что вы использовали что-то вроде этого на мне, я сожгу это здание.

Строение на Линвуд оказалось двухэтажным домом из белого дерева с прогибающимся под весом заплесневелого дивана крыльцом. Дарлингтон рассказывал ей, что когда-то у «Омеги» был дом в переулке за «Волчьей мордой» – крепкий каменный коттедж, полный полированного темного дерева и хрусталя. Их буквы были до сих пор высечены в камне, но Алекс было трудно представить вечеринки вроде «Психоза Омеги» и «Секса на пляже» в обстановке, похожей на уютную чайную комнату шотландских старых дев.

«С тех пор культура братств уже не была прежней, – сказал тогда Дарлингтон. – Они стали лучше одеваться, устраивали формальные ужины, начали всерьез воспринимать слова про «джентльменов и ученых»».

«Джентльмен и ученый» – подходящее описание для тебя».

«Настоящий джентльмен не станет хвалиться этим титулом, а у настоящего ученого есть дела поважнее, чем написаться шотами горящего «Dr Pepper».

Но, когда Алекс спросила, почему братство выжибли с кампуса, он только пожал плечами и подчеркнул что-то в книге, которую читал:

«Времена изменились. Университет хотел собственность, а не обузу».

«Возможно, им стоило оставить их в кампусе».

«Стерн, ты меня удивляешь. Сочувствие братству пьянства и неоправданной агрессии?»

Алекс вспомнила сквот на Седросе.

«Заставь людей жить, как животные, и они начинают вести себя, как животные».

Но «животное» было слишком слабым словом для Блейка Кили.

Алекс достала из кармана целлофановый пакет и высыпала порошок себе в рот. Моментально ощутив позывы к рвоте, она зажала себе нос и закрыла рот ладонью, чтобы не выплюнуть субстанцию. Вкус был зловонным и соленым, и ей отчаянно хотелось прополоскать рот, но она заставила себя сглотнуть.

Ничего нового она не почувствовала. Господи, что, если Майк ее надул?

Сплюнув в грязном дворе, Алекс поднялась по ступеням и дернула входную дверь. Та оказалась не заперта. В гостиной воняло застоявшимся пивом. Еще один потрепанный диван и кресло с откидывающейся спинкой стояли вокруг сколотого кофейного столика, заставленного красными чашками «Соло», а над самодельным баром с двумя разными табуретами висела доска с записями. Какой-то парень без рубашки, в пижамных штанах и надетой козырьком назад бейсболке собирал разбросанные стаканчики и швырял их в большой черный мусорный мешок.

При виде нее он вздрогнул.

– Я ищу Блейка Кили.

Он нахмурился.

– Эм... Ты его подруга?

Алекс пожалела, что так торопилась в «Манускрипте».

Как именно действует эта звездная пыль? Глубоко вздохнув, она ему широко улыбнулась.

– Я была бы очень благодарна за твою помощь.

Парень сделал шаг назад. Он прижал ладонь к сердцу, словно его ударили в грудь.

– Конечно, – серьезно сказал он. – *Конечно*. Все, что в моих силах.

Он ответил на ее улыбку, и Алекс почувствовала себя слегка нехорошо. И слегка чудесно.

– Блейк! – позвал он, поднимаясь по лестнице и жестом приглашая ее следовать за собой.

Он шел пружинистой походкой. Дважды по пути вверх он оборачивался на нее через плечо и улыбался.

Они поднялись на второй этаж, и Алекс услышала музыку, оглушительный грохот видеоигры, в которую играют на полной громкости. Здесь запах пива был не настолько силен, и Алекс ощутила легкий намек на очень плохую траву, попкорн из микроволновки и парней. Здесь было в точности, как в квартире, где она жила с Леном в Ван-Найс. Пожалуй, убогость другого сорта, архитектура постарше, посумрачнее, без чистой позолоты южнокалифорнийского солнца.

– Блейк! – снова позвал парень с голой грудью. С совершенно открытой улыбкой он потянулся назад к Алекс и взял ее за руку.

Из одной из дверей высунул голову какой-то великан.

– Джо, придурок, – сказал он. Он тоже был без рубашки, в шортах и надетой задом наперед бейсболке, словно это было что-то вроде униформы. – Ты должен был почистить туалет.

Значит, Джо был то ли новичком, то ли каким-то лакеем.

– Я прибирался внизу, – объяснил тот. – Ты хочешь познакомиться с... О боже, не могу вспомнить твое имя.

Потому что она его не называла. Алекс только подмигнула.

– Сначала почисти гребаный туалет, – фыркнул великан. – Вы, задроты, не можете просто продолжать срать поверх дерьма! И кто, нахрен, такая...

– Привет, – сказала Алекс и – так и не называя своего имени – отбросила волосы назад.

– Эм. При... Привет. Как дела? – он подтянул шорты вверх, затем снова их приспустил, снял бейсболку, провел ладонью по клочковатым волосам, вернул бейсболку на место. – Привет.

– Я ищу Блейка.

– Зачем? – горестно спросил он.

– Поможешь мне его найти?

– Конечно. Блейк! – взвыл великан.

– Чего? – отозвался раздраженный голос из спальни дальше по коридору.

Алекс не знала, сколько времени у нее осталось. Она стряхнула с себя руку Джио Лакея и решительно двинулась вперед, целенаправленно *не* заглядывая в туалет.

Блейк Кили, развалясь, лежал на футоне, попивал из большой бутылки «Gatorade» и играл в «Call of Duty». Зато на нем по крайней мере была рубашка.

Она чувствовала, что остальные парни мнутя позади нее.

– Где твой телефон? – спросила Алекс.

– Ты кто, на хрен, такая? – спросил Блейк, запрокинув голову и оценив ее одним-единственным наглым взглядом.

На секунду Алекс запаниковала. Неужели волшебный порошок Майка выветрился так быстро? Или Блейк почему-то к нему невосприимчив? Потом она вспомнила, как этот порошок обжег ей горло. Она вырвала провод из стены, и игра замолчала.

– Какого...

– Мне та-а-ак жаль, – сказала Алекс.

Блейк заморгал и лениво, непринужденно ей улыбнулся.

Это его ухмылка сердцеда, подумала Алекс, и ей захотелось вышибить ему зубы.

– Ничего страшного, – сказал он. – Я Блейк.

– Я знаю.

Его улыбка стало шире.

– Мы знакомы? Я вчера был бухой, но...

Алекс закрыла дверь, и у него расширились глаза. Он выглядел слегка растерянным, но совершенно счастливым. Ребенок в Рождество. Богатенький ребенок в Рождество.

– Можно взглянуть на твой телефон?

Он встал, протянул ей мобильник и уступил ей свое место на футоне.

– Хочешь сесть?

– Нет, я хочу, чтобы ты стоял, как придурок.

Он должен был отреагировать, но вместо этого продолжал стоять, послушно улыбаясь.

– Ты ловишь на лету, – она потрясла телефон. – Разблокируй его.

Он повиновался, она зашла в галерею и нажала на первое же видео. Появилось улыбающееся, довольное лицо Мерси. Блейк провел влажной головкой своего пениса ей по щеке, и она засмеялась. Он направил объектив на себя и снова тупо, по-идиотски ухмыльнулся, словно кивая зрителям.

Алекс показала ему телефон.

– Кому ты отправлял это видео?

– Только паре братьев. Джейсону и Родригесу.

– Тащи их сюда, и пусть принесут свои телефоны.

– Я здесь! – сказал из-за двери великан. Она открыла дверь. – Я Джейсон! – он на полном серьезе поднял руку.

Блейк умчался за Родригесом, а Джейсон Великан терпеливо ждал. Алекс тем временем нашла отправленные Блейком сообщения, удалила их, после чего для верности удалила остальные его сообщения. Он любезно назвал один из своих альбомов «Складом кисок». Там было полно видео с разными девушками. У некоторых из них были горящие глаза и пурпурные языки, другие выглядели просто обдолбанными, пьяными, с остекленевшими глазами. Они были полностью или частично обнажены по пояс. Одна девушка была настолько в отключке, что видны были только белки ее глаз, появляющиеся и исчезающие, как проблески луны, пока Блейк ее трахал, у другой была рвота в волосах, и, когда Блейк имел ее сзади, ее лицо утыкалось в лужу рвоты. И, как всегда, он направил объектив на себя, как будто не мог устоять перед тем, чтобы продемонстрировать свою звездную улыбку.

Алекс начисто удалила фото и видео, хотя и не знала, не хранятся ли копии где-то еще. Затем пришел черед телефона Джейсона. Либо он был не вовсе бессовестным, либо слишком страдал от похмелья, чтобы переслать видео кому-то еще.

Она услышала, как внизу в коридоре кто-то пыхтит, и увидела, как Блейк тащит Родригеса по грязному ковру.

– Что ты делаешь?

– Ты велела его притащить, – сказал Блейк.

– Просто дай мне его телефон.

Еще одна быстрая проверка. Родригес успел отправить видео двум друзьям, и узнать, поделились ли те им с кем-то еще, было невозможно. *Проклятие*. Алекс оставалось лишь надеяться, что Майк сумел собрать достаточно членов «Манускрипта» и реверсирование «Полной чаши» сработает.

– Они знали? – спросила Алекс Блейка. – Знали про «Счастье»? Что Мерси опоена?

– Нет, – продолжая улыбаться, сказал Блейк. – Они знали только, что у меня нет проблем с телками.

– Где ты достал «Счастье»?

– У парня из Лесного института.

Из Лесного института? Там были теплицы с регулируемой температурой и контролем влажности, чтобы воссоздавать среду из разных мест по всему миру – возможно, в одной из них были условия Большого Хингана. Что там сказал Трипп? *У Ланса и Ти было самое крутое зеленое дерьмо, что ты в жизни видела.*

– Как насчет Ланса Грессанга и Тары Хатчинс? – спросила она.

– Ну да! Это они. Ты знаешь Ланса?

– Это ты навредил Таре? Это ты убил Тару Хатчинс?

Блейк казался растерянным.

– Нет! Я бы ни за что не сделал ничего такого.

Алекс хотелось бы знать, где, по его мнению, проходит граница.

В ее правом виске начинала пульсировать боль. Это могло значить только одно: скоро звездная пыль выветрится. И ей хотелось просто поскорее отсюда убраться. От этого дома у нее мурашки шли по коже: он словно впитал в себя каждую жалкую, грязную мерзость, случившуюся в его стенах.

Она взглянула на телефон в своей руке, подумала о девушках Блейка в галереях. Она еще не закончила.

– Пошли, – сказала она, оглядываясь на открытую дверь туалета дальше по коридору.

– Куда мы идем? – спросил Блейк с расплывающейся, как яичный желток, ленивой ухмылкой.

– Мы с тобой снимем маленькое кино.

16

Зима

Лорен дала Мерси таблетку «эмбиена» и уложила ее в постель. Алекс осталась с ней, задремав в темной комнате и проснувшись поздно вечером от всхлипываний Мерси.

- Видео исчезло, – сказала Алекс, потянувшись к ней и взяв ее за руку.
- Я тебе не верю. Оно не может просто исчезнуть.
- Если бы оно должно было разойтись, оно бы уже разошлось.
- Может, он хочет меня им шантажировать, чтобы я вернулась и... что-то сделала.
- Оно исчезло, – сказала Алекс.

Удостовериться, сработал ли ритуал Майка, было невозможно. «Полная чаша» была предназначена для того, чтобы раскручивать, а не замалчивать, но она должна была сохранять надежду.

– Почему он выбрал меня? – снова и снова спрашивала Мерси, пытаясь найти логику, какое-то уравнение, которое бы объяснило, что все было вызвано тем, что она сказала или сделала. – Он мог бы получить любую девушку, которую захочет. Почему он так со мной поступил?

Потому что он не хочет девушек, которые хотят его. Потому что он устал от желания и полюбил вызывать стыд. Алекс не знала, что скрывается в таких парнях, как Блейк. Красивых парнях, которые ни в чем не нуждались и все-таки находили то, что можно взять силой.

Когда наступила ночь, она встала с постели и натянула свитер и джинсы.

– Пойдем поужинаем, – умоляла она Мерси, сев на корточки между их кроватями, чтобы включить светильник. Лицо Мерси опухло от слез. Ее волосы мерцали на подушке черным шрамом. У нее были такие же густые, темные волосы, которые невозможно завить, что и у Алекс.

- Я не голодна.
- Мерси, тебе надо поесть.
- Мерси зарылась лицом в подушку.
- Не могу.
- Мерси, – Алекс потрясла ее за плечо. – Мерси, ты не уйдешь из-за этого из колледжа.
- А я и не говорила, что уйду.
- Тебе не надо этого говорить. Я знаю, что ты об этом думаешь.
- Ты не понимаешь.
- Понимаю, – сказала Алекс. – Кое-что вроде этого случилось со мной в Калифорнии.

Когда я была помладше.

- И все улеглось?
- Нет, это было дерьмово. И я вроде как позволила этому разрушить мою жизнь.
- С виду у тебя все нормально.
- Это не так. Но я чувствую себя нормально, когда я здесь с тобой и Лорен, и этого у меня никто не отнимет.

Мерси вытерла нос ладонью.

– Так это все о тебе?

Алекс улыбнулась.

– Вот именно.

– Если кто-то что-то скажет...

– Если кто-то хотя бы косо посмотрит на тебя, я ему вилку в глаз воткну.

Мерси надела джинсы и свитер с горлом, чтобы спрятать засосы. В этом сдержанном наряде она выглядела почти как незнакомка. Она умыла лицо и намазала под глазами консилер. Она по-прежнему была бледной, и с красными глазами, но воскресными вечерами посреди нью-хейвенской зимы никто не выглядел на все сто.

Алекс и Лорен вошли в столовую по обе стороны от Мерси, под руку с ней. Там было, как всегда, шумно, звенели тарелки, беседы то разгорались, то потухали, но, когда они вошли, шум не стих. Возможно – возможно – Майку с «Манускриптом» все удалось.

Они сели за стол со своими подносами. Мерси беспокойно ковырялась в жареной треске, а Алекс виновато ела второй чизбургер, когда раздался смех. Это был особенный смех, знакомый Алекс, – глумливый, слишком веселый, обрываемый прижатой ко рту ладонью в напускном смущении. Лорен замерла, сидя совершенно неподвижно. Мерси сжалась, подняв горло свитера. Ее всю трясло. Алекс напряженно ждала.

– Пошли отсюда, – сказала Лорен.

Но на стул рядом с ней опустился Эван Уайли:

– О господи, я умираю.

– Все в порядке, – сказала Лорен Мерси и со злостью пробормотала: – В чем проблема?

– Я знал, что Блейк мерзотный, но не думал, что настолько.

Сначала запищал телефон Лорен, потом телефон Алекс. Но на Мерси никто не смотрел; люди просто визжали и сотрясались от смеха за столами, не отлипая от своих экранов.

– Просто посмотрите, – сказала Мерси, спрятав лицо в ладони. – И скажите мне.

Набрав в легкие воздуха, Лорен взяла свой телефон. Она нахмурилась.

– Гадость, – выдохнула она.

– Я *знаю*, – сказал Эван.

На экране был склонившийся над грязным унитазом Блейк Кили.

Алекс почувствовала, как змея внутри нее развернулась, теплая и довольная, словно нашла идеально нагретый солнцем камень, на котором можно подставить лучам животик.

«Ты серьезно?» – спросил Блейк, хихикая так же дико и пронзительно, как когда говорил: «Гляньте на эти кустики!»

«Ладно-ладно, – продолжал он на видео. – Ты вообще без тормозов!»

Но его собеседника видно не было.

– Нет, – сказала Лорен.

– О боже, – сказала Мерси.

– *Знаю*, – повторил Эван.

На их глазах Блейк Кили запустил руку в засорившийся унитаз, достал горсть дерьма и положил его в рот.

Продолжая хихикать, он пожевал и сглотнул, а потом, с покоричневевшими белыми зубами и губами, Блейк взглянул на того, кто держал камеру, и улыбнулся своей знаменитой ленивой убудочной улыбкой.

Телефон Алекс снова запищал. Аволово.

ЧТО С ТОБОЙ ХРЕН ПОДЕРИ НЕ ТАК.

Алекс напечатала простой ответ: *хохохо*

Ты не имела права. Я тебе доверял. Все совершают ошибки.

Майк не пожалуется Сэндоу. Тогда ему пришлось бы объяснять и то, что его делегация каким-то образом раскрыла тайну «Счастья», и то, что он передал Алекс дозу звездной пыли. Алекс разослала новое видео всем контактам Блейка с его же телефона, и никто из «Омеги» не знал, как ее зовут.

– Алекс, – прошептала Лорен. – Что происходит?

Столовая вокруг них разразилась тысячью жарких обсуждений, одни гоготали и с отвращением отодвигали свои тарелки, другие требовали, чтобы им объяснили, в чем дело. Эван уже перешел к следующему столу. Но притихшие Лорен и Мерси во все глаза смотрели на Алекс. Их телефоны лежали на столе экранами вниз.

– Как ты это сделала? – спросила Лорен.

– Сделала что?

– Ты говорила, что все разрулишь, – сказала Мерси. Она постучала по своему телефону. – Ну и?

– Ну и ничего, – сказала Алекс.

На долгое мгновение повисло молчание.

Потом Мерси провела пальцем по столу и сказала:

– Знаешь, как говорят, что злом зла не поправишь?

– Ага.

Мерси подвинула к себе тарелку Алекс и откусила большой кусок ее чизбургера.

– Так вот, это брехня.

Вопрос о том, научился ли «Свиток и ключ» своей магии от средневосточных чародеев во время Крестовых походов или попросту ее украл, не стоит обсуждения – мода меняется, воры становятся кураторами, однако Замочники по-прежнему предпочитают настаивать, что их знание магии порталов было добыто исключительно честным способом. Внешний вид гробницы «Свитка и ключа» отдает должное истокам их силы, но ее внутреннее убранство беспричинно посвящено легенде о короле Артуре, и в сердце ее стоит круглый стол. Некоторые утверждают, будто камень привезен с самого Авалона, другие клянутся, что он из Храма Соломона, третьи шепчут, что он добыт в близлежащем Стоуни-Крик. Каким бы ни было его происхождение, каждый, начиная с декана Эчесона до Коула Портера и Джеймса Гэмбла Роджерса – архитектора, создавшего сам скелет Йеля, – толкались локтями, сидя за ним.

Из «Жизни Леты: процедуры и протоколы Девятого Дома»

Солнечные ожоги не дают мне спать. Энди говорил, что мы без проблем окажемся в Майами как раз к началу, что все это известно и одобрено советом и выпускниками «СиК». Но, какое бы колдовство они ни затеяли, оно быстро пошло не так. По крайней мере, теперь я видела Гаити.

Дневник Наоми Фарвелл времен Леты (Колледж Тимоти Дуайта, 1989)

17

Зима

Остаток воскресного вечера Алекс провела в комнате отдыха с Мерси и Лорен, в проигрывателе Лорен играл Римский-Корсаков, а на коленях Алекс держала книгу «Солдат всегда солдат». В тот вечер общежитие казалось особенно шумным, к ним в дверь то и дело стучали, но они оставляли все это без внимания. Наконец домой пришла Анна, как обычно, выглядевшая угрямой и полусонной. Равнодушно бросив им «привет», она исчезла в своей спальне. Через минуту они слышали, как она говорит по телефону со своей семьей из Техаса. Им пришлось зажать себе рты. Плечи их сотрясались и слезы струились из глаз, когда они слышали, как она говорит: «Я почти уверена, что они ведьмы».

Знала бы ты.

Алекс спала без сновидений, а, проснувшись среди ночи, обнаружила, что Жених парит за окном ее спальни. Его останавливали охранные заклинания. На его лице было написано ожидание.

– Завтра, – пообещала она.

С ее путешествия в пограничную область прошло меньше двадцати четырех часов. Она займется Тарой, но в первую очередь в ней нуждалась Мерси. В долгу она была прежде всего перед живыми.

«Я справляюсь, – подумала она, съев еще две таблетки аспирина и снова упав в постель. – Может, и не так хорошо, как справился бы Дарлингтон, но кое-что у меня получается».

В понедельник утром она первым делом зашла в II Bastone, где набила себе карманы кладбищенской грязью и провела час, изучая всю информацию, которую смогла найти о глумах. Если «Книга и змей» – или кто-то еще, кто натравил на нее эту тварь, – захочет попытать удачи снова, сейчас самое время. Она психанула на публике; из-за академической неуспеваемости она была в шаге от вылета. Если она внезапно бросится в реку, с крыши здания или на дорогу, найдется множество настораживающих признаков, указывающих на ее неуравновешенность.

Не казалось ли вам, что она в депрессии? Она выглядела такой отчужденной. У нее было мало друзей. У нее возникли трудности с учебой. Все это правда. Изменилось ли бы что-то, будь она другой? Если бы она была завсегдатаем вечеринок, они бы сказали, что она заливала свою боль алкоголем. Если бы она была отличницей, они бы сказали, что ее перфекционизм съел ее заживо. Когда умирают девушки, оправдания найдутся всегда.

И все же, как ни странно, Алекс успокаивало то, как отличалась бы ее история сейчас от той, которая могла бы произойти год назад. Она могла по пьяни умереть от гипотермии или вломиться в государственную школу. Передознуться, попробовав что-то новое, или зайти слишком далеко. Или просто исчезнуть. Лишиться защиты Лена и пропасть в длинной долине Сан-Фернандо, среди рядов домишек, похожих на лепные мавзолеи на своих крошечных участках.

Но, если бы прямо сейчас она могла избежать смерти, было бы неплохо. *Это вопрос принципа*, как сказал бы Дарлингтон. Поборовшись с библиотекой несколько часов, она нашла два абзаца о том, как бороться с глумами, один на английском, а другой на иврите, который потребовал переводного камня и оказался скорее не о глумах, а о големах. Но, поскольку в обоих источниках советовали использовать наручные или карманные часы, совет казался надежным.

Хорошо заведите свои часы. Размеренное тикание часов смущает любое созданное, а не рожденное существо. Они слышат сердцебиение в обыкновенном часовом механизме и станут искать тело там, где его нет.

Защитой это было не назвать, но придется удовольствоваться отвлекающим маневром.

Дарлингтон носил часы с широким черным кожаным ремешком и перламутровым циферблатом. Алекс всегда считала, что он либо получил их в наследство, либо это был какой-то его каприз. Но, возможно, он носил их и по другой причине.

Алекс вошла в оружейную, где хранился горн Хирама; давно не использовавшаяся Золотая Чаша казалась почти скорбющей. Она нашла карманные часы в ящике, спутавшимися с коллекцией маятников для гипноза, завела их и сунула себе в карман. Но ей пришлось открыть немало ящиков, прежде чем она нашла завернутую в вату пудреницу с зеркалом, которую искала. Карточка в ящике объясняла происхождение зеркала: стекло было изготовлено в Китае, потом вставлено в пудреницу членами «Манускрипта» для до сих пор засекреченной операции времен Холодной войны, проводившейся ЦРУ. Как она перебралась с Лэнгли в особняк Леты на Оранж, карточка не поясняла. Зеркало было запачкано, и Алексдохнула на него и начисто протерла своим свитером.

Вопреки случившемуся на выходных, она просидела на испанском без обычных туманностей и паники, провела два часа в Стерлинге, пробираясь через остаток заданного чтения к ее шекспировским занятиям, а потом пообедала, как обычно, съев две порции. Она чувствовала себя бодрой, сфокусированной, как под белладонной, но без страшного мандража. Подумать только, все благодаря покушению на ее жизнь и путешествию на границу ада. Знала бы она раньше.

В то утро Норс отирался во дворе Вандербильта, и она пробормотала, что освободится только после обеда. Разумеется, когда она вышла из столовой, он ее уже ждал, и они вместе пошли по Колледж на Проспект. Они почти дошли до катка Ингаллс, когда она осознала, что не видела ни одного Серого – нет, это было не совсем правдой. Она видела их за колоннами, скрывающимися в переулках. *«Они его боятся»,* – поняла она. Она вспомнила, как он стоял в реке и улыбался. *«Существуют вещи похуже смерти, мисс Стерн.*

Срезавшей путь к Мэнсфилду Алекс приходилось постоянно сверяться с телефоном. Она до сих пор не могла удержать в памяти карту Нью-Хейвена. Она знала главные артерии йельского кампуса, пути, по которым каждую неделю шла на лекции, но все остальное казалось ей неопределенным и бесформенным. Она направлялась в квартал, по которому когда-то ездила с Дарлингтоном на его выдавшем виды мерседесе. Он показал ей старую фабрику «Winchester Repeating Arms», частично превращенную в модные лофты, линия шла прямо сквозь здание, где краска уступала место голому кирпичу – тот самый момент, когда у застройщика кончились деньги. Он указал ей на жалкую решетку Парка Науки – попытка Йеля привлечь инвестиции для развития медицинских технологий в девяностые.

«Похоже, это не сработало», – сказала тогда Алекс, отметив заколоченные окна и пустую парковку.

«По словам моего деда, этот город был обречен с самого начала», – Дарлингтон нажал на газ, словно Алекс стала свидетельницей позорной семейной перебранки за столом в День благодарения. Они проехали дешевые таунхаусы и многоквартирные дома, где в дни Винчестера жили рабочие, потом, дальше по склону холма Сайенс, дома, когда-то принадлежавшие бригадирам компании. Их дома были выстроены не из дерева, а из кирпича, лужайки были шире и разделены живыми изгородями. Еще дальше, выше по холму, добротные дома уступали место изящным особнякам, и наконец, словно развеивались чары, показался внушительный, лесистый, просторный Ботанический сад Марша.

Но сегодня Алекс подниматься на холм не собиралась. Она держалась на мелководье, среди ветхих таунхаусов, голых дворов, магазинов спиртных напитков по углам. Детектив Тер-

нер говорил, что Тара жила на Вудланд, и, даже если бы у ее двери не дежурили полицейские в форме, Алекс без труда нашла бы жилище погибшей девушки.

На другой стороне к ограде своего двора прислонилась женщина, свесив руки через дыры в сетке, словно застыв в снятом в замедленной съемке нырке, глядя на уродливое многоквартирное здание так, словно оно вот-вот может заговорить. На тротуаре стояли, беседуя, два парня в спортивных костюмах, развернувшись к поросшей кустарником лужайке перед домом Тары, но держась на благоразумном расстоянии. Алекс их не осуждала. Неприятностям свойственно быть заразными.

«Большинство городов представляют собой палимпсесты», – как-то сказал ей Дарлингтон.

Когда она стала искать, что значит это слово, то сумела написать его правильно только с третьего раза. «Они перестраиваются снова и снова, пока ты не забываешь, что где было. Но у Нью-Хейвена свои шрамы. Широкие шоссе, ведущие не туда, безжизненные бизнес-парки, аллеи, простирающиеся в пустоту, не считая линий электропередач. Никто не осознает, сколько жизни между этими ранами, как много она может предложить. Это город, возведенный так, что тебе хочется уехать прочь».

Тара жила на краю одного из таких шрамов.

Алекс не надела свой бушлат, не собрала волосы. Здесь ей было просто слиться с людьми, и она не хотела привлекать внимание.

Она шла медленно, а потом остановилась поодаль, как будто кого-то ждала, посмотрела на свой телефон, перевела взгляд на Норса, задержавшись глазами достаточно долго, чтобы заметить досаду на его лице.

– Расслабься, – пробормотала она. *Я не обязана перед тобой отчитываться, приятель. По крайней мере, так мне кажется.*

Наконец из дома Тары вышел незнакомый мужчина. Он был высоким, худым и был одет в куртку «Patriots» и светлые джинсы. Он кивком поздоровался с полицейским, надел наушники и пошел вниз по кирпичным ступеням. Алекс завернула за угол вслед за ним. Когда они оказались вне поля зрения, она хлопнула его по плечу. Он повернулся, и она вскинула зеркальце в своей руке. Оно отбросило ему на лицо солнечный зайчик, и он поднял ладонь, чтобы защититься от солнца и шагнул назад.

– Какого хрена?

Алекс захлопнула зеркальце.

– Ой, божечки, извините, – сказала она. – Я думала, вы Том Брейди.

Парень окинул ее сердитым взглядом и зашагал прочь.

Алекс побежала назад к многоквартирному дому. Подойдя к полицейскому у входа, она показала ему зеркало, как жетон. Свет упал ему на лицо.

– Уже вернулся? – спросил коп, не видя ничего, кроме запечатленного изображения парня в куртке «Patriots». Может, у «Манускрипта» и худшая гробница, зато лучшие трюки.

– Забыл бумажник, – сказала Алекс как можно более хриплым голосом.

Коп кивнул, и она исчезла за входной дверью.

Алекс убрала зеркало в карман и быстро пошла по коридору. Квартиру Тары она нашла на втором этаже. Дверь была заклеена полицейской лентой.

Алекс думала, что ей, возможно, придется вскрыть замок – этому она научилась, когда ее мама решила проявить строгость и перестала пускать ее в квартиру. В том, чтобы вламываться в собственный дом, проскальзывать туда, как будто она сама призрак, стоять в месте, которое могло бы принадлежать кому угодно, было что-то жуткое. Но замок на двери Тары отсутствовал вообще. Похоже, его выпилили копы.

Алекс подтолкнула дверь и, нагнувшись, прошла под лентой. Было очевидно, что после того, как квартиру Тары обыскала полиция, никто не возвращался сюда, чтобы прибраться.

Да и кто бы мог это сделать? Один из ее обитателей был задержан, другая лежала мертвой на столе в морге.

Ящики шкафов были выдвинуты, подушки сняты с диванов, некоторые из них разрезаны полицией в поисках контрабанды. На полу лежал мусор: постер, вырванный из рамки, брошенная клюшка для гольфа, кисточки для макияжа. Но, несмотря на все это, Алекс видела, что Тара старалась украсить свое жилище. На стенах висели лоскутные одеяла, пурпурные и синие. *Умиротворяющие цвета*, сказала бы мама Алекс. *Океанические*. Над окном над коллекцией суккулентов висел ловец снов. Алекс подняла один из горшочков, прикоснулась к толстым, вошечным листьям растения. Когда-то она купила почти такое же на фермерском рынке. Они почти не требовали ухода и воды. Маленькие воины. Она знала, что ее растение, скорее всего, выбросили или изъяли в качестве улики, но ей нравилось думать, что оно по-прежнему стоит на подоконнике в Граунд-Зиро, собирая солнце.

Алекс прошла по узкому коридору в спальню. Она была в таком же беспорядке. У кровати лежала куча подушек и мягких игрушек. Заднюю стенку комода разобрали. В окне смутно виднелась острая башня старого особняка Марша. Он принадлежал школе лесоводства, его длинный, покатым задний двор был полон теплиц – и все это всего в нескольких минутах пешком от дома Тары. *Девочка, что ты вытворяла?*

Норс остановился и маячил в коридоре рядом с ванной. Что-то с *миазмами*, сказал он ей.

Ванная была длинной и тесной, между раковиной и выдавшей виды кабинки с душем почти не оставалось места. Алекс осмотрела предметы на раковине, в мусорной корзине. Зубная щетка или использованные салфетки не подойдут. Нортон говорил, что вещь должна быть личной. Алекс открыла шкафчик для лекарств. Внутри почти ничего не осталось, но на верхней полке лежала синяя пластиковая коробочка. Наклейка на крышке гласила: *Измени свою улыбку, измени свой мир*.

Алекс ее открыла. Фиксатор Тары. Норс скептически посмотрел на нее.

– Ты хоть знаешь, что это? – спросила Алекс. – Ты знаешь, что смотришь на чудо современной ортодонтии? – Он скрестил руки на груди. – Я так и думала.

Норса отделяло от понимания полтора века, но и большинство ребят с кампуса, скорее всего, не задумались бы об этом. Фиксатор покупали таким детишкам родители, они понятия не имели, сколько он стоит, теряли его во время школьных поездок или забывали в ящике стола. Но для Тары это было важно. Она наверняка копила на него много месяцев, носила каждую ночь и заботилась о том, чтобы его не потерять. *Измени свою улыбку, измени свою жизнь*.

Алекс оторвала кусочек туалетной бумаги и достала фиксатор из коробочки.

– Он был для нее важен. Поверь мне.

И, если им повезет, на нем еще остались неплохие миазмы.

Алекс заткнула раковину и наполнила ее. Считается ли это водоемом? Она на это надеялась.

Она бросила фиксатор в воду. Не успел он пойти на дно, как она увидела, что рядом со сливом показалась бледная рука, словно расцветшая из надтреснутой раковины. Как только пальцы сомкнулись, и рука, и фиксатор исчезли. Когда она подняла взгляд, Норс держал его в мокрой ладони, скривившись от отвращения.

Алекс пожала плечами.

– Ты хотел миазмов.

Она надавила на затычку, бросила салфетку в корзину и повернулась, чтобы уйти.

На пороге стоял огромный мужчина. Его затылок почти задевал косяк, плечи перекрывали дверной проем. На нем был серый комбинезон механика с расстегнутым, висящим верхом. Под белой футболкой виднелись татуированные мускулистые руки.

– Я... – начала Алекс. Но он уже метнулся к ней.

Он врезался в нее, отбросил ее к стене. Она ударилась головой о подоконник, и он схватил ее за горло. Она вцепилась ему в руки.

Глаза Норса почернели. Он бросился на нападающего, но прошел прямо сквозь него.

Это был не глума. Не призрак. Не что-то с той стороны Покрова. Он был из плоти и крови и пытался ее убить. Теперь Норс не мог ей помочь.

Алекс ударила ладонью ему в горло. У него перехватило дыхание, и его хватка ослабла. Она засадила ему коленом между ног. Не меткий удар, но близко. Он согнулся вдвое.

Алекс протиснулась мимо него, сорвав с колец штормку для душа и споткнувшись на ней. Она выскочила в коридор, нагоняемая Норсом, и уже тянулась к двери, когда механик внезапно оказался перед ней. Он не открывал дверь – он просто появился сквозь нее – прямо как Серый. Магия порталов? На мимолетную секунду Алекс увидела за его спиной двор, а потом он бросился к ней.

Она попятилась в захлавленную гостиную, обвив себя рукой вокруг талии и пытаясь подумать. У нее шла кровь, и ей было больно дышать. Он сломал ей ребра. Она не знала, сколько. Она чувствовала, как что-то теплое и мокрое стекает по ее шее сзади там, где она ударилась головой. Сможет ли она добраться до кухни? Схватить нож?

– Кто ты такая? – прорычал механик. Его голос был низким и хриплым, возможно, из-за того, что Алекс ударила его в трахею. – Кто убил Тару?

– Ее мудила-бойфренд, – выплюнула Алекс.

Он зарычал и кинулся на нее.

Алекс отскочила налево к камину, едва разминувшись с ним, но он по-прежнему загорался ей дверь, пружиня на пятках, как будто это был боксерский матч.

Он улыбнулся.

– Бежать некуда, сука.

Не успела она проскользнуть мимо него, как он снова схватил ее за горло. В глазах у нее появились черные пятна. Норс кричал, дико жестикулировал, он был бессилен, не мог ей помочь. Нет, не бессилен. Это неправильно. *Алекс,пусти меня.*

Никто не знал, кто она. Ни Норс. Ни это чудовище перед ней. Ни Доуз, ни Мерси, ни Сэндоу, никто из них.

Догадался об этом только Дарлингтон.

18

Прошлая осень

Дарлингтон знал, что Алекс неприятен этот звонок. И он едва ли мог ее винить. Сегодня был не четверг, когда проходили ритуалы, и не воскресенье, когда она должна была готовиться к работе на будущей неделе, и он знал, что она с трудом совмещает учебу с заданиями Леты. Он волновался о том, как инцидент в «Манускрипте» повлияет на ее работу, но она забыла о нем гораздо легче, чем он, и написала отчет, чтобы ему не пришлось заново переживать унижение, и снова начала жаловаться на требования Леты. Легкость, с которой она оставила позади ту ночь, обыденное прощение, которое она предложила, нервировали его и заставляли снова задуматься об унылом марше жизни, которой она жила раньше. Она даже без проблем прошла через второй обряд с «Аврелианом» – заявку на патент в уродливом, освещенном флюоресцентными лампами кампусе Пибоди – и первое предсказание в «Черепе и костях». Был один проблемный момент, когда она явственно позеленела и выглядела так, словно ее может вырвать прямо на Гаруспика. Но она справилась, и он едва ли мог винить ее за то, что она дрогнула. Сам он бывал уже на двенадцати предсказаниях, и они по-прежнему его потрясали.

– Это ненадолго, Стерн, – пообещал он ей, когда они вышли из II Bastone ночью во вторник. Из-за Розенфелда возникают проблемы с энергетической системой.

– Кто такой Розенфелд?

– Не кто, а что. Розенфелд-холл. Остальное тебе должно быть известно.

Она поправила лямку портфеля.

– Я не помню.

– «Святой Эльм», – подсказал он.

– А, ну да. Парень, которого било током.

Он бы поставил ей хорошую оценку. Святой Эразм предположительно пережил электрошок и утопление. В его честь называли Огни Святого Эльма и общество, резиденция которого когда-то располагалась в елизаветинских башнях Розенфелд-холла. Сейчас здание из красного кирпича сдавалось под офисы и вспомогательное хранилище и запиралось на ночь, но у Дарлингтона был ключ.

– Надень это, – сказал он, протягивая ей резиновые перчатки и резиновые галоши, похожие на те, что когда-то производились на фабрике его семьи.

Алекс повиновалась и вслед за ним вошла в фойе.

– Почему это не могло подождать до завтра?

– Потому что, когда Лета проигнорировала проблемы в Розенфелде в последний раз, электричество вырубил по всему кампусу, – словно подтверждая его слова, свет на верхних этажах замигал. Здание негромко загудело. – Все это есть в «Жизни Леты».

– Помнишь, ты говорил, что мы не заботимся о безземельных обществах? – спросила Алекс.

– Помню, – сказал Дарлингтон, хотя знал, что будет дальше.

– Я приняла твои слова близко к сердцу.

Дарлингтон вздохнул и открыл своим ключом еще одну дверь, которая вела в огромное складское помещение, забитое выдавшей виды мебелью из общежитий и брошенными матрасами.

– Это старая столовая «Святого Эльма», – он посветил фонариком на возвышающиеся готические арки и искусные каменные детали. – В шестидесятые, когда общество обеднело,

университет выкупил у них здание и пообещал, что продолжит сдавать подземные комнаты «Святому Эльму» для проведения ритуалов. Но вместо того, чтобы заключить полноценный договор, разработанный «Аврелианом», чтобы зафиксировать эти условия, стороны предпочли джентльменское соглашение.

– И джентльмены передумали?

– Они умерли, и их место заняли менее благодушные люди. Йель отказался продлевать аренду, и «Святой Эльм» оказался в жалком домишке на Линвуд.

– Дом там, где сердце, сноб.

– Именно так, Стерн. И сердце «Святого Эльма» было здесь, в их изначальной гробнице. После потери этого места они были разорены и практически лишились своей магии. Помогите мне сдвинуть вот это.

Они отодвинули с дороги два старых остова кроватей, за которыми скрывалась еще одна запертая дверь. Общество было известно магией погоды, *atrium tempestate*, которую они использовали для всего, от манипулирования сырьевыми ресурсами до влияния на исход решающих бросков на футбольном поле. С момента переезда на Линвуд им не удавалось вызвать даже легкий бриз. Все дома обществ были возведены над нексусами магической силы. Никто не знал, что эти нексусы создало, но по этой причине просто построить новые гробницы было невозможно. В мире существуют места, которые магия избегает, например, унылые лунные поверхности «Национального Молла» в Вашингтоне, округ Колумбия, и места, куда ее влечет, например, Рокфеллеровский центр на Манхэттене и Французский квартал в Новом Орлеане. В Нью-Хейвене было чрезвычайно много мест, где собиралась и нарастала магия, как сладкая вата на палочке.

Лестница, по которой они спускались, шла вниз через три подземных этажа, и с каждым их шагом гудение становилось все громче. На нижних этажах смотреть было особо не на что: там были чучела животных, списанных из нью-хейвенского зоопарка – приобретенные шутки ради Дж. П. Морганом в его дикие деньки; старые электрические проводники с заостренными металлическими шпильками, прямо как из классических фильмов о чудовищах; пустые чаны и надтреснутые стеклянные резервуары.

– Аквариумы? – спросила Алекс.

– Заварочные чайники для бурь.

В них студенты из «Святого Эльма» готовили погоду. Снежные бури, поднимающие цены на коммунальные услуги, засухи, сжигающие урожаи, ветра, способные потопить линейный корабль.

Здесь гудение было громче – это был неустанный электрический вой, поднимающий волосы у Дарлингтона на руках и отдающийся от его зубов.

– Что это такое? – спросила Алекс, перекидывая шум и прижимая ладони к ушам. Дарлингтон по опыту знал, что это не поможет. Гудение было в полу, в воздухе. Если остаться здесь надолго, начнешь сходить с ума.

– «Святой Эльм» годами вызывал здесь шторма. По какой-то причине погоде нравится возвращаться.

– И, когда она возвращается, вызывают нас?

Он повел ее назад к старому электрическому щиту. Он давно не использовался, но по большей части не был пыльным. Дарлингтон достал из сумки серебряный флюгер.

– Дай руку, – сказал он и вложил его в ладонь Алекс. – Подыши на него.

Алекс недоверчиво посмотрела на него, затемдохнула на тонкие серебряные крылья. Флюгер вскочил, как лунатик из мультфильма.

– Еще раз, – велел он.

Флюгер медленно вращался, ловя ветер, потом начал жужжать в руке Алекс, словно в бурю. Она слегка отстранилась. В свете фонарика волосы поднялись у нее над головой – из-

за ореола ветра и электричества казалось, будто над ее лицом извиваются темные змеи. Он вспомнил ее облаченной в ночь на вечеринке «Манускрипта», и ему пришлось дважды моргнуть, чтобы прогнать это воспоминание. Оно уже не впервые к нему возвращалось и всегда оставляло после себя тревогу. Он не знал, то ли он не мог пережить стыд той ночи, то ли действительно увидел тогда что-то настоящее, что-то, от чего ему следовало бы отвести взгляд.

– Вращай флюгер, – велел он. – Потом нажми на выключатели, – он быстро переключил их все. – И всегда надевай перчатки.

Его палец опустил последний выключатель, и гудение превратилось в резкий визг, который терзал его череп, пронзительный, обозленный вопль ребенка, который не желает ложиться спать. Алекс скривилась. Из носа у нее потекла кровь. Он знал, что у него тоже течет кровь, потому что ощущал влагу на своей губе. Затем – трах! – и помещение залило ярким светом. Флюгер взлетел и со звоном ударился о стену, все здание словно бы вздохнуло, и гудение исчезло.

Алекс содрогнулась от облегчения, и Дарлингтон протянул ей чистый платок, чтобы она вытерла нос.

– И мы должны делать это всякий раз, когда шалит погода? – спросила она.

Дарлингтон промокнул себе нос.

– Пару раз в год. Иногда реже. Энергии надо куда-то деваться, и, если мы не зададим ей направление, то вызовем скачок напряжения.

Алекс подняла покореженный флюгер. Края его серебряных стрелок слегка расплавились, а столбик погнулся.

– А с этим что?

– Мы положим его в горн с флюсом. Он должен восстановиться за сорок восемь часов.

– И все? Это все, что от нас требуется?

– И все. Лета установила датчики на всех нижних уровнях Розенфелда. Если погода вернется, Доуз получит уведомление. Всегда бери с собой флюгер. Всегда носи перчатки и галоши. Здесь нет ничего страшного. А теперь ты можешь вернуться к... К чему ты возвращаешься?

– К «Королеве фей».

Дарлингтон закатил глаза и повел их к двери.

– Мои соболезнования. Спенсер – ужасный зануда. Какова тема твоей работы?

Он слушал вполуха. Он хотел, чтобы Алекс не теряла спокойствия. Он хотел оставаться спокойным сам. Потому что в тишине, воцарившейся после гудения погоды, он слышал какое-то дыхание.

Он повел Алекс по рядам пыльного стекла и сломанного оборудования, внимательно прислушиваясь.

Он смутно слышал, как Алекс говорит о королеве Елизаветте и о том, что парень с ее занятий не меньше пятнадцати минут рассказывал о том, что все великие поэты – левши.

– Это явно неверно, – сказал Дарлингтон. Дыхание было глубоким и ровным, как у отдыхающего зверя, таким размеренным, что его можно было принять за очередной звук в вентиляционной системе здания.

– Вот и помощник преподавателя так сказал, но, по ходу, этот парень сам левша, так что он принялся рассуждать о том, что раньше левшей заставляли писать правой рукой.

– В леворукости видели признак дьявольского влияния. Дурная рука и так далее.

– Это правда?

– Что правда?

– Что это признак дьявольского влияния.

– Конечно, нет. Демоны одинаково свободно владеют обеими руками.

– А мы вообще должны бороться с демонами?

– Конечно, нет. Демоны содержатся в каком-то аду за Покровом, а те, которые способны за него проникнуть, запросят гораздо больше нашей зарплаты.

– Какой зарплаты?

– Вот именно.

Там, в углу, темнота казалась темнее, чем следовало, – это была тень, но не тень. Портал. В подвале Розенфелд-холла. Где ему совершенно не место.

Дарлингтон почувствовал облегчение. То, что он принял за дыхание, должно быть, было сквозняком из портала, и, хотя его присутствие здесь было загадкой, он мог ее разгадать. Очевидно, кто-то приходил в подвал, пытаясь захватить силу старого нексуса «Святого Эльма» для какой-то магии. Первым подозреваемым был «Свиток и ключ». Они отменили свой последний обряд, и, судя по их предыдущей попытке открыть портал в Венгрию, магия в их собственной гробнице шла на убыль. Но он не собирался бросаться бездоказательными обвинениями. Он наложит на портал сдерживающее и охранное заклинание, чтобы сделать его непригодным к использованию, а потом им придется вернуться в Il Bastone за инструментами, которые понадобятся ему, чтобы закрыть его окончательно. Алекс это не понравится.

– Ну не знаю, – говорила она. – Может, они пытались переучить всех этих дьявольских левшей, потому что они разводят жуткую грязь. Я всегда знала, когда Хелли писала в дневнике, потому что тогда у нее все запястье было в чернилах.

Он полагал, что сможет закрыть портал самостоятельно. Отпустить ее, чтобы она написала нудное сочинение по нудному Спенсеру. «Способы путешествий и виды грехов в «Королеве фей».

– Кто такая Хелли? – спросил он. Но в тот же момент имя всплыло у него в памяти. Хелен Уотсон. Девушка, погибшая от передозировки, рядом с которой нашли Алекс. Что-то в нем замигало, как импульсная лампа. Он вспомнил ужасный кровавый узор, снова и снова повторявшийся на стенах той жалкой квартирки, словно узор какие-то чудовищных обоев. Замах левши.

Но ведь Хелен Уотсон умерла раньше, разве не так? На ее совести крови не было. *Ни одна* из девушек не была вероятной подозреваемой. Обе они были не в себе и слишком маленькими, чтобы нанести такой урон, и Алекс не левша.

Но Хелен Уотсон была левшой.

Хелли.

Алекс смотрела на него в темноте. У нее был настороженный вид человека, который знал, что сказал слишком много. Дарлингтон знал, что должен притвориться, что не встревожен. *Веди себя естественно.* Да, веди себя естественно. Стоя в раскаленном от магии шторма подвале у портала, ведущего Бог знает куда, рядом с девушкой, которая может видеть призраков. Нет, не просто видеть.

Возможно, она способна их впускать.

Веди себя естественно. Вместо этого он продолжал стоять совершенно неподвижно, глядя в черные глаза Алекс и лихорадочно вспоминая все, что ему известно об одержимости Серыми. Лета следила и за другими людьми, которые якобы могли видеть призраков. Многие из них лишились рассудка или перестали быть «приемлемыми» кандидатами. Он слышал истории о том, как люди сходили с ума и разносили больничные палаты или нападали на своих опекунов с неслыханной силой – с силой, которой, должно быть, потребовало нападение с битой на пятерых взрослых мужчин. После этих нервных срывов люди всегда впадали в кататоническое состояние, и их было невозможно допросить. Но ведь Алекс – не обычная девушка?

Дарлингтон взглянул на нее. Ундина с блестящими черными волосами, с пробором, похожим на голый позвоночник, с пожирающими глазами.

– Ты их убила, – сказал он. – Убила их всех. Леонарда Бикона. Митчелла Беттса. Хелен Уотсон. *Хелли.*

Молчание затянулось. Темное сияние ее глаз, казалось, стало жестче. Разве не мечтал он о магии, о двери в другой мир, о волшебной девушке? Но феи никогда не были добрыми. *«Пошли меня куда подальше, – подумал он. – Открой свой вульгарный рот и скажи мне, что я ошибаюсь. Пошли меня в ад».*

Но она сказала только:

– Не Хелли.

Дарлингтон слышал шум ветра, задувающего через портал, обыденное постанывание здания у них над головами, и далекое завывание сирены.

Он знал. С первого взгляда он знал, что с ней что-то не так, но даже не догадывался, насколько. *Убийца.*

Но, в конечном счете, кого она убила? Среди них не было ни одного достойного человека. Возможно, ей пришлось это сделать. В любом случае, совет Леты понятия не имеет, с кем связался, *что* привел в свою паству.

– Что ты собираешься делать? – спросила Алекс. Эти жестокие черные глаза как речные камни. Ни угрызений совести, ни оправданий. Ее заботило только выживание.

– Я не знаю, – сказал Дарлингтон, но оба они знали, что это ложь. Ему придется рассказать декану Сэндоу. Это неизбежно. *Спроси ее, почему. Нет, спроси ее, как.* Его должен был больше интересовать ее мотив, но Дарлингтон знал, что его будет терзать вопрос *как*, и, скорее всего, тем же вопросом будет задаваться совет. Но они никак не смогут оставить ее в Лете. Если что-то произойдет, если Алекс снова кому-то навредит, то в ответе за это окажутся они.

– Посмотрим, – сказал он и повернулся к темной тени в углу. Ему не хотелось больше на нее смотреть, не хотелось видеть страх на ее лице, понимание, что она вот-вот все потеряет.

Но справилась ли бы она, если бы не это? Холодная его часть подсказывала ему, что у нее никогда не было качеств, необходимых, чтобы быть Летой. Чтобы быть Йелем. Эта девушка с Запада, из мира легкого солнечного света, фанеры и пластмассы.

– Кто-то побывал здесь до нас, – сказал он, потому что ему было проще говорить о предстоящей им работе, чем о том, что она убийца. Леонард Бикон был избит до неузнаваемости. Внутренности Митчелла Беттса почти превратились в жидкость, были утрамбованы в мякоть. У двух мужчин в задних комнатах были дыры в груди: им воткнули кол в сердце. От биты остались такие крошечные щепки, что снять с нее отпечатки было невозможно. Алекс была чиста. На ней не было ни капли крови. Криминалисты проверили даже канализацию.

Дарлингтон показал на темное пятно в углу.

– Кто-то открыл портал.

– Окей, – сказала она. Осторожно, неуверенно. Дух товарищества и непринужденность, установившиеся между ними за последние месяцы, исчезли, как преходящая погода.

– Я защищу его, – сказал он. – Мы вернемся в Il Bastone и все обсудим.

Он задавался вопросом, говорит ли он всерьез? Или он имеет в виду: *Я выясню все, что смогу, прежде чем тебя сдать, и ты затихнешь.* Сегодня она по-прежнему будет пытаться торговаться – обменять информацию на его молчание. Она была его Данте. Это должно иметь значение. *Она убийца. И лгунья.*

– Я не могу скрывать нечто подобное от Сэндоу.

– Окей, – снова сказала она.

Дарлингтон достал из кармана два магнита и начертил перед порталом четкий знак охраны. Подобные проемы открывал исключительно «Свиток и ключ», но зачем Замочникам рисковать и пытаться открыть портал вне своей гробницы? Тем не менее, закрыть его он намеревался с помощью их собственной магии.

– *Alsamt*, – начал он. – *Mukhal...* – но, не успел он закончить, как из него вышибло дух.

Что-то овладело им, и Дарлингтон понял, что совершил ужасную ошибку. Это не портал. Вовсе не портал.

В это последнее мгновение он осознал, сколь мало связывает его с миром. Что могло удержать его здесь? Кто знал его настолько хорошо, чтобы владеть его сердцем? Все эти книги, и музыка, и искусство, и история, молчаливые камни «Черного вяза», улицы этого города. *Этот город*. Ничто из этого его не вспомнит.

Он попытался заговорить. Предостережение? Последний вздох всезнайки? *Здесь лежит мальчик со всеми ответами*. Только вот могилы у него не будет.

Дэнни смотрел на старое юное лицо Алекс, в темные колодцы ее глаз, на губы, которые оставались раскрытыми, но так и не заговорили. Она не шагнула вперед. Не сказала защитное заклинание.

Как он всегда подозревал, для него все закончилось в одиночестве и темноте.

19

Прошрое лето

Алекс не знала, почему в ту ночь все пошло не так в Граунд-Зиро. Все началось слишком давно. Лен пытался получить повышение, убедить Итана позволить ему занять положение повыше. Благодаря траве они оплачивали счета, но детки из частных школ в Бакли и Оаквуде хотели аддералла, эстази, окси, кетамина, а Итан попросту не доверял Лену ничего, кроме грошовых пакетиков травы, сколько бы тот к нему не подлизывался.

Лен обожал плакаться на Итана, называл его жирным жидовским ублюдком, и Алекс внутренне сжималась, вспоминая, как ее бабушка зажигала молитвенные свечи в Шаббат. Но у Итана Шафира было все, чего хотел Лен: деньги, машины, кажущаяся бесконечной очередь из начинающих моделей. Он жил в мега-особняке в Энсино с панорамным бассейном, выходящим на шоссе 405 и окруженным крепкими парнями с мускулами. Проблема была в том, что у Лена не было ничего из того, чего хотел Лен, – пока в город не приехал Ариэль.

«Ариэль, – сказала тогда Хелли. – Это ангельское имя».

Ариэль приходился Итану то ли кузеном, то ли братом, то ли еще кем. Алекс так и не поняла. У него были широко расставленные глаза с тяжелыми веками, красивое лицо, обрамленное идеально выстриженной щетиной. Он начал нервировать Алекс с первого взгляда. Он был слишком неподвижен, как охотящийся зверь, и она ощущала, что в нем затаилось насилие. Она видела это по тому, как лебезил перед ним Итан, как поднимался градус вечеринок в доме в Энсино, как отчаянно хозяин пытался его впечатлить, развлечь, как будто, заскучав, Ариэль может сделать что-то очень опасное.

Алекс ощущала, что Ариэль или какая-то его версия всегда был там, что беспорядочный часовой механизм мужчин вроде Итана и Лена не мог функционировать без того, чтобы над всем этим не нависал кто-то вроде Ариэля, откинувшись в кресле и медленно моргая, будто ведя обратный отсчет.

Ариэль кайфовал от Лена. Лен его смешил, хотя, когда Ариэль смеялся, он словно бы не улыбался. Он любил подзывать Лена к своему столу, похлопывал его по спине, заставлял его фристайлить.

– Это наш путь вверх, – сказал Лен в день, когда Ариэль появился в Граунд-Зиро.

Алекс не понимала, как Лен может не замечать, что Ариэль над ним смеется, что его забавляет их бедность, заводит их нужда. Воин внутри нее понимал, что существуют мужчины, которым нравится видеть, как пресмыкаются другие, нравится давить, чтобы увидеть, на какие унижения их толкнет нужда. Дома у Итана от одной девушки к другой передавался слух: *Не оставайся с Ариэлем наедине. Он не просто любит пожесточе, он любит, чтобы было ужасно.*

Алекс пыталась открыть Лену глаза на опасность. «Не играй с этим парнем, – говорила ему она. – Он не такой, как мы».

«Но мы ему нравимся».

«Ему просто нравится играть со своей едой».

«Он убеждает Итана меня повесить, – сказал Лен, стоя у отколотой желтой стойки в Граунд-Зиро. – Почему тебе вечно нужно обосрать все хорошее, что со мной происходит?»

«Твою мать, это помойный фентанил. Он дает его тебе, потому что больше никому он не нужен».

Итан не связывался с фентанилом, если точно не знал, откуда он взялся. Он предпочитал держаться подальше от радаров правоохранительных органов, а убийство клиентов обычно

привлекает внимание. Кто-то вернул ему долг порошком, который должен был быть героином, смешанным с фентанилом, но прошел через слишком много рук, чтобы считаться чистым.

«Не испорти мне все, Алекс, – сказал Лен. – Позаботься, чтобы эта дыра выглядела прилично».

«Только сбегаю за своей волшебной палочкой».

И тогда он залепил ей пощечину, но не сильную. Просто чтобы показать, что он не шутит.

«Эй!», – возмутилась Хелли. Алекс никогда толком не понимала, что хочет сказать Хелли своим «Эй!», но все равно испытывала благодарность.

«Расслабься, – сказал Лен. – Ариэль хочет потусить с реальными людьми, а не с этими пластиковыми мудаками, с которыми водится Итан. Мы возьмем у Деймона колонки. Все здесь почистим». – Он посмотрел сначала на Хелли, потом на Алекс: «Попытайтесь выглядеть хорошо. И чтобы сегодня никаких выкрутасов».

«Пошли», – сказала Алекс, как только Лен уехал из квартиры с раскуривающимся Бетчой на пассажирском сиденье. В действительности Бетчу звали Митчелл, но Алекс не знала об этом, пока его не взяли за хранение, и им не пришлось наскрести на залог. Он тусил с Леном задолго до Алекс и всегда просто ошивался рядом – высокий, с мягким животом и постоянно усыпанным прыщами подбородком. Алекс и Хелли пошли к бетонному дну реки Лос-Анджелес, потом к автобусной остановке на Шерман Уэй, безо всякой мысли о том, куда они направляются. Они уже делали это раньше, даже клялись, что уходят навсегда, добирались до Санта-Моники, Пиера, Барстоу, а однажды даже до Вегаса, где в первый день они бродили по лобби отелей, во второй воровали четвертаки у пожилых леди, играющих в автоматы, пока не набралось достаточно на автобусные билеты до дома. По дороге назад в Лос-Анджелес в кондиционированном скором автобусе они заснули друг у друга на плече. Алекс приснился сад в Белладжيو, водяные колеса и запах труб, цветы, посаженные в странном порядке, словно это какая-то головоломка. Иногда Алекс и Хелли уходили на несколько часов, иногда на несколько дней, но всегда возвращались. Мир был слишком большим. Выбор был слишком большим, и каждое решение приводило к новым решениям. Надо было уметь жить, а ни одна из них этому так и не научилась.

«Лен говорит, что мы потеряем Граунд-Зиро, если с Ариэлем сорвется», – сказала Хелли, когда они сели в автобус. Сегодня у них не было великих планов. Не Вегас, просто поездка в Вест-Сайд.

«Это болтовня», – сказала Алекс.

«Он взбесится, что мы не прибрались».

Выглянув в грязное окно, Алекс сказала:

«Ты заметила, что Итан отослал свою девушку?»

«Что?»

«Когда Ариэль приехал в город. Он отослал Ингер. И не приглашал никого из обычных девушек. Только дешевок из Долины».

«Это ничего не значит, Алекс».

Обе они знали, зачем Ариэль приехал в Граунд-Зиро. Он хотел какое-то время потусить в трущобах, и Алекс с Хелли должны были участвовать в веселье.

«Так всегда кажется, пока не становится слишком поздно», – сказала Алекс.

Были и другие услуги. В первый раз это был парень из кино, по крайней мере, так говорил Лен, который должен был обеспечить им кучу сделок с Голливудом, но потом Алекс узнала, что он всего лишь помощник продюсера, только что закончивший киношколу. В итоге она весь вечер просидела у него на коленях, надеясь, что на этом все закончится, пока он не позвал ее в маленькую ванную и не положил их грязный коврик для ванны на плитку – до странности галантный жест, – чтобы она могла отсосать ему с большим удобством, пока он сидит на унитазе. *«Мне пятнадцать лет, – думала она, полоская рот и стирая с глаз макияж. – Как, по*

его мнению, выглядят пятнадцатилетние?» Может, другая Алекс ходила на пижамные вечеринки и целовалась с мальчиками на школьных дискотеках? Могла ли она забраться в зеркало над раковиной и проскользнуть в кожу этой девушки?

Но у нее все было в порядке. По-настоящему окей. До следующего утра, когда Лен без конца хлопал дверями шкафов и курил так, словно с каждой затяжкой хотел съесть сигарету, и Алекс не выдержала и спросила:

«В чем проблема?»

«Проблема? Моя девушка – шлюха».

Алекс столько раз слышала от Лена это слово, что уже почти не обращала на него внимания. Сука, шлюха, изредка пизда, когда он был особенно зол или строил из себя британского гангстера. Но он никогда не называл так ее. Это слово он адресовал другим девушкам.

«Ты сказал...»

«Ни хрена я не говорил».

«Ты сказал, чтобы я сделала его счастливым».

«А на шлюшьем языке это значит *отсоси ему?*»

У Алекс закружилась голова. Как он узнал? Неужели парень из кино просто вышел из ванной и об этом объявил? Даже если так, почему Лен злится? Она знала, что значит «сделай его счастливым». Алекс не ощущала ничего, кроме гнева, и он лучше любого наркотика выжигал из ее разума сомнения.

«А какого хрена ты от меня ожидал? – спросила она, удивляясь, как громко и уверенно звучит ее голос. – Что я станцую ему? Надую ему воздушные шарики в форме животных?»

Она схватила их блендер, в котором Лен делал свои протеиновые коктейли, разбила его о холодильник и на мгновение увидела в глазах Лена страх. Ей очень сильно захотелось продолжать его пугать. Лен назвал ее сумасшедшей и выскочил из квартиры. Он убежал *от нее*. Но, когда он ушел, адреналин разом покинул Алекс, и она почувствовала себя слабой и одинокой. Она не ощущала ни гнева, ни собственной правоты, только стыд и страх, что она каким-то образом все разрушила, разрушила себя, что Лен никогда не согласится принять ее назад. И куда ей идти в таком случае? Все, чего ей хотелось, – это чтобы он вернулся.

В конце концов она извинилась, умоляла, чтобы Лен ее простил, и они накурились, посильнее включили кондиционер и потрахались прямо рядом с ним. Воздух обдувал их прохладными порывами, заглушая их вздохи. Но, когда Лен назвал ее хорошей маленькой шлюшкой, она не почувствовала себя ни сексуальной, ни необузданной; она почувствовала себя ничтожеством. Она боялась, что заплачет, и боялась, что ему и это может понравиться. Она отвернулась к вентиляционному отверстию и ощутила, как ледяное дыхание кондиционера сдувает тонкие волоски с ее лица. Она зажмурилась и, пока Лен скакал на ней сзади, представляла себя обнаженным одиноким айсбергом, а мир – чистым, пустым и полным прощения.

Но Ариэль не был студентом киношколы в поисках острых ощущений. У него была репутация. Поговаривали, что он в Штатах только потому, что скрывается от израильской полиции после того, как избил двух девочек-подростков в Тель-Авиве, что он проводил собачьи бои, что ему нравилось выкручивать девушкам плечи в качестве прелюдии, как мальчику, отрывающему мухам крылья.

Лен будет в ярости, когда вернется домой и увидит, что квартира по-прежнему в беспорядке. И разозлится еще больше, когда они не вернутся в Граунд-Зиро к началу вечеринки. Но лучше пережить гнев Лена, чем внимание Ариэля.

Алекс понимала, что Лен ожидал от нее приступа ревности, когда привел Хелли домой с пляжа Венис в тот день. Он не мог предвидеть теплый смех Хелли, то, как она непринужденно обнимала Алекс, как доставала книгу в бумажной обложке с принадлежащей Алекс полки триллеров и старой научной фантастики и говорила: «Почитай мне». Благодаря Хелли ее жизнь стала терпимой. Алекс не собиралась идти по пути, который привел бы ее к Ариэлю, и не

собиралась допускать, чтобы это сделала Хелли: что-то подсказывало ей, что они не переживут эту встречу целыми и невредимыми. Их жизнь не была прекрасной. Это была не та жизнь, о которой кто-либо мечтает и к которой кто-либо стремится, но они справлялись.

Они проехали на автобусе через холм, по 101 шоссе до 405-го и Вествуд, потом прошли до самого Калифорнийского университета, вниз к кампусу и через сад скульптур. Они сели на ступени под симпатичными арками Ройс-холла и смотрели, как студенты играют во фрисби или лежат под солнцем и читают. *Отдых.* Эти золотые люди гонятся за отдыхом, потому что стольким могут заняться. Освоить профессию. Добиться цели. У Алекс не бывало дел. Никогда. Из-за этого ей казалось, будто она падает.

В плохие моменты она любила поговорить о Двухлетнем плане. Осенью они с Хелли поступят в муниципальный колледж или будут учиться онлайн. Они обе найдут работу в торговом центре и накопят на поддержанный автомобиль, чтобы не приходилось ездить везде на автобусе.

Обычно Хелли ей подыгрывала, но не сегодня. Она была упрямой, капризной, везде находила недостатки.

«Никто не даст нам столько смен в торговом центре, чтобы мы могли позволить себе машину и аренду».

«Тогда мы станем секретаршами или еще что-нибудь найдем».

Хелли со значением поглядела на руки Алекс.

«Слишком много тату».

Но не на Хелли. Когда она лежала на ступенях Ройса в джинсовых шортах, скрестив свои золотые ноги, она выглядела так, словно ей здесь самое место.

«Мне нравится, что ты действительно в это веришь. Это мило».

«Это возможно».

«Алекс, мы не можем потерять квартиру. Я какое-то время была бездомной после того, как мама меня вышвырнула. И не собираюсь становиться ею снова».

«Тебе и не придется. Лен просто болтает. А даже если и нет, мы что-нибудь придумаем».

«Если ты еще немного посидишь на солнце, то станешь похожа на *мексиканку*, – Хелли встала и отряхнула шорты. – Давай покурим и сходим в кино».

«Тогда нам не хватит на автобус обратно».

Хелли подмигнула.

«Мы что-нибудь придумаем».

Они нашли кинотеатр, старый «Фок», где Алекс иногда видела, как персонал устанавливает красные веревки для премьер. Алекс положила голову Хелли на плечо, ощущая сладкий запах кокоса от ее еще разгоряченной после солнца кожи, чувствуя, как время от времени ее лоб задевают светлые шелковистые волосы.

В конце концов она задремала, и, когда свет в зале снова включили, Хелли рядом не было. Алекс вышла в лобби, потом в туалет, потом написала Хелли и только после второго сообщения наконец получила ответ: *Все окей. Я кое-что придумала.*

Хелли вернулась на вечеринку. Вернулась к Лену и Ариэлю. Она позаботилась о том, чтобы Алекс не успела ей помешать. У Алекс не осталось денег и способа добраться до дома. Она попыталась поймать попутку, но никто не хотел подсаживать к себе девушку со струящимися по лицу слезами, одетую в грязную футболку и обрезанные черные джинсовые шорты. Она ходила взад и вперед по бульвару Вествуд, не зная, что делать, пока наконец не продала остатки своей травы рыжему парню с дредами и тощей собакой.

Когда она вернулась в квартиру, ноги у нее были в крови от волдырей, набухших и лопнувших под ее кедами от «Converse».

Вечеринка в Граунд-Зиро была в самом разгаре, на улицу долетали биты и щебетание музыки.

Она прокралась внутрь, но не увидела в гостиной ни Хелли, ни Ариэля. Она постояла в очереди в ванную, надеясь, что никто не доложит Лену о ее появлении или что он слишком пьян, чтобы обратить на нее внимание, помыла ноги в ванне, после чего пошла в дальнюю спальню и легла на матрас. Она снова написала Хелли.

Ты здесь? Я в спальне.

Хелли, пожалуйста.

Пожалуйста.

Она уснула, но проснулась от того, что Хелли легла рядом с ней. В тусклом свете уличного сенсорного фонаря из переулка она казалась совершенно желтой. Глаза у нее были огромными и остекленевшими.

«Ты в порядке? – спросила Алекс. – Плохо было?»

«Нет, – сказала Хелли, но Алекс не знала, на какой вопрос Хелли отвечает. – Нет-нет-нет-нет-нет».

Хелли обняла Алекс и привлекла ее к себе. У той были мокрые волосы. Она приняла душ. Она пахла мылом «Dial», обычный сладкий кокосовый запах Хелли исчез.

«Нет-нет-нет-нет-нет-нет», – продолжала повторять она. Она хихикала, ее тело дрожало, словно она старалась не смеяться слишком громко, но ее руки сжимали спину Алекс, пальцы цеплялись за нее так, словно ее уносило в море.

Через несколько часов Алекс снова проснулась. Она чувствовала себя так, будто не спала всю ночь или все утро, а только урывками дремала и то и дело просыпалась. Было три часа ночи, и вечеринка то ли закончилась, то ли переместилась куда-то. В квартире было тихо. Хелли лежала на боку, глядя на нее. Ее глаза по-прежнему казались дикими. Ночью ее вырвало на футболку.

Алекс наморщила нос от вони.

«Доброе утро, Вонючка Хелли», – сказала она. Хелли улыбнулась, и в ее улыбке было столько доброты и печали. «Давай свалим отсюда к чертям, – сказала Алекс. – Навсегда. Хватит с нас этого места».

Хелли кивнула.

«Сними эту футболку. Ты пахнешь, как горячий обед», – сказала Алекс и потянулась к подолу. Ее рука прошла прямо сквозь него, прямо сквозь место, где должна была быть упругая кожа живота Хелли.

Хелли моргнула. Ее глаза были невыносимо печальными.

Она продолжала лежать и пристально смотреть на Алекс, и Алекс поняла, что Хелли изучает ее в последний раз.

Хелли больше не было. Но она была. Ее холодное, неподвижное тело лежало на матрасе на спине в футе от Алекс. Футболка была забрызгана рвотой, кожа посинела. Как долго ее призрак лежал рядом с Алекс, дожидаясь, пока она проснется? В комнате были две Хелли. В комнате не было Хелли.

«Хелли. Хелли. Хелен, – Алекс в слезах наклонилась над ее телом, ища пульс. Что-то внутри нее сломалось. – Вернись», – всхлипывала она, пытаясь дотянуться до призрака Хелли, но ее руки снова и снова проходили сквозь нее. С каждой попыткой она мельком видела яркий осколок жизни Хелли. Солнечный дом ее родителей в Карпинтерии. Ее мозолистые стопы на доске для серфинга. Ариэля, сунувшего пальцы ей в рот. «Ты не обязана была это делать, не обязана».

Но Хелли ничего не отвечала, только молча плакала. Слезы на ее щеках казались серебряными. Алекс закрывала.

Лен ворвался в дверь в расстегнутой рубашке, с вклокоченными волосами, и уже начал ругаться, что сейчас три часа ночи и неужели он не может отдохнуть в собственном доме, когда увидел тело Хелли.

Тогда он начал раз за разом повторять:

«Блядь блядь блядь».

Прямо как «нет-нет-нет» Хелли. Рат-а-тат-тат. Через мгновение он прижал ладонь ко рту Алекс.

«Заткнись. Заткнись, твою мать. Господи, глупая ты сука, помолчи».

Но Алекс не могла молчать. Она всхлипывала громкими приступами, ее грудь вздымалась, а он сжимал ее крепче и крепче. Она не могла дышать. Из носа у нее шли сопли, и его рука крепко закрывала ей рот. Она отбивалась от него, а он все продолжал ее сжимать. Она чувствовала, что теряет сознание.

«Ебанный насос, – он оттолкнул ее и вытер руки о брюки. – Просто заткнись и дай мне подумать».

«Твою мать, – Бетча стоял на пороге, его большой живот нависал над баскетбольными шортами, выпирая из-под футболки. – Она что?..»

«Надо ее помыть, – продолжал Лен. – Убрать ее отсюда».

Алекс начала было кивать, думая, что он хочет привести ее в порядок. Хелли не должна ехать в больницу с рвотой на футболке. Ее не должны найти в таком виде.

«Еще рано. На улице пусто, – сказал Лен. – Мы можем положить ее в машину, бросить ее... Не знаю. В том грязном клубе на Хейвенхерст».

«“Крашерс”»?

«Ага, положим ее в переулке. Она выглядит накаченной наркотой, у нее в крови еще наверняка полно дерьма».

«Ага, – сказал Бетча. – Ладно».

Алекс смотрела на них, и у нее звенело в ушах. Хелли тоже наблюдала за ними со своего места рядом с собственным телом на матрасе и слушала, как они собираются выбросить ее, как мусор.

«Я вызываю полицию, – заявила Алекс. – Ариэль наверняка дал ей...»

Лен ударил ее, открытой ладонью, но сильно.

«Не будь душой. За решетку хочешь? Хочешь, чтобы нас прикончили Итан и Ариэль?»

Он снова ее ударил.

«Бля, мужик, успокойся, – сказал Бетча. – Не будь таким».

Но он не собирался за нее вступаться. Он и пальцем не собирался пошевелить, чтобы помешать Лену.

Призрак Хелли запрокинул голову, посмотрел в потолок и двинулся к стене.

«Давай, – сказал Лен Бетче. – Бери ее за лодыжки».

«Ты не можешь так с ней поступить», – сказала Алекс. Ей надо было сказать это прошлой ночью. Каждой ночью. *Ты не можешь так с ней поступать.*

Призрак Хелли уже начинал растворяться в стене.

Ее тело висело между Леном и Бетчей, как гамак. Лен сунул руки Хелли под мышки. Ее голова упала набок.

«Господи, от нее дерьмом воняет».

Бетча сжимал ее лодыжки. Одна из ее жемчужно-розовых пластиковых туфель свисала с ноги. Она не сняла их, прежде чем лечь в постель. Наверное, даже этого не заметила. Алекс смотрела, как туфля соскользнула с ее большого пальца и со стуком упала на пол.

«Блядь, надень это обратно».

Бетча положил ее ноги и начал неловко возиться с туфлей, пытаясь втиснуть ее обратно, как лакей из «Золушки».

«Ебанный в рот, просто возьми ее с собой. Мы бросим ее вместе с ней».

Только когда Алекс пошла за ними в гостиную, она увидела, что Ариэль еще здесь. Он спал на диване в одних трусах.

«Вашу мать, я тут пытаюсь поспать, – сказал он, сонно моргая на них. – Ох, бля, она что?...»

И он захихикал.

Перед дверью они остановились. Пытаясь дотянуться до дверной ручки, Лен сшиб свою дурацкую гангстерскую биту, которую поставил там «для защиты». Но он не мог одновременно удерживать тело Хелли и поворачивать ручку.

«Давай же, – рявкнул он. – Алекс, открой дверь. Выпусти нас».

Впусти меня.

Призрак Хелли завис между окном и небом. Она уже бледнела до серого. Последует ли она за ними до самого грязного переулка?

«Не уходи», – взмолилась Алекс.

Но Лен решил, что она обращается к нему.

«Открой дверь, бесполезная сука».

Алекс потянулась к дверной ручке. *Впусти меня.* Металлическая ручка была холодной. Она начала было открывать дверь, потом снова ее закрыла. Она заперла ее на замок и повернулась к Лену, Бетче и Ариэлю.

«Теперь что?» – нетерпеливо спросил Лен.

Алекс протянула руку Хелли. *Останься со мной.* Она не знала, чего просит. Не знала, что предлагает. Но Хелли поняла.

Она почувствовала, как Хелли устремилась к ней, почувствовала, что разделяется, что ее раскалывают, чтобы освободить место для еще одного сердца, еще одной пары легких, для воли Хелли, для силы Хелли.

«Что теперь, Лен?» – спросила Алекс и подняла биту.

Алекс почти не помнила, что случилось дальше. Чувство, что Хелли внутри нее, подобное глубокому затаенному дыханию. Как легко и естественно было держать в руке биту.

Никаких сомнений не было. Она замахнулась левой рукой, прямо как Хелли, когда она играла за «Midway Mustangs». Алекс была так сильна, что это сделало ее неуклюжей. Первым она ударила Лена – сильный удар по черепу. Он отступил вбок, и она споткнулась, разбалансированная силой собственного размаха. Она ударила его снова, и его голова подалась с громким хрустом, как раскрывающаяся пиньята. Разлетелись куски черепа и мозга, все забрызгала кровь. Бетча еще держал лодыжки Хелли в руках, когда Алекс обратила биту против него – и оказалась быстрее. Сначала она ударила его под колени, и он с криком рухнул, а потом обрушила биту, как кувалду, на его шею и плечи.

Ариэль поднялся, и поначалу ей показалось, что он потянется за пушкой, но он пятился с полными ужаса глазами, и, проходя мимо стеклянной раздвижной двери, она поняла, почему. Она сияла. Она гналась за ним до двери – нет, не гналась. Она подлетела к нему так, словно ее стопы почти не касались пола. Гнев Хелли походил на наркотик, он воспламенял кровь Алекс. Она сшибла Ариэля на пол и била его снова и снова, пока бита не сломалась о его позвоночник. Потом она взяла в руки два зазубренных куска и отправилась на поиски остальных вампиров, сборища пьяных, спящих в своих постелях и пускающих слюни парней.

Когда с этим было покончено, когда больше некого было убивать, и Алекс почувствовала, что к бескрайней энергии Хелли примешивается ее собственное изнеможение, ее повела Хелли, заставила ее надеть розовые пластиковые туфли на собственные ноги и пройти две мили до места, где Роско пересекала реку Лос-Анджелес. По дороге она никого не встретила; Хелли направляла ее по пустым улицам, подсказывала ей, где свернуть, где подождать, пока они не дошли до моста и не спустились вниз в сером рассвете раннего утра. Они вместе окунулись в холодную грязную воду. Город перегородил реку, когда она стала разливаться слишком часто, запаял ее в бетон, чтобы убедиться, что она никогда больше не принесет вреда. Алекс позво-

лила ей отмыть себя дочиста, остатки биты выскользнули у нее из рук, как семена. Она прошла вдоль реки почти всю дорогу до Граунд-Зиро.

Они с Хелли вернули тело Хелли на место, а потом вместе легли в холодной комнате. Ее больше не волновало, что будет дальше, приедет ли полиция, замерзнет ли она до смерти на этом полу.

«Останься, – сказала она Хелли, слыша гром их бьющихся в унисон сердец, ощущая вес Хелли, свернувшейся в ее мышцах и костях. – Останься со мной».

Но, когда она очнулась, ей в глаза светил фонариком парамедик, а Хелли исчезла.

20

Зима

О чем думала Алекс в ночь, когда Дарлингтон исчез? Что ей нужно пойти с ним назад в «Конуру». Они поговорят. Она объяснит... Что именно? Что они получили по заслугам? Что убийство Лена и остальных подарило подобие покоя не только Хелли, но и ей самой? Что мир наказывает таких девушек, как они, таких, как Тара, за каждое неверное решение, за каждую ошибку. Что ей понравилось определять наказание самой. Что, если у нее и было подобие совести, то в тот день у этого подобию был выходной. И она уж точно ни в чем не раскаивалась.

Но она могла бы сказать, что раскаивается. Притвориться, что не помнит, каково было держать в руке битую, что она не сделала бы это снова. Потому что именно этого страшился Дарлингтон – не того, что она плохая, а того, что она опасна. Он страшился хаоса. Так что Алекс могла сказать ему, что в нее вселилась Хелли. Превратить это в загадку, которую они могли бы раскрыть вместе. Ему это понравится. Она стала бы чем-то, что он смог бы исправить, проектом вроде его сломанного города, его ветшающего дома. Она еще может стать правильной.

Но Алекс так и не довелось произнести эту ложь. Эта штука в подвале об этом позаботилась. Дарлингтон был не за границей. Не в Испании. И, в сущности, она не верила, что он в каком-то кармане реальности, откуда его можно вернуть, как отделившегося от группы ребенка. Доуз и декана Сэндоу не было с ними в ту ночь. Они не чувствовали на себе необратимость той темноты.

«Это не портал, – сказал он в подвале Розенфелд-холла. – Это...»

Только что он был здесь, а в следующую секунду его поглотила чернота.

Она видела ужас, мольбу в его глазах. *Сделай что-нибудь. Помоги мне.*

И она хотела помочь. По крайней мере, думала, что хочет. Она тысячу раз проигрывала в памяти то мгновение, спрашивая себя, почему тогда застыла – от страха, недостатка знаний или растерянности. Или это был намеренный выбор. Не подарила ли ей та штука в углу решение проблемы, которую представлял собой Дарлингтон?

Я не могу скрывать нечто подобное от Сэндоу. Слова Дарлингтона были словно пальцы, залезающие ей в рот, прижимающие ее язык, мешающие закричать.

По ночам она вспоминала идеальное лицо Дарлингтона, его тело, прижимающееся к ней на теплых ото сна простынях его узкой кровати.

Я дала тебе умереть. Чтобы спасти себя, я дала тебе умереть.

Вот почему опасно водиться с бойцами.

Механик с улыбкой склонился над ней.

«Некуда бежать, сука».

Хватка на ее шее была такой крепкой, словно его пальцы могли впиться через ее кожу прямо в трахею.

Алекс не хотела вспоминать ту ночь в Граунд-Зиро. Не хотела оглядываться. Она даже была не уверена, что произошло, стало ли это возможным из-за Хелли или из-за нее.

Впусти меня.

Останься со мной.

Возможно, раньше она боялась, что, если откроет эту дверь снова, войти может что-то ужасное. Но именно это и нужно было ей сейчас. Что-то ужасное.

Правая рука Алекс сомкнулась на брошенной клюшке для гольфа – паттере. Левую руку она протянула к Норсу, вспоминая то чувство, когда она словно распадалась надвое, и заставляла себя сделать это снова. *Алекс, открой дверь.* Она успела заметить удивление на его лице, а потом его темный холод устремился к ней.

Хелли пришла к ней по своей воле, но Норс боролся. Она ощущала его замешательство, его отчаянное желание освободиться, а потом прилив ее собственных потребностей поглотил его тревоги.

Норс ощущался иначе, чем Хелли. Она была мощным изгибом волны. Сила Норса была темной и податливой, упругой, как фехтовальная рапира. Она наполнила ее конечности, заставляла ее почувствовать, что по ее венам бежит расплавленный металл.

Она крутанула паттер в руке, проверяя его вес. *Кто сказал, что я убегаю?* Она замахнулась.

Механик успел поднять руку, защищая голову, но Алекс услышала, как кости его ладони подались с приятным хрустом. Он взвыл и, споткнувшись, упал на диван.

Алекс ударила его по колену. С верзилами легче справиться на полу. Он со стуком рухнул.

– Кто ты такой? – спросила она. – Кто тебя послал?

– Иди на хрен, – оскалился он.

Алекс опустила паттер и стукнула им по твердому сланцу пола. Он исчез – словно растаял прямо в полу. Она таращилась на пустое место там, где только что был он, и отдача удара вибрировала в ее руках.

Что-то ударило ее сзади. Алекс упала вперед. Боль взорвалась в ее черепе.

Она рухнула на пол и перевернулась, отползая назад. Механик наполовину выступал из стены, его тело было разделено камином.

Алекс вскочила, но в следующую секунду он уже оказался рядом. Вскинув кулак, он по косой задел ее челюсть. Только сила Норса помешала ей рухнуть. Она замахнулась паттером, но механик уже исчез. Кулак ударил ее с другой стороны.

На этот раз она упала.

Механик сильно пнул ее в бок, попав ботинком по ее сломанным ребрам. Она закричала. Он снова ее пнул.

– Руки за голову!

Детектив Тернер. Он стоял на пороге с взведенным пистолетом.

Механик посмотрел на Тернера. Он вскинул средние пальцы и исчез, растворившись в камине.

Алекс сползла по стене и почувствовала, как Норс вытекает из нее, увидела, как он покидает ее смутным приливом, снова принимает свою форму. На лице у него отражался страх и возмущение. Она что, пожалеть его должна?

– Я понимаю, – пробормотала Алекс. – Но у меня не было выбора.

Он дотронулся до раны в своей груди, как будто это она его застрелила.

– Просто найди Тару, – бросила она. – У тебя есть фиксатор.

– Что у меня есть? – спросил Тернер. Он похлопывал по камину с замурованным кирпичами очагом под ним так, словно ожидал найти тайный ход.

– Магия порталов, – промычала Алекс.

Оглянувшись через плечо, Норс исчез в стене квартиры. Внезапно в ней распухла боль, фотография распускающегося цветка в замедленной съемке, словно присутствие Норса удерживало ее, а теперь, когда Алекс была пуста, ее тело ощутило урон. Алекс попыталась подняться. Тернер убрал оружие в кобуру.

Тернер ударил кулаком по стойке.

– Это невозможно.

– Возможно, – сказала Алекс.

– Вы не понимаете, – сказал Тернер. Он смотрел на Алекс так же, как и Норс, – словно она причинила ему зло. – Это был Ланс Грессанг. Мой подозреваемый в убийстве. Я ушел от него меньше часа назад. Он сидел в тюремной камере.

Есть ли что-то противоестественное в самой природе Нью-Хейвена? В камне, из которого выстроены его здания? В реках, из которых пьют его огромные вязы? Во время войны 1812 года британцы осадили Нью-Хейвен, и у бедного Тринити-колледжа – тогда еще не готического дворца, который теперь возведен на лужайке, – не осталось способов пополнить запасы древесины, необходимой для стройки. Но командир Харди из Британского королевского флота услышал, для чего предназначались огромные кровельные балки. Он позволил грузу пройти, и их повезли вниз по реке Коннектикут. «Если и есть на земле место, которое нуждается в религии, – сказал он, – то это Нью-Хейвен. Пропустите плоты!»

Из книги «Лета: наследие»

Как вы думаете, почему здесь возвели столько церквей? Так или иначе мужчины и женщины этого города знали: на их улицах живут чужие боги.

Дневник Эллиота Сэндоу времен Леты (Колледж Брэнфорд, 1969)

21

Зима

Тернер достал телефон, и Алекс поняла, что будет дальше. Отчасти она хотела позволить этому произойти. Ей хотелось размеренного пиццания больничного оборудования, запаха антисептика, капельницы, полной сильнейшей наркоты, чтобы ее усыпило и забрало эту боль. Умирает ли она? Она так не думала. Теперь, когда один раз она уже умерла, она полагала, что умеет это определить. Но *чувство* было такое, словно она умирает.

– Не надо, – хрипло выдавила она. Ее горло по-прежнему болело так, словно его сжимали огромные руки Ланса Грессанга. – Никакой больницы.

– Вы что, фильмов насмотрелись?

– Как вы собираетесь объяснить это врачу?

– Скажу, что нашел вас в таком виде, – сказал Тернер.

– Ладно, а как я это объясню? И перевернутое вверх дном место преступления. И как я сюда попала.

– А как вы сюда попали?

– Мне не нужна больница. Отвезите меня к Доуз.

– Доуз?

Алекс раздражало, что Тернер не мог запомнить имя Доуз.

– К Окулусу.

– К черту все это, – сказал Тернер. – Всех вас с вашими кодовыми именами, секретами и враньем.

Она видела, что он переходит от гнева к страху и обратно. Его разум пытался вытеснить из памяти, то, чему он был свидетелем. Одно дело, когда тебе говорят, что магия существует, и другое – когда она буквально показывает тебе средний палец.

Алекс спрашивала себя, как много у Леты было общего с Центурионом? Ему тоже выдали буклет «Жизнь Леты»? Длинный файл, полный страшных рассказов? Памятную кружку с надписью: «Чудовища существуют»? Алекс всю жизнь провела в окружении сверхъестественного, и все же ей было сложно привыкнуть к реальности Леты. Каково же человеку, выросшему, по его мнению, в обыкновенном городе – *его* городе, – наводящему порядок на улицах, внезапно узнать, что в нем не работают самые базовые правила?

– Ей нужен врач? – в коридоре стояла женщина с мобильником в руке. – Я услышала шум.

Тернер показал ей жетон.

– Скорая уже на подходе, мэм. Спасибо.

Жетон тоже был своеобразной магией. Но женщина повернулась к Алекс.

– Ты в порядке, милочка?

– Все нормально, – выдавила Алекс, ощутив прилив тепла к этой незнакомке в халате, которая прижала телефон к груди и зашаркала прочь.

Алекс попыталась поднять голову, и боль пронзила ее, как удар хлыста.

– Вам нужно отвезти меня в место, защищенное охранными заклинаниями. Куда-то, где они не смогут до меня добраться, понимаете?

– Они.

– Да, *они*. Призраки, упыри и заключенные, которые умеют проходить сквозь стены. Это реальность, Тернер, а не кучка студентов, одетых в мантии. И мне нужна ваша помощь.

Эти слова его разбудили.

– Перед входом стоит полицейский, и я не смогу провести вас мимо него, не ответив на массу вопросов – а сами вы уж точно не сможете выйти.

– Смогу, – но, боже, как ей этого не хотелось. – Залезте в мой правый карман. Там лежит флакончик с каплями.

Он покачал головой, но залез Алекс в карман.

– Что это?

– Белладонна. Просто закапайте две капли мне в глаза.

– Наркотики? – спросил Тернер.

– Лекарство.

Разумеется, это его успокоило. Тернер Лучший Скаут.

Как только первая капля попала в ее глаз, она поняла, что сильно просчиталась. Она мгновенно почувствовала себя полной энергии, готовой двигаться, действовать, но белладонна нисколько не облегчила боль, только заставила ощущать ее еще интенсивнее. Она *чувствовала*, куда давили ее сломанные кости, где лопнули кровеносные сосуды, где порвались и опухали капилляры.

Наркотик убеждал ее мозг, что все в порядке, что все возможно, что, если она пожелает, она может излечиться прямо сейчас. Но боль была паникой, стучавшей в ее сознание, как кулаком по стеклу. Она чувствовала, как ее здравомыслие пошло трещинами, будто ветровое стекло, которое не должно было разбиться. Ее бесчисленное количество раз называли сумасшедшей, и иногда она в это верила, но сейчас она впервые *почувствовала себя* безумной.

Сердце ее бешено колотилось. *Я здесь умру.*

Ты в порядке. Хотя сколько раз поздно ночью или долгими днями она говорила это тому, кто слишком много выкурил, проглотил, вынюхал? *Просто подыши. Ты в порядке. Ты в порядке.*

– Встретимся на Тилтон, – сказала она Тернеру и рывком поднялась на ноги. Он был прекрасен. Белладонна подсвечивала его коричневую кожу, как закат в конце лета. Свет отражался от короткой щетины на его выбритой голове. *Лекарство, как же.* Боль кричала, когда ее сломанные ребра двигались.

– Это ужасная идея, – сказал он.

– Других у меня не бывает. Ну же.

Тернер с досадой вздохнул и ушел.

Взбудораженный разум Алекс уже проложил путь через задний коридор на расшатанную лестницу. Воздух на ее разгоряченной коже был прохладным и влажным. Она видела каждое волокно старого серого дерева, ощущала, как пот расцветает на ее щеках и холодеет на зимнем воздухе. Скоро должен был пойти снег.

Вниз по маленькому ряду ступеней. *Просто перепрыгни через них*, подсказывал наркотик, поджигающий ее кровь.

– Пожалуйста, заткнись, – выдохнула Алекс.

Казалось, все окутано гладкой серебристой пленкой, выкрашено антибликовым покрытием. Она заставила себя идти, а не бежать, ее кости задевали друг друга, как смычок скрипки. Асфальт в переулке за квартирой Тары мерцал, вонь мусора и мочи поднималась, как густая, видимая мгла, через которую она должна была грести, будто под водой. Она прошла мимо двух таунхаусов и оказалась на Тилтон. Мгновение спустя из-за угла показался и замедлил ход синий «Додж-Чарджер». Из него выпрыгнул Тернер и открыл заднюю дверь, впуская Алекс на заднее сиденье.

– Куда мы едем? – спросил он.

– В II Bastone. Дом на Оранж.

Когда она перестала двигаться и легла, ей стало хуже. Утонув в кожаных сиденьях, пахнущих новой машиной, она могла думать только об одном – о грохочущей в ней боли. Она

смотрела на куски неба и крыш, мелькающие в окне, пытаясь нарисовать в голове их путь к П Bastone. Сколько еще? Доуз будет там. Доуз всегда там, но сможет ли она помочь? *Это моя работа.*

– Окулус не берет трубку, – сказал Тернер. Может, Доуз на педагогической практике? Или в книгохранилище? – Что это было? – спросил он.

– Говорю же, магия порталов, – она произнесла это с уверенностью, но на самом деле точно не знала. Раньше она думала, что магией порталов пользуются, чтобы путешествовать на большие расстояния или проникать в охраняемые здания. А не чтобы неожиданно наброситься на кого-то и избить. – Порталы – это магия «Свитка и ключа». Я предполагала, что Тара с Лансом продавали им, из-за Колина Хатри. И из-за татуировки Тары.

– Какой именно?

– *«И я, поверь, скорей умру, чем в верности твоей засомневаюсь».* Это из «Королевских идилий». У нее возникло странное чувство, что она заняла место Дарлингтона. Значило ли это, что ее место занял он? Боже, она терпеть не могла быть настолько под кайфом. – Выбивая из меня все дерьмо, Ланс кое-что сказал. Он хотел знать, кто убил Тару. Он этого не делал.

– Надо ли мне напоминать вам, что он преступник?

Алекс попыталась покачать головой и поморщилась.

– Он мне не пиздел, – в панике и страхе во время нападения она решила, что за ней снова охотятся, как с глумой. Но теперь она в этом сомневалась. – Он меня допрашивал. Думал, я вломила в квартиру.

– Так и было.

– Он явился туда не за мной. Он вернулся в квартиру за чем-то еще.

– Да, давайте обсудим эту тему. Я ясно сказал вам не приближаться к...

– Вам нужны ответы или возможность и дальше вести себя, как мудака? Ланс Грессанг не убивал Тару. Вы взяли не того.

Тернер ничего не ответил, и Алекс тихо засмеялась. Эффект не стоил ее усилий.

– Я понимаю. Либо вы сошли с ума и галлюцинируете, либо сумасшедшая я, и, конечно, это было бы куда удобнее. Тернер, у меня для вас плохие новости. Ни один из нас не псих. Кто-то захотел, чтобы вы поверили, что Ланс виновен.

– Но вы так не считаете, – наступило долгое молчание. Алекс слышала тиканье поворотника в унисон ее сердцу. Наконец Тернер сказал: – Я проверил, где находились члены обществ, которых вы назвали.

Значит, он последовал ее наводке. Он был слишком хорошим детективом, чтобы отказаться от наводки. Даже если она исходила от Леты.

– И?

– Мы уже знали, что место нахождения Триппа Хельмута невозможно подтвердить, потому что никто не видел его всю ночь. Кейт Мастерс утверждает, что находилась в «Манускрипте» до трех часов ночи.

«Чарджер» переехал кочку, и Алекс закричала. Говорить было больно, но это помогало ей отвлечься.

– Там должна была находиться вся делегация, – выдавила она. – Это была ночь четверга. Ночь собраний.

– Насколько я понял, они тусовались допоздна. Это большое здание. Она легко могла приходить и уходить, оставшись незамеченной.

И «Манускрипт» находился всего в нескольких кварталах от места преступления. Могла ли Кейт ускользнуть, заколдованная под Ланса, чтобы встретиться с Тарой? Была ли это какая-то игра? Что-то пошло не так под кайфом? Намеревалась ли Кейт убить Тару? Или все это лишь в воображении Алекс?

– Что вам известно о парне из «Свитка и ключа», Колине Хатри? – спросил Тернер.

– Он мне нравится, – Алекс удивилась собственным словам. – Он милый и одевается стильно, как вы, но более по-европейски.

– Ценные сведения.

Алекс порывалась в памяти. Благодаря белладонне ей легко было вспомнить затейливый интерьер «Свитка и ключа», узор плитки на полу. В ночь неудачной попытки открыть портал в Будапешт Колен приветливо ей помахал, словно оба они стремились в одно сестринство.

– Дарлингтон говорил, что Колин – один из лучших и умнейших студентов, что он выполняет работы по химии уровня аспирантуры. В следующем году поступает в какой-то престижный университет. Кажется, в Стэнфорд.

– В прошлый четверг он так и не появился в «Свитке и ключе». Он был на вечеринке дома у какой-то преподавательницы. Бель-что-то-там. Французское имя.

Ей захотелось рассмеяться.

– Не на вечеринке. В салоне.

Колин был в салоне Бельбалм. Алекс должна была прийти в следующий раз... завтра? Нет, сегодня. Ее волшебная летняя работа в тихом профессорском кабинете с цветами никогда еще не казалась такой далекой. Но *действительно ли* Колин был в салоне? Возможно, он ускользнул. Алекс надеялась, что это не так. Мир Бельбалм с острыми духами и цивилизованными беседами казался убежищем, наградой, которую Алекс, скорее всего, не заслуживала, но с радостью бы приняла. Ей хотелось отделить это от всего этого хаоса.

Алекс почувствовала, что ее сознание чуть помутилось, первый яркий приход белладонны начал проходить. Она услышала слишком громкий гудок, услышала, как Тернер говорит по рации, объясняя разгром в квартире Ланса и Тары. Кто-то искал наркотики. Он вел преследование пешком, но потерял преступника из виду. Он дал расплывчатое описание подозреваемого, который мог оказаться как мужчиной, так и женщиной, в парке, которая могла быть как черной, так и темно-синей.

Алекс с удивлением услышала, как он лжет, но понимала, что он прикрывает не ее. Он не знал, как объяснить Ланса и то, что он видел.

Наконец Тернер сказал:

– Мы подъезжаем к лужайке.

Алекс заставила себя сесть, чтобы показать ему дорогу. Мир казался красным, словно сам воздух, прикасающийся к ее телу, за ней охотился.

– Переулок, – сказала она, когда в поле зрения появился темный кирпич и витражи II Bastone. В окне гостиной горел свет. *Доуз, будь дома.* – Припаркуйтесь здесь.

Когда двигатель выключился, Алекс закрыла глаза и вздохнула. Она услышала, как хлопнула дверца Тернера, а потом он помог ей выйти из машины.

– Ключи, – сказал он.

– Ключей нет.

На секунду она заволновалась, когда Тернер потянулся к дверной ручке, гадая, впустит ли его дом. Но либо ее присутствия было достаточно, либо он узнал Центуриона. Дверь распахнулась.

Когда она вошла, II Bastone взволнованно задрезжал, люстры зазвенели. Любой другой подумал бы, что мимо проезжает грузовик, но Алекс ощущала тревогу дома, и к ее горлу поднялся комок. Возможно, ему просто пришлось не по вкусу, сколько крови и травм пересекают его порог, но Алекс хотелось верить, что дому не нравятся страдания одной из своих.

Доуз лежала на ковре в гостиной в своем скатавшемся свитере и наушниках.

– Эй, – сказал Тернер и повторил: – Эй! – когда она не отзывалась.

Доуз подпрыгнула. Казалось, ожил большой бежевый кролик. При виде Тернера и Алекс в гостиной она вздрогнула и отшатнулась.

– Она расистка или просто нервная? – спросил Тернер.

– Я не расистка! – сказала Доуз.
– Доуз, мы все расисты, – сказала Алекс. – Как ты вообще закончила колледж?
Когда Тернер выставил Алекс на свет, у Доуз отвисла челюсть.
– О господи. *O господи*. Что случилось?
– Долгая история, – сказала Алекс. – Сможешь меня подлатать?
– Нам нужно ехать в больницу, – сказала Доуз. – Я никогда...
– Нет, – сказала Алекс. – Я не собираюсь выходить из-под защиты охранных заклинаний.
– Кто тебя так?
– Очень большой мужик.
– Тогда...
– Который может проходить сквозь стены.
– А, – она поджала губы и сказала: – Детектив Тернер, я... Вы не могли бы...
– Что вам нужно?
– Козье молоко. Кажется, оно есть в «Elm City Market».
– Сколько?
– Все, что у них есть. Остальное сделает горн. Алекс, сможешь подняться по ступеням?
Алекс взглянула на лестницу. Она в этом сомневалась.
Тернер замялся.
– Я мог бы...
– Нет, – сказала Алекс. – Мы с Доуз справимся.
– Ладно, – сказал он, направляясь к задней двери. – Вам повезло, что в этом помоечном городе случилась джентрификация. Представляю, как мне пришлось бы спрашивать козье молоко в «Семейном долларе».

– Тебе надо было позволить ему тебя отнести, – проворчала Доуз, когда они медленно поднимались по лестнице.

Тело Алекс сопротивлялось каждой ступени.

– Прямо сейчас он испытывает чувство вины за то, что меня не слушал. Я пока не могу разрешить ему ее искупить.

– Почему?

– Потому что чем хуже он будет себя чувствовать, тем больше сделает для нас. Поверь мне. Тернер не любит быть неправым, – еще одна ступень. И еще. Почему нельзя было установить здесь лифт? Волшебный, полный морфина. – Расскажи мне про «Свиток и ключ». Я думала, их магия истощается. В ночь, когда мы с Дарлингтон наблюдали за их ритуалом, они не смогли даже открыть портал в Восточную Европу.

– У них было несколько неудачных лет, они не смогли найти хороших кандидатов. В Лете поговаривали, что магия порталов настолько разрушительна, что разъела нексус силы, на котором возведена их гробница.

Но, возможно, Замочники притворялись, затеяли небольшую аферу, пытаясь выглядеть слабее, чем на самом деле. Зачем? Чтобы проводить ритуалы втайне, без вмешательства Леты? Или что-то неблагоприятное было в самих ритуалах? Но как это связывало Колина Хатри с Тарой? Трипп сказал только, что Тара однажды мельком упомянула имя Колина. Здесь должно быть что-то еще. Эта татуировка не могла быть просто случайным совпадением.

Доуз отвела Алекс в оружейную и прислонила ее к горну Хирама. Казалось, холодный металл, о который опиралась Алекс, мягко вибрирует. Она никогда не пользовалась Золотой Чашей, только смотрела, как Дарлингтон смешивает в ней эликсир. Он обращался с чашей с почтением и неприязнью. Как любой наркоша с наркотиком.

– В больнице было бы безопаснее, – сказала Доуз, роясь в ящиках огромного шкафа, выдвигая и задвигая их один за другим.

– Да ладно, Доуз, – сказала Алекс. – Ты же дала мне то месиво из паучьих яиц.

– Это разные вещи. То было особым магическим лекарством от особого магического недуга.

– Ты сомневалась, когда надо было меня утопить. Насколько сложно может быть меня подлатать?

– Я сомневалась. И ни одно из обществ не специализируется на исцеляющей магии.

– Почему? – спросила Алекс. Возможно, если она продолжит говорить, ее тело сможет сопротивляться. – На этом наверняка можно неплохо заработать.

То, как осуждающе нахмурилась Доуз – ее способ показать, что «познавать надо ради познания», – до боли напомнило ей Дарлингтона. Хотя сейчас боль приносило все, что она делала.

– Исцеляющую магию сложно контролировать, – сказала Доуз. – Обычно ее практикуют обыватели, а это значит, что сила распределяется более широко вместо того, чтобы собираться в нексусах. Также существуют строгие запреты на работу с бессмертием. И вообще, я ведь толком не знаю, что с тобой не так. Я не могу сделать тебе рентген и просто вылечить сломанное ребро с помощью заклинания. Может, у тебя внутреннее кровотечение или еще что.

– Ты что-нибудь придумаешь.

– Мы попробуем реверсию, – сказала Доуз. – Я могу вернуть тебя... часа хватит? Двух часов? Надеюсь, нам хватит молока.

– Ты что... Говоришь о путешествии во времени?

Доуз замерла, положив ладонь на один из ящиков.

– Ты серьезно?

– Нет, – торопливо сказала Алекс.

– Я просто помогаю твоему телу вернуться к более ранней версии самого себя. Это отмена. Куда легче, чем пытаться создать новую плоть и кровь. Вообще-то это вид магии порталов, так что скажи за это спасибо «Свитку и ключу».

– Отправлю им благодарственную записку. На сколько ты можешь меня возвратить?

– Ненадолго. Иначе потребуется более сильная магия и больше людей.

Отмена. *Верни меня в прошлое. Преврати меня в человека, которому никогда не делали зла. Отправь настолько далеко назад, насколько сможешь. Сделай меня совершенно новой. Ни синяков. Ни шрамов.* Алекс вспомнила мотыльков в своих коробках. Она скучала по своим татуировкам, по своей старой одежде. Она скучала по тому, как сидела на солнце с Хелли. Она скучала по мягким, облезлым изгибам маминого дивана. Алекс сама толком не знала, по чему скучает, и понимала лишь, что ей не хватает чего-то – или кого-то, – кем она никогда не была.

Она провела ладонью по стенке горна. *Может ли эта штука сжечь меня, пока я не стану новой? Сделай так, чтобы я никогда в жизни не видела призраков, Серых или как там еще они предпочитают их называть?* И хочет ли она этого по-прежнему?

Алекс вспомнила, как Бельбалм спрашивала, чего она хочет. Безопасности. Шанса на нормальную жизнь. Вот что пришло ей на ум в тот момент – тишина кабинета Бельбалм, расстеленная на подоконниках, набор чайных чашек вместо сколотых кружек, оставшихся от потерянных мест работы и рекламных акций. Она хотела солнца в окне. Она хотела мира.

Лгуня.

Мир подобен любому другому кайфу. Он недолговечен. Мир – это иллюзия, которая может прерваться в любую секунду и исчезнуть навсегда. Защищают только две вещи – деньги и сила.

Денег у Алекс не было. Но у нее была власть. Раньше она ее боялась, боялась смотреть прямо на эту кровавую ночь. Боялась почувствовать сожаление или стыд, заново попрощаться с Хелли. Но когда она наконец посмотрела? Позволила себе вспомнить? Ну, возможно, что-

то в ней сломано или усохло, потому что она почувствовала только глубокое спокойствие от того, что знала, на что способна.

Серые донимали ее всю жизнь, ужасно ее изменили, но после стольких лет терзаний они наконец дали ей кое-что взамен. Ей задолжали. И ей понравилось пользоваться этой силой, понравилось даже чуждое чувство от ощущения Норса внутри себя. Ей понравилось удивление на лице Ланса, на лице Лена, на лице Бетчи. *Вы думали, что видите меня. Посмотрите еще раз.*

– Тебе надо раздеться, – сказала Доуз.

Алекс расстегнула джинсы, попыталась запустить пальцы за пояс. Ее движения были медленными, мешала боль.

– Мне нужна твоя помощь.

Доуз неохотно отошла от полок и помогла Алекс стянуть джинсы с бедер. Но, как только они оказались у нее на лодыжках, Доуз поняла, что надо снять с Алекс ботинки, так что Алекс стояла в белье, пока Доуз развязывала ей ботинки и сдергивала их с ее ног.

Она встала, переводя взгляд с избитого лица Алекс на вытатуированных на ее бедрах змей, когда-то сочетавшихся со змеями на ключицах. Она сделала их после того, как Хелли сказала ей, что внутри у нее гремучая змея. Ей это понравилось. Лену хотелось сделать ей татуировку у них на кухне. Он заказал собственную машинку и чернила онлайн, настаивал, что все стерильно. Но Алекс не доверяла ни ему, ни их грязной квартире и не хотела, чтобы он оставил на ней след – не таким образом.

– Сможешь поднять руки над головой? – покраснев, спросила Доуз.

– Не-а, – промычала Алекс. Даже произносить слова становилось тяжело.

– Я возьму ножницы.

Через мгновение она услышала щелканье ножниц, почувствовала, как футболку стягивают с ее тела. Ткань прилипла к ее сворачивающейся крови.

– Все в порядке, – сказала Доуз. – Ты почувствуешь себя лучше, как только окажешься в горне.

Алекс поняла, что плачет. Ее душили, топили, били, снова душили и почти убили, но плакала она сейчас – из-за футболки. Она купила ее новенькой в «Target» перед тем, как отправиться в колледж. Она была мягкой и хорошо сидела. У нее было мало новой одежды.

Голова Алекс потяжелела. Хоть бы только закрыть глаза на минутку. На денек.

Она услышала, как Доуз говорит:

– Извини. Я не смогу опустить тебя в горн. Придется Тернеру помочь.

Он что, вернулся из магазина? Она не слышала, как он возвращался. Должно быть, она отключилась.

Что-то мягкое прикоснулось к коже Алекс, и она поняла, что Доуз заворачивает ее в простыню – бледно-голубую, из комнаты Данте. *Из моей комнаты.* Господи, благослови Доуз.

– Она что, в саване? – голос Тернера.

Алекс заставила себя открыть глаза и увидела, как Тернер и Доуз выливают молоко из пакетов в горн. Голова Тернера двигалась туда-сюда, как прожектор, медленно сканируя, оглядывая необычную обстановку верхних этажей. Алекс испытала гордость за Il Bastone, за оружейную с горкой диковинок, за странную золотую ванну в центре комнаты.

Она собиралась быть храброй, выносить боль, сжав зубы, но, когда Тернер поднял ее, она закричала. Мгновение спустя она погружалась под прохладную поверхность, простыня размоталась, и кровь прорезала козье молоко розовыми прожилками. Молоко выглядело как клубничное мороженое, что подают с деревянной ложкой.

– Не дотрагивайтесь до молока! – кричала Доуз.

– Я пытаюсь не дать ей утонуть! – рявкнул в ответ Тернер. Он держал ее за голову.

– Я в порядке, – сказала Алекс. – Отпустите меня.

– Вы обе ненормальные, – сказал Тернер, но она почувствовала, что его хватка ослабла.

Алекс опустилась пониже в молоко. Его прохлада, казалось, просачивается прямо сквозь кожу и обволакивает боль. Она задерживала дыхание так долго, как только могла. Она хотела оставаться под молоком, чувствовать вокруг себя его кокон. Но в конце концов она нащупала пальцами ног дно горна и подтолкнула себя обратно на поверхность.

Когда она показалась над молоком, и Доуз, и Тернер на нее кричали. Должно быть, она оставалась под поверхностью слишком долго.

– Я не тону, – сказала она. – Я в порядке.

И так и было. Боль не исчезла, но отступила, мысли стали яснее – и молоко тоже менялось, становилось прозрачнее и водянистее.

Тернер выглядел так, словно его сейчас вырвет, и Алекс полагала, что понимает почему. Магия создавала нечто вроде вертиго. Возможно, увидеть, как девушка на грани смерти погружается в ванну, а через несколько секунд поднимается из нее целой и невредимой, оказалось для него чересчур.

– Мне нужно в участок, – сказал он. – Я...

Он развернулся и широким шагом вышел из комнаты.

– Доуз, кажется, мы ему не нравимся.

– Ну и ладно, – сказала Доуз, поднимая кучку окровавленной одежды Алекс. – У нас и так было слишком много друзей.

Заявив, что по завершении реверсии Алекс будет умирать от голода, Доуз ушла, чтобы приготовить ей поесть.

– Не утони, пока меня нет, – сказала она и оставила дверь в оружейную открытой.

Алекс откинулась в горне, чувствуя, как ее тело меняется, боль высасывается из нее, и что-то – молоко или то, чем оно стало под чарами Доуз, – наполняет ее изнутри. Она слышала музыку, доносящуюся из дорогого музыкального центра. Помех было столько, что уловить мелодию было непросто.

Она снова опустила голову в молоко. Здесь было тихо, и, открыв глаза, она словно глядела сквозь дымку, наблюдая, как исчезают последние следы молока и магии. Над ней нависло и сконцентрировалось смутное пятно. Лицо.

Алекс сделала вдох и подавилась водой. Кашляя и отплевываясь, она резко поднялась, скрестив руки на груди. Из воды на нее глядело отражение Жениха.

– Тебе нельзя здесь быть, – сказала она. – Охранные заклинания...

– Я же говорил, – сказал его отражение, – мы теперь можем беседовать везде, где собирается вода. Вода – элемент перемещения. Она посредник.

– И что, ты собираешься принимать душ вместе со мной?

Холодное лицо Норса не изменилось. Она видела за спиной его отражения темный берег. Он выглядел иначе, чем в первый раз, и она вспомнила слова Доуз о разных пограничных областях. Должно быть, на сей раз она видит не Египет – или версию Египта, в которую она попала, когда пересекла Нил. Но Алекс видела на берегу те же темные тени людей и нелюдей. Она была рада, что здесь им ее не достать.

– Что вы со мной сделали в квартире Тары? – спросил Норс. Его голос звучал надменнее, чем когда-либо, а произношение стало еще монотонней.

– Не знаю, что тебе сказать, – сказала Алекс, потому что это казалось ближе всего к правде. – Мне было некогда спрашивать разрешения.

– Но что вы *сделали*? Как вы это сделали?

Останься со мной.

– Сама толком не знаю.

Она ничего в этом не понимала. Откуда взялась эта способность. Почему она видит то, чего не видят остальные. Возможно, это у нее в крови? В генах отца, которого она никогда не встречала? В костях ее бабушки? Серые никогда не осмеливались приближаться к дому Эстреи Стерн, где в окнах горели свечи. Проживи она подольше, сумела бы она найти способ защитить Алекс?

– Я дал вам свою силу, – сказал Норс.

«Нет, – подумала Алекс. – *Это я ее забрала*». Но она сомневалась, что Норс оценит разницу.

– Я знаю, что вы сделали с теми мужчинами, – сказал Норс. – Я увидел, когда вы меня впустили.

Алекс вздрогнула. Вся теплота и блаженство, наполнившие ее, пока она нежилась в молочной ванне, не могли сравниться с мыслью о том, что в ее голове орудовал Серый. Что еще видел Жених? *Это неважно*. В отличие от Дарлингтона, Норс не мог выдать миру ее тайны. Сколько бы слоев Покрова он ни пересек, он все равно был заточен смертью.

– У вас есть враги по эту сторону Покрова, Гэлакси Стерн, – продолжал он. – Леонард Бикон. Митчелл Беттс. Ариэль Харел. Целая толпа мужчин, которых вы отправили на темный берег.

Дэниел Арлингтон.

Только вот он говорил, что Дарлингтона по ту сторону нет. Со стороны теней позади Жениха поднялось бормотание – тот же звук она слышала, когда погрузилась в Нил. *Жан дю Монд. Джонатан Монт*. Возможно, это вообще не имя. Слоги звучали чуждо и неверно, словно их произносили рты, не приспособленные к человеческой речи.

А как насчет Хелли? Счастлива ли она там, где находится? В безопасности ли от Лена? Или они найдут друг друга за Покровом и сделают друг друга несчастными?

– Ну да, у меня и по эту сторону есть враги. Может, вместо того, чтобы разыскивать моих старых друзей, найдешь Тару?

– Почему вы не нашли записные книжки Дарлингтона?

– Я была занята. И потом, ты все равно никуда не торопишься.

– Какая вы легкомысленная. Какая уверенная в себе. Было время, когда и я обладал такой же уверенностью. Время ее забрало. Время забирает все, мисс Стерн. Но мне не пришлось искать ваших друзей. После того, что вы сделали со мной в доме Тары Хатчинс, они сами меня нашли. Они ощущали на мне вашу силу, как застоявшийся дым. Вы углубили связь между нами.

Прекрасно. Только этого не хватало.

– Просто найди Тару.

– Надеюсь, что этот отвратительный предмет притянет ее ко мне. Но ее смерть была жестокой. Возможно, она где-то приходит в себя. Загробная жизнь может ужасать новопреставленных.

Об этом Алекс не подумала. Она просто предполагала, что умершие переходят в какое-то состояние. Безболезненность. Умиротворение. Она снова взглянула на поверхность воды, на колеблющееся отражение Жениха, на эти чудовищные формы где-то позади него, и вздрогнула.

Как перешла в иной мир Хелли? Ее смерть была... Ну, в каком-то смысле, по сравнению с Тарой, по сравнению с Леном, Бетчей и Ариэлем она умерла относительно мирно.

И все же это была смерть. Слишком ранняя смерть.

– Найди ее, – сказала Алекс. – Найди ее, чтобы я могла выяснить, кто ее убил, а Тернер смог его посадить прежде, чем он доберется до меня.

Норс нахмурился.

– Не уверен, что детектив – подходящий союзник в подобном предприятии.

Алекс откинулась на стенку горна. Ей хотелось вылезти из воды, но она опасалось, что еще рано.

– Не привык видеть черных с жетоном?

– Я не лежал в гробу последние сто лет, мисс Стерн. Я знаю, что мир изменился.

В его гробу.

– Где ты похоронен?

– Мои кости в Эвергрин, – он скривил губы. – Настоящая туристическая достопримечательность.

– А Дейзи?

– Ее семья погребла ее в их мавзолее на Гров-стрит.

– Так вот почему ты вечно там рыскаешь.

– Я не рыскаю. Я хожу туда, чтобы отдать дань уважения.

– Ты туда ходишь, потому что надеешься, что она увидит, как ты раскаиваешься, и простит тебя.

В гневе лицо Норса менялось. Становилось менее человеческим.

– Я не убивал Дейзи.

– Полегче, полегче, – промурлыкала Алекс. Но ей не хотелось больше его провоцировать. Он был ей нужен, и она могла бы предложить ему мир. – Мне жаль, что я так поступила в квартире.

– Нет, не жаль.

Вот тебе и мир.

– Нет, мне не жаль.

Норс отвернулся. Его профиль был словно высечен для монеты.

– Этот опыт не был однозначно неприятным.

Вот это ее удивило.

– Нет?

– Он был... Я забыл, каково быть в теле.

Алекс задумалась. Ей не следует углублять их связь. Но если, входя в нее, он мог видеть ее воспоминания, то, может, и его мысли могли открыться ей. В хаосе борьбы она почти ничего о нем не узнала.

– Можешь вернуться, если хочешь.

Он замялся. Почему? Из-за интимности этого действия? Или ему было что скрывать?

Доуз шумно вошла с заставленным тарелками подносом в руках. Она поставила его на шкаф с картой.

– Я не заморачивалась. Пюре. Макароны с сыром. Томатный суп. Зеленый салат.

Едва Алекс ощутила запах еды, как у нее заурчало в животе, а рот наполнился слюной.

– Доуз, ты настоящее сокровище. Можно я вылезу?

Доуз взглянула на воду.

– Выглядит чистой.

– Если вы собираетесь есть, я останусь, – сказал Норс. Его голос был спокойным, но в водном зеркале лицо его выдавало желание.

Доуз протянула Алекс полотенце и помогла ей неуклюже выбраться из горна.

– Можно мне на минутку остаться одной?

Доуз прищурилась.

– Что ты собираешься сделать?

– Ничего. Просто поесть. Но если ты... Если что-нибудь услышишь, можешь не стучать. Просто входи.

– Я буду внизу, – настороженно сказала Доуз и закрыла за собой дверь.

Алекс склонилась над горном. Норс ждал в отражении.

– Хочешь внутрь? – спросила она.
– Окуните руку, – пробормотал он так, словно просил ее раздеться. Но, разумеется, она и без того уже была раздета.
Она опустила руку в воду.
– Я не убийца, – сказал Норс и потянулся к ней.
Она улыбнулась и они переплели с Норсом пальцы.
– Разумеется, нет, – сказала она. – Как и я.

Она смотрела в окно. Она чувствовала возбуждение, гордость и спокойствие, каких никогда не знала. Мир принадлежал ей. Фабрика, более современная, чем у Брюстера и Хукера. Город у нее перед глазами. Женщина рядом с ней.

Дейзи. Она была восхитительна: прелестное точеное лицо, завитые волосы, касающиеся ворота ее закрытого платья, мягкие белые ладони, спрятанные в муфте из лисьего меха. Она была самой красивой женщиной в Нью-Хейвене, возможно, в Коннектикуте, и она принадлежала ему. *Ей. Мне.*

Дейзи с озорным взглядом повернулась к нему. Иногда ее ум выбивал его из колеи. Он был не совсем женственным, и все же он понимал, что этот ум возносит ее над всеми красавицами Элм-сити. Возможно, она и не была в действительности самой красивой. У нее был слишком острый нос, слишком тонкие губы – но боже, какие слова с них срывались, смешные, быстрые и иногда дерзкие. А ее фигура и бойкая улыбка были и вовсе безупречны. Она попросту была самой живой из всех, кого он когда-либо встречал.

Все эти расчеты были произведены в одно мгновение. Он не мог от них отказаться, потому что они всегда вызывали у него чувство триумфа и удовлетворения.

– Берти, о чем это ты думаешь? – игриво спросила она, придвигаясь к нему. Только она называла его Берти. Из соображений приличия с ними пришла ее горничная, но Глэдис осталась в коридоре, и сейчас он видел в окно, как она идет к лужайке. Ленты капора свисали с ее ладони, когда она отламывала с деревьев веточки кизила. До сих пор у него не было причин беседовать с Глэдис, но теперь он постарается узнать ее поближе. Слуги слышат все, и неплохо будет прислушаться к женщине, которая ближе всех к той, кто скоро станет его женой.

Он отвернулся от окна к Дейзи, которая сияла, как молочное стекло на фоне полированного дерева его кабинета. Его стол, как и новый сейф, сделали специально для этой комнаты. Он уже провел здесь с удобством несколько ночей, проработав допоздна.

– Конечно, о тебе.

Она постучала его по руке, подходя еще ближе. В ее теле был соблазн, который показался бы неподобающим в другой женщине, но не в Дейзи.

– Тебе больше не обязательно со мной флиртовать, – она подняла руку и пошевелила пальцами. На них заиграл изумруд. – Я уже сказала «да».

Он схватил ее за руку и притянул ее к себе. Что-то блеснуло в ее глазах, но что? Желание? Страх? Иногда понять ее было невозможно. Он увидел их отражение в зеркале над камином, и оно его заворожило.

– Давай поедem в Бостон после свадьбы. В медовый месяц мы можем поехать в Мэн на машине. Я не хочу долгого морского путешествия.

Она только приподняла бровь и улыбнулась.

– Берти, Париж был частью нашей сделки.

– Но почему? У нас есть время, чтобы увидеть весь мир.

– Время есть у тебя. Я же стану матерью твоих детей и буду принимать в доме твоих деловых партнеров. Но на мгновение... – она встала на цыпочки, приблизив губы почти вплотную к нему. Он ощущал жар ее тела, сжимая ее ладонь. – Я смогу побыть просто девушкой, которая впервые видит Париж, а мы сможем просто побыть любовниками.

Это слово сразило его, как удар молота.

– Париж так Париж, – смеясь, сказал он и поцеловал ее. Это не был их первый поцелуй, но с Дейзи каждый поцелуй казался новым.

С лестницы донесся скрип, а потом звук падения, как будто кто-то споткнулся.

Дейзи отстранилась.

– Глэдис, как всегда, невовремя.

Но Берти видел, что за плечом Дейзи Глэдис по-прежнему мечтательно гуляет по лужайке. Ее белый капор ярко выделялся на фоне кизила.

Он повернулся и увидел – ничего, никого, пустой дверной проем. Дейзи удивленно втянула в себя воздух.

Что-то размылось на периферии его зрения, темное пятно, растущее, будто охватившее угол страницы пламя, поедающее ее край. Он вскрикнул, ощутив, как нечто, похожее на боль, нечто, похожее на огонь, пронзило его череп. Голос сказал: *Они пытались меня вскрыть. Пытались увидеть мою душу.*

– Дейзи? – выдохнул он. Слово вышло искаженным. Он лежал на спине в анатомическом театре. Над ним стояли мужчины – по сути, мальчишки.

Что-то не так, – сказал один из них.

Просто заканчивай! – закричал другой.

Он посмотрел вниз. Его живот был вскрыт. Он видел, о господи, видел себя, свои внутренности, мясо своих органов, выставленное, словно змеи требухи в витрине мясника. Один из мальчишек трогал его руками. *Они меня вскрыли.*

Он закричал, согнулся пополам. Схватился за живот. Он был цел.

Он находился в комнате, которую не узнавал, в каком-то кабинете, где всюду было полированное дерево. Пахло новизной. Солнце светило так ярко, что резало в глазах. Но он не спасся от этих мальчишек. Они последовали за ним сюда. Они хотели его убить. Они забрали его в депо с хорошего места. Они предложили ему деньги. Он знал, что они хотят повеселиться, но не знал, не знал. Они его вскрыли. Они пытались забрать его душу.

Он не мог позволить им затащить его обратно в ту холодную комнату. Здесь есть защита. Только бы ее найти. Он потянулся к столу, открывая ящики. Они казались слишком далекими, как будто руки его стали короче, чем он помнил.

– Берти?

Его звали не так. Они пытались его запутать. Он опустил взгляд и увидел в своей руке что-то темное. Оно выглядело, как тень, но он ощущал его тяжесть в ладони. Он знал, как оно называется, попытался мысленно нащупать слово.

В его руке был пистолет, и какая-то женщина кричала. Она умоляла. Но она не была женщиной; она была чем-то ужасным. Он видел, что вокруг нее сгущалась ночь. Мальчишки отправили ее, чтобы она его вернула, и они могли снова его вскрыть.

Вспыхнула молния, но небо было по-прежнему голубым. *Дейзи.* Он должен был ее защитить. Она ползла по полу. Она рыдала. Она пыталась уйти.

Вот он, чудовище, глядит на него из зеркала над камином, – его белое лицо, полное ужаса и гнева. Они пришли за ним, и он должен их остановить. И есть только один способ это сделать. Он должен разрушить их веселье. Он повернул тень в своей руке, направил ее на свой живот.

Еще одна молния. Когда началась гроза?

Он посмотрел вниз и увидел, что его грудь разошлась. Он сделал свое дело. Теперь они не смогут его вскрыть. Не смогут забрать его душу. Он лежал на полу. Он видел, как солнце освещает пол, как по пыльным половицам ползет жук. Дейзи – он знал ее – неподвижно лежала рядом с ним, розы исчезали с ее щек, ее плутовские, живые глаза холодели.

22

Зима

Алекс попятилась, едва не сшибив поднос со стола, куда поставила его Доуз. Она схватилась за грудь, ожидая найти там открытую рану. Ее рот был набит едой, и она осознала, что стояла перед подносом, засовывая в рот макароны и заново переживая смерть Норса. Она по-прежнему чувствовала его у себя внутри – забывшегося, отдавшегося вкусовым ощущениям впервые за сто лет. Собрав всю свою волю, она вытолкнула его из себя и снова замуровала брешь, которая позволила ему проникнуть внутрь.

Она выплюнула макароны, набрала в легкие воздуха, оперлась о стенку горна. Единственным лицом, глядящим на нее из поверхности воды, было ее собственное. Она ударила по нему ладонью и смотрела, как расходится рябь.

– Ты ее убил, – прошептала она. – Я видела, как ты ее убил. Я это чувствовала.

Но, еще не успев произнести эти слова, она поняла, что в то мгновение не была Норсом. Внутри него находился кто-то еще.

Алекс, спотыкаясь, сходила в спальню Данте и достала спортивный костюм Дома Леты. Казалось, прошло много дней, но прошло всего несколько часов. Она продолжала ощущать остаточную боль там, где у нее были сломаны ребра – единственное напоминание об избиении. И все же она ужасно устала. В последнее время каждый день казался длинным, как год, и она не знала, что ее так изматывает – физические травмы или встречи со сверхъестественным.

В витражи падал дневной свет, оставляя на полированных досках пола яркие синие и желтые узоры. Может быть, сегодня ночью она поспит здесь, хоть это и означает, что ей придется пойти на лекции в спортивном костюме. Она буквально исчерпала свой запас одежды. Эти покушения на ее жизнь изрядно подпортили ей гардероб.

В ванной, смежной с большой спальней, было два умывальника-стойки и глубокая ванна на львиных ножках, которыми она никогда не пользовалась. Пользовался ли Дарлингтон? Ей было сложно представить, как он расслабляется в ванне с пеной.

Она набрала воду из раковины в ладонь, чтобы попить, но сплюнула в раковину. Алекс отшатнулась – вода была розовой и казалась грязной. Прежде, чем она уткнулась в раковину, Алекс заткнула стив.

Она смотрела на кровь Норса. В этом она была уверена. Кровь, которой он наглотался почти сотню лет назад, умирая.

И петрушка.

Маленькие кусочки петрушки.

Она вспомнила Майкла Рейса, без сознания лежащего на операционном столе в окружении Костяных. Голубиное сердце для ясности, корень герани и блюдо горьких трав. Диета жертвы перед предсказанием.

В тот день на фабрике в Норса вселился чужак – человек, которого «Кости» использовали для предсказания задолго до того, как появился Дом Леты, чтобы за ними наблюдать. *Они меня вскрыли. Хотели увидеть мою душу.* Они позволили ему умереть. Она была в этом уверена. Безымянному бродяге, которого никто бы не хватился. *БНМБ. Большие никаких мертвых бездомных.* Эту надпись она видела в книге «Лета: наследие». Шуточка для своих между парнями из Девятого Дома. Раньше Алекс не до конца в это верила даже после того, как увидела, что Майкла Рейса вскрывают на столе. Надо его проведать, убедиться, что он в порядке.

Алекс спустила воду. Она снова прополоскала рот, обернула мокрые волосы в чистое полотенце и села за антикварный столик у окна.

«Кости» были основаны в 1832 году. Свою гробницу они построили только двадцать пять лет спустя, но это не значило, что до этого они не пытались проводить ритуалы. В то время за обществами никто не приглядывал, и она вспомнила слова Дарлингтона о том, что ритуалы высвобождают неконтролируемую магию. Что, если то раннее предсказание пошло не так? Что, если какой-то Серый нарушил ритуал и послал дух жертвы летать на свободе? Что, если этот дух сумел вселиться в Норса? Похоже, он даже не понимал, что держит пистолет – *тень в моей руке*.

Объятая ужасом жертва в Норсе, Норс внутри Алекс. Они походили на матрешку сверхъестественного. Возможно, дух почему-то предпочел скрыться в теле Норса, или Норс и Дейзи просто оказались не в том месте не в то время – двое невинных людей, скошенных силой, которую и близко не могли понять? Не это ли расследовал Дарлингтон? Магию, вызвавшую убийство Норса и Уитлок?

Алекс поднялась по лестнице на третий этаж. Она уже там бывала, но нашла спальню Вергилия лишь со второй попытки. Она находилась прямо над комнатой Данте, но была куда роскошнее. Алекс полагала, что, если переживет еще три года «Леты» и Йеля, однажды она станет принадлежать ей.

Она подошла к столу и выдвинула ящички. Она нашла записку с несколькими поэтическими строками, канцелярские предметы с эмблемой с гончей «Леты», а больше почти ничего.

На столе лежал учебник по статистике. Оставил ли его здесь Дарлингтон в ночь, когда они отправились в подвал Розенфелд-холла?

Алекс спустилась вниз по лестнице к книжной полке, охраняющей библиотеку. Она достала Книгу Альбемарле. От ее страниц исходил запах лошадей, стук копыт по мостовой, обрывки иврита – память ее запроса о големах. Дарлингтон регулярно пользовался библиотекой, и книга была полна его запросов, но большинство из них, казалось, были посвящены его одержимости Нью-Хейвеном – истории промышленности, торговли земельными участками, градостроительству. Были и запросы от Доуз – все о таро и древних мистических культах, и даже от декана Сэндоу. Но вот и оно – в начале осеннего семестра – два имени зубчатыми каракулями Дарлингтона – Бертрам Бойс Норс и Дейзи Уитлок. Жених был прав. Дарлингтон действительно интересовался его делом. Но где же его заметки? Лежали ли они в ту ночь в Розенфелде в его портфеле и были поглощены со своим хозяином?

– Где ты, Дарлингтон? – прошептала она. *И сможешь ли ты меня простить?*

– Алекс.

Она подпрыгнула. На вершине лестницы стояла Доуз с наушниками вокруг шеи и кухонным полотенцем в руках.

– Тернер вернулся. Хочет нам что-то показать.

Алекс забрала из оружейной свои носки и вышла к Тернеру и Доуз в гостиную. Они сидели плечом к плечу перед тяжеловесным с виду ноутбуком, одинаково хмурясь. Тернер переоделся в джинсы и рубашку с пуговицей на воротнике, но все равно умудрялся выглядеть стильно, особенно рядом с Доуз.

Он взмахом руки подозвал Алекс к себе. Рядом с ним лежала стопка папок.

На экране Алекс увидела черно-белое видео с изображением чего-то, похожего на тюремный коридор. Вдоль камер шла чередой заключенных.

– Взгляните на временную метку, – сказал Тернер. – Примерно в это время вы направлялись на мое место преступления.

Тернер нажал на «play», и заключенные двинулись вперед. В поле зрения появилась огромная фигура.

– Это он, – сказала Алекс. Ошибки быть не могло – это был Ланс Грессанг. – Куда он идет?

– Сворачивает за угол, а потом просто исчезает, – он нажал на несколько клавиш, и на экране показался другой коридор, но Грессанга Алекс нигде не увидела. – Он номер один в длинном-длинном списке того, чего я не понимаю. Зачем он вернулся? – Тернер снова нажал несколько клавиш, и Алекс увидела больничную палату.

– Грессанг вернулся в тюрьму?

– Точно. Он в лазарете со сломанной рукой.

Алекс вспомнилась хруст костей, когда она ударила его паттером. Но какого хрена Грессанг вернулся в тюрьму, чтобы дожидаться суда?

– Это для меня? – спросила Алекс, показывая на папки.

Тернер кивнул.

– Это все, что у нас сейчас есть на Ланса Грессанга и Тару Хатчинс. Смотрите, сколько хотите, но сегодня вечером они возвращаются вместе со мной.

Алекс перенесла папку на бархатный диван и устроилась поудобнее.

– С чего такая щедрость?

– Я упрям, но не глуп. Я знаю, что я видел, – Тернер откинулся в кресле. – Что ж, давайте выслушаем вас, Алекс Стерн. Вы не считаете, что убийца – Грессанг. Тогда кто?

Алекс открыла верхнюю папку.

– Этого я не знаю, но знаю, что Тара была связана как минимум с четырьмя обществами, а людей не убивают из-за пакетика травы за двадцать баксов, так что дело не в зелени.

– Как вы насчитали четыре общества?

– Я принесу маркерную доску, – сказала Доуз.

– Это волшебная доска? – кисло спросил Тернер.

Доуз недобро взглянула на него:

– Все доски волшебные.

Она вернулась с несколькими маркерами и доской, которую поставила на каминную полку.

Тернер потер лицо рукой.

– Ладно, давайте свой список подозреваемых.

Алекс внезапно смутилась, словно ее попросили решить сложную математическую задачу перед всем классом, но она взяла у Доуз синий маркер и подошла к доске.

– С Тарой, возможно, связаны четыре общества из Древней Восьмерки: «Череп и кости», «Свиток и ключ», «Манускрипт» и «Книга и змей».

– Древней Восьмерки? – переспросил Тернер.

– Это Дома Покрова. Общества с гробницами. Вам надо было прочесть вашу «Жизнь Леты».

Тернер отмахнулся.

– Начните с «Черепа и костей». Тара продавала траву Триппу Хельмуту, но я не вижу, где тут мотив для убийства.

– Она также спала с Триппом.

– Думаете, это был не просто секс?

– Сомневаюсь, – признала Алекс.

– Но, возможно, Тара считала иначе? – робко предположила Доуз.

– Думаю, Тара знала, что к чему.

Это было необходимо. Все время.

– И все-таки Трипп из старой богатой семьи. Она могла попытаться чего-то от него добиться.

– Звучит, как мотив из мыльной оперы, – сказал Тернер.

Убедить его будет непросто.

– Но что, если они толкали наркоту посерьезней, не только траву? Я думаю, что старшекурсник Блейк Кили брал у них наркотик под названием «Счастье».

– Это невозможно, – сказала Доуз. – Он растет только...

– Знаю, на вершине какой-то горы. Но Блейк покупал его у Ланса и Тары. По словам Триппа, он видел Тару с Кейт Мастерс, а Кейт из «Манускрипта» – единственного общества, имеющего доступ к «Счастью».

– По-твоему, Кейт продавала «Счастье» Таре и Лансу? – спросила Доуз.

– Нет, – подумав, сказала Алекс. – Я считаю, что Кейт заплатила Таре, чтобы та нашла способ его выращивать. Ланс с Тарой жили в двух шагах от Лесного института и теплиц Марша. Кейт хотела избавиться от посредника. Добыть «Манускрипту» собственный запас.

– Но тогда... как наркотик оказался у Блейка?

– Может, они начали выращивать собственное «Счастье» и продавали его Блейку. Деньги – это деньги.

– Но это было бы...

– Неэтично? – спросила Алекс. – Безответственно? То же самое, что выдать малышу-социопату волшебное мачете?

– Каково действие этого наркотика? – неохотно спросил Тернер, словно сомневался в том, что хочет знать.

– Он делает тебя... – Алекс замялась. Слово *послушный* не подходило. И *усердный* тоже.

– Служителем, – сказала Доуз. – Твоим единственным желанием становится служение.

Тернер покачал головой.

– И – дайте угадаю – это не зарегистрированное вещество, потому что о нем никто не слышал, – на лице у него появилось та же гримаса отвращения, которая исказила его черты, как когда он увидел, что горн исцелил Алекс. – Все вы дети, играющие с огнем и удивляющиеся, когда сгорает ваш дом, – он поскреб рукой щетину. – Вернемся к доске. Тару связывает с «Костями» Трипп, с «Манускриптом» – Кейт Мастерс и этот наркотик. Колин Хатри – ее единственная связь со «Свитком и ключом»?

– Нет, – сказала Алекс. – У нее на руке были вытатуированы слова из поэмы под названием «Королевские идиллии», а слова из этой поэмы высечены по всей гробнице Замочников, – она передала Доуз папку, полную фотографий. – На правом предплечье.

Доуз взглянула на сделанные при аутопсии фото татуировок Тары и поскорее их перелистнула.

– Не похоже на случайное совпадение, – сказала Алекс.

– Что это? – спросила Доуз, постучав по фотографии спальни Тары.

– Просто инструменты для изготовления ювелирных украшений, – сказал Тернер. – У нее был небольшой дополнительный бизнес.

Разумеется. Этим и занимаются девушки, когда разрушается их жизнь. Пытаются найти окно, через которое можно было бы выбраться. Муниципальный колледж. Самодельное мыло. Небольшой дополнительный бизнес по изготовлению ювелирки.

Доуз сильно прикусила нижнюю губу, и Алекс подумала, что наверняка до крови. Алекс наклонилась и уставилась на фотографию, на дешевые поддельные драгоценные камни и блюдца с крючками для сережек, на щипчики. Но одно из блюдец выглядело иначе, чем другие. Оно было меньше, металл был кованым и необработанным, и вокруг дна виднелись остатки чего-то вроде пепла или извести.

– Доуз, – сказала Алекс. – Что тебе это напоминает?

Доуз отбросила папку так, словно отправляла ее в ссылку.

– Это горн.

– Но для чего он мог пригодиться Таре? Чтобы обрабатывать «Счастье»?

Доуз покачала головой.

– Нет. «Счастье» используется в своей естественной форме.

– Эй, – сказал Тернер. – Может, на минуту притворимся, что я не знаю, что такое горн.

Доуз заправила прядь рыжих волос себе за ухо и, не глядя на него, сказала:

– Это сосуды, созданные для магического и алхимического применения. Обычно они изготовлены из чистого золота и чрезвычайно реактивны.

– Эта большая золотая ванна, в которую меня только что помещала Доуз, – горн, – сказала Алекс.

– То есть вы утверждаете, что эта штука в квартире у Тары из настоящего золота? Она размером с пепельницу. Грессанг и эта девушка не смогли бы позволить себе что-то вроде этого.

– Может, это был подарок, – сказала Алекс. – И, может, то, что они изготавливали в ней, было дороже самого металла.

Доуз спрятала ладони в рукава свитера.

– Существуют истории о праведниках, которые использовали псилоцибин – грибы, – чтобы буквально открывать двери в другие миры. Но наркотики должны были быть очищены... в горне.

– Двери, – сказала Алекс, вспоминая ночь, когда они с Дарлингтоном наблюдали за неудавшимся ритуалом в «Свитке и ключе». – То есть порталы. Ты говорила, что, по слухам, магия «Свитка и ключа» иссякает. Возможно, с этим помог секретный соус Ланса и Тары?

Доуз тяжело выдохнула.

– Да. Теоретически наркотик мог облегчить открытие порталов.

Алекс взяла фотографию крошечного горна.

– Эта штука у вас... под охраной или что?

– Среди вещественных доказательств, – сказал Тернер. – Да, она у нас. Если на этой штуке остался осадок, мы можем провести его анализ и проверить, соответствует ли состав галлюциногену, найденному в крови у Тары.

Доуз сняла с шеи наушники. Она сидела, положив их на колени, будто спящее животное.

– В чем дело? – спросила ее Алекс.

– Ты говорила, что Ланс проходил сквозь стены и, возможно, воспользовался магией порталов, чтобы на тебя напасть. Если кто-то из «Свитка и ключа» впускал в их гробницу чужаков, если они приводили Ланса с Тарой на свои ритуалы... Дома Покрова считают это непростительным. *Nefandum*.

Алекс и Тернер переглянулись.

– Каково наказание за разглашение такой информации чужакам? – спросила Алекс.

Доуз стиснула наушники.

– Общество лишат гробницы и распустят.

– Знаете, на что это похоже? – спросил Тернер.

– Ага, – ответила Алекс. – На мотив.

Неужели Колин Хатри посвятил Ланса и Тару в тайны общества? Было ли это что-то вроде платежа долга, от которого он хотел избавиться? Не из-за этого ли убили Тару? Алекс сложно было представить чистенького, неунывающего Колина совершающим жестокое убийство. Но он был парнем с большим будущим, а значит, ему было что терять.

– Сегодня вечером я иду в салон профессора Бельбалм, – сказала Алекс. Она предпочла бы уснуть прямо здесь, перед камином, но не собиралась раздражать единственного человека, который, казалось, заботился о ее будущем. – Колин работает на Бельбалм. Я могу попытаться выяснить, как долго он оставался в ее доме в ночь, когда умерла Тара.

– Алекс, – тихо сказала Доуз, наконец подняв глаза. – Если бы Дарлингтон узнал о наркотиках, о том, чем Колин и другие Замочники занимались с Лансом и Тарой, возможно... – она

умолкла, но Алекс поняла, что она хочет сказать: возможно, за портал в подвале Розенфелда, в котором исчез Дарлингтон, в ответе «Свиток и ключ».

– А, собственно, где Дарлингтон? – спросил Тернер. – Если скажете, что он в Испании, я заберу свои папки и пойду домой. Сейчас моя кровать кажется мне очень привлекательной.

Доуз сжалась в кресле.

– С ним что-то случилось, – сказала Алекс. – Мы не знаем, что именно. Существует ритуал, который может помочь его найти, но его можно проводить только в новолуние.

– Почему в новолуние?

– Время имеет значение, – сказала Доуз. – Чтобы ритуал сработал, его нужно проводить в благоприятную дату или в благоприятном месте. Новолуние символизирует момент, когда открывается скрытое.

– Сэндоу хотел, чтобы вы это скрывали? – спросил Тернер. Алекс кивнула, чувствуя себя виноватой. Ей тоже пока не хотелось разносить эту новость. – А как же семья Дарлингтона?

– Мы отвечаем за Дарлингтона, – резко сказала Доуз, до последнего защищая «Лету». – И мы его вернем.

Может быть.

Тернер подался вперед.

– Вы утверждаете, что «Свиток и ключ», возможно, замешан в убийстве и похищении?

Алекс пожалала плечами.

– Ну да. Можно назвать это так. Но мы не можем сбросить со счетов «Манускрипт». Возможно, Кейт Мастерс выяснила, что Тара продавала «Счастье» Блейку Кили, а тот применял его на девушках, или, возможно, что-то пошло не так с их сделкой. Если Ланс не убивал Тару, значит, над кем-то поколдовали, чтобы он выглядел как Ланс. У «Манускрипта» есть множество фокусов и уловок, которые могли бы позволить Кейт несколько часов носить его лицо. И ничто из этого не объясняет, почему кто-то натравил на меня глума, – Алекс сунула руку в карман и ощутила успокаивающее тиканье часов.

Тернер выглядел так, словно может совершить самоубийство.

– Что-что?

– Эта тварь, которая гналась за мной на Элм. Блядь, не надо так на меня смотреть. Это правда.

– Ладно, это правда, – сказал Тернер.

– Глумы – это слуги мертвых, – сказала Доуз. – Они – мальчики на побегушках.

Алекс сердито посмотрела на нее.

– Это был очень агрессивный мальчик на побегушках.

– Они успешно выполняют простые задания. «Книга и змей» использует их как посланников и отправляет по ту сторону Покрова. Они слишком агрессивны и непредсказуемы для других задач.

За исключением того, что они способны выставить девушку сумасшедшей и, возможно, заткнуть ей рот навсегда.

– Значит, «Книга и змей» под подозрением, – сказал Тернер. – Мотив неизвестен. Вы же понимаете, что это нельзя считать доказательствами? Мы не можем достоверно подтвердить вмешательство этих обществ, если не считать слов Триппа. У меня слишком мало улик даже для того, чтобы получить ордер на обыск этих лесных теплиц.

– Я бы предположила, что Центурион может подергать свое начальство за ниточки, – лицо Тернера помрачнело. – Только вы не хотите дергать за ниточки.

– Так происходить не должно. И я не могу просто пойти к своему капитану. Он не знает о «Лете». Мне придется идти к самому начальнику.

А этого Тернер делать не собирался, пока не убедится, что все их версии не сводятся к безумным каракулям на доске. И Алекс его не винила.

– Я запрошу распечатку звонков из алкогольного магазина рядом с квартирой Тары. Возможно, они пользовались телефоном в магазине, чтобы вести свои дела. Контакт Кейт Мастерс не было ни в мобильнике Тары, ни в мобильнике Ланса. Как и контактов Колина Хатри и Блейка Кили.

– Если Тара с Лансом пользовались теплицами, то работали с кем-то из Лесного института, – сказала Доуз. – С ордером или без него, но нам нужно попытаться выяснить, с кем.

– Я студентка, – сказала Алекс. – У меня есть право там находиться.

– Я думал, вы хотите, чтобы я начал дергать за ниточки, – сказал Тернер.

Так и было, но теперь она передумала.

– Мы с этим сами разберемся. Если вы обратитесь к начальству, кто-то может рассказать об этом Сэндоу.

Тернер приподнял бровь.

– Это проблема?

– Я хочу знать, где он был в ночь убийства.

Доуз резко выпрямилась.

– Алекс...

– Доуз, он велел мне прекратить расследование. Задача «Леты» – следить за порядком в обществах. Почему он с такой силой дергал за поводья?

Мы настыри. Это всегда было миссией «Леты». Или нет? Должна ли была «Лета» действительно кого-то защищать? Или предполагалось, что они будут соблюдать статус кво, делать вид, что Дома Покрова под присмотром, что действуют какие-то стандарты, и при этом не проверять силу обществ по-настоящему? *Это год пересмотра финансирования.* Возможно, Сэндоу как-то узнал, что, если они будут искать слишком пристально, то найдут связь с обществами? «Кости», «Книга и змей», «Свиток и ключ», «Манускрипт» – четыре из восьми обществ финансировали «Лету». Это половина денег, необходимых, чтобы поддерживать Девятый Дом, – нужно даже больше, поскольку «Берцелиус» свою часть так и не выплатил. Была ли «Лета» настолько ценна для Сэндоу?

– Какую зарплату декан Сэндоу получает в «Лете»? – спросила Алекс.

Доуз моргнула.

– Вообще-то я точно не знаю. Но у него есть постоянная должность в университете. Он немало получает.

– Азартные игры? – предположил Тернер. – Наркотики? Долг?

Спина Доуз, казалось, выпрямилась еще больше, как антенна, настраиваемая, чтобы принимать информацию.

– Развод, – медленно, неохотно сказала она. – Два года назад от него ушла жена. С тех пор они продолжают судиться. Но...

– Скорее всего, это здесь ни при чем, – без всякой уверенности сказала Алекс. – Но не помешало бы узнать, где он был той ночью.

Доуз снова пожевала губу.

– Декан Сэндоу никогда не сделал бы ничего, что могло бы навредить «Лете».

Тернер встал и начал собирать свои папки.

– Почему нет, если ему предложили хорошую цену. Как по-вашему, почему я согласился быть Центурионом?

– Это почетно, – возмутилась Доуз.

– Это *работа*, а у меня и так дел по горло. Но благодаря этим деньгам я выплатил ипотеку своей матери, – он положил папки в портфель. – Посмотрим, что я смогу выяснить о Сэндоу так, чтобы ему не стало об этом известно.

– Лучше это сделаю я, – тихо сказала Доуз. – Я могу поговорить с его домработницей. Если вопросы начнете задавать вы, Елена сразу пойдет к Сэндоу.

– Думаете, у вас получится? – недоверчиво спросил Тернер.

– Она справится, – сказала Алекс. – Нам нужно только взглянуть на его расписание.

– Мне нравится денежный мотив, – сказал Тернер. – Ясно и четко. Без всего этого фокуснического дерьма, – он набросил пальто и направился к задней двери. Алекс и Доуз последовали за ним.

Открыв дверь, Тернер приостановился. За ним Алекс видела, как небо становится закатно-синим и включаются уличные фонари.

– Мама не могла просто взять у меня чек, – с печальной улыбкой сказал он. – Она знает, что копы не получают бонус. Она хотела знать, откуда у меня деньги.

– И вы ей сказали? – спросила Алекс.

– Обо всем этом? Конечно, нет. Я сказал, что мне повезло в «Foxwoods». Но она все равно знала, что я впутался во что-то нехорошее.

– Матери – они такие, – сказала Доуз.

Так ли это? Алекс вспомнила фотографию, которую мама прислала ей неделю назад. Она попросила одну из подруг снять ее в квартире. Мира была в йельском свитере, а каминная полка за ее спиной была заставлена кристаллами.

– Знаете, что сказала мне мать? – спросил Тернер. – Она сказала, что не существует дверей, о которых неизвестно дьяволу. Что он всегда поджидает, чтобы вставить в проем стопу. Я никогда не верил ей до этого вечера.

Тернер поднял воротник и вышел в холод.

23

Зима

Алекс с трудом поднялась в оружейную, чтобы забрать свои ботинки. Горн излечил ее раны, но она не выпалась, и ее тело это знало. И все же, будь у нее выбор, она бы скорее предпочла еще одну потасовку, даже с таким костоломом, как Ланс, чем идти сегодня в салон, а завтра, послезавтра и послепослезавтра – на занятия. Когда она боролась за жизнь, то могла либо сдать, либо провалиться. Все, что от нее требовалось, это выжить, и это можно было назвать победой. Даже сидя в гостиной с Доуз и Тернером, она словно не просто подыгрывала, а пыталась за ними угнаться. Она не хотела снова чувствовать себя самозванкой.

Но ты по-прежнему притворяешься, напомнила она себе. Не Доуз, ни Тернер не знали ее по-настоящему. Они бы ни за что не догадались о том, что узнал о ее прошлом Дарлингтон. А если обряд в новолуние сработает? Если через два дня Дарлингтон вернется и расскажет им всю правду, станет ли кто-то с ней разговаривать после этого?

На своей кровати в комнате Данте Алекс нашла стопку одежды.

– Я принесла ее из своей квартиры, – сказала остановившаяся на пороге Доуз, пряча руки в рукава. – Она не стильная, но получше, чем спортивный костюм. Я знаю, что ты любишь черное, так что...

– Идеально.

Идеальной одежда не была. Джинсы оказались слишком длинными, а рубашку стирали так часто, что она стала скорее серой, чем черной, но Доуз не обязана была делиться с ней своей одеждой. Алекс была готова принять любую крупицу доброты, пока еще можно.

Направившись домой к Бельбалм, Алекс чувствовала, что ей не по себе. Она завела часы на случай, если ее преследует глума, запихнула банку кладбищенской земли в портфель, положила в карман два магнита и изучила охранные пассы, которыми можно было временно закрыть портал. Все это не казалось ей надежной защитой. Список подозреваемых в убийстве Тары превратился в список всевозможных угроз, и у всех подозреваемых было слишком много магической силы.

Бельбалм жила на Св. Ронане, в двадцати минутах пешком к северу от Il Bastone, недалеко от теологического факультета. Ее двухэтажный дом из красного кирпича, покрытый серыми лозами, похожими на волосы старухи, был одним из самых маленьких на улице. Пройдя под белой решетчатой аркой, Алекс вошла в садовую калитку, и ее охватило то же спокойствие, что и в кабинете Бельбалм. В саду пахло мятой и майораном.

На тропинке Алекс приостановилась. Тропа была засыпана дробленым гравием грифельного цвета. В высоких окнах она видела людей, сидевших кто где; несколько человек ютились на банкетке для фортепьяно, кто-то расположился на полу. Она видела бокалы с красным вином, поставленные на колени тарелки. Парень с бородой и густой гривой кудрявых волос что-то зачитывал. Она почувствовала, что смотрит на иной Йель, Йель вне «Леты» и обществ, Йель, который может ей открыться, если только ей удастся выучить его ритуалы и правила. В доме Дарлингтона она чувствовала себя посторонней. Сюда ее пригласили. Возможно, Алекс здесь не место, но ей были рады.

Она негромко постучала в дверь, и, когда никто не открыл, мягко нажала. Дверь оказалась не заперта, словно нежеланных гостей здесь не бывало. На крючках в несколько слоев висели и лежали пальто. Пол был заставлен обувью.

Увидев, как Алекс мнется на пороге, Бельбалм указала Алекс в сторону кухни.

И тогда Алекс поняла. Она была обслуживающим персоналом.
Ну разумеется.

Слава тебе господи, что она обслуживающий персонал, и ей не придется притворяться никем иным.

За плечом у Бельбалм Алекс заметила, что на диване декан Сэндоу разговаривает с двумя студентами. Надеясь, что он ее не увидел, она проскользнула в кухню, а потом спросила себя, с чего бы ей об этом волноваться. Неужели она действительно считает, что он убил Тару? Что он способен на такой страшный поступок? В гостиной II Bastone это казалось возможным, но здесь, в этой теплой непринужденной обстановке, Алекс не могла уложить это в голове.

Кухня была огромной, с белыми шкафчиками, черными стойками и черно-белым шахматным полом.

– Алекс! – воскликнул при ее появлении Колин. Кругом подозреваемые в убийстве. – Не знал, что ты придешь! Нам не помешает помощь. Что ты надела? Черный – это хорошо, но в следующий раз надень белую рубашку с пуговицей на шее.

У Алекс не было белой рубашки с пуговицей.

– Ладно, – сказала она.

– Просто иди сюда и положи эти штуки на противень.

Алекс четко следовала приказам. Была здесь и вторая помощница Бельбалм, Изабель Эндрюс. Она раскладывала по тарелкам фрукты, пирожные и загадочные сорта мяса. Еда, которую они разносили, казалась Алекс совершенно незнакомой. Когда Колин попросил передать ему сыр, она не сразу сообразила, что он лежит прямо перед ней: не блюдо нарезанного кубиками чеддера, а гигантские ломти чего-то похожего на кварц или иолит, рядом крошечный горшочек меда, россыпь миндаля. Все – чистое искусство.

– После чтений и беседы они перейдут к десерту, – объяснил Колин. – Она всегда подает безе и яблочные мини-тарты.

– Декан Сэндоу был здесь на прошлой неделе? – спросила Алекс.

Если был, то она сможет вычеркнуть его из списка, а если Колин этого не знает, то, возможно, на самом деле он не провел весь вечер в салоне.

Но не успел он ответить, как в створчатые двери вплыла профессор Бельбалм.

– Конечно, был, – сказала она. – Этот человек обожает мой бурбон.

Она положила в рот крошеную землянику и вытерла пальцы о полотенце.

– Он сказал ужасную глупость о Камю. Но сложно не показаться глупым, когда речь идет о Камю. Уж и не знаю, почему я ожидала большего – у него в рамке у стола *цитата из Руми*. Колин, дорогуша, пожалуйста, позаботься, чтобы у нас под рукой всегда было белое и красное, – она подняла пустую бытылку, и лицо Колина стало пепельным. – Все в порядке, милый. Бери бутылку и присоединяйся к нам. Алекс и остальные здесь сами справятся, не так ли? Ты принес что-то почитать?

– Я... да, – Колин выпорхнул из кухни так, словно на лодыжках у него только что выросли крылья.

– Безе, – распорядилась Изабель.

– Безе, – повторила Алекс, подходя к миксеру и протягивая Изабель миску. Она сфотографировала кухню для мамы и написала ей: *На работе*. Ей хотелось, чтобы Мира представляла ее такой. Счастливой. Нормальной. В безопасности. Такой, какой Алекс никогда не была. Мерси и Лорен она тоже написала: *В салоне Бельбалм. Будем надеяться, из еды что-нибудь перепадет*.

– Не могу поверить, что Колина разрешили сегодня читать, – пожаловалась Изабель, раскладывая безе по противню. – Я работаю у нее на семестр дольше, чем он, и на отлично сдала ее курс «Женщины и индустриализм».

– В следующий раз, – промурлыкала Алекс, смазывая расплавленным маслом крошечные яблочные тарты. – Много народу было на прошлой неделе?

– Да, и Колин ныл весь вечер. Мы прибирались тут до двух часов ночи.

Значит, алиби Колина подтверждалось. Алекс почувствовала глубокое облегчение. Ей нравился Колин, нравилась вечно недовольная Изабель, нравилась эта кухня, этот дом, это удобное место. Ей нравился этот кусочек мира, не имеющий никакого отношения к убийствам или магии. Она не хотела, чтобы его разрушила жестокость. Но это не значило, что она может вычеркнуть из своего списка «Свиток и ключ». Даже если Колин не убивал Тару, он был с ней знаком. И кто-то научил Ланса магии порталов.

– Сэндоу пробыл в салоне до последнего на прошлой неделе?

– К сожалению, – сказала Изабель. – Он всегда слишком много пьет. Очевидно, он переживает жуткий развод. Профессор Бельбалм уложила его у себя в кабинете под покрывало. Он оставил кольцо мочи в туалете, и Колину пришлось вытирать, – она содрогнулась. – Хотя, по большому счету, Колин точно заслужил шанс стать чтецом. Тебя столько всего ждет, Алекс.

Изабель незачем было лгать, значит, плохой прицел декана Сэндоу только что обеспечил ему алиби. Доуз будет рада. И Алекс полагала, что рада и она сама. Одно дело быть убийцей, и совсем другое – работать на убийцу.

Вечер на кухне был долгим и затянулся допоздна, но Алекс это не беспокоило. Казалось, она работает, стремясь к какой-то цели.

Около часа ночи они закончили подавать еду, прибрались в кухне, выбросили бутылки в мусорные корзины, обменялись воздушными поцелуями с Бельбалм и выскользнули в ночь с тарелками объедков в руках. После насилия и странностей последних дней это казалось счастьем. Она увидела, какой могла бы стать ее жизнь – и как мало значили общества для большинства йельцев, – работа, не требующая от тебя ничего, кроме времени и немного внимания, в доме, полном безобидных людей, под кайфом исключительно от собственных амбиций. И это было прекрасно.

Алекс увидела впереди приближающуюся к ней Серую-на-коньках, она объезжала фонари. Ее череп и торс выглядели раздавленными – глубокую вмятину оставили колеса машины какого-то беспечного водителя.

– *Pasa punto, pasa mundo*, – почти ласково прошептала Алекс, и девушка исчезла у нее на глазах. Мгновение проходит, мир проходит. *Легко*.

Следующим утром у Алекс не было лекций. Она проснулась пораньше, чтобы позавтракать и почитать, прежде чем идти в сад Марша, но, доедая свою порцию яиц с острым соусом, она заметила Жениха. Его лицо выразило неодобрение, когда она съела мороженое с горячим шоколадным соусом, но мороженое не было доступно каждый раз в столовой, так что она не могла упустить такую возможность.

После завтрака она нырнула в туалет рядом с общей комнатой Дж. Э. и наполнила раковину. Ей не слишком хотелось с ним разговаривать; она была не готова обсуждать увиденное в его воспоминаниях. Но она хотела знать, нашел ли он Тару.

Через мгновение в воде появилось отражение Норса.

– Ну? – спросила она.

– Я ее еще не нашел.

Алекс опустила в воду палец, и его отражение пошло рябью.

– Похоже, тебе не слишком хорошо это удается.

Когда поверхность воды разгладилась, лицо Норса было мрачным.

– А что выяснили вы?

– Ты был прав. Дарлингтон интересовался твоим делом. Но в его столе в II Bastone записей не было. Завтра вечером я смогу поискать в «Черном вязе».

Когда наступит новолуние. Возможно, тогда Дарлингтон сможет ответить на вопросы Жениха самостоятельно.

– И?

– И что?

– Что вы видели у меня в голове, мисс Стерн? Вы были подавленной, когда меня изгнали. Алекс подумала о том, как много хочет ему рассказать.

– Что вы помните о своей смерти, Норс?

Его лицо, казалось, стало неподвижным, и она осознала, что назвала его по имени. *Проклятие.*

– Так вот что вы видели? – медленно спросил он. – Мою смерть?

– Просто ответьте.

– Ничего, – признал он. – В одно мгновение я стоял в своем новом кабинете, беседуя с Дейзи, а в следующее... Я был никем. Мир смертных был для меня потерян.

– Вы были по ту сторону, – Алекс понимала, как может повлиять на человека подобный опыт. – Вы когда-нибудь пытались найти за Покровом Глэдис О’Донахью?

– Кого?

– Горничную Дейзи.

Норс нахмурился.

– Ее допрашивала полиция. Она нашла наши... тела, но она не была свидетельницей преступления.

– И она была всего лишь горничной? – спросила Алекс.

Такие, как он, никогда не замечают прислугу. Но Норс был прав. Алекс сама видела, как Глэдис наслаждается весной на улице. Если бы Глэдис видела или слышала что-то странное, то поделилась бы этими сведениями с полицией. И Алекс подозревала, что видеть ей было некого – только магию, невидимую и дикую, испуганный дух человека, который был покалечен Костяными и каким-то образом вселился в Норса.

– Я дам вам знать, что найду в «Черном вязе». Перестаньте ходить за мной хвостом и разыщите Тару.

– Что вы видели у меня в голове, мисс Стерн?

– Извините! Ничего не слышно из-за помех! – Алекс вытащила из слива пробку, вышла из комнаты отдыха и написала Тернеру, что идет в теплицы Марша. По пути она позвонила в больницу, чтобы узнать, как дела у Майкла Рейса. Надо было провести жертву последнего предсказания «Череп и костей» раньше, но ее кое-что отвлекло. Ее не сразу соединили с нужным человеком, но в конце концов к телефону подошла Джин Гатдула и сказала ей, что Рейс поправляется и дня через два будет отправлен домой. Алекс знала, что «домой» – это в Дом Колумба, приют вдали от кампуса. Она надеялась, что «Кости» хотя бы дали ему денег за его мытарства.

Ботанический сад Марша находился на вершине Сайенс-Хилла. Это был старый особняк с высокой колокольной, владения бывшего поместья спускались по склону в направлении здания, в котором Тара с Лансом снимали квартиру. По сути, никакой охраны не было, и Алекс легко смешалась с толпой студентов, входивших и выходивших с территории. Четыре огромные теплицы Лесного института стояли рядом с задним входом в окружении нескольких стеклянных построек поменьше. Алекс беспокоилась, что не сможет определить, где Тара выращивала свой опасный сад, но, обойдя территорию, она ощутила вонь сверхъестественного среди запаха навоза и земли. Хотя маленькая теплица выглядела вполне обыкновенно, Алекс заподозрила, что на ней остатки чар – должно быть, наведенных Кейт Мастерс и «Манускриптом». Как еще могла Тара ухаживать за урожаем, не привлекая подозрений?

Но, открыв дверь, Алекс не нашла ничего, кроме пустых кадок и перевернутых горшков на столах. Кто-то все здесь подчистил. Кейт? Колин? Кто-то еще? Возможно, Ланс открыл портал из тюрьмы и пришел сюда, чтобы уничтожить потенциальные улики?

В земле рядом с перевернутым пластиковым контейнером лежал единственный тонкий усик неизвестного растения. Алекс дотронулась до него пальцем. Стебелек раскрылся, и среди его листьев показался одинокий белый бутон. Его лепестки распустились взрывом блестящих семян, как фейерверк, с негромким, но слышимым *пух*, и он увял до полного исчезновения.

На улице Алекс нашла худую женщину в джинсах и амбарной куртке, которая рылась в ведре с каким-то грунтом руками в перчатках.

– Простите, – сказала она, – вы не подскажете, кто пользуется этой теплицей?

– Света Майерс. Она аспирантка.

Алекс не помнила, чтобы в папках по делу Тары упоминалось это имя.

– Вы не знаете, где ее можно найти?

Женщина покачала головой.

– Пару дней назад она уехала. Взяла академ на остаток семестра.

Свету Мейерс запугали. Возможно, она сама уничтожила теплицу.

– Вы когда-нибудь видели ее с парой? Невысокая худенькая блондинка и крупный парень, который выглядит так, будто не вылезает из спортзала?

– Я часто видела тут девушку. Она была то ли кузиной Светы, то ли племянницей или еще кем-то? – Алекс в этом сильно сомневалась. – Кажется, парня я тоже видела раз или два. А что?

– Спасибо за вашу помощь, – сказала Алекс и направилась к воротам.

Спускаясь с холма, она пыталась отделаться от разочарования. Она надеялась найти в саду больше следов Тары, а не просто кучи земли, вскопанные и похожие на свежую могилу.

Тернер обещал встретить Алекс рядом с ареной Ингаллс, и она заметила его дождь у тротуара. К счастью, внутри было тепло.

– Ну? – спросил он.

Она покачала головой.

– Кто-то расчистил всю теплицу, а студентка, с которой они работали, тоже сбежала из города. Некто по имени Света Майерс.

– Не знаю такую, но попробую ее отследить.

– Я проверю списки выпускников, чтобы посмотреть, не связана ли она с одним из обществ, – сказала Алекс. – Я хочу поговорить с Лансом Грессангом.

– Опять вы за свое?

Алекс уже забыла, что притворялась, будто хочет поговорить с Грессангом.

– Кто-то должен допросить его насчет новой информации, которую мы получили.

– Если дело дойдет до суда...

– Будет слишком поздно. Кто-то натравил на меня чудовище. Они убили Тару, украли все ее растения. Возможно, они добрались и до Светы Майерс. Возможно, они наводят порядок.

– Даже если бы я смог устроить допрос Грессанга, я бы не стал брать с собой вас.

– Почему нет? Нам нужно, чтобы Грессанг считал, что мы понимаем во всем этом больше, чем он. У него уйдет секунд тридцать, чтобы сообразить, что вы собственную задницу от раскаленного камня не отличите.

– Какое цветистое выражение.

– Тернер, я видела вас в той квартире. Вы чуть не обделались, когда Ланс исчез в стене.

– Вы знаете, Стерн, у вас очень яркая индивидуальность.

– Что привлекает вас больше, мое обаяние или внешность? – Тернер повернулся на сиденье, чтобы пристально посмотреть на нее.

– Не обязательно всегда быть готовой к драке. На что вы так злитесь?

К своему раздражению, Алекс ощутила укол смущения.

– На все, – пробормотала она, глядя на затуманившееся ветровое стекло. – В общем, вы сами знаете, что я права.

– Может, и так, но Ланса представляет совет. Ни один из нас не может беседовать с ним без присутствия его адвоката.

– А вам бы этого хотелось?

– Конечно, мне бы этого хотелось. А еще мне хотелось бы стейк с кровью и минуту спокойствия без того, чтобы вы гавкали мне в ухо.

– Ничем не могу помочь. Но я думаю, что могу устроить вам беседу с Грессангом.

– Предположим, что это правда. Суд не примет ничто из того, что мы узнаем, Стерн. Ланс Грессанг может хоть двенадцать раз сказать нам, что убил Тару, и мы все равно не сможем повесить на него это дело.

– И все-таки мы получим ответы.

Тернер положил руки в перчатках на руль.

– Я почти уверен, что, говоря о дьяволе, моя мать имела в виду вас.

– Я восхитительна.

– Если я скажу «да», что нам понадобится?

У Тернера уже был вполне приличный костюм.

– У вас есть портфель?

– Я могу его позаимствовать.

– Отлично. Тогда все, что нам нужно, это вот это, – она достала из кармана зеркало, которым воспользовалась, чтобы попасть в квартиру Тары.

– Вы хотите, чтобы я вошел в охраняемую тюрьму с пудрой и кейсом?

– Хуже того, Тернер, – Алекс повертела зеркальце в руках. – Я хочу, чтобы вы поверили в магию.

24

Зима

План оказался сложнее, чем предполагала Алекс. С помощью зеркала можно было обмануть надзирателей, но не видеокамеры.

На помощь пришла Доуз с настоящей бурей в чайнике. Алекс не думала, что Дарлингтон говорил буквально, когда они шли по странному подвалу Розенфелд-холла, но, очевидно, в эпоху своего расцвета «Святой Эльм» был способен на всевозможные интересные трюки.

– Дело не только в сосуде, – объясняла Алекс и Тернеру на следующий день Доуз, стоя за кухонной стойкой в Il Bastone. Перед ней стояли золотой чайник и инкрустированное драгоценностями сито. – Дело в самом чае, – она тщательно отмерила сушеные листья из жестянки с крестом «Святого Эльма». Зловещий маленький рисунок называли «коза и лодка».

– По словам Дарлингтона, они агитируют за новую гробницу, – сказала Алекс.

Доуз кивнула.

– Потеря Розенфелд-холла их сломала. Они ходатайствовали годами, утверждая, что у их магии есть множество новых применений. Но без нексуса строить новую гробницу нет смысла, – она залила листья водой и установила на своем телефоне таймер. Свет замигал. – Если заварить слишком крепкий чай, можно закоротить весь Восточный Сиборд.

– Почему гробницы так важны? – спросил Тернер. – Это обыкновенный дом, а вы стоите тут и... *колдуете*, – он провел языком по зубам так, словно это слово не понравилось ему на вкус.

– Магия Дома Леты основана на заклинаниях и предметах, на позаимствованных чарах, она очень стабильна. Мы не полагаемся на обряды. Вот почему мы можем поддерживать охранные заклинания. Другие общества пользуются намного более могущественными силами – предсказывают будущее, общаются с мертвыми, изменяют материю.

– Крутая магия, – сказала Алекс.

Тернер перегнулся через стойку.

– Значит, у них пулеметы, а у вас – лук и стрелы?

Доуз подняла удивленный взгляд и потеряла нос.

– Ну, скорее арбалет, но да.

Таймер сработал. Доуз быстро убрала сито, налила чай в термос и протянула его Алекс.

– У вас будет часа два настоящих перебоев. После этого... – она пожала плечами.

– Но вы же не собираетесь вырубить электричество, правда? – спросил Тернер. – Не хочу оставаться в тюрьме, когда погаснет свет.

– Ах, какой прогресс! – сказала Алекс. – Теперь вас беспокоит, что магия окажется *слишком* сильной.

Доуз потянула себя за рукава свитера. Уверенность, с которой она вела себя, пока заваривала чай, испарилась.

– Нет, если я все сделала правильно.

Алекс положила термос в портфель, после чего собрала волосы в аккуратный пучок. Она сказала Мерси, что идет на собеседование, чтобы одолжить ее модный черный брючный костюм.

«Надеюсь, ты получишь эту работу», – сказала ей Мерси и обняла ее так крепко, что Алекс показалось, будто у нее искривляются кости.

«Я тоже на это надеюсь», – ответила Алекс. Несмотря на опасность, она была рада приодеться, рада, что это приключение займет ее время. Обряд в новолуние казался до невозможности далеким, и тем не менее сегодня ночью его проведут. Ей сложно было думать о чем-либо другом.

Она посмотрела на экран телефона.

– Нет связи.

Тернер последовал ее примеру.

– У меня тоже.

Алекс включила маленький телевизор над кухонным уголком. Ничего, кроме помех.

– Идеальная заварка, Доуз.

Доуз выглядела довольной.

– Удачи.

– Я собираюсь разрушить свою карьеру, – сказал Тернер. – Будем надеяться, что на нашей стороне не только удача.

Поездка до тюрьмы была короткой. Алекс там никто не знал, так что она могла не переживать, что ее разоблачат. В своем одолженном корпоративном прикиде она выглядела вполне правдоподобно. Другое дело – Тернер. Утром ему пришлось заехать в суд и столкнуться с адвокатом Ланса Грессанга, чтобы заполучить его отражение в зеркальце пудры.

Они без проблем прошли через охрану.

– Перестаньте смотреть на камеры, – прошептала Алекс, когда их с Тернером вели по убогому коридору, освещенному флюоресцентными лампами.

– Они выглядят так, словно работают.

– Электричество включено, но они записывают только помехи, – с напускной уверенностью сказала Алекс. Термос лежал у нее в сумке и успокаивающе стучался об ее бедро.

Попав в комнату для встреч, они наконец окажутся в безопасности. Записывать на видео или аудио беседы адвоката и его клиента было запрещено.

Когда они вошли, Ланс сидел за столом.

– Что вам нужно? – спросил он, увидев Тернера, который убрал пудру, продемонстрировав ее хмурому надзирателю.

– У вас один час, – сказал надзиратель. – Не задерживайтесь.

Грессанг отодвинулся от стола, переводя взгляд с Тернера на Алекс.

– Какого хрена происходит? Вы двое что, работаете вместе?

– Один час, – повторил надзиратель и закрыл за собой дверь.

– Я свои права знаю, – сказал Грессанг, вставая. Он выглядел еще крупнее, чем в квартире, и его забинтованная рука Алекс ничуть не успокаивала. До сих пор она старалась не оставаться в тесных помещениях с мужчинами вроде Ланса Грессанга. Когда у них портилось настроение, лучше не быть единственной в поле зрения.

– Сядьте, – сказал Тернер. – Нам нужно поговорить.

– Вы не можете говорить со мной без моего адвоката.

– Вчера вы прошли сквозь стену, – сказал Тернер.

– А что, это уголовно наказуемо?

Услышав обвинение, Ланс выглядел почти сконфуженным. *Он знает, что не должен использовать магию порталов,* подумала Алекс. И он уж точно не должен был попадаться на глаза копам. Ланс не мог знать, что Тернер имеет отношение к Домам Покрова.

– Сядьте, Грессанг, – повторил Тернер. – Возможно, вы обрадуетесь, что сели.

Алекс спрашивала себя: что, если Ланс просто положит себе в рот какой-нибудь гриб и исчезнет в полу? Но он медленно, угрюмо опустил обратно на стул.

Тернер и Алекс сели за стол напротив него.

Ланс стиснул зубы и указал подбородком на Алекс.

– Что ты забыла у меня дома?

У меня дома. Не у нас дома. Алекс ничего не ответила.

– Я пытаюсь выяснить, кто убил Тару, – сказал Тернер.

Ланс вскинул руки.

– Если вы знаете, что я невиновен, почему бы вам не вытащить меня из этой дыры?

– «Невиновен» – слишком сильное слово, – сказал Тернер тем же любезным, снисходительным тоном, каким всего несколько дней назад разговаривал с Алекс. – Возможно, именно в этом жестоком преступлении вы и не виновны, и, если это так, то я с величайшим удовольствием позабочусь о том, чтобы обвинение в убийстве с вас сняли. Но прямо сейчас я хочу донести до вас тот факт, что никто не знает, что мы здесь. Все надзиратели считают, что вы болтаете со своим адвокатом, и вам нужно понять, что мы можем делать все, что хотим.

– И я должен испугаться?

– Да, – сказал Тернер. – Должен. Но не нас.

– Эй, он может бояться нас, – сказала Алекс.

– Может, но у него есть проблемы посерьезнее. Если Тару не убивали вы, значит, ее убил кто-то другой. И этот кто-то только и ждет, чтобы добраться и до вас. Прямо сейчас вы отличный козел отпущения. Но надолго ли? Тара знала нечто, чего не должна была знать, и, возможно, вы тоже.

– Я ни хрена не знаю.

– Вам не меня нужно убеждать. Вы видели, на что способны эти люди. Думаете, их будет мучить совесть, если они сотрут пятно дерьма вроде вас? Думаете, они остановятся перед тем, чтобы уничтожить вас, ваших друзей или весь квартал, если благодаря этому они смогут спокойно спать по ночам?

– Такие люди, как я и ты, ничего не значат, – сказала Алекс. – Стоит нам перестать быть полезными.

Ланс осторожно положил свою раненую руку на стол и подался вперед.

– Кто, ты, блядь, такая?

Алекс выдержала его взгляд.

– Я единственный человек, который считает, что ты не убивал Тару. Так что помоги мне выяснить, кто это сделал, пока Тернер не потерял терпение, не выставил меня за дверь и не бросил тебя здесь гнить.

Взгляд Ланса заметался между Алекс и Тернером. Наконец он сказал:

– Я не убивал ее. Я ее любил.

Как будто одно противоречит другому.

– Когда ты начал работать со Светой Майерс?

Ланс заерзал на сиденье. Очевидно, ему пришлось не по вкусу, что им известно это имя.

– Не помню. Года два назад. Тара ходила туда на рапродажу растений и разговорилась с ней. Они реально хорошо ладили, болтали про общественное садоводство и всякое дерьмо. Какое-то время мы ей продавали, потом начали выращивать вместе с ней, взяли ее в долю.

– Расскажи нам о «Счастье», – сказала Алекс.

– О чем?

– Вы выращивали не только травку. Что вы выращивали для Блейка Кили?

– Для парня-модели? Он вечно подкатывал к Таре, кидался деньгами, как знаменитость. Терпеть не могу этого мудака.

Алекс не знала, что чувствовала из-за того, что у них с Лансом Грессангом нашлось кое-что общее.

– Что вы для него выращивали? – продолжал настаивать Тернер.

– Это было не для него. По крайней мере, поначалу. Какое-то время мы продавали траву его братству... Все это не может быть принято в качестве доказательства, так? Это не для записи? – Тернер жестом попросил его продолжать. – Ничего особенного. Пакетики по десятке, по двадцатке. Обычное дерьмо. А потом в этом году появляется эта девка Кэти...

Алекс наклонилась вперед.

– Кейт Мастерс?

– Ага. Блондинистая, смазливая, но какая-то мужеподобная?

– Расскажи побольше о том, каких женщин ты предпочитаешь.

– Реально?

– Нет, осел. Чего хотела *Кэти*?

– Хотела узнать, что мы выращиваем и может ли Тара найти в теплицах место для чего-то нового. Какое-то лекарственное дерьмо, там были все эти четкие правила насчет влажности и я не знаю, чего. Тара реально увлеклась работой над этим со Светой. Это заняло время, но потом оно начало хорошо расти. Я как-то попробовал, вообще никакого прихода.

Господи. Ланс Грессанг добрался до «Счастья» и даже этого не понял. Когда Алекс думала о том, сколько вреда он мог причинить, пойми он, что может контролировать людей... Но кто-то другой его опередил.

– Ты решил, что оно ничего не стоит, – сказала Алекс. – Дерьмовый приход. А потому мы продали его Блейку.

– Ага, – ухмыляясь, сказал Грессанг.

– И что вы подумали, когда он вернулся за добавкой?

Грессанг пожал плечами.

– Рад был прикарманить его бабки.

– Кейт Мастерс знала, что вы продавали «Счастье» Блейку?

– Не, она была реально дерганой. Говорила нам, что он ядовитый и все такое, что не нужно принимать его. Я знал, что она взбесится, если узнает. Но Блейк все время возвращался, чтобы купить еще, а потом привел еще одного парня, который хотел узнать, можем ли мы достать грибы.

– Кто это был? – спросил Ланса Тернер. Но Алекс уже знала, что ответит Ланс.

Ланс заелозил на стуле. Он выглядел напряженным, почти напуганным.

– Это был Колин Хатри, верно? – спросила Алекс. – Из «Свитка и ключа».

– Ага. Он... – Ланс откинулся на стуле. Показная бравада его покинула. Он смотрел на стену так, словно ожидал найти на ней ответ. Время шло, но Алекс и Тернер продолжали молчать. – Я не знал, во что мы впутались.

– Расскажите, – сказал Тернер. – Расскажите, как это началось.

– Тара вечно пропадала в теплицах, – сбивчиво сказал Ланс. – Возвращалась поздно, смешивала всякое дерьмо допоздна, смешивала грибы я не знаю, с чем. У нее было это маленькое желтое блюдо, которое дал ей Колин. Она называла его своим ведьминским котлом. Колин жить не мог без таблеток, которые она делала. Все время возвращался, чтобы взять еще.

– Таблеток? – переспросил Тернер. – Я думал, речь о грибах.

– Тара дистиллировала это дерьмо. Это была не кислота. Не знаю, что это было, – Ланс потер здоровой ладонью другую руку, и Алекс заметила, что кожа у него в мурашках. – Мы хотели знать, для чего его использует Колин, но он был реально скрытным на этот счет. Так что Тара сказала, типа: «Ну тогда я не буду больше для вас, ребята, готовить», – Ланс протянул руки, словно умоляя о чем-то Алекс. – Я ей говорил. Я ей *говорил*, чтобы она забила на эту тему и просто продолжала брать у Колина бабки.

– Но этого было недостаточно, – сказала Алекс. *Скорей умру, чем в верности твоей засомневаюсь.* Тара почувствовала, что на кону что-то серьезное, и захотела свою долю. – И что было дальше?

– Колин уступил, – Алекс не могла определить, чего в его голосе больше – хвастовства или сожаления. – Как-то на выходных он и его приятели пришли за нами в квартиру. Мы все съели таблетки, которые сделала Тара, а потом они завязали нам глаза и привели нас в это здание, в эту комнату. Она была реально нарядной, с этими ширмами, а на них, типа, еврейские звезды, а крыша открытая, так что видно небо.

Алекс была в той комнате в ночь неудавшегося ритуала Замочников, когда они пытались попасть в Будапешт. Может, они все это инсценировали, зная, что без таблеток Тары ничего не выйдет?

– Мы встаем вокруг этого круглого стола, и они давай скандировать типа, не знаю, по-арабски, и стол просто... открывается.

– Как проход? – спросил Тернер.

Ланс покачал головой.

– Нет-нет. Вы не поняли: дна не было. Внизу была ночь – какая-то другая ночь, – а сверху тоже ночь, только наша. Везде были звезды, – в его голосе был искренний трепет. – Мы прошли через него и оказались на вершине горы. Видно было на много миль вокруг. Погода была такая ясная, что видно было изгиб горизонта. Невероятно. Но на следующий день мне было пипец как хреново. И, господи, как от нас воняло. Запах не смывался несколько дней, – Ланс вздохнул и сказал: – Ну, наверное, с тех пор так и пошло. Колин и вся эта тусовка хотели, чтобы Тара готовила для них это дерьмо. Мы хотели продолжать кайфовать. Тара хотела увидеть мир. Я просто хотел пострадать фигней. Мы были на Амазонке, в Марокко, в этих горячих бассейнах в Исландии. Мы были в Новом Орлеане на Новый год. Это было как в самой крутой видеоигре, – Ланс хихикнул. – Колин не мог сообразить, как Тара смешивает это дерьмо. Он вел себя так, как будто его это смешит, но я видел, что его это бесит.

Алекс попыталась соотнести такого Колина – жадного, завистливого, кайфующего вместе с торговцами наркотиками – с амбициозным, ухоженным парнем, которого она видела в доме Бельбалм. Чем, по его мнению, должна была закончиться эта история?

– Откуда знали друг друга Блейк и Колин? – спросила Алекс. Ей было сложно представить, что они вместе тусили.

Ланс пожал плечами.

– По лакроссу, что ли?

Лакросс. Колин был настолько не похож на спортсмена, что ей трудно было это представить. Возможно, он, как и Алекс, увидел одно из мерзких видео Блейка и узнал «Счастье»? Магия начала подводить Замочников. Нексус под их гробницей больше не работал, и они отчаянно нуждались в способах открывать порталы. И Колин – находчивый, дружелюбный, лощеный Колин – не доложил о том, что делал со «Счастьем» Блейк. Он не помешал ему издеваться над девушками. Вместо этого он воспользовался шансом для себя и своего общества.

– А как насчет Триппа Хельмута? – спросил Тернер. Казалось странным спрашивать про румяного, позитивного Триппа, но Алекс была рада, что он никого не исключает.

– Кого?

– Богатый парень, – сказала Алекс, – из яхтенной команды, вечно загорелый?

– В Йеле таких полно.

Алекс сомневалась, что он косит под идиота, но уверена она не была.

– На днях вы открыли портал в тюрьме, – сказал Тернер.

– Когда ваши ребята меня взяли, у меня с собой была таблетка, – Ланс ухмыльнулся. – Такую мелочь легко припрятать.

– Почему вы просто не сбежали? – спросил Тернер. – Почему не отправились на Кубу или куда-нибудь еще?

– Какого хрена я забыл на Кубе? – спросил Ланс. – И потом, на большие расстояния можно путешествовать только через стол.

Он говорил о гробнице. «Свиток и ключ» по-прежнему нуждался в нексе. Одних таблеток Тары было недостаточно.

– Подожди, – сказала Алекс. – Вы потратили свою единственную таблетку на то, чтобы вернуться домой?

– Я думал, что смогу найти наличные, может, сбежать или взять что-нибудь, чтобы здесь торговать, но ваши чертовы копы все вверх дном перевернули.

– Почему вы просто не перенеслись в гробницу – к столу, – а потом не отправились куда угодно?

Ланс моргнул.

– Бля, – он ссутулился на стуле. – *Бля*, – он остановил взгляд на Алекс, заметно приуныв. – Вы же поможете мне, да? Вы меня защитите?

Тернер поднялся.

– Не высовывайтесь, Грессанг. Пока все выглядит так, будто вы принимаете удар на себя, вы будете здесь в безопасности.

Алекс ожидала, что Ланс возмутится, попытается торговаться, может, даже начнет им угрожать. Вместо этого он просто продолжал сидеть, его большое тело застыло, как каменный идол, под флюоресцентными лампами. Он не сказал ни слова, когда Тернер постучал в дверь, и за ними пришел надзиратель, не поднял глаза, когда они ушли. Он побывал в джунглях Амазонки, гулял по рынкам Марракеша. Он разгадывал загадки этого мира, но загадки этого мира не обратили на него никакого внимания, и после всего этого он все равно оказался здесь. Двери закрылись. Порталы тоже. И идти Лансу Грессангу было некуда.

Тернер и Алекс ехали обратно в кампус молча, посильнее включив обогрев, чтобы не замерзнуть. Она написала Доуз, что они в безопасности и что она будет в «Черном вязе» не позднее восьми, после чего сняла одолженные у Мерси туфли на каблуках. Они были малы ей на полразмера, и ноги у нее ныли.

Только выезжая с шоссе, Тернер сказал:

– Ну?

– Кажется, у нас появилось еще больше мотивов.

– Я не списываю Грессанга со счетов, пока мы не выясним, что на месте преступления находился кто-то еще. Но Колин Хатри и Кейт Мастерс выглядят куда более многообещающе, – он постучал по рулю руками в перчатках. – Но проблема ведь не только в Колине и Кейт. Проблема в них во всех. Во всех детишках в мантиях и капюшонвах, притворяющихся, что они волшебники.

– Они не притворяются, – но Алекс прекрасно понимала, о чем он. Колин представлял собой самую прямую связь между «Свитком и ключом» и Тарой, но все Замочники делились своими ритуалами с чужаками и скрывали истину от «Леты». Если Тара стала представлять опасность для общества, любой из них мог решить ее заткнуть. Столь же маловероятным казалось, что Кейт Мастерс решила выйти из-под контроля «Манускрипта». Алекс помнила, что сказал Майк Аволово об уникальности этого наркотика. Возможно, все они думали, что смогут отказаться от посредника с Большого Хингана и начать выращивать его самостоятельно. Он казался искренне удивленным, узнав, что «Счастье» попало в чужие руки, но, может быть, он просто притворялся.

– На кого думаете вы? – спросил Тернер.

Алекс постаралась не выдать удивления. Возможно, Тернеру просто нужен был собеседник, но ей было приятно, что ее спросили. И ей было жаль, что у нее нет ответа получше.

Алекс размяла ноющие стопы.

– Любой член «Манускрипта» мог с помощью заклинаний убедить Тару, что она встречается с Лансом. Плюс, если «Ключи» нуждались в Таре для своего секретного соуса, то зачем

бы они стали ее убивать? Последние несколько лет с магией у них были нелады. Они в ней нуждались.

– Но она могла выйти за рамки, – сказал Тернер. – Мы понятия не имеем, в каких отношениях она состояла с Колином на самом деле. Мы даже толком не знаем, каков был состав этих ее таблеток. Мы говорим уже не о волшебных грибах.

Это правда. Возможно, гению химии Колину не понравилось, что его обставила городская. И Алекс сомневалась, что кому-либо из «Свитка и ключа», понравилось, что их шантажом вынудили раскрыть свои ритуалы. Так же возможно, что кто-то добыл рецепт Тары и решил, что она больше не нужна.

– У Колина Хатри есть алиби на ту ночь, – сказала Алекс. – Он был в салоне Бельбалм.

– По-вашему, он не мог просто открыть удобный маленький портал, проскользнуть сквозь него, убить Тару и вернуться незамеченным?

Алекс захотелось себя ударить.

– Умно, Тернер.

– Почти как будто я знаю свое дело.

Алекс знала, что должна была сама до этого додуматься. И, возможно, додумалась бы, если бы так не надеялась, что Колин во всем этом не замешан, и ее идеальное многообещающее лето с Бельбалм не будет запачкано страшным убийством Тары.

Тернер повел машину по Чэпел и остановился у ворот Вандербильта. Она увидела маячащего на ступенях перед входом Норса. Как долго он прождал? И нашел ли он по ту сторону Тару? Вздвогнув, она осознала, что он был убит – или убил красотку Дейзи и себя самого – всего в нескольких кварталах отсюда.

– Что бы вы ответили, если бы я сказала вам, что перед моим общежитием призрак? – спросила Алекс. – Прямо здесь, во дворе?

– Честно? – спросил Тернер. – После всего, что я видел в последние несколько дней?

– Ага.

– Я бы все равно решил, что вы морочите мне голову.

– А если я скажу, что он работает над нашим делом?

Искренний смех Тернера – низкий, утробный – нисколько не походил на его деланные смешки.

– У меня бывали разведчики и пострашее.

Алекс сунула ноги в слишком тесные туфли и толчком открыла дверцу машины. Ночной воздух был таким холодным, что было больно дышать, а небо над ее головой было черным. Поднималась новая луна. Через несколько часов ее ждали в «Черном вязе». Когда Сэндоу впервые заговорил об этом ритуале, Алекс предположила, что они попытаются связаться с Дарлингтоном из II Bastone, может, даже с помощью горна. Но Сэндоу намеревался буквально вернуть его домой.

– Завтра займусь Кейт Мастерс, – сказал Тернер. – И Колином Хатри. Посмотрим, что всплывет.

– Спасибо, что подбросили, – Алекс закрыла за собой дверцу и постояла, глядя, как фары Тернера исчезают на Чэпел. Она спрашивала себя, представится ли ей случай еще раз побеседовать с детективом. Этой ночью все может измениться. Алекс мечтала, чтобы Дарлингтон вернулся, и боялась этого – и никак не могла разделить эти чувства. Она знала, что, как только он скажет декану Сэндоу, что она сделала, кто она такая в действительности, ее пребыванию в «Лете» придет конец. Она это знала. Но она также знала, что Дарлингтон был лучшим шансом Тары на справедливость. Он говорил на языке этого мира, понимал его правила. Он бы увидел связи, ускользнувшие от остальных.

Она готова была признать, что скучает по его напыщенной, всезнающей заднице. Но дело было не только в этом. Он бы ее защитил.

Она стыдилась этой мысли. Алекс-боец, Алекс-гадюка должна бы быть жестче. Но она устала бороться. Дарлингтон не стал бы терпеть то, через что прошли она и Доуз. Пусть он и считал, что ей не место в «Лете», но она знала, что он верит, что она достойна защиты «Леты». Он пообещал, что встанет между ней – между всеми ними – и страшной темнотой. Это кое-что да значило.

Норс держался на расстоянии, паря в золотом свете уличного фонаря. Убийца или жертва, но в любом случае союзник. Пока.

Она кивнула ему и пошла дальше. Этой ночью ей нужно было расплатиться по иным долгам.

25

Зима

– Как все прошло? – спросила Мерси, как только Алекс вошла в комнату отдыха. Она, скрестив ноги, сидела на диване в окружении книг. Алекс не сразу вспомнила, что якобы была на собеседовании.

– Не уверена, – сказала она, заходя в их спальню, чтобы переодеться. – Может, и хорошо. Было интересно. Эти брюки слишком тесные.

– У тебя слишком большая задница.

– У меня отличная задница, – отозвалась Алекс. Она натянула черные джинсы, одну из своих последних приличных кофт с длинными рукавами и черный свитер. Она хотела было изобрести отговорку об учебной группе, но предпочла расчесаться и накрасить губы темно-сливовой помадой.

– Куда это ты намылилась? – спросила Мерси, увидев, как она красится.

– Встречаюсь кое с кем за кофе.

– Пойдите-ка, – сказала Лорен, высунув голову из своей спальни. – Алекс Стерн собралась на свидание?

– Сначала Алекс Стерн ходила на собеседование, – сказала Мерси. – А теперь собралась на свидание.

– Кто ты, Алекс Стерн?

Будь я проклята, если знаю.

– Если вы закончили, кто украл мои сережки-кольца?

– В каком он колледже? – спросила Лорен.

– Он городской.

– О-о, – сказала Лорен и вложила Алекс в руку ее поддельные серебряные сережки. – Алекс нравятся работяги. Эта помада – перебор.

– А мне нравится, – сказала Мерси.

– Похоже, она собралась его покорить.

Алекс надела серьги и промокнула губы салфеткой.

– Вот именно.

– Февральский клуб почти закончился, – сказала Мерси. Каждой февральской ночью какая-нибудь группа или организация устраивала мероприятия в качестве протеста против глубокого зимнего мрака. – Нам надо сходить на последнюю вечеринку в пятницу.

– Надо ли? – спросила Алекс, гадая, готова ли к этому Мерси.

– Ага, – сказала Мерси. – Я не говорю, что надо тусоваться до утра, но... Я хочу пойти. Может, я одолжу у тебя помаду.

Алекс усмехнулась и достала мобильник, чтобы заказать такси.

– Тогда точно идем, – *Если завтра я еще буду студенткой Йеля.* – Не дожидайся меня, мам.

– Ах ты шлюшка, – сказала Лорен.

– Будь осторожна, – сказала Мерси.

– Пусть он будет осторожен, – сказала Алекс и заперла за собой дверь.

Она попросила водителя высадить ее рядом с каменными колоннами «Черного вяза» и прошла по длинной подъездной дорожке пешком. Гараж был открыт, и внутри она увидела припаркованный бордовый мерседес Дарлингтона.

На первом и втором этажах дома горел свет, и Алекс разглядела в кухонном окне помещивающую что-то на плите Доуз. Не успев войти, она узнала лимонный запах. Авголемоно. Любимый суп Дарлингтона.

– Ты рано, – сказала через плечо Доуз. – Хорошо выглядишь.

– Спасибо, – внезапно застеснявшись, сказала Алекс. Может, серьги и помада были ее версией лимонного супа?

Алекс сняла пальто и повесила его на крючок у двери. Она не знала, чего ожидать от этой ночи, но хотела успеть обыскать кабинет и спальню Дарлингтона до приезда остальных. Она была рада, что Доуз включила везде свет. В последний раз, когда она здесь была, одиночество дома ее потрясло.

Сначала Алекс проверила кабинет – обитую деревом и полную книжных полок комнату рядом с милой застекленной террасой, где она писала отчет о смерти Тары для Сэндоу. На столе было довольно чисто, но его ящики, казалось, были полны документов, касающихся «Черного вяза». В верхнем ящичке Алекс нашла старомодный ежедневник и мятую пачку «Честерфилда». Она не могла представить Дарлингтона затягивающимся дешевой сигаретой.

Обыск его монашеской кельи на третьем этаже оказался столь же бесплодным. Космо вошел в комнату вслед за ней и осуждающе глядел, как она выдвигает ящики и перебирает стопки книг.

– Да, Космо, я нарушаю его личное пространство, – сказала она. – Но у меня есть уважительная причина.

Очевидно, кот удовлетворился ее объяснением, потому что он принялся тереться о ноги Алекс, прижал голову к ее ботинкам и громко замурлыкал. Она почесала его между ушами, перелистывая книги, сложенные ближе всего к кровати Дарлингтона. Все они были посвящены промышленности Новой Англии. Она остановила взгляд на чем-то вроде старого каталога экипажей. Бумага пожелтела, была порвана по краям и завернута в пластиковый защитный чехол. Семья Норс изготавливала экипажи.

Алекс осторожно достала каталог из чехла. Вблизи он оказался вестником торговли для нью-хейвенских производителей экипажей и поддерживающих их фирм. Там были рисунки колес, стопорных механизмов и фонарей, а на третьей странице она увидела напечатанное крупным жирным шрифтом объявление о строительстве новой фабрики «Норс и сыновья», в которой будет демонстрационный зал для потенциальных покупателей. На полях узнаваемым почерком Дарлингтона было написано: *первый?*

– И это все? Ну же, Дарлингтон. Первый *что?*

Алекс услышала шорох шин по гравию и, взглянув вниз, на дорожку, увидела фары двух машин – слегка обшарпанного «ауди» и, сразу за ним, сияющего синего «лендровера».

«Ауди» въехала в гараж, остановившись рядом с «Мерседесом» Дарлингтона, и секунду спустя Алекс увидела, как из нее выходят декан Сэндоу и женщина, которая не могла быть никем, кроме Мишель Аламеддин. Алекс не знала, чего именно она ожидала, но эта девушка выглядела совершенно обыкновенно: густые спутанные кудри на плечах, угловатое лицо с изящно выщипанными бровями. На ней было хорошо скроенное черное пальто и черные сапоги до колен. Алекс показалось, что она выглядит очень по-нью-йоркски, хотя сама Алекс в Нью-Йорке ни разу не была.

Алекс сунула каталог экипажей обратно в чехол и торопливо спустилась. Сэндоу и Мишель уже вешали свои пальто в прихожей, а вслед за ними вошли женщина постарше и нескладный парень с ирокезом и огромным рюкзаком за плечами. Алекс не сразу узнала их без белых мантий, но в конце концов она их вспомнила: это был Джош Зелински, президент деле-

гации «Аврелиана», и выпускница, проводившая чуть не закончившийся катастрофой ритуал прошлой осенью вместе с тем романистом. *Амелия.*

Дарлингтон тогда убедил аврелианцев, что виноваты они, а не Алекс. И той же ночью, к недоумению Доуз, Алекс и Дарлингтон сильно напились дорогим красным вином и вдребезги разбили целый шкаф ни в чем не повинного хрусталя – вместе с безвкусным набором китайских фарфоровых блюд, который, скорее всего, заслуживал смерти. Она помнила, как стояла в комнате, полной осколков и черепков, и чувствовала себя лучше, чем за все последние годы. Дарлингтон взглядом оценил ущерб, доверху наполнил свой бокал и сонно сказал: *«В этом есть метафора, Стерн. Я ее найду, когда протрезвею».*

Присутствующих представили друг другу, и Сэндоу откупорил бутылку вина. Доуз поставила на стол тарелку сыра и нарезанных овощей. Это походило на прелюдию к плохому торжественному ужину.

– Итак, – сказала Мишель, кладя в рот ломтик огурца. – Дэнни пропал?

– Возможно, он мертв, – тихо сказала Доуз.

– Сомневаюсь, – ответила Мишель. – Иначе его призрак преследовал бы ее повсюду, – она показала на Алекс большим пальцем. – Ты же была в это время с ним, так?

Алекс кивнула, чувствуя, как у нее сжалось в животе.

– И ты волшебная девушка, которая видит Серых. Его видела?

– Нет, – сказала Алекс. И Норс не видел его по ту сторону. Дарлингтон жив и сегодня ночью вернется домой.

– Какое необычайное дарование, – сказала Амелия. У нее были густые золотисто-каштановые волосы чуть ниже подбородка, а одета она была в костюм-двойку и накрахмаленные джинсы. – «Лете» с вами повезло.

– Да, – доброжелательно сказал Сэндоу. – Это правда.

Джош Зелински покачал головой.

– Жест. И они просто порхают вокруг? А сейчас тут есть Серые?

Алекс сделала щедрый глоток вина.

– Да. Один положил руку тебе на задницу.

Зелински резко развернулся. На лице Сэндоу появилось страдальческое выражение.

Но Мишель рассмеялась.

– Дарлингтон наверняка обоссался, когда узнал, на что ты способна.

Сэндоу прочистил горло.

– Спасибо всем вам, что пришли, – сказал он. – Это тяжелая ситуация, и я знаю, как вы все заняты.

Это не гребаное заседание совета, – захотелось закричать Алекс. – Он исчез.

Мишель подлила себе вина.

– Не могу сказать, что я удивилась вашему звонку.

– Серьезно?

– Кажется, когда Дарлингтон был на первом курсе, я весь год только и делала, что старалась позаботиться, чтобы он себя не убил и ничего не поджег. Где бы он ни был, он наверняка в восторге, что здесь наконец творится что-то захватывающее.

Сэндоу хмыкнул.

– Готов поспорить.

Алекс ощутила приступ раздражения. Ей не нравилось, что Сэндоу и Мишель насмеются над Дарлингтоном. Он заслуживал лучшего.

– Он любитель острых ощущений? – спросила Амелия, причем ее голос звучал довольно возбужденно.

– Не совсем, – сказала Мишель. – Он просто всегда готов к приключениям. Он считал себя рыцарем, мальчиком, который стоит у двери в загробный мир с мечом в руке.

Когда Дарлингтон описывал себя или «Лету» в таком духе, Алекс презрительно фыркала. Но теперь, когда она думала о Таре, наркотиках вроде «Счастья», парнях вроде Блейка, это не казалось глупым. У Домов Покрова было слишком много силы, и целью установленных ими правил было не предотвратить вред, который они могли принести, а контролировать доступ к этой силе.

– А разве это не так? – спросила Алекс, не успев прикусить язык. – *Мы пастыри* и все такое?

Мишель снова рассмеялась.

– Не говори мне, что он и тебя заразил, – рука об руку с Сэндоу она вышла из кухни. Зелински и Амелия последовали за ними. – Жаль, что я не смогла приехать пораньше и увидеть этот дом при дневном свете. Он столько всего здесь исправил.

Доуз дотронулась ладонью до руки Алекс, испугав ее. Это была мелочь, но Алекс прикоснулась к ней костяшками пальцев в ответ. Дарлингтон был *прав* насчет того, что «Лета» необходима, и насчет того, зачем они здесь. Они не просто охранники из торгового центра, державшие в узде кучку непослушных детей. Они должны быть детективами, солдатами. Мишель и Сэндоу этого не понимают.

«А как насчет меня?» – спросила себя Алекс. Как она превратилась из двоечницы в священного воина? И что произойдет, когда они вернут Дарлингтона в наш мир оттуда, где он сейчас торчит?

Возможно, ее работа над делом Тары Хатчинс станет очком в ее пользу, но она сильно сомневалась, что он просто скажет: *Молодец, что взяла на себя инициативу. Все прощено.* Она скажет ему, что ей жаль, что она не знала, что собиралась совершить Хелли в то утро в Граунд-Зиро. Она скажет ему все, что потребуется, и будет держаться за эту жизнь зубами и когтями.

– Где он, по-нашему, находится? – спросила Мишель, когда они поднимались на второй этаж.

– Мы не знаем. Я подумал, что можно воспользоваться охотничьим заклинанием, – Сэндоу казался почти самодовольным. Ингода Алекс забывала, что декан когда-то и сам был членом «Леты», и у него неплохо получалось.

– Очень хорошо! Что мы используем для его запаха?

– Был ли он скреплен «Аврелианом»?

– Насколько я знаю, нет, – сказала Амелия. – Но мы можем активировать язык, чтобы призвать подписантов.

– Откуда угодно? – спросила Мишель.

– Откуда угодно, – высокомерно сказал Зелински.

Они долго описывали механику договора и сказали, что призыв должен сработать, если он был заключен с честными намерениями и его стороны были эмоционально связаны с соглашением.

Алекс и Доуз переглянулись. В этом они могли быть уверены: Дарлингтон любил «Черный вяз».

Бальный зал на втором этаже был освещен фонарями, развешанными по четырем сторонам света. Коврики для упражнений и снаряды Дарлингтона были убраны в угол.

– Хорошее место, – сказал Зелински, расстегивая рюкзак. Они с Амелией достали четыре завернутых в вату предмета.

– Разве нам не нужен кто-то, кто открыл бы портал? – прошептала Алекс Доуз, глядя, как Джош разворачивает огромный серебряный колокольчик.

– Если Сэндоу прав, и Дарлингтон просто застрял между мирами в каком-то карманном пространстве, то активация договора должна создать достаточную тягу, чтобы привести его к нам.

– А если ничего не выйдет?

– Тогда в следующее новолуние придется пригласить «Свиток и ключ».

Но что, если это Замочники создали в подвале портал той ночью? Что, если они хотели, чтобы Дарлингтон исчез навсегда?

– Алекс, – позвал Сэндоу, – пожалуйста, помоги мне начертить метки.

Алекс почувствовала себя странно, защищая круг: она словно перенеслась назад во времени и стала Данте Сэндоу.

– Северные врата мы оставим открытыми, – сказал он. – Пусть его приведет домой истинный север. Мне нужно, чтобы ты высматривала Серых самостоятельно. Я бы принял эликсир Хирама, но... В моем возрасте риск слишком велик, – его голос звучал смущенно.

– Я справлюсь, – сказала Алекс. – Кровь будет?

Если сюда ворвется войско Серых, она хотела по крайней мере быть к этому готова.

– Нет, – сказал Сэндоу. – Никакой крови. И Дарлингтон посадил по периметру «Черного вяза» защитные растения. Но, как ты знаешь, сильное желание может привлечь Серых, а нам потребуется сильное желание, чтобы его вернуть.

Алекс кивнула и встала на свое место на северной стороне. Сэндоу встал на юге; Доуз и Мишель Аламеддин встали друг напротив друга на востоке и на западе. При свете свечей бальный зал казался еще более просторным. Это была большая, холодная комната, созданная, чтобы впечатлить людей, которые давно на том свете.

Амелия и Джош встали в центре круга с кипой бумаг – договором о покупке «Черного вяза», – но, если заклинание Сэндоу не сработает, им будет нечем заняться.

– Мы готовы? – спросил он. Когда никто не ответил, Сэндоу начал ритуал, забормотав сначала по-английски, потом по-испански, а потом – на шепчущем языке, в котором Алекс узнала нидерландский. Что будет дальше, португальский? Дальше последовал мандаринский. Она поняла, что он говорит на языках, которые знал Дарлингтон.

Она не знала, то ли у нее разыгралось воображение, то ли она действительно слышит стук лап, пыхтение. *Охотничье* заклинание. Она подумала о гончих «Леты», об удивительно прекрасных шакалах, которых Дарлингтон натравил на нее в первый день в II Bastone. «*Я тебя прощаю*, – подумала она. – *Только вернись домой*».

Она услышала неожиданный вой, а потом очень далекий лай.

Свечи ярко вспыхнули зеленым пламенем.

– Мы его нашли! – дрожащим голосом воскликнул Сэндоу. Его голос звучал почти испуганно. – Активируйте договор!

Амелия поднесла к лежащим в центре круга бумагам свечу. Вокруг стопки выросло зеленое пламя. Она бросила что-то в пламя, и оно вспыхнуло яркими искрами, как фейерверк.

«*Железо*», – поняла Алекс. Она видела такой же эксперимент на естествознании.

Под искрами металлической стружки слова словно парили в зеленом пламени над документом.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

ЧТО

ВЫШЕУПОМЯНУТЫЙ ПРОДАВЕЦ

В ОБМЕН НА ЦЕННОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

ВСТРЕЧНОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ

ЦЕННОЕ

ЦЕННОЕ

Слова сворачивались, поднимаясь в огне и исчезая, как дым.

Пламя свеч взвилось еще выше, затем потухло. Покрывающий договор огонь резко погас. Они остались в темноте. А потом «Черный вяз» ожил. В одно мгновение бра на стене ярко вспыхнули, из колонок в углу донеслась громкая музыка, а где-то в доме включился телевизор, и в коридорах раздалось эхо позднего выпуска новостей.

– Кто, черт возьми, оставил весь свет включенным? – спросил пожилой человек, стоящий за пределами круга. Он был пугающе худым, с всклокоченными волосами, а под распахнутым халатом виднелась чахлая грудь и сморщенные гениталии. Из рта у него свисала сигарета.

Он не был четким и ясным, какими Алекс обычно видела Серых; он выглядел... ну, серым. Она словно смотрела на него сквозь много слоев молочного шифона. *Покров.*

Она знала, что перед ней Дэниел Тэйбор Арлингтон Третий. Мгновение спустя он исчез.

– Работает! – закричал Джош.

– Воспользуйтесь колокольчиками! – воскликнула Амелия. – Призовите его домой!

Алекс подняла серебряный колокольчик, лежавший у ее ног, и увидела, что остальные сделали то же самое. Они зазвонили в колокола, и сладкий звон разнесся над кругом, перекрывая шум музыки и хаос дома.

Окна распахнулись. Алекс услышала внизу скрип шин и звуки столкновения. Она увидела вокруг себя танцующих людей; мимо парил молодой человек с большими усами, отчетливо напоминающий Дарлингтона и одетый в костюм, который выглядел так, будто ему самое место в музее.

– Остановитесь! – закричал Сэндоу. – Что-то не так! Перестаньте звонить!

Алекс схватила колокол за язык, пытаясь его заткнуть, и увидела, что остальные поступили так же. Но колокола не переставали звонить. Она по-прежнему чувствовала, как колокол вибрирует у нее в руке, словно сам по себе, слышала, как перезвон становится все громче.

Алекс почувствовала, что у нее горят щеки. Всего несколько секунд назад в комнате было холодно, но теперь она потела. Воздух наполнила вонь серы. Она услышала стон, который словно доносился сквозь пол, – глубокое низкое хрипение. Она вспомнила крокодилов, перекликающихся с берегов реки в пограничной области. Что бы ни таилось здесь, что бы ни проникло в комнату, оно было больше. Намного, намного больше. И, похоже, проголодалось.

Колокола кричали. Они звучали, как озлобленная толпа, народ, готовый прибегнуть к насилию. От вибраций у Алекс гудели ладони.

Бум. Здание тряхнуло.

Бум. Амелия не устояла на ногах, схватилась за Зелински, чтобы не упасть. Колокол выпал у нее из рук, продолжая звонить. *Бум.* Тот же звук Алекс слышала в ту ночь на предсказании – звук чего-то, что пыталось прорваться в круг, прорваться в их мир. Той ночью Серые в анатомическом театре проникли сквозь Покров, сломали перила. Она думала, что они пытались уничтожить защиту круга, но что, если они просто пытались войти в него? Что, если они боялись того, что устремилось туда? Этот низкий грохот снова сотряс комнату. Он звучал, как со скрипом открывающиеся челюсти древнего существа. Алекс ощутила рвотные позывы и сложилась пополам. Запах серы был таким сильным, что она чувствовала во рту ее гнилой вкус. *Убийство.* Колокола перекрыл резкий и громкий голос – голос Дарлингтона, но ниже, презрительней. Злей. *Убийство,* – сказал он.

Вот дерьмо. А она-то надеялась, что он будет держать рот на замке.

А потом она увидела его. Оно нависало над кругом так, словно не существовало ни потолка, ни третьего этажа, ни дома вообще. Это было чудовище – другого слова не подобрать – рогатое, зубастое, такое большое, что его огромное тело заслоняло ночное небо. Кабан. Баран. Вздвигнувшееся членистое тело скорпиона. Ее разум перепрыгивал от одного кошмара к другому, не в состоянии осмыслить увиденное.

Алекс осознала, что кричит. Кричали все. Казалось, стены освещены огнем.

Алекс чувствовала жар на щеках, поднимающий волоски на руках.

Сэндоу широким шагом вошел в центр круга. Отбросив свой колокол, он взревел:
– *Lapidea est lingua vestra!* – он развел руки так, будто дирижировал оркестром. В свете пламени его лицо казалось золотым. Он выглядел молодо. Он выглядел незнакомо. – *Silentium domus vacuae audito! Nemo gratus accipietur!*

Окна бального зала разбились, и осколки полетели внутрь. Алекс упала на колени, закрыв голову руками.

Она ждала, и сердце дико колотилось у нее в груди. Только тогда она заметила, что колокола перестали звонить.

Тишина казалась ватой у нее в ушах. Когда Алекс открыла глаза, она увидела, что свечи снова загорелись, окутав все мягким мерцанием. Как будто ничего не произошло, как будто все это было великой иллюзией – только крошки разбитого стекла лежали на полу.

И Амелия, и Джош стояли на коленях и всхлипывали. Доуз свернулась калачиком на полу, прижимая ладони ко рту. Мишель Аламеддин мерила комнату шагами, бормоча:

– Срань господня. Срань господня. *Срань* господня.

В разбитые окна задувал ветер, ночной воздух был холодным и сладким после резкой серной вони. Сэндоу стоял и смотрел туда, где только что был зверь. Его рубашка насквозь промокла от пота.

Алекс заставила себя встать и, хрустя ботинками по стеклу, подошла к Доуз.

– Доуз? – сказала она, сев на корточки и положив руку ей на плечо. – Пэмми?

Доуз плакала. Слезы медленно, безмолвно стекали по ее щекам.

– Его нет, – сказала она. – Его действительно больше нет.

– Но я его слышала, – сказала Алекс. Или что-то, что звучало очень похоже на него.

– Ты не понимаешь, – сказала Доуз. – Эта тварь...

– Это было исчадие ада, – сказала Мишель. – Оно говорило его голосом. Это значит, что оно его поглотило. Кто-то впустил его в наш мир. Оставил его, как пещеру, чтобы он вошел в нее.

– Кто? – спросила Доуз, вытирая слезы. – Как?

Сэндоу обнял ее.

– Я не знаю. Но мы это выясним.

– Но, если он умер, то должен быть на той стороне, – сказала Алекс. – А его там нет. Он...

– Алекс, он мертв, – сказала Мишель. Ее голос был суровым. – Он не на другой стороне.

Он не за Покровом. Его сожрали вместе с душой.

Это не портал. Вот что сказал Дарлингтон той ночью в Розенфелд-холле. И теперь она знала, что он собирался сказать, что пытался сказать, прежде чем эта тварь его забрала. *Это не портал. Это рот.*

Дарлингтон не исчез. Его съели.

– Никто не может такое пережить, – сказал Сэндоу. Его голос был хриплым. Он снял очки, и Алекс увидела, что он вытирает глаза. – Ни одной душе такое не вынести. Мы призвали полтергейст, эхо. Вот и все.

– Его больше нет, – повторила Доуз. На этот раз Алекс не стала с ней спорить.

Они собрали колокола «Аврелиана», и декан Сэндоу сказал, что распорядится, чтобы утром окна в бальном зале заколотили. Пошел снег, и сейчас было слишком поздно. И для кого это теперь было важно? Хранитель «Черного вяза», его защитник, никогда не вернется.

Они медленно вышли из дома. Когда они вошли в кухню, Доуз заплакала еще сильнее. Все выглядело до невозможности глупым и полным надежд: полупустые бокалы с вином, ровно разложенные овощи, ждущая на плите кастрюля супа.

На улице они обнаружили, что мерседес Дарлингтона врезался в «лендровер» Амелии. Этот удар и слышала Алекс – машина Дарлингтона была одержима загадочным эхом, которое они впустили в этот мир.

Сэндоу вздохнул.

– Амелия, я вызову эвакуатор и подожду с тобой. Мишель...

– Я могу взять такси до станции.

– Извини, я...

– Все в порядке, – она выглядела рассеянной, сконфуженной, словно никак не могла произвести верные расчеты, словно только сейчас осознала, что все проведенные в «Лете» годы шла бок о бок со смертью.

– Алекс, можешь проводить Доуз домой? – спросил Сэндоу.

Доуз вытерла мокрое лицо рукавом.

– Я не хочу домой.

– Тогда иди в Il Bastone. Я присоединюсь к тебе, как только смогу. Мы... – он умолк. – Точно не знаю, что мы предпримем.

– Хорошо, – сказала Алекс. Вызвав по телефону такси, она обняла Доуз одной рукой и повела ее по подъездной дорожке вслед за Мишель.

Они молча постояли у каменных колонн. За ними высился «Черный вяз», шел снег.

Первой появилась машина Мишель. Она не предложила поехать вместе, но повернулась к Алекс, садясь.

– Я работаю в отделе приобретений библиотеки Батлера в Колумбийском университете, – сказала она. – Если вдруг тебе понадобится.

Не успела Алекс ответить, как та исчезла в салоне автомобиля. Машина медленно двинулась в конец улицы, осторожно скользя по снегу, пока ее красные задние фары не превратились в крошечные искры.

Алекс продолжала обнимать Доуз, боясь, что та может отстраниться. До этого момента, до этой ночи все было возможно, и Алекс искренне верила, что если не в это новолуние, то в следующее Дарлингтон обязательно вернется. Теперь чары надежды рухнули, и никакая магия не могла их восстановить.

Золотой мальчик «Леты» погиб.

26

Зима

– Ты же останешься, правда? – спросила Доуз, когда они вошли в фойе II Bastone. Дом вокруг них вздыхал, будто чувствуя их печаль. Знал ли он? Знал ли он с самого начала, что Дарлингтон никогда не вернется?

– Конечно.

Она была рада, что Доуз хочет побыть с ней. Ей и самой не хотелось оставаться в одиночестве или разыгрывать беззаботность перед своими соседками по общежитию. Сейчас она была не в состоянии притворяться. И все-таки она не могла не цепляться за надежду.

– Может, мы все не так поняли. Может, Сэндоу облажался.

Доуз включила свет.

– У него было почти три месяца, чтобы все спланировать. Это был хороший ритуал.

– Ну, может, он сделал что-то не так специально. Может, он не хочет, чтобы Дарлингтон вернулся.

Она знала, что хватается за соломинку, но больше у нее ничего не было.

– Если он замешан в покрытии убийцы Тары, думаешь, он хочет, чтобы рядом вместо меня находился такой крестоносец, как Дарлингтон?

– Но ты *тоже* крестоносец, Алекс.

– Я имею в виду более компетентного крестоносца. Что сказал Сэндоу, чтобы прервать ритуал?

– *Ваши языки окаменели* – так он заставил колокола замолчать.

– А дальше?

Доуз сняла шарф и повесила свою парку на крючок.

Стоя к Алекс спиной, она сказала:

– *Услышьте молчание пустого дома. Никому здесь не будут рады.*

Мысль о том, что Дарлингтону навек закрыт доступ в «Черный вяз», была ужасна. Алекс потеряла усталые глаза.

– В ночь предсказания «Череп и костей» я слышала, как кто-то – *что-то* – стучало в дверь, чтобы войти, в тот же момент, когда убили Тару. Звук был такой же, как сегодня ночью. Может быть, это был Дарлингтон. Может, он видел, что происходит с Тарой, и пытался меня предупредить. Если он...

Но Доуз уже качала головой. Ее мягкий пучок распускался у нее на шее.

– Ты слышала, что они сказали. Эта... эта тварь его съела, – у нее затряслись плечи, и Алекс поняла, что она снова плачет, сжимая свою висящую куртку так, словно может рухнуть без ее поддержки. – Его больше нет.

Эти слова были подобны рефрену, песне, которую они будут петь, пока горе не пройдет.

Алекс прикоснулась к руке Доуз.

– Доуз...

Но Доуз выпрямилась, громко хлопнула носом, вытерла слезы.

– Но Сэндоу ошибался. Теоретически. Кто-то мог выжить, будучи сожранным исчадием ада. Но не человек.

– Тогда кто?

– Демон.

Моя зарплата такое не покрывает.

Доуз судорожно вздохнула, откинула с лица волосы и снова собрала их в пучок.

– Как думаешь, Сэндоу захочет кофе, когда приедет? – спросила она, поднимая с ковра в гостиной свои наушники. – Я хочу немного поработать.

– И как продвигается?

– Диссертация? – Доуз медленно моргнула, опустив глаза на наушники с таким видом, словно не понимала, как они оказались у нее в руке. – Понятия не имею.

– Я закажу пиццу, – сказала Алекс. – И пойду в душ первой. От нас обеих воняет.

– Я открою бутылку вина.

Алекс уже наполовину поднялась по лестнице, когда услышала стук. На секунду она решила, что это декан Сэндоу. Но с чего бы ему стучать? За шесть месяцев, что она была частью «Леты», *никто* не стучал в дверь дома на Оранж.

– Доуз... – начала она.

– Впусти меня, – раздался из-за двери громкий, злой мужской голос. Не успела она понять, что делает, как ноги сами понесли Алекс вниз к подножию лестницы. *Принуждение*.

– Доуз, не надо! – закричала она.

Но Доуз уже отпирала дверь.

Замок щелкнул, и дверь распахнулась внутрь. Доуз отбросило на перила, наушники вылетели из ее руки. Алекс услышала громкий хруст, когда она ударилась головой о дерево.

Алекс, не задумываясь, схватила наушники Доуз, надела их и, прижимая их ладонями к ушам, побежала вверх по лестнице. Оглянувшись, она увидела, как Блейк Кили – красавец Блейк Кили с усыпанными снегом плечами шерстяного пальто, словно сошедший со страниц каталога, – переступил через тело Доуз, не сводя глаз с Алекса.

«У Доуз все будет в порядке, – сказала себе она. – *Обязательно. Если ты утратишь над собой контроль, то не сможешь ей помочь*».

Блейк использовал звездную пыль или что-то вроде того. Алекс почувствовала власть его голоса за дверью. Только поэтому Доуз и открыла замок.

Она метнулась в оружейную, вбивая в телефон номер Тернера, и ударила ладонью в старую стереопанель в стене рядом с библиотекой, надеясь, что она хоть раз в жизни заработает. Возможно, дом боролся на ее стороне, потому что музыка в коридорах загрохотала громче и четче, чем когда-либо. Когда здесь бывал Дарлингтон, звучал Перселл или Прокофьев. Сейчас звучало последнее, что слушала Доуз, – если бы Алекс не была так напугана, то рассмеялась бы, когда воздух наполнило пение Морриса и нестройное звучание гитар.

Наушники заглушали слова, в ушах у нее гремело собственное дыхание. Она ворвалась в оружейную, рывком выдвигая ящики. Доуз истекала кровью. Тернер был далеко. И Алекс не хотела думать о том, что может с ней сделать Блейк, что может заставить сделать ее. Будет ли это мстостью за то, что она сделала? Вычислил ли он, кто она, и последовал за ней сюда? Или это Тара привела его к ее двери? Алекс так сосредоточилась на обществах, что не замечала еще одного подозреваемого прямо у себя под носом – смазливой парня, гнилого изнутри, которому не нравилось слово «нет».

Ей нужно было оружие, но ничего в оружейной не было предназначено для драки с живым человеческим телом, накачанным суперхаризмой.

Алекс оглянулась через плечо. Блейк был прямо у нее за спиной. Он что-то говорил, но, к счастью, слова его заглушала музыка. Она потянулась к ящикам и схватила что-то тяжелое, чем можно было бы в него бросить. Она даже не знала, каким бесценным предметом в него запустила. Астролябией. Блестящим пресс-папье с замороженным внутри морем.

Блейк отмахнулся от них и схватил ее за шею сзади. Лакросс и тщеславие придавали ему сил. Он сдернул с ее ушей наушники. Алекс закричала во весь голос и впиалась ногтями ему в лицо. Блейк отшатнулся, и она побежала по коридору. Она уже боролась с чудовищами. Она побеждала. Но не в одиночестве. Нужно было выбраться на улицу, прочь от охранных

заклинаний, где она сможет позаимствовать силу Норса или найти другого Серого, который смог бы ей помочь.

Дом, казалось, гудел, звенел от тревоги. *Здесь чужак. Здесь убийца.* Лампы потрескивали и вспыхивали, из стерео доносились помехи.

– Успокойся, – сказала Алекс дому, несясь по коридору назад к лестнице. – Ты слишком стар для этого дерьма.

Но дом продолжал жужжать и дребезжать.

Блейк схватил ее сзади. Она тяжело рухнула на пол.

– Не двигайся, – промурлыкал он ей на ухо.

Алекс почувствовала, что ее конечности застыли. Она не просто перестала двигаться – она сделала это с радостью, рьяно. Она будет сохранять совершенную неподвижность, будет, неподвижна, как статуя.

– Доуз! – закричала она.

– Тихо, – сказал Блейк.

Алекс захлопнула рот. Она была счастлива сделать это для него. Он этого заслуживал. Он заслуживал всего. Блейк перевернул ее на спину и стоял, нависая над ней. Он казался до невозможности высоким. Его золотую взъерошенную голову обрамлял кессонный потолок.

– Ты разрушила мне жизнь, – сказал он. Он поднял ногу и поставил ботинок ей на грудь. – Ты меня уничтожила.

Какая-то ее часть кричала: *Беги. Оттолкни его. Сделай что-нибудь.* Но голос был далеким и терялся в умиротворенном гуле подчинения. Она была рада, так рада услужить.

Блейк надавил ей на грудь ботинком, и Алекс почувствовала, как прогибаются ее ребра. Он был большим, две сотни фунтов мускулов, и все эти мускулы словно давили сейчас прямо ей на сердце. Дом истерически дребезжал, словно чувствовал, как стонут ее кости. Алекс услышала, как где-то упал стол, с полок посыпались тарелки. И Bastone давал ее страху голос.

– Что дало тебе такое право? – спросил он. – Отвечай.

Он даровал ей позволение.

– Мерси и каждая девушка до нее, – выплюнула Алекс, хотя в голове молила о том, чтобы получить новый приказ, новый способ доставить ему удовольствие. – Они дали мне это право.

Блейк поднял ногу и с силой ее пнул. Алекс закричала. Внутри нее взрывалась боль.

В то же мгновение погас свет. С ним затихло стерео, музыка затихла, оставив их в темноте и молчании, словно И Bastone попросту умер.

Она слышала, как Блейк плачет в тишине. Его левая ладонь была сжата в кулак, словно готовясь ее ударить. Но проникающий в окна свет уличных фонарей высветил что-то серебряное в другой его руке. Нож.

– Ты можешь помолчать? – спросил он. – Скажи мне, что ты можешь помолчать.

– Я могу помолчать, – сказала Алекс.

Блейк захихикал. Это пронзительное хихиканье Алекс помнила по видео.

– Тара тоже так сказала.

– Что она сказала? – прошептала Алекс. – Что она сделала, чтобы тебя разозлить?

Блейк наклонился к ней. Его лицо было по-прежнему прекрасно, с правильными, почти ангельскими чертами.

– Она думала, что она лучше всех остальных моих девушек. Но все получают от Блейка одно и то же.

Неужели он был настолько глуп, что попробовал «Счастье» на Таре? Поняла ли она, для чего он его использовал? Угрожала ли ему? Имело ли это сейчас хоть какое-то значение? Алекс вот-вот умрет. В конечном счете она оказалась ничуть не умнее Тары и точно так же не смогла себя защитить.

– Алекс? – донесся снизу голос Сэндоу.

– Не поднимайтесь! – закричала она. – Вызывайте копов! Он...

– Заткнись, твою мать!

Блейк занес ногу и сильно ударил ее в бок. Алекс затихла.

Все равно уже было слишком поздно. Обескураженный Сэндоу стоял на вершине лестницы. Лежа на спине на полу, Алекс видела, как он смотрит на нее, на возвышающегося над ней Блейка, на нож в его руке.

Сэндоу рванулся вперед, но не успел.

– Остановись! – рявкнул Блейк.

Тело декана застыло, он почти упал.

Блейк, широко улыбаясь, повернулся к Алекс.

– Твой дружок? Может, мне заставить его броситься с лестницы?

Алекс молчала. Он велел ей молчать, и она просто хотела его порадовать, но ее разум брыкался у нее в черепе. Сегодня ночью все они умрут.

– Иди сюда, – сказал Блейк. Сэндоу охотно, пружинистой походкой зашагал вперед. Блейк указал головой на Алекс. – Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу.

– Все, что угодно, – сказал Сэндоу, как будто приглашая заглядывать к себе нового многообещающего студента.

Блейк протянул ему нож.

– Пырни ее. Пырни ее в сердце.

– С удовольствием, – Сэндоу взял нож и оседлал Алекс.

В открытую входную дверь ворвался порыв холодного ветра.

Алекс почувствовала его на своем разгоряченном лице. Она не могла говорить, не могла драться, не могла сбежать. За спиной Сэндоу виднелся верх открытой двери и кирпичная тропинка. Алекс помнила, как Дарлингтон впервые привел ее сюда. Помнила свист Дарлингтона. Она помнила шакалов, духовных гончих, обязанных служить делегатам «Леты».

Мы пастыри.

Ладонь Алекс лежала на половицах. Она ощущала прикосновение прохладного полированного дерева. *«Пожалуйста, – безмолвно умоляла она дом. – Я дочь «Леты», и у двери волк».*

Сэндоу занес нож высоко над головой. Алекс открыла рот – она не говорила, нет, она не разговаривала – и отчаянно, безнадежно свистнула. *Пошли мне моих гончих.*

Во входную дверь грызущейся, оскалившейся стаей ворвались шакалы. Они взбежали вверх по ступеням, цокая когтями и скользя лапами. *Слишком поздно.*

– Давай же, – сказал Блейк.

Сэндоу опустил нож. Что-то врезалось в него, сшибло его с Алекс. Коридор внезапно наполнился шакалами, топчущими ее рычащим полчищем. Один из них врезался в Блейка. Вес их тел вышиб воздух из легких Алекс, и она вскрикнула, когда их лапы задели ее сломанные кости.

Они обезумели от возбуждения и жажды крови, лаяли и щелкали челюстями. Алекс понятия не имела, как ими управлять. Ей незачем было спрашивать. Она были беспорядочной грудой блестящих клыков и черных десен с пенящимися мордами. Она попыталась сесть, отползти. Ощувив, как челюсти сомкнулись на ее боку и впились в ее плоть, она закричала.

Сэндоу прокричал слова, которые она не поняла, и Алекс почувствовала, как челюсти распахнулись, и хлынула горячая кровь. В глазах у нее потемнело.

Шакалы отступили, крадась назад к лестнице и ударяясь друг о друга телами. Они припали к земле у перил, негромко подвывая и щелкая пастями в воздухе.

Сэндоу в крови лежал на ковровой дорожке рядом с ней. Штанина его брюк была разорвана. Она видела, что челюсти шакала прокусили ему бедро; бледная кость блестела, как белый корнеплод. Из его ноги хлестала кровь. Он, тяжело дыша, рылся в кармане, пытаясь найти телефон, но его движения были медленными, вялыми.

– Декан Сэндоу? – выдохнула она.

Его голова упала набок. Она увидела, как телефон выскользнул из его пальцев и упал на ковер.

Блейк полз к ней. Он тоже истекал кровью. Она увидела, что шакалы вонзили зубы в мясо его бицепса, в его бедро.

Он подтянулся к ней и улегся рядом с ней, как любовник. Его рука по-прежнему была сжата в кулак. Он ударил ее один раз, второй. Другую руку он запустил ей в волосы.

– Жри дерьмо, – прошептал он ей в щеку. Он сел, сжал ее волосы в руке и ударил ее головой об пол. У нее полетели искры из глаз. Он снова поднял ее голову, дернув ее за волосы, и приподнял ей подбородок. – Жри дерьмо и умри.

Алекс услышала влажный, тяжелый стук и подумала, что он раскроил ей череп. Потом Блейк навалился на нее. Она толкалась, скреблась ему в грудь, его вес был невозможным, и в конце концов столкнула его с себя. Она прикоснулась к затылку. Никакой крови. Никаких ран.

Этого нельзя было сказать о Блейке. Одна сторона его идеального лица превратилась в кровавый красный кратер. Ему проломили голову. Над ним, всхлипывая, стояла Доуз. В руках она сжимала мраморный бюст Хирами Бингама Третьего, покровителя «Леты». Его суровый профиль был покрыт кровью и крошками кости.

Бюст выскользнул из пальцев Доуз, упал на ковер и перекатился набок. Она отвернулась от Алекса, упала на колени, и ее вырвало.

Блейк Кили невидящим взглядом смотрел в потолок. Снег на его куртке растаял, и шерсть блестела, как что-то изысканное и тонкое. Он выглядел, как павший принц.

Шакалы на мягких лапах спускались по ступеням и исчезали за открытой дверью. Алекс спрашивала себя, куда они идут, на что охотятся.

Она услышала вдали нечто, что могло быть сиреной или потерянным существом, воющим в темноте.

27

Зима

Когда Алекс очнулась, ей показалось, что она снова в больнице в Ван-Найс. Белые стены. Пищащее оборудование. Хелли мертва. Все мертвы. А ее ждет тюрьма.

Иллюзия была мимолетной. Горящая боль в ране в ее боку вернула ее к действительности. Ужас произошедшего в Il Bastone пролетел перед глазами быстрой мазней: вспышки красного света, бегущие по ступеням Тернер с копами. При виде полицейских ее охватила паника, но потом... *Как тебя зовут, девочка? Поговори со мной. Можешь рассказать мне, что случилось? Теперь у тебя все хорошо. Все хорошо.* Как мягко они с ней говорили. Как мягко с ней обращались. Она услышала слова Тернера: *Она студентка-первокурсница.* Волшебные слова. Йель окутывал ее защитой. *Смелее, никто не бессмертен.* Сколько силы в нескольких словах, подобных заклинанию.

Алекс откинула одеяло и подергала за свою больничную рубашку. Каждое движение причиняло боль. Ее бок был зашит и забинтован. Во рту было сухо и мягко.

В палату, растирая в ладонях антисептик, вбежала медсестра с широкой улыбкой.

– Ты очнулась! – радостно сказала она.

Алекс прочитала имя на приколоте к ее форме бейдже и покрылась гусиной кожей. *Джин.* Неужели это Джин Гатдула? Женщина, которой «Череп и кости» платили, чтобы она заботилась о Майкле Рейсе и обо всех остальных жертвах предсказаний? Это не могло быть совпадением.

– Как ты, милочка? – спросила медсестра. – Тебе больно?

– Я в порядке, – солгала Алекс. Она не хотела, чтобы ее накачали лекарствами. – Просто немного слаба. Памела Доуз здесь? Она в норме?

– Она дальше по коридору. Ее лечат от шока. Знаю, вы обе через это прошли, но сейчас ты должна отдыхать.

– Звучит неплохо, – сказала Алекс, закрывая глаза. – Можно мне сока?

– А как же, – сказала Джин. – Одна нога здесь, другая там.

Как только медсестра ушла, Алекс заставила себя сесть и выскользнуть из постели. От боли она тяжело дышала, и из-за собственного пыхания казалась себе животным в капкане. Ей необходимо было увидеть Доуз.

Она была подключена к капельнице, а потому взяла ее с собой и покатила рядом, благодарная за опору. Палата Доуз находилась в конце коридора. Одета в спортивный костюм нью-хейвенской полиции, она сидела на одеялах в больничной койке. Темно-синий костюм был ей слишком велик, но, если не считать этого, отлично вписался бы в ее униформу аспирантки.

Доуз повернула голову на подушке. Увидев Алекс, она ничего не сказала, только переместилась к краю кровати, чтобы освободить ей место.

Алекс осторожно забралась в постель и легла рядом с ней. Они вдвоем умещались впри-тык, но ей было все равно. У Доуз все в порядке. У нее все в порядке. Каким-то образом они это пережили.

– Декан? – спросила она.

– Он в стабильном состоянии. Ему наложили шину и накачали его кровью.

– Сколько мы здесь пробыли?

– Не уверена. Меня усыпили. Думаю, не меньше одного дня.

Долгое время они лежали в молчании. Из коридора доносились звуки больницы, голоса с сестринского поста, щелканье и жужжание оборудования.

Алекс начала дремать, когда Доуз спросила:

– Они все это скроют, верно?

– Ага, – Джин Гатдула была безошибочной приметой. «Лета» и другие общества используют все свое влияние, чтобы истинные подробности ночи никогда не всплыли. – Ты спасла мне жизнь. Опять.

– Я убила человека.

– Ты убила хищника.

– Его родители узнают, что его убили.

– Доуз, даже у аллигаторов есть родители. Это не мешает им кусаться.

– Это закончилось? – спросила Доуз. – Я хочу... нормальной жизни.

Если найдешь ее, дай мне знать.

– Думаю, да, – сказала Алекс. Доуз заслуживала утешения, а больше она ничего предложить не могла. По крайней мере всем этим хитросплетениям конец. Блейк станет нитью, которая поможет все это расплести. Наркотики. Ложь. Дома Покрова ждет расплата.

Должно быть, Алекс задремала, потому что она очнулась, когда Тернер вкатил в палату декана Сэндоу. Она слишком резко села, зашипев от боли, и растолкала Доуз, которая с трудом проснулась.

Сэндоу выглядел изможденным, его кожа обвисла и была почти землистой. Загипсованная нога декана была вытянута вперед. Алекс вспомнила, как из его бедра торчал белый кусок кости, и задумалась, не стоит ли ей извиниться за то, что она призвала шакалов. Но, не сделай она этого, она была бы мертва, а декан Сэндоу стал бы убийцей – и, скорее всего, тоже бы был мертв. Как они вообще объяснили эти раны полиции? Врачам, которые их зашивали? Возможно, им и не пришлось ничего объяснять. Возможно, власть, которой обладала «Лета», общества, декан Йельского университета, делала объяснения излишними.

Детектив Авель Тернер, одетый в угольный костюм и розовато-лиловый галстук, выглядел, как всегда, цветущим. Он присел на край глубокого кресла, задвинутого в угол для посетителей, остающихся на ночь.

Алекс поняла, что они впервые собрались в одной комнате – Окулус, Данте, Центурион и декан. Не хватало только Вергилия. Возможно, если бы они начали год таким образом, все пошло бы иначе.

– Полагаю, мне следует начать с извинений, – сказал Сэндоу. Его голос звучал устало. – Это был тяжелый год. Тяжелая пара лет. Я не хотел, чтобы смерть этой бедной девочки затронула «Лету». Если бы я знал о «Счастье», об экспериментах «Свитка и ключа»... Но мне не хотелось задавать вопросы.

Доуз заерзала в узкой койке.

– Что будет дальше?

– С Ланса Грессанга будет снято обвинение в убийстве, – сказал Тернер. – Но ему по-прежнему придется отвечать за хранение и распространение. Он и Тара продавали психотропные вещества «Свитку и ключу», возможно, «Манускрипту», и мы взглянули на телефон Блейка Кили. Недавно кто-то удалил с него множество файлов, – Алекс сохранила невозмутимое лицо. – Но голосовая почта оказалась весьма информативной. Тара выяснила свойства «Счастья» и для чего его использовал Блейк. Она угрожала ему, что расскажет об этом полиции. Не знаю, чего Блейк боялся больше, шантажа или изобличения, но они были не в восторге друг от друга.

– И он ее убил?

– Мы допрашивали многих друзей и знакомых Блейка, – продолжал Тернер. – Он не слишком любил женщин. Возможно, он был не в лучшем состоянии или сам употреблял наркотики. В последнее время его поведение стало поистине странным.

Станным. Например, он ел содержимое засорившегося унитаза. Но все остальное вроде бы сходилось. Блейк едва ли видел в девушках, которыми пользовался, людей. Если Тара представляла бы для него угрозу, возможно, до убийства было и недалеко. Когда Алекс переживала смерть Тары, она видела лицо Ланса и предположила, что истинного убийцу маскировали чары. Но что, если Блейк смог подмешать Таре «Счастье» и попросту приказал ей увидеть лицо Ланса? Был ли наркотик настолько могущественным?

Ее тревожило и кое-что еще.

– Блейк сказал мне, что не убивал Тару.

– Когда он на тебя напал, он явно был не в своем уме... – сказал Сэндоу.

– Нет, – сказала Алекс. – Это было, когда... – Когда она мстила ему за то, что он сделал с Мерси. – Несколько дней назад. Он был под принуждением.

Тернер прищурился.

– Вы его допрашивали?

– Мне представилась возможность, и я ею воспользовалась.

– По-вашему, сейчас подходящее время, чтобы критиковать методы Алекс? – тихо спросила Доуз.

Алекс похлопала по плечу Доуз.

– Отлично сказано. Ни один из вас не заподозрил бы никого, кроме Ланса, не будь я занозой у вас в заднице.

Тернер рассмеялся.

– Стерн, вы по-прежнему очень энергичны.

Сэндоу страдальчески вздохнул:

– Это верно.

– Но она не ошибается, – сказала Доуз.

– Нет, – признал пристыженный Сэндоу. – Она не ошибается. Но, возможно, Блейк верил в собственную невиновность. Возможно, он не помнил, что совершил это преступление, поскольку в то время находился под воздействием наркотиков. Или он пытался угодить тому, кто использовал на нем принуждение. Принуждение – сложная штука.

– А как насчет глумы, который на меня напал? – спросила Алекс.

– Этого я не знаю, – сказал Сэндоу. – Но подозреваю, что ее натравил на тебя тот же, кто натравил это... чудовище на Дарлингтона. Они хотели остановить расследование со стороны «Леты».

– Кто? – спросила Алекс. – Колин? Кейт? Как они раздобыли глуму? Намеренно ли они использовали чудовище, чтобы бросить подозрение на «Книгу и змея»?

Ты просила рассказать тебе, во что ты впуталась. Теперь ты знаешь. Так сказал ей Дарлингтон после того, как спустил на нее шакалов. Но знал ли это *он сам*? Понимал ли, что его собственный ум, его любовь к «Лете» и ее задания сделают из него мишень?

– Мы это выясним, – сказал Сэндоу. – Это я тебе обещаю, Алекс. Я не успокоюсь, пока это не будет сделано. Колина Хатри допросили. Ясно, что он всю экспериментировал с Тарой. С магией порталов, приворотами денег, очень опасными вещами. Неизвестно, кто из них был зачинщиком, но Тара хотела продолжить и требовала от Колина не останавливаться, если он и его общество хотят, чтобы она... и дальше оказывала им помощь.

Потому что Таре захотелось большего. Она познала вкус настоящей власти и знала, что это ее единственный шанс ее заполучить.

– В сущности, она его доила, – сказал Сэндоу. – Такой позор, и все это происходило под самым моим носом, – он осел в инвалидном кресле. Он выглядел старым и серым. – Тебе

угрожала опасность, а я тебя не защитил. Ты поддерживала дух «Леты», а я был так сосредоточен на исчезновении Дарлингтона, на том, чтобы делать вид, что все хорошо, на поддержании иллюзии для выпускников. Это было... Это постыдно. Твое упорство делает «Лете» честь, и мы с Тернером напишем об этом в отчетах совету.

– И что она получит за свои старания? – скрестив руки, спросила Доуз. – Вы так спешили умыть руки, что Алекс дважды чуть не погибла.

– Трижды, – заметила Алекс.

– Трижды. Она должна что-то за это получить.

Алекс приподняла брови. С каких это пор Доуз стала такой предприимчивой?

Но Сэндоу только кивнул. Это был мир *quid pro quo*. «*Видишь, Дарлингтон?* – подумала Алекс. *Даже я немного говорю на латыни*». Тернер поднялся.

– Какую бы ложь вы не придумали, я не хочу ее слышать. Можете облечь это в красивые слова, но Блейк Кили, Колин Хатри, Кейт Мастерс – богатые детки, что напиваются и разбивают о дерево спортивную машину, которую не должны вести, – уходя, он слегка сжал Алекс плечо. – Я рад, что вас никто не сбил. Постарайтесь не ввязываться в драки следующую пару недель.

– Постарайтесь не покупать новых костюмов.

– Ничего не могу обещать.

Алекс проводила его взглядом. Ей хотелось сказать что-нибудь, чтобы его вернуть, чтобы он остался. Хороший парень Тернер с сияющим жетоном. Сэндоу смотрел на свои переплетенные руки так, словно концентрировался на особенно сложном магическом трюке. Возможно, он разведет руки и выпустит голубя.

– Знаю, последний семестр дался тебе нелегко, – наконец сказал он. – Возможно, я мог бы помочь тебе с учебой.

Алекс забыла и о Тернере, и о дымящейся в ее боку боли.

– Как?

Он прочистил горло.

– Я, возможно, мог бы позаботиться, чтобы ты сдала экзамены. Не думаю, что чересчур усердствовать это благоразумно, но...

– Среднего балла в три с половиной хватит, – сказала Доуз.

Алекс знала, что должна сказать «нет» и сама заработать оценки. Так поступил бы Дарлингтон, так поступила бы Доуз и, скорее всего, Мерси и Лорен. Но Тара сказала бы «да». Шанс – это шанс. Честной можно побыть и в следующем году. И все-таки... Сэндоу согласился слишком быстро. Каковы именно условия этой сделки?

– Что будет со «Свитком и ключом»? – спросила Алекс. – С «Манускриптом»? Со всеми этими подонками?

– Их ждут дисциплинарные взыскания. Значительные штрафы.

– *Штрафы*? Они пытались меня убить. Они все равно что убили Дарлингтона.

– Мы связались с советом каждого из Домов Покрова, и на Манхэттене пройдет коллоквиум.

Коллоквиум. Со схемой рассадки. Может, с мятным пуншем. Алекс почувствовала, что в ней нарастает неудержимый гнев.

– Скажите мне, что они получают по заслугам.

– Посмотрим, – сказал Сэндоу.

– *Посмотрим?*

Сэндоу поднял голову. Его взгляд был жестким и горел тем же огнем, который Алекс видела, когда он противостоял исчадью ада ночью в новолуние.

– Думаешь, я не знаю, что им сходит с рук? Думаешь, мне все равно? «Счастье» раздавали, как конфеты. Магии порталов научили чужаков, и один из них воспользовался ею, чтобы

напасть на делегата «Леты». И «Манускрипт», и «Свиток и ключ» следовало бы лишить их гробниц.

– Но «Лета» ничего не предпримет? – спросила Доуз.

– Для чего? Уничтожить еще два общества из Древней Восьмерки? – с горечью спросил он. – Мы поддерживаем существование благодаря их финансированию, и речь не об «Аврелиане» и не о «Святом Эльме». Это два сильнейших Дома. Их выпускники невероятно могущественны, и они уже требуют милосердия.

– Я не понимаю, – сказала Алекс. Ей следовало бы оставить эту тему, принять свой накрученный средний бал и радоваться, что осталась в живых. Но она не могла. – Вы не могли не знать, что рано или поздно что-то подобное случится. Тернер прав. Вы управляете машиной. Вы протягиваете им ключи. Зачем оставлять магию, всю эту силу, кучке детей?

Сэндоу еще больше ссутулился в кресле. Огонь его покинул.

– Юность не вечна, Алекс. Выпускникам нужны общества; вся сеть контактов и сторонников зависит от магии, к которой они имеют доступ. Вот почему выпускники возвращаются сюда, вот почему советы поддерживают гробницы.

– Значит, никто ни за что не заплатит, – сказала Алекс. Кроме Тары. Кроме Дарлингтона. Кроме нее и Доуз. Возможно, они и рыцари – достаточно ценные, но которыми по большому счету легко пожертвовать.

Доуз холодно взглянула на декана.

– Вам лучше уйти.

Декан с разбитым видом выехал в коридор.

– Ты была права, – сказала Доуз, когда они остались наедине. – Им всем все сойдет с рук. В открытую дверь резко постучали.

– Мисс Доуз, за вами приехала сестра, – сказала Джин и показала на Алекс. – А вам надо отдыхать в собственной постели, юная мисс. Я вернусь с креслом-каталкой.

– Ты что, уезжаешь? – Алекс не хотела, чтобы ее вопрос прозвучал так обвиняюще. Доуз спасла ей жизнь. Она может делать все, что хочет. – Не знала, что у тебя есть сестра.

– Она живет в Вестпорте, – сказала Доуз. – Мне просто нужно... – она покачала головой. – Предполагалось, что это исследовательская должность. Это чересчур.

– Это правда, – сказала Алекс.

Если бы ее мать жила за несколько остановок на поезде, а не за несколько тысяч миль отсюда, она была бы не против свернуться на ее диване на недельку, а то и все двенадцать.

Алекс встала с постели.

– Будь осторожна, Доуз. Смотри кучу плохих передач и просто поживи какое-то время нормальной жизнью.

– Останься, – возразила Доуз. – Я хочу вас познакомить.

Алекс заставила себя улыбнуться.

– Навести меня, прежде чем уедешь. Мне нужно немного этого офигительного «перкосета», пока я не вырубилась, и я не хочу дожидаться, когда добрая сестра Джин увезет меня на коляске.

Чтобы Доуз не успела ничего ответить, она, как можно скорее вышла за дверь.

Алекс вернулась к себе в палату, только чтобы забрать свой телефон и отсоединить капельницу. Своей одежды и ботинок она не нашла – очевидно, их забрали в полицию в качестве улики. Скорее всего, она больше их не увидит.

Она знала, что поступает иррационально, но больше не хотела здесь находиться. Она не хотела делать вид, что рассудительно обсуждает события, в которых не было никакого смысла.

Сэндоу мог извиняться сколько угодно. Алекс не чувствовала себя в безопасности. И не могла не задаваться вопросом, почувствует ли себя в безопасности когда-нибудь еще. *Мы пастыри*. Но кто защитит их от волков? Блейк Кили был мертв, его симпатичный череп про-

ломлен. Но что будет с Кейт Мастерс и «Манускриптом», которые спустили с цепи «Счастье», чтобы сэкономить пару долларов? Как насчет Колина – рьяного, умного, чистого до скрипа Колина – и других членов «Свитка и ключа», которые продали свои тайны преступникам и, возможно, отправили чудовище, которое сожрало Дарлингтона? И как насчет глумы? Ее едва не убил голем в очках, и всем, похоже, было наплевать. На Доуз напали. Декан Сэндоу чуть не истек кровью на ковре в коридоре. Неужели все они не представляют никакой ценности?

Ничто не будет искоренено. Ничто не изменится. Слишком многие могущественные люди нуждаются в магии, которая живет в Нью-Хейвене и о которой заботятся Дома Покрова. Теперь расследование перешло в руки Сэндоу и безликих групп богатых выпускников, которые будут наказывать или прощать по своему усмотрению.

Алекс сняла со спинки стула врачебный халат и направилась к лифтам в своих больничных носках. Она ожидала, что ее остановят, но без проблем прошла мимо сестринского поста. От боли ей хотелось согнуться вдвое и опереться о стену, но она боялась привлечь внимание.

Двери лифта открылись, и из него вышла рыжеволосая женщина в кремовом свитере и узких джинсах. Она походила на Доуз, но Доуз пропущенную через сито и отполированную до блеска. Алекс пропустила ее и вошла в лифт. Как только он закрылся, она присела, пытаясь отдышаться. Плана у нее не было. Она просто не хотела быть здесь. Она не могла болтать ни о чем с сестрой Доуз. Она не могла вести себя так, будто случившееся справедливо или нормально.

Она неверной походкой вышла на холод, прохромала полквартала и вызвала такси по телефону. Было поздно, и улицы были пусты – не считая Жениха. Норс парил в мерцании больничных фонарей. Он выглядел обеспокоенным и двинулся к ней, но Алекс не могла заставить себя об этом волноваться. Он не нашел Тару. Он ни хрена не сделал, чтобы ей помочь.

«Все кончено, – подумала она. – Даже если тебе это не по душе, приятель».

– *Неоплаканные, обещанные и не отпеты,* – огрызнулась она. Норс с уязвленным выражением лица отшатнулся и исчез.

– Как вы сегодня поживаете? – спросил водитель, когда она села на заднее сиденье.

Я полумертвая и разочарованная. А как насчет тебя? Ей хотелось оказаться под защитой охранных заклинаний, но мысль о том, чтобы вернуться в II Bastone, казалась невыносимой.

– Можете отвезти меня на угол Йорк и Элм? – спросила она. – Там есть переулок. Я покажу.

В темноте улицы были тихими, а город казался безликим.

«С меня хватит», – подумала Алекс, кое-как выйдя из машины и таща вверх по лестнице в «Конуру». В воздухе пахло гвоздикой и спокойствием.

Доуз могла сбежать в Вестпорт. Сэндоу мог пойти домой к своей домработнице и страдающему от недержания лабрадору. Тернер... ну, она не знала, кто ждал дома Тернера. Его мать. Девушка. Работа. Алекс собиралась сделать то, что сделало бы всякое раненое животное. Она шла туда, где чудовища до нее не доберутся. Она собиралась залечь на дно.

Другие могут оступаться и совершать ошибки. Какова расплата, кроме гордости? Наше призвание – последний звук трубы на последнем выезде всадника.

Наш ответ – тот, что дается своевременно. Чернокрылая смерть ждет, а мы стоим – гоплиты, гусары, драгуны.

«Мужчинам Леты», Кэбот Коллинс (Колледж Джонатана Эдвардса, 1955)

Кэбси – не такой уж хороший поэт. Похоже, он прозевал последние сорок лет поэзии и просто хочет писать, как Лонгфелло. Нехорошо придирается, тем более что он потерял обе руки и все такое, но я не уверен, что даже это может оправдать тот факт, что мы два часа теснились в II Bastone, слушая, как он

читает свой последний шедевр, пока бедняга Лон Ричардсон был вынужден
переворачивать страницы.

Дневник Карла Ромера времен «Леты» (Колледж Брэнфорд, 1954)

28

Начало весны

Алекс разбудил звон разбитого стекла. Она не сразу вспомнила, где находится, не сразу разглядела шестиугольный узор плитки в ванной «Конуры», капающий кран. Она схватилась за край раковины и подтянулась наверх, выждав, пока не пройдет головокружение, прежде чем пройти через раздевалку в комнату отдыха. Она долго рассматривала разбитое окно – одна его витражная секция была сломана, и в нее со свистом задувал прохладный весенний воздух, шерстяную обивку подоконника забрызгали осколки рядом с ее недоеденным фалафелем и «Рекомендациями для кандидатов в «Лету». Буклет был по-прежнему открыт на странице, на которой Алекс бросила читать. *Mors irrumat omnia*.

Она осторожно выглянула в переулочек. Внизу стоял Жених, как и каждый день в последние две недели. Или три? Она была не уверена. Но там стояла и Мерси с виноватым лицом, в подпоясанном жакете со столлистыми розами и с собранными в хвост черными волосами.

Алекс подумала было ничего не делать. Она не знала, как Мерси ее нашла, но она не обязана была оставаться найденной. Со временем ее соседка устанет ждать, когда Алекс покажется, и уйдет. Или еще раз бросит в окно камнем.

Мерси помахала, и в поле зрения появилась еще одна фигура, одетая в пурпурное вязаное пальто и блестящий шарф цвета тутовой ягоды.

Алекс прислонилась головой к перекладине окна.

– Черт.

Она надела свитер Дома Леты поверх грязной майки и босиком захромала вниз по лестнице. Потом она сделала глубокий вдох и распахнула дверь.

– Деточка! – воскликнула ее мама и бросилась к ней.

Алекс прищурилась от весеннего солнца и постаралась не отшатнуться.

– Привет, мам. Не обнимай...

Слишком поздно. Мать стиснула ее в объятиях, и Алекс зашипела от боли.

– Что случилось? – отстранившись, спросила Мира.

– Просто поправляюсь после ранения, – сказала Алекс.

Мира отбросила волосы с ее лица и обхватила его ладонями. Глаза ее наполнились слезами.

– О, детка. О, моя маленькая звездочка. Я боялась, что это может случиться.

– Мам, я не употребляю. Клянусь. Я просто очень-очень заболела.

На лице Миры отражалось недоверие. Не считая этого, выглядела она хорошо – лучше, чем в последние годы. В ее светлых волосах были свежевыкрашенные перья, кожа сияла.казалось, она поправилась. «Это из-за меня, – с болью осознала Алекс. – Все эти годы, когда она казалась усталой и слишком старой для своего возраста, она волновалась за меня». Но потом ее дочь стала художницей и уехала в Йель. Волшебство.

Алекс заметила, что Мерси мнетя у стены переулочка. *Стукачка*.

– Давайте же, – сказала Алекс, – заходите.

Впуская в «Конуру» чужаков, она нарушала правила Дома Леты, но, если Колин Хатри может показывать Лансу Грессангу, как перенестись в Исландию с помощью портала, то и она может пригласить свою мать и соседку на чай.

Она взглянула на Жениха.

– Тебя приглашение не касается.

Он двинулся к ней, и она торопливо закрыла дверь.

– Ты о ком? – спросила ее мать.

– Ни о ком. Ни о чем.

Алекс запыхалась, пока поднималась по лестнице, и у нее закружилась голова, и все-таки она не могла не смутиться, когда открыла дверь в «Конуру» и впустила их внутрь. Она слишком потеряла связь с действительностью, чтобы заметить, в какой беспорядок привела убежище. Ее одеяла были свалены в кучу на диване, и всюду стояли грязные торелки и контейнеры с испортившейся едой. Теперь, когда она подышала свежим воздухом, она ощутила, что комната отдыха воняет чем-то средним между болотом и лазаретом.

– Извините, – сказала Алекс. – Просто... Мне было не до уборки.

Мерси принялась открывать окна, а Мира начала собирать мусор.

– Не надо, – сгорая от стыда, сказала Алекс.

– Не знаю, что еще мне делать, – сказала Мира. – Сядь и дай мне помочь. Ты выглядишь так, словно едва на ногах стоишь. Где кухня?

– Слева, – сказала Алекс направляя ее в узкую кухню, где было так же грязно, как в комнате отдыха, если не хуже.

– Кому принадлежит этот дом? – спросила Мерси, снимая куртку.

– Дарлингтону, – сказала Алекс. В каком-то смысле так и было. Она понизила голос: – Как ты узнала, что я здесь?

Мерси неловко поежилась.

– Я просто... я пару раз за тобой проследила.

– Что?

– Ты очень загадочная, ясно? И я за тебя волновалась. Кстати, ужасно выглядишь.

– Ну, я и чувствую себя ужасно.

– Где ты пропадала? Мы страшно беспокоились. Мы не знали, пропала ты без вести или что.

– И ты позвонила моей маме?

Мерси вскинула руки.

– Не жди от меня извинений. Если бы исчезла я, надеюсь, ты стала бы меня искать, – Алекс нахмурилась, но Мерси только ткнула ее пальцем в плечо. – Ты спасаешь меня. Я спасаю тебя. Так все устроено.

– Мусорка есть? – спросила из кухни Мира.

Алекс вздохнула.

– Под раковиной.

Может быть, хорошее – это то же, что плохое. Иногда надо просто позволять этому случаться.

Из Мерси с Мирой вышла на удивление эффективная команда. Они упаковали мусор, отправили Алекс в душ и назначили ей еще одну консультацию в университетском мед-центре, чтобы записаться на курс антибиотиков, хотя свою рану она им показывать не стала. Она сказала, что просто переболела каким-то гриппом или вирусом. Они заставили ее сходить в душ и переодеться в чистый спортивный костюм, после чего Мира отправилась на маленький рынок деликатесов и купила суп и изотоник. Она снова ушла, когда Алекс сказала им, что ей пришлось выбросить свои ботинки.

– Деготь, – сказала она. – Они были испорчены.

Деготь, брызги крови. Одно и то же.

Через час Мира вернулась с парой ботинок, джинсами, двумя йельскими футболками и шлепками для душа, за которые Алекс ее поблагодарила, хотя они и были ей не нужны.

– Я тебе и платье принесла.

– Я не ношу платья.

– А вдруг пригодится?

Они устроились у камина с чашками чая и растворимого какао. К сожалению, все деликатесные навороченные маршмеллоу Доуз Алекс уже съела. Было не настолько холодно, чтобы зажигать огонь, но в дневном свете комната казалась уютной и безопасной.

– Ты надолго приехала? – спросила Алекс. Вопрос невольно прозвучал до неблагодарности резко.

– Улетаю первым утренним рейсом, – сказала Мира.

– А подольше остаться не можешь?

Алекс была не уверена, что она этого хочет. Но, когда мать расцвела от радости, Алекс порадовалась, что спросила.

– Я бы хотела, но в понедельник мне на работу.

Алекс поняла, что сейчас, скорее всего, выходные. С тех пор, как она залегла в «Конуре», она проверила электронную почту всего раз и ни читала ни одно сообщение Сэндоу. Ее телефон был отключен. Впервые она задумалась, продолжают ли собираться общества без надзора «Леты». Возможно, после нападения в Il Bastone их деятельность была приостановлена. По большому счету, ей было все равно. Что ее действительно интересовало, так это может ли ее мама позволить себе полет через всю страну в последнюю минуту. Алекс жалела, что не выбила из «Леты» денег, помимо помощи с оценками.

Мерси принесла с собой конспекты лекций за последние три недели, которые Алекс пропустила, и уже разрабатывала план, как ей нагнать пропущенное перед экзаменами. Алекс поддакивала, но какой в этом был смысл? Все сделают за нее. Сэндоу сказал, что позаботится, чтобы Алекс сдала, а, если он этого и не сделает, Алекс понимала, что ей не хватит силы воли подтянуться. Но она могла притвориться. Ради Мерси и ради своей матери.

Они легко поужинали и медленно прогулялись назад в Старый кампус. Алекс показала маме двор Вандербильта и их общие комнаты, ее карту Калифорнии и постер с «Пылающим июнем» Лейтона, на который когда-то закатил глаза Дарлингтон. Она позволила Мира поворковать над альбомом, за который время от времени заставляла себя браться для вида, но признала, что не слишком часто рисовала и писала.

Когда ее мать зажгла вязанку шалфея и начала окуривать комнату отдыха, Алекс постаралась не провалиться сквозь землю от стыда. И все же она была удивлена тому, как приятно оказалось вернуться в общежитие, увидеть прислоненный к камину велик Лорен, минидуховку, заставленную поп-тартами. Она чувствовала себя, как дома.

Когда Мира пришло время возвращаться в отель, Алекс вышла вместе с ней, пытаясь не показывать, как тяжело ей спуститься на несколько ступеней на улицу.

– Я не спросила, что случилось, и не собираюсь, – сказала Мира, собирая свой блестящий шарф вокруг шеи.

– Спасибо.

– Это не ради тебя. Это потому что я трусиха. Если ты говоришь, что чиста, я хочу тебе верить.

Алекс не знала, что на такое ответить.

– Я думаю, что летом меня ждет работа. Но это значит, что домой я не приеду.

Мира опустила глаза на свою обувь – самодельные кожаные ботинки, которые она последние десять лет покупала у одного и того же парня на одной и той же ярмарке ремесел. Она кивнула и смахнула с глаз слезы.

Алекс почувствовала, что тоже вот-вот прослезится. Сколько раз она доводила мать до слез?

– Мама, прости.

Мира достала из кармана салфетку.

– Все в порядке. Я тобой горжусь. И я не хочу, чтобы ты приезжала домой. После всех этих ужасных историй с этими ужасными людьми. Твое место здесь. Здесь ты должна расцвести. Не закатывай глаза, Гэлакси. Не каждый цветок может расти в любом саду.

Алекс не могла отделить любовь от злости, охвативших ее одновременно. Ее мать верила в фей, ангелов и видения в кристаллах, но что бы она сказала о настоящей магии? Смогла бы она осознать уродливую правду? Принять, что магия – не что-то позолоченное и благородное, а просто очередной товар, доступный лишь избранным? Но такси уже подъезжало, и пора было прощаться, а не возобновлять старые споры.

– Я рада, что ты приехала, мам.

– Я тоже. Я надеюсь... Если ты не справишься с учебой...

– Я справлюсь, – сказала Алекс. Приятно было осознавать, что благодаря Сэндоу она не лжет. – Обещаю.

Мира обняла ее, и Алекс вдохнула запах пачули и тубероз, напоминающий о детстве.

– Я была плохой матерью, – всхлипнула Мира. – Надо было установить более четкие границы. Надо было разрешать тебе есть фастфуд.

Алекс невольно рассмеялась и поморщилась от боли. Никакое строгое расписание сна и никакие транс-жиры не смогли бы ее защитить. Мать села на заднее сиденье автомобиля, но, прежде чем закрыть за ней дверцу, Алекс сказала:

– Мам... Мой папа...

За эти годы Мира пыталась ответить Алекс на вопросы об ее отце. Откуда он? *Иногда он говорил мне, что из Мексики, иногда – что из Перу, иногда – что из Стокгольма или Цинциннати. Так мы между собой шутили.* Что-то не смешно. *Может, это и не было смешно.* Чем он занимался? *Деньги мы не обсуждали. Ему нравилось кататься на серфе.* Ты его любила? *Любила.* А он тебя любил? *Какое-то время.* Почему он ушел? *Люди уходят, Гэлакси. Надеюсь, он нашел свое счастье.*

Говорила ли мать искренне? Алекс не знала. Достаточно повзрослеть, чтобы понять, что вопросы причиняют матери боль, а ответы никогда не изменятся, и она перестала спрашивать. Она решила, что ей все равно. Если ее отец не беспокоился о ней, то и она не будет о нем беспокоиться.

Но теперь она услышала, как говорит:

– Было ли в нем что-то необычное?

Мира рассмеялась.

– Как насчет всего?

– Я имею в виду... – Алекс не знала, как объяснить, что она хочет узнать, не показавшись сумасшедшей. – Ему нравилось то же, что и тебе? Таро, кристаллы и все такое? Тебе когда-нибудь казалось, что он видит то, чего нет?

Мира посмотрела на Чэпел-стрит. Взгляд ее стал далеким.

– Ты когда-нибудь слышала о едоках мышьяка?

Алекс растерянно моргнула.

– Нет.

– Они каждый день глотали немного мышьяка. Он делал их кожу чистой, а взгляд сияющим, и они чудесно себя чувствовали. И все это время они просто пили яд, – когда Мира снова посмотрела на Алекс, ее взгляд был пронизательнее и уверенней, чем когда-либо, без привычного напускного оживления. – Примерно то же я испытывала рядом с твоим отцом, – потом она улыбнулась, и прежняя Мира вернулась. – Напиши после того, как сходишь к врачу.

– Хорошо, мам.

Алекс закрыла дверцу и проводила такси взглядом. Все это время Жених стоял на почтительном расстоянии, наблюдая за их беседой, но сейчас он направился к ней. Он когда-нибудь

оставит ее в покое? Ей не особенно хотелось идти в Il Bastone, но, чтобы выяснить, как разорвать их связь, ей понадобится библиотека «Леты».

– *Никто не бессмертен*, – бросила она ему и увидела, как он неохотно подался назад и исчез в кирпичной стене.

– Твоя мама в порядке? – спросила Мерси, когда Алекс вошла в комнату отдыха. Она успела переодеться в фиолетовый халат и свернулась на диване.

– Кажется, да. Просто волнуется, как я доучусь остаток года.

– А ты нет?

– Конечно, – сказала Алекс. – А как же.

Мерси фыркнула.

– Нет, не волнуешься. Я же вижу. Итак, загадки Алекс Стерн продолжаются. Ну и ладно. Загадки – это неплохо. В старших классах я два года играла в софтбол.

– Серьезно?

– Видишь? У меня тоже есть секреты. Ты слышала о Блейке?

Она не слышала. Несколько недель, когда она пряталась в «Конуре», она ни о чем не слышала. В том-то и был весь смысл. Но, по словам Мерси, Блейк Кили напал на какую-то женщину у нее дома, и ее муж оборонялся от него ключкой для гольфа. Криминалисты обнаружили, что нож, который был при нем, соответствует оружию убийства Тары Хатчинс. Ни о Доуз, ни об особняке на Оранж, ни о смертельной мраморной башке Хирама Бингэма Третьего никто не упоминал. Никаких обсуждений «Счастья». Ни слова об обществах. Дело закрыто.

– Я могла умереть, – сказала Мерси. – Наверное, мне нужно радоваться.

Радоваться. Слово повисло в воздухе; его неуместность напоминала мрачный звон колокола.

Мерси опустила голову на подлокотник дивана и уставилась в потолок.

– Моя прабабушка дожила до ста трех лет. Она сама разбиралась с налогами и каждое утро плавала в «Уай», пока не свалилась замертво посреди занятия по йоге.

– Похоже, она была классной.

– Она была последней сволочью. Мы с братом ненавидели ходить к ней в гости. Она подавала самый вонючий чай на свете и ныла не переставая. Но, когда визит подходил к концу, ты всегда чувствовала себя немного сильнее. Как будто ты ее вынесла.

Алекс полагала, что ей повезет, если она доучится до конца семестра. Но сочувствие было приятно.

– Хотела бы я, чтобы моя бабушка дожила до ста трех лет.

– Какой она была?

Алекс села в уродливое кресло Лорен.

– Суеверной. Религиозной. Не уверена, какой именно. Но воля у нее была железная. Мама рассказывала, что, когда она привела моего отца домой, тот, только взглянув на бабушку, развернулся и никогда больше не возвращался.

Однажды, после того, как у бабушки случился первый сердечный приступ, Алекс спросила ее об этом случае. «*Слишком смазливый*, – сказала та, презрительно отмахнувшись. – *Mal tormento que soplo*. Он был дурным ветром, который миновал».

– Наверное, необходимо быть такой, – сказала Мерси, – если хочешь дожить до старости.

Алекс выглянула в окно. Жених вернулся. Его лицо было напряженным, полным решимости. Как будто он мог ждать целую вечность. И, скорее всего, так и было.

Чего ты хочешь? – спрашивала ее Бельбалм. Безопасности, спокойствия, возможности не бояться. «*Я хочу дожить до старости*, – подумала Алекс, задергивая шторы. – *Я хочу сидеть у себя на крыльце, пить вонючий чай и покрикивать на прохожих. Я хочу пережить этот мир, который все время пытается меня уничтожить*».

29

Начало весны

На следующее утро, когда Алекс пошла на занятия, решив хотя бы сделать вид, что увлечена учебой, Норс по-прежнему стоял у дома. Он казался взбудораженным, заступал ей дорогу и снова отступал, маячил в поле ее зрения так, что ей не видно было доску на испанском.

«Знаю, что ты далеко, – написала Алекс Доуз, выйдя с пары. – Но ты что-нибудь знаешь о том, как разорвать связь с Серыми? У меня тут проблемка с Женихом».

Ее терпение лопнуло, и она вошла в туалет у входа в Общину и взмахом руки позвала с собой Норса.

– Скажи мне только одно, – сказала она ему. – Ты нашел за Покровом Тару?

Он покачал головой.

– Тогда мне нужно, чтобы ты отвалил от меня, и надолго. Сделка отменяется. Дело раскрыто, и я не хочу тусоваться с твоей убивающей задницей.

На самом деле Алекс не верила, что Норс – убийца; она просто хотела, чтобы он оставил ее в покое.

Жених ткнул пальцем в раковину.

– Если ты думаешь, что я наберу здесь воду, чтобы мы поболтали, ты ошибаешься. Передохни.

Она подумала было сбежать с лекции и просто вернуться в тишину своей охраняемой комнаты в общежитии. Но она потрудилась одеться. С тем же успехом можно провести время с пользой. По крайней мере, лекция по Шекспиру, а не по современным британским романам.

Она перешла по Элм на Хай-стрит и Линсли-Читтенден холл и заняла место в проходе, сев за парту. Как только Жених попался ей на глаза, она отводила взгляд. Она не подготовилась, но «Укрощение строптивой» знали все, и ей нравился кусок, который они проходили, о сестрах и музыке.

Алекс смотрела на сонет 130 на слайде, когда почувствовала, что голову ее пронзила резкая боль. Сквозь нее прошел сильный холод. Она увидела вспышки улицы, освещенной газовыми лампами, дымовую трубу, выпускающую в небо темные облака. Во рту у нее появился привкус табака. *Норс.* Норс был внутри нее, и она его не приглашала. Она успела ощутить вспышку гнева, а потом мир почернел.

В следующую секунду она уже смотрела на свою тетрадь. Профессор продолжала говорить, но Алекс не могла понять ни слова. Она видела скользнувшую ручку там, где прервались ее записи. На странице неверным почерком были нацарапаны три даты.

1854 1869 1883

Страница была забрызгана кровью.

Алекс подняла руку и чуть не ударила себя по лицу. Она словно забыла, какой длины ее рука. Она торопливо вытерла лицо рукавом. Из носа у нее шла кровь.

Соседка справа уставилась на нее:

– У тебя все нормально?

– Все отлично, – сказала Алекс. Она зажала ноздри пальцами, пытаясь остановить кровотечение, и торопливо захлопнула тетрадь. Норс с упрямым лицом парил прямо перед ней.

– Ах ты сукин сын.

Девушка рядом с ней поморщилась, но Алекс было не до приличий. Норс в нее вселился. Он был внутри нее. С тем же успехом он мог бы засунуть руку ей в задницу и использовать ее, как перчаточную куклу.

– Гребаный *ублюдок*, – прорычала она себе под нос.

Она сунула тетрадь в портфель, схватила свое пальто и быстрым шагом пошла по проходу, вышла из лекционного зала и затем из задней двери здания. Она направилась напрямик в II Bastone, в ярости написав Доуз: *SOS*.

К тому времени, как она дошла до лужайки, она начала хромать. От боли в боку было тяжело дышать. Она жалела, что не захватила с собой «перкосет». Норс по-прежнему шел в нескольких футах позади нее.

– *Теперь*, значит, ты держишься на почтительном расстоянии, бесплотный мудака? – прорычала она через плечо.

Он выглядел угрюмым, но уж точно не раскаивающимся.

– Не знаю, что дерьмового можно сделать с призраком, – пообещала ему она, – но я это выясню.

Все ее пустые угрозы маскировали гремевший в ее сердце страх. Если он вселился в нее однажды, сможет ли он осуществить это снова? Что он может заставить ее сделать? Навредить себе? Навредить кому-то еще? По большому счету, она воспользовалась Норсом точно так же, когда на нее напал Ланс, но тогда под угрозой была ее жизнь. Она не пыталась вынудить его заняться сбором информации.

Что, если об этом узнает и вселится в нее другой Серый? Должно быть, это результат установившейся между ними связи. Она дважды его приглашала. Она знала, как его зовут. Она называла его по имени. Возможно, раз открыв дверь, закрыть ее уже нельзя.

– Алекс?

Алекс резко развернулась и схватилась за бок. Боль в ране прошла по всему ее телу. На тротуаре в синей ветровке парусной команды и надетой задом наперед бейсболке стоял Трипп.

– Чего тебе, Трипп?

Он, защищаясь, вскинул руки.

– Ничего! Я просто... Ты в норме?

– Нет, я не в норме. Но я в нее приду.

– Я просто хотел поблагодарить тебя, что, ну, знаешь, промолчала про эту историю с Тарой.

Ничего подобного Алекс не делала, но, если Трипп хочет так считать, она не возражала.

– А как же, приятель.

– Но эта тема насчет Блейка Кили – просто безумие.

– Серьезно? – сказала Алекс.

Трипп приподнял кепку, провел ладонью по волосам и снова ее надел.

– А может, и нет. Он мне никогда не нравился. Некоторые парни рождаются злыми, знаешь?

Алекс удивленно взглянула на Триппа. Может, он и не такой бестолковый, каким кажется.

– Знаю.

Она предостерегающе посмотрела на Норса, который шагал взад и вперед, снова и снова проходя сквозь Триппа.

Трипп вздрогнул.

– Черт, кажется, у меня грипп начинается.

– Отдохни, – сказала Алекс. – Сейчас ходит какой-то вирус.

Похожий на мертвого викторианца.

Алекс быстро пошла по Элм на Оранж. Ей не терпелось попасть под защиту охранных заклинаний. Она поднялась по трем ступеням крыльца в II Bastone, и, как только она открыла

дверь и переступила порог, ее охватило чувство облегчения. Норс парил посреди улицы. Она захлопнула дверь и увидела в окно, как порыв воздуха сдул его назад – словно выдохнул весь дом. Алекс прислонилась лбом к закрытой двери.

– Спасибо, – пробормотала она.

Но что помешает ему насильно вселиться в нее в следующий раз? Придется ли ей вернуться в пограничную область, чтобы разорвать их связь? Она была на это готова. Она отдастся на милость Саломы Нилс, чтобы ее снова впустили в «Волчью морду». Она бы позволила Доуз утопить ее тысячу раз.

Алекс развернулась, прижавшись спиной к двери. Дом казался безопасной гаванью. Сквозь уцелевшее витражное окно в фойе проникал дневной свет. Другое окно было заколочено. Осколки разбитого стекла по-прежнему лежали в глубокой тени. Там, где Доуз ударилась головой, на старых обоях была кровь. Никто не попытался ее отмыть.

Алекс посмотрела сквозь арку в гостиную, почти ожидая увидеть там Доуз. Но в комнате не было ни ее, ни ее папок и индексных карточек. Дом казался пустым, истерзанным и раненым. У Алекс заняло сердце. Ей так и не пришлось вернуться в Граунд-Зиро. И она никогда не любила Граунд-Зиро. Она с радостью с ним рассталась, стараясь забыть о кошмарах, которые там с ней случились.

Но, возможно, старый, приветливый, тихий II Bastone, обитый теплым деревом, она успела полюбить.

Она отошла от двери и достала из кладовой совок и метлу. На то, чтобы подмести осколки стекла, у нее ушло немало времени. Она собрала все в целлофановый мешок и завязала его кусочком скотча. Она не знала, нужно ли их выбрасывать. Возможно, они могли бы положить осколки в горн вместе с козьим молоком и восстановить витраж.

Только войдя в маленький туалет, чтобы помыть руки, она поняла, что у нее все лицо в засохшей крови. Неудивительно, что Трипп спросил, все ли у нее в порядке. Она смыла кровь, глядя, как вода кружится в раковине и исчезает.

В холодильнике нашелся еще не испортившийся хлеб и сыр. Она заставила себя пообедать, хотя никакого голода не испытывала. Потом она поднялась в библиотеку.

Доуз на ее сообщение так и не ответила. Скорее всего, она вообще не смотрела на телефон. Она тоже залегла на дно. Алекс ее не винил, но это значило, что ей придется найти способ разорвать связь с Женихом самостоятельно.

Алекс схватила с полки книгу Альбемарле, но заколебалась. Она мгновенно узнала первую дату, которую Норс заставил ее написать в тетради: 1854, год его убийства. Остальные годы ничего для нее не значили. Она ничего не была должна Норсу. Но Дарлингтон считал, что убийство Жениха стоило расследовать. Он бы захотел узнать, что означают эти даты. Возможно, это хотела знать и Алекс. Это казалось поражением, но Норсу не обязательно было знать, что он раздражил ее любопытство.

Алекс раскрыла портфель, достала свою шекспировскую тетрадь и открыла ее на забрызганной кровью странице: 1854 1869 1883. Если она сделает запрос на эти даты, библиотека взбесится. Необходимо было найти способ сузить параметры поиска.

Или, возможно, ей просто нужно найти записи Дарлингтона.

Алекс вспомнила слова, написанные им в каталоге экипажей: *первое?* Если он и расследовал дело Норса, то она не нашла записи ни в спальне Вергилия, ни в «Черном вязе». Но что, если они здесь, в библиотеке? Алекс открыла книгу Альбемарле и взглянула на последний запрос Дарлингтона – план Розенфелда. Но прямо над ним был запрос на нечто под названием «Daily New Haven». Она в точности переписала его и вернула книгу на полку.

Когда шкаф перестал трястись, она открыла его и вошла в библиотеку. Полки были заполнены чем-то, больше похожим на брошюры с мелким шрифтом, чем на газеты. Их были тысячи.

Алекс вышла и снова открыла книгу Альбемарле. В ночь исчезновения Дарлингтон работал в библиотеке. Она записала запрос на план Розенфелда.

На сей раз, когда она открыла дверь, на полках не было ничего, за исключением единственной книги. Она была большой и тонкой, в темно-красной кожаной обложке и совершенно не пыльной. Алекс положила ее на стол в центре комнаты и позволила ей раскрыться. Там, между чертежами третьего и четвертого подземных уровней Розенфелд-холла, лежал листок желтой бумаги, аккуратно сложенный и покрытый крошечными остроконечными каракулями Дарлингтона – последнее, что он написал, прежде чем кто-то отправил его в ад.

Она боялась развернуть листок. Возможно, это какая-то ерунда. Записки об итоговой работе в семестре. Список ремонтных работ, которые надо провести в «Черном вязе». Но она в это не верила. Той декабрьской ночью Дарлингтон работал над тем, что было для него важно, над тем, в чем он разбирался месяцами. Работал он рассеян – возможно, думал о предстоящей ночи, возможно, волновался за свою ученицу, которая никогда не читала то, что ей задавали. Он не хотел брать с собой свои записи, а потому спрятал их в безопасном месте. Прямо здесь, в этой книге чертежей. Он думал, что скоро вернется.

– Надо было быть лучшей Данте, – прошептала она.

Но, возможно, она сможет стать лучше сейчас.

Она медленно развернула листок. Первая строка гласила: *1958 – Колина Тилман-Врексхэм. Сердечный приступ? Удар?*

Дальше шел список лет, к которому прилагалось что-то похожее на женские имена. Последние три даты в списке совпадали с теми, которые Норс заставил ее написать в тетради.

1902 – Софи Мишкэн-Райнлэндер-Брэйн – лихорадка?

1898 – Эффи Уайт-Стоун-Дропси (водянка?)

1883 – Зюзанна Мазурски-Фелс – апоплексия

1869 – Паолетта ДеЛауро-Кинсли – ножевое ранение

1854 – Дейзи Фаннинг Уитлок-Рассел – огнестрельное ранение

Первое? Дарлингтон верил, что Дейзи была первой, но первой кем? Дейзи застрелили. Полетта была зарезана, но остальные умерли естественной смертью.

Или кто-то научился убивать девушек поумнее.

«Я выдумываю, – подумала Алекс. – Я ищу связи там, где их нет». Согласно всем телешоу, которое она когда-либо видела, у серийных убийц всегда есть модус операнди, способ, которым они предпочитали убивать. Кроме того, даже если в Нью-Хейвене орудовал убийца, если эти даты были верными, этот конкретный психопат охотился на девушек с 1854 по 1958 год – больше ста лет.

Но она видела, на что способна магия, и не могла сказать, что это невозможно.

И что-то в последовательности дат казалось ей знакомым. Паттерн совпадал со временем основания обществ. В 1800-х был всплеск активности – как раз тогда был большой перерыв между возведением новых гробниц, пока в шестидесятых не построили «Манускрипт». По коже Алекс пошли неприятные мурашки. Она знала, что «Череп и кости» основан в 1832-м, а этот год не совпадал ни с одной из смертей, но был единственным, который она сумела вспомнить.

Алекс взяла записи и пошла в комнату Данте. Она схватила из ящика стола «Жизнь Леты». «Свиток и ключ» был основан в 1842-м, «Книга и змей» – в 1865-м, «Святой Эльм» – в 1889-м, «Манускрипт» – в 1952-м. Только дата основания «Волчьей морды» совпадала с 1883-м, но это могло быть случайным совпадением.

Она провела пальцем по списку имен.

1854 – Дейзи Фаннинг Уитлок-Рассел – огнестрельное ранение

Она нигде больше не видела, чтобы фамилию Дейзи писали через дефис. Она всегда была просто Дейзи Фаннинг Уитлок.

Потому что это был не просто дефис. Ни один из них не был дефисом. Рейнлэндер. Стоун. Фелпс. Кингсли. Рассел. Врекхэм. Все это были названия трастов, организаций и ассоциаций, основавших общества, – которые заплатили за строительство их гробниц.

Алекс снова вбежала в библиотеку и захлопнула полку; она опять схватила за книгу Альбемарле, но заставила себя двигаться помедленнее. Ей нужно было подумать, как это сформулировать. «Рассел» был фондом, финансирующим «Череп и кости». Она осторожно написала: *Договор о покупке земли, осуществленной трастом «Рассел» на Хай-стрит в Нью-Хейвене, Коннектикут.*

На средней полке ее ждала конторская книга с эмблемой гончей «Леты», а в ней, один за другим, – договоры о покупке земли по всему Нью-Хейвену, в местах, где позже были выстроены все восемь Домов Покрова, и каждый был возведен над нексусом, звеном могущественной цепи, созданной неизвестной силой.

Но Дарлингтон знал. *Первая.* 1854 – год, когда траст «Рассел» приобрел землю, где позже возвел свою гробницу «Череп и кости». Дарлингтон сложил вместе то, что создало эти средоточия магии, питавшие ритуалы обществ и сделавшие все это возможным. Мертвые девушки. Одна за другой. С помощью старых выпусков «New Havener» он соотнес места их смерти с расположением гробниц обществ.

Что особенного было в этих смертях? Даже если всех этих девушек убили, за много лет в Нью-Хейвене произошло немало убийств, которые не привели к образованию магических нексусов. А Дейзи даже не погибла на Хай-стрит, где построили свою гробницу «Череп и кости», так почему нексус образовался там? Алекс понимала, что что-то упускает, что ей не удастся соединить точки, которые смог бы соединить Дарлингтон.

Норс дал ей даты; он тоже видел связь.

Алекс побежала назад в ванную и наполнила раковину.

– Норс, – чувствуя себя душой, сказала она. – *Норс.*

Ничего. Призраки. Никогда не явятся, когда ты в них нуждаешься.

Но существовало множество способов привлечь внимание Серого. Поколебавшись, Алекс взяла со стола канцелярский нож. Она порезала себе предплечье и позволила крови капать в воду, глядя, как она образует завитки.

– Тук-тук, Норс.

В отражении так внезапно возникло его лицо, что она подпрыгнула.

– Смерть Дейзи создала нексус, – сказала она. – Как ты это выяснил?

– Я не мог найти Тару. С тем предметом это должно было быть легко, но по эту сторону Покрова не было никаких ее следов. Прямо как Дейзи. Глэдис О’Донахью тоже нет. В тот день что-то произошло. Что-то поважнее, чем наши с Дейзи смерти. Думаю, когда умерла Тара, это произошло снова.

Дейзи была аристократкой, принадлежала к высшему обществу города. Ее смерть все это начала. Но что с остальными девушками? Кем они были? Такие имена, как ДеЛауро, Мазурски, Мишкан. Были ли они иммигрантками, работавшими на фабриках? Горничными? Дочерьми освобожденных рабов? Девушками, чью гибель не отметили бы заголовки и мраморные могильные камни?

И должна ли была стать одной из них Тара? Жертвой? Но почему ее убийство было настолько жестоким? Настолько публичным? И почему сейчас? Если все это действительно были убийства, с момента гибели последней девушки прошло больше пятидесяти лет.

Кто-то нуждался в нексусе. Одному из Домов Покрова нужен был новый дом. «Святой Эльм» много лет лоббировал возведение новой гробницы – а какой толк от гробницы без нек-

суса под ней? Алекс вспомнила пустой участок земли там, где нашли тело Тары. Полно места для строительства.

– Норс, – сказала она. – Вернись и поищи остальных.

Она одно за другим зачитала ему имена: *Колина Тиллман, Софи Мишкан, Эффи Уайт, Зюзанна Мазурски, Паолетта ДеЛауро.*

– Попытайся их найти.

Алекс сорвала с вешалки полотенце и прижала его к своей окровавленной руке. Она села за стол, посмотрела в окно на Оранж-стрит, пытаясь подумать. Если бы Дарлингтон выяснил, что создает нексусы, то первым, кому бы он об этом сказал, был бы Сэндоу. Скорее всего, он был горд и взволнован своим открытием, которому предстояло пролить новый свет на то, как действует магия в его городе. Но Сэндоу никогда не упоминал о последнем открытии Дарлингтона ни при ней, ни при Доуз.

Какая разница? Сэндоу не мог быть в этом замешан. На него жестоко напали всего в нескольких футах от места, где она сидит. Он почти умер.

Но не из-за Блейка Кили. Блейк ранил Доуз, чуть не убил Алекс, но он не навредил декану. Его ранили рычащие полубезумные гончие «Леты», защитившие Алекс. Она вспомнила сжатый кулак Блейка. Он бил ее этой рукой, продолжая сжимать кулак.

Она вышла в коридор на вершине лестницы. Не обращая внимания на темные пятна на ковре и застоявшийся запах рвоты, она опустила на колени и начала искать – половицы под ковровой дорожкой. Только заглянув под пустую плетеную жардиньерку, она увидела отблеск золота. Завернув ладонь в рукав рубашки, она осторожно подняла предмет на свет. Монета принуждения. Кто-то управлял Блейком. Кто-то дал ему очень четкие приказы.

Это год финансирования.

Дарлингтон рассказал Сэндоу о своей теории насчет девушек и гробниц. Но Сэндоу уже знал. Сэндоу, который был на мели после развода и не публиковался годами. Сэндоу, который так отчаянно хотел скрыть исчезновение Дарлингтона. Сэндоу, который откладывал ритуал, целью которого было его вернуть, до того первого новолуния и который воспользовался этим ритуалом, чтобы запретить Дарлингтону возвращаться в «Черный вяз». Потому что, возможно, именно Сэндоу расставил ловушку для Дарлингтона в подвале Розенфелда. Уже тогда он планировал смерть Тары Хатчинс – и знал, что только Дарлингтон сможет понять, что в действительности означало это убийство. И он от него избавился.

Сэндоу никогда не собирался возвращать Дарлингтона. Тем более что Алекс была идеальной марионеткой. *Разумеется*, все пошло не так в год, когда они назначили делегатом Леты неизвестную девушку. Ничего иного не следовало ожидать. В будущем они будут более осторожны. В следующем году блестящая, компетентная, надежная Мишель Аламеддин вернется, чтобы обучить их непутевую Данте. А Алекс окажется в долгу у Сэндоу, навеки благодарная за помощь с оценками.

«Возможно, я ошибаюсь», – подумала она. Но даже, если она права, это не значит, что она обязана об этом сообщить. Она могла бы промолчать, продолжить получать оценки, провести свое спокойное, прекрасное лето. В мае у Колина Хатри выпускной, так что ей не придется с ним любезничать. Под опекой профессора Бельбалм она сможет выжить, *расцвести*.

Алекс вертела в пальцах монету принуждения.

В дни после бойни в квартире на Ван-Найс Итан обегал весь Лос-Анджелес, пытаясь выяснить, кто убил его кузена. Ходили слухи, что это были русские – только вот русские предпочитали пушки битам – или албанцы, или кто-то в Израиле позаботился, чтобы Ариэль никогда не вернулся из Калифорнии.

Несмотря на полицейскую охрану у двери, Итан пришел к Алекс в больницу. Такие, как Итан, словно Серые. Везде проберутся.

Он уселся на стул у ее кровати, где всего днем раньше сидел декан Эллиот Сэндоу. Глаза у него были красные, а подбородок зарос щетиной. Но его костюм был, как всегда, безупречен, а золотая цепь на его шее выглядела как пережиток семидесятых, словно он унаследовал ее от предыдущего поколения сутенеров и сводников как переходящий факел.

«Ты недавно чуть не умерла», – сказал он. Алекс всегда нравился его акцент. Поначалу она принимала его за французский.

Она не знала, что ответить, а потому облизала губы и показала ему на кувшин с ледяной стружкой. Итан хрюкнул и кивнул.

«Открой рот», – сказал он и положил ложку ей на язык две стружки.

«У тебя очень потрескавшиеся губы. Очень сухие. Попроси вазелин».

«Ладно», – прохрипела она.

«Что произошло в ту ночь?»

«Я не знаю. Я пришла на вечеринку поздно».

«Почему? Где ты была?»

Так значит, это был допрос. Ладно. Алекс готова была признаться.

«Я это сделала, – Итан вскинул голову. – Я всех их убила».

Итан развалился на стуле и провел рукой по лицу.

«Гребаная наркоша».

«Я не наркоша».

Она не знала, правда ли это. Она никогда не подсаживалась на тяжелую наркоту. Она слишком боялась того, что может случиться, если она потеряет над собой контроль, но вот уже несколько лет постоянно находилась в слегка меняющейся туманности сознания.

«Ты их убила? Мелкая девчонка. Ты была в отключке, накачанная фентанилом. – Итан искоса посмотрел на нее. – Ты должна мне за наркотики».

Фентанил. Каким-то образом он попал в ее организм от Хелли, и в крови его осталось достаточно для того, чтобы врачи решили, что она тоже чуть не передознулась. Последний дар. Идеальное алиби.

Алекс рассмеялась.

«Я уезжаю в Йель».

«Гребаная наркоша», – с отвращением повторил Итан. Он встал и отряхнул свои идеально пошитые брюки.

«Что ты собираешься делать?» – спросила Алекс.

Он оглядел палату.

«У тебя нет цветов. Ни шариков, ничего. Это печально».

«Наверное», – сказала Алекс. Она даже не была уверена, что ее мать знает, что она в больнице. Скорее всего, Мира давно ждала этого звонка.

«Я не знаю, что я буду делать, – сказал Итан. – Я думаю, твой мутила-парень задолжал не тому человеку. Он кого-то кинул или разозлил, а Ариэль находился не в том месте не в то время, – он снова потер лицо. – Но это не важно. Когда ты фраер, это как тату. Все это видят. Так что кто-то за это умрет, – Алекс гадала, не она ли. – Ты должна мне за фентанил. Шесть тысяч баксов».

После ухода Итана она попросила медсестру перенести больничный телефон поближе к ней. Она достала визитку, которую оставил Эллиот Сэндоу, и позвонила ему в кабинет.

«Я приму ваше предложение, – сказала она ему, когда секретарша их соединила. – Но мне понадобятся деньги».

«Это не проблема», – ответил он.

Позже Алекс пожалела, что не попросила больше.

Алекс еще раз покрутила в руке монету принуждения. Проигнорировав пульсирующую боль, она встала на ноги. Она вернулась к столу, где рядом с окровавленной шекспировской тетрадью разложила каракули Дарлингтона.

Если ты ффраер, это как тату. Все это видят.

Она достала телефон и позвонила домой декану. Трубку взяла его домработница, как и ожидала Алекс.

– Здравсте, Елена. Это Алекс Стерн. Мне нужно кое-что передать декану.

– Его нет дома, – с заметным украинским акцентом сказала Елена. – Но вы можете занести посылку.

– Вы знаете, куда он пошел? Ему лучше?

– Да. Пошел в дом президента на большую вечеринку. В честь его выздоровления.

Алекс никогда не бывала дома у президента университета, но знала, где он живет. Дарлингтон показал ей дом – милое здание из красного кирпича с белой отделкой на Хиллхаус.

– Отлично, – сказала Алекс. – Я попозже заскочу.

Она написала Тернеру: *Мы ошибались. Встретимся в доме президента.*

Сложив список имен, она положила его себе в карман. Она больше не собиралась быть ффраером Сэндоу.

– Ладно, Дарлингтон, – прошептала она, – пойдём поиграем в рыцарей.

30

Начало весны

Алекс зашла в общежитие, чтобы принять душ и переодеться. Она тщательно расчесалась, проверила свои бинты, надела купленное матерью платье. Ей не хотелось выглядеть неуместно. И, если что-то пойдет не так, ей хотелось внушать как можно больше доверия. Она налила себе чашку чая и дождалась, пока в чашке появится Норс.

– Ну что? – спросила она, когда в чае отразилось его бледное лицо.

– Ни одной из них здесь нет, – сказал он. – С этими девушками что-то случилось. То же, что случилось с Дейзи. Что-то похуже смерти.

– Встреть меня за пределами охранных заклинаний. И будь готов. Мне понадобится твоя сила.

– Вы ее получите.

Алекс в этом не сомневалась. Норса и его невесту убила неконтролируемая магия. Алекс была в этом уверена. Но потом произошло что-то еще – что-то, чего Алекс не могла объяснить. Она знала лишь, что это помешало Дейзи пройти за Покров, где она, возможно, нашла бы умиротворение.

До президентского дома она доехала на такси. Перед входом стоял привратник, а в окнах она видела толпу людей. Хорошо. У нее будут свидетели.

И все-таки она написала Доуз: *Знаю, что ты пропала без вести, но, если со мной что-то случится, это был Сэндоу. Я оставила запись в библиотеке. Просто спроси книгу Альбемарле.*

Тернер до сих пор ей не ответил. Может, теперь, когда его дело раскрыто, он больше не желает сотрудничать с ней? Шагая по тропинке к дому, она радовалась, что рядом Норс.

Алекс ожидала, что у входа будут проверять имена приглашенных, но без проблем вошла внутрь. В комнатах было тепло и пахло влажной шерстью и печеными яблоками. Она сняла пальто и повесила его на вешалку поверх двух других. Она слышала приглушенные беседы и игру на фортепьяно. Она сцапала у проходящего мимо официанта пару фаршированных грибных шляпок. Она не собиралась погибать на пустой желудок.

– Алекс? – спросил официант, и она узнала Колина.

Может, он и выглядел немного усталым, но не встревоженным и не злым.

– Не знала, что ты и у президента работаешь, – настороженно сказала Алекс.

– Меня ему одолжила Бельбалм. Потом я должен буду отвезти ее домой, так что могу подвезти и тебя. Ты сегодня работаешь?

Алекс покачала головой.

– Нет, мне просто нужно кое-что передать. Декану Сэндоу.

– Кажется, я видел его у фортепьяно. Как освободишься, загляни в кухню. Кто-то прислал Бельбалм бутылку шампанского, и она отдала ее нам.

– Круто, – с деланным энтузиазмом сказала Алекс.

Она нашла туалетную комнату и скользнула внутрь. Ей нужно было время, чтобы взять себя в руки и осмыслить непринужденность Колина. Он должен был злиться. Он должен был ненавидеть ее за то, что она раскрыла его связи с Тарой, изобличила «Свиток и ключ», который раскрывал свои тайны чужакам и использовал незаконные наркотики. Даже если Сэндоу не упоминал ее имя на дисциплинарных обсуждениях, она все-таки была членом «Леты».

Но разве Алекс не понимала, что никаких реальных последствий не будет? Легкое внушение. Штраф. Кровавая цена – для других. И все же она думала, что последует хоть какая-то расплата.

Опершись на раковину, Алекс уставилась в зеркало. Она выглядела изможденной, под глазами у нее пролегли темные тени. Она сняла старый черный кардиган, который надела поверх купленного матерью платья-футляра из кремовой шерсти. Ее кожа выглядела землистой, а руки – худыми и жилистыми, будто она никогда в жизни не наедалась досыта. Она видела, как ее шерстяное платье розовеет от раны; должно быть, перевязка сбилась на краях. Она хотела выглядеть прилично, как хорошая, старательная, достойная доверия девушка. Вместо этого она походила на чудовище.

Из гостиной доносился звон бокалов и светские беседы. Алекс так упорно пыталась стать частью всего этого. Но, если это и есть настоящий, нормальный мир, действительно ли она хочет в него попасть? Здесь никогда ничего не меняется. Плохие парни никогда не получают по заслугам. Колин, Сэндоу, Кейт Мастерс и их предшественники, когда-то заполнявшие гробницы и колдовавшие – они ничем не отличались от Ленов, Итанов и Ариэлей мира. Они брали все, что хотят. Мир мог прощать их, игнорировать или распахивать им объятия, но он никогда их не наказывал. Так какой во всем этом смысл? Какой смысл в учебе и дешевых кашемировых свитерах, если игра была договорной с самого начала?

Алекс вспомнила, как Дарлингтон сажал ей на руки адресных мотыльков в тусклом свете оружейной. Она вспомнила, как, глядя на бледнеющие у нее на глазах татуировки, впервые поверила, что все возможно, что она найдет здесь свое место.

«Будь осторожней в порывах страсти», – сказал он. Слюна может реверсировать магию.

Алекс сжала кулаки. Она провела языком по костяшкам сначала левой руки, а потом и правой. Сначала ничего не происходило. Алекс слушала, как капает кран.

Затем на коже ее рук расцвели темные чернила. Змеи и пионы, паутины и созвездия, две неуклюжие кружащие друг вокруг друга золотые рыбки на левом бицепсе, скелет на одном предплечье, мистические символы Колеса на другом. Она до сих пор понятия не имела, что эти символы означают. Она достала эту карту таро из колоды Хелли за пару секунд до того, как они вошли в тату-салон на променаде. Алекс смотрела в зеркало, как ее история разливается по ее коже – шрамы, которые она сама для себя выбрала.

Мы пастыри. Время для этого миновало. Лучше быть гремучей змеей. Лучше быть шакалом.

Алекс вышла из туалета, и ее поглотила толпа, облака духов, костюмы и трикотаж от «St. John». Она увидела, как в ее сторону обращаются нервные взгляды. Она выглядела неправильно. Она не выглядела благонаправной. Ей было здесь не место.

Она заметила в группе гостей у фортепьяно седеющие волосы Сэндоу. Он опирался на костыли. Она удивилась, что он себя не излечил, но в то же время не могла представить, как он смог бы затащить дюжину пакетов козьего молока вверх по лестнице II Bastone без посторонней помощи.

– Алекс! – с некоторой растерянностью сказал он. – Какое неожиданное удовольствие.

Алекс тепло улыбнулась.

– Я нашла папку, которую вы просили, и подумала, что вы захотите узнать об этом как можно скорее.

– Папку?

– Насчет продажи земли. От 1854 года.

Измученный Сэндоу неубедительно рассмеялся.

– Конечно. Я скоро собственную голову забуду. Извините нас на минутку, – сказал он и повел ее через толпу. Алекс держалась позади него. Она знала, что он уже рассчитывает, сколько она знает и как ее допросить, может, как заткнуть ей рот. Она достала свой телефон и

нажала на запись. Она предпочла бы остаться под защитой толпы, но знала, что ее микрофон не сможет уловить его голос на этой шумной вечеринке.

– Держись поближе, – прошептала она парящему рядом с ней Норсу.

Сэндоу открыл дверь в кабинет. Это была чудесная идеально квадратная комната с каменным камином и французскими дверями, выходившими в сад, где можно было наблюдать и еще не растаявший снег, и зеленое начало весенней оттепели.

– После вас.

– Проходите вперед, – сказала Алекс.

Декан пожал плечами и вошел. Отставив костыли, он оперся о стол.

Алекс оставила дверь открытой, чтобы гости могли хотя бы отчасти их видеть. Не то чтобы она ожидала, что Сэндоу возьмет модное пресс-папье и разобьет ей голову, но одну девушку он уже убил.

– Вы убили Тару Хатчинс.

Сэндоу открыл рот, но Алекс предупреждающе вскинула руку.

– Не начинайте пока лгать. Нам нужно о многом поговорить, так что не торопитесь. Вы убили ее – или устроили ее убийство – на треугольнике неиспользуемой земли, которую, как я догадываюсь, в ближайшее время купит траст «Райнлэндер».

Декан достал из кармана трубку и кисет с табаком и начал неторопливо набивать чашу. Он положил трубку рядом с собой, не закурив.

Наконец он сложил руки и встретился с ней взглядом.

– И что?

Алекс была не уверена, чего ожидала, но точно не этого.

– Я...

– *И что*, мисс Стерн?

– Они вам заплатили? – спросила она.

Он взглянул через ее плечо, чтобы убедиться, что в коридоре никто не стоит.

– «Святой Эльм»? Да. В прошлом году. Развод оставил меня без гроша. Мои сбережения закончились. Мне присудили возмутительные алименты. Но несколько посвященных выпускников «Святого Эльма» избавили меня от всех этих проблем с помощью одного чека. Все, что от меня требовалось, – это обеспечить им нексус, над которым можно было бы строить.

– Как они узнали, что вы можете его создать?

– Они и не знали. Я сам к ним обратился. В свои дни в «Лете» я разгадал паттерн. Я знал, что он может повториться. Время для этого давно пришло. Я не думал, что мне действительно придется что-то *делать*. Нам просто надо было подождать.

– Были ли общества замешаны в убийствах других девушек? Колины, Дейзи и остальных?

Он снова посмотрел ей за спину.

– Напрямую? Я и сам годами задавался этим вопросом. Но, если бы какое-то из обществ раскрыло загадку создания нексуса, с чего бы им останавливаться на одном? Почему не воспользоваться этим знанием? Не продать его? – он поднял свою трубку. – Нет, не думаю, что они были замешаны. Это необычный город. Покров здесь тоньше, поток магии – легче. Она собирается в нексусах, но магия здесь есть в каждом камне, в каждой крупине земли, в каждом листке каждого старого вяза. И она голодна.

– Город... – Алекс вспомнила странное чувство, возникшее у нее на месте преступления, которое словно воспроизводило карту ню-хейвенской колонии. Доуз говорила, что ритуалы срабатывают лучше всего, если проводятся в значимую дату. Или в значимом месте. – Вот почему вы решили убить Тару на том перекрестке.

– Алекс, я умею проводить ритуалы. Когда хочу.

Разве Дарлингтон не рассказывал ей, что Сэндоу был блестящим делегатом «Леты»? Что некоторые из придуманных им обрядов проводятся до сих пор?

– Вы убили ее ради денег.

– Ради огромных денег.

– Вы приняли взятку у совета «Святого Эльма». Вы сказали им, что можете определить место расположения будущего нексуса.

– Что я могу подготовить место. Я думал, что все, что от меня требуется, – это подождать, когда завершится очередной цикл. Но этого не произошло. Никто не умер. Никаких новых нексусов не появилось, – он с досадой покачал головой. – Они были так нетерпеливы. Они... они сказали, что потребуют вернуть деньги, что обратятся к совету «Леты». Их надо было успокоить. Я разработал ритуал и знал, что он сработает. Но мне нужно было жертвоприношение.

– И тогда вы нашли Тару.

– Я знал ее, – почти с нежностью сказал Сэндоу. – Когда Клэр болела, Тара доставала ей марихуану.

– Вашей жене?

– Я ухаживал за ней, пока она болела раком, а потом она от меня ушла. Она... Тара бывала у меня дома. Она слышала то, что ей не следовало слышать. Мне было не до скрытности. Да и какая разница?

Какая разница, что знает какая-то городская девица?

– И Тара была милой, верно?

Сэндоу виновато отвел взгляд. Возможно, он ее трахал; возможно, он просто был рад с кем-то поговорить. Так принято. Ты сходишься с клиентами поближе. Сэндоу нужно было поплакаться у кого-то на плече, и Тара это плечо подставила.

– Но потом Дарлингтон обнаружил паттерн, след девушек.

– Так же, как и я. Полагаю, это было неизбежно. Он был слишком умен, слишком любознателен, себе во вред. И всегда хотел узнать, что делает Нью-Хейвен особенным. Он пытался составить карту невидимого. Он упомянул об этом при мне проходя, как академическое упражнение, дикую теорию, возможную тему для диплома. Но к тому времени...

– Вы уже планировали убить Тару.

– Она воспользовалась тем, что слышала в моем доме, и построила на этом маленький бизнес, ведя торговлю с обществами. Она слишком сблизилась с «Ключами» и «Манускриптом». Наркотики. Ритуалы. Все это должно было плохо закончиться. В свои девятнадцать она была преступницей, принимала наркотики. Она была...

– Легкой мишенью, – *Прямо как я.* – Но Дарлингтон бы во всем разобрался. Он знал о ее предшественницах. Он был достаточно умен, чтобы связать их с Тарой. Поэтому той ночью вы вызвали исчадие ада, чтобы оно...

– Для вас обоих, Алекс. Но, похоже, Дарлингтона хватило, чтобы удовлетворить аппетиты зверя. А может, он спас тебя каким-то последним безрассудным героическим поступком.

А может, чудовище не захотело поглощать Алекс. Может, оно знало, что она вызовет у него изжогу.

Сэндоу вздохнул.

– Дарлингтон любил говорить о том, что Нью-Хейвен всегда на грани успеха, всегда вот-вот обретет удачу и благополучие. Он не понимал, что этот город балансирует на канате. На одной стороне успех. На другой стороне – гибель. Магия этого места и кровь, пролитая, чтобы его поддержать, – единственное, что стоит между городом и смертельным концом.

Этот город был обречен с самого начала.

– Вы сделали это сами? – спросила Алекс. – Или кишка была тонка?

– Знаешь, когда-то я был рыцарем «Леты». Воля у меня была, – в его голосе звучала искренняя гордость.

По словам Изабель, в ночь, когда погибла Тара, Сэндоу, перебрав с бурбоном, отсыпался в кабинете Бельбалм, но он мог каким-то образом ускользнуть из дома или даже воспользо-

ваться той самой магией порталов, в применении которой она подозревала Колина. Помимо этого, он должен был создать чары – но для Сэндоу это было несложно. Алекс вспомнила пудреницу, которой воспользовалась, чтобы попасть в квартиру Тары, а потом в тюрьму. Когда она достала ее из ящика, на ней было пятно. Но Доуз ни за что не оставила бы ее грязной. Кто-то пользовался зеркалом до Алекс.

– Вы натянули на себя лицо Ланса. Вы накачали Тару наркотиками, чтобы ей не было больно, а потом ее убили. Это вы натравили на меня глуму?

– Я. Это было рискованно, возможно, безрассудно. У меня нет способностей к некромантии. Но я не знал, что ты могла выяснить в морге.

Она вспомнила, как Сэндоу сидел напротив нее в «Конуре» с чашкой чая на колене и убеждал ее, что это ее собственные способности вызвали нападение глумы, что это *она* виновата и в нем, и в убийстве Тары.

– Вы сказали мне, что это моя вина.

– Ну, ты не должна была выжить. Надо же мне было что-то сказать, – его слова звучали так рассудительно. – Дарлингтон знал, что ты принесешь нам неприятности. Но я понятия не имел, сколько.

– Вы и сейчас этого не знаете, – сказала Алекс. – И Дарлингтон бы возненавидел все, что вы из себя представляете.

– Дарлингтон был джентльменом. Но сейчас не время для джентльменов, – он поднял свою трубку. – Знаешь, что самое страшное?

– Что вы хладнокровно убили девушку, чтобы какие-то богатенькие детки смогли построить навороченный клубный дом? Звучит довольно ужасно.

Но он ее словно не слышал.

– Не сработало, – сказал он, качая головой. Его лоб морщили приподнятые брови. – Ритуал был верным. Я провел его идеально. Но нексус не появился.

– Значит, Тара умерла, а вы все равно в полной жопе?

– Так было бы, если бы не ты. Я проголосую за то, чтобы «Манускрипт» лишили гробницы. К следующему учебному году у «Святого Эльма» будет новый дом. Они получают то, чего хотят. Я получаю свои деньги. Так что, Алекс, вопрос в том, чего хочешь *ты*?

Алекс уставилась на него. Он всерьез пытался с ней торговаться.

– Чего я хочу? *Перестаньте убивать людей.* Вы не можете убить девушку и заставить Дарлингтона исчезнуть. Вы не можете использовать меня и Доуз и «Лету» потому, что хотите жить в хорошем квартале и водить хорошую машину. Мы не должны ходить по натянутому канату. Мы гребаные пастыри.

Сэндоу рассмеялся.

– Мы попрошайки за столом. Они бросают нам объедки, но настоящая магия, магия, которая делает будущее и спасает жизни, принадлежит им. Если только мы сами не оторвем себе кусок.

Он поднял трубку, но вместо того, чтобы ее раскурить, высыпал содержимое чаши себе в рот. Порошок замерцал у него на губах – аструмсаинас. Звездная пыль. *Принуждение.* В ту ночь в II Bastone он дал ее Блейку, чтобы тот использовал ее на Алекс. В ту ночь Сэндоу отправил Блейка Кили, чтобы тот ее убил.

Не в этот раз.

Алекс потянулась к Норсу и резким ветром ощутила, как он вливается в нее, наполняя ее силой. Она бросилась к Сэндоу.

– Стоять! – сказал декан. Ноги перестали слушаться Алекс. Ей хотелось только подчиняться. Но над мертвыми наркотик был не властен.

– *Нет,* – чисто и искренне прозвучал голос Норса у нее в голове.

– Нет, – сказала Алекс. Она толкнула декана в кресло. Его костыли со стуком упали на пол. – Скоро здесь будет Тернер. Вы расскажете ему то же, что и мне. «Святой Эльм» не получит новую гробницу. Это не кончится штрафами и временными отстранениями. Вы за все заплатите. К черту общества, к черту «Лету» и к черту вас.

– Александра? – Алекс и Сэндоу повернулись. На пороге с бокалом шампанского в руке стояла профессор Бельбалм. – Что здесь происходит? Эллиот... ты в порядке?

– Она на меня напала! – воскликнул он. – Она нездорова, нестабильна. Маргарита, вызови охрану кампуса. Позови Колина, чтобы он помог мне справиться с Алекс.

– Разумеется, – сказала Бельбалм. Принуждение начало действовать.

– Профессор, подождите... – начала Алекс. Она знала, что это бесполезно. Под воздействием звездной пыли ее будет не переубедить. – У меня есть аудиозапись. У меня есть доказательства...

– Александра, не понимаю, что на тебя нашло, – печально покачав головой, сказала Бельбалм. Потом она улыбнулась и подмигнула. – Хотя нет, я прекрасно понимаю, что на тебя нашло. Бертрам Бойс Норс.

– Маргарита! – рявкнул Сэндоу. – Я сказал тебе...

– Ах, Эллиот, перестань, – профессор Бельбалм заперла за собой дверь на замок.

31

Начало весны

Алекс уставилась на нее во все глаза. Это невозможно. Как Бельбалм удастся противостоять звездной силе? И неужели она *видит* Норса?

Бельбалм поставила свой бокал на книжную полку.

– Алекс, ты не могла бы сесть? – с видом любезной хозяйки спросила она.

– Маргарита, – строго сказал Сэндоу.

– Нам давно пора побеседовать, не так ли? Думаю, ты отчаявшийся человек, но не глупец. А президент уже приятно опьянел и устроился у огня. Никто нас не прервет.

Сэндоу с опаской откинулся в кресле.

Но Алекс не готова была играть по ее правилам.

– Вы видите Норса?

– Я вижу его форму, – сказала Бельбалм. – Спрятанную у тебя внутри, как тайна. Ты разве не заметила, что мой кабинет защищен?

Алекс вспомнила, как ей было там спокойно, вспомнила растущие на подоконнике растения – мяту и майоран. Они цвели и вокруг дома Бельбалм, хотя стояла зима. Но она никак не могла уложить в голове, что именно имеет в виду Бельбалм.

– Вы такая же, как я?

Бельбалм улыбнулась и кивнула.

– Мы ходоки Колеса. Нам открыты все миры. Если мы достаточно смелы, чтобы войти.

У Алекс внезапно закружилась голова. Она упала в кресло. Скрип кожи показался ей до странности успокаивающим.

Бельбалм подняла бокал шампанского и с удовольствием устроилась в кресле напротив нее, как всегда, элегантная и уверенная в себе. Они походили на мать и дочь, пришедших на встречу с деканом.

– Можешь выпустить его, если хочешь, – сказала она, и Алекс не сразу сообразила, что Бельбалм имеет в виду Норса.

Алекс заколебалась, потом легонько подтолкнула Норса, и он вылетел из нее и обрел форму у стола, переводя настороженный взгляд с Алекс на Бельбалм.

– Он не совсем понимает, что делать, не правда ли? – спросила Бельбалм. Она склонила голову набок, и на ее губах заиграла задорная улыбка. – Здравствуй, Берти.

Норс отшатнулся.

Алекс вспомнилось солнечный день в конторе «Норс и сыновья», опилки, еще лежащие по углам, чувство глубокого удовлетворения. *О чем это ты задумался, Берти?*

– Дейзи? – прошептала Алекс.

Декан Сэндоу подался вперед, вглядываясь в Бельбалм.

– Дейзи Фаннинг Уитлок?

Не может быть.

– Я предпочитаю французское имя *Маргарита*. Оно менее провинциально, чем *Дейзи*, не правда ли?

Норс покачал головой. На лице его отразилась злость.

– Нет, – сказала Алекс. – Я видела Дейзи. Не просто ее фотографию. Я видела *ее*. Вы на нее нисколько не похожи.

– Потому что это не то тело, в котором я родилась. Это не то тело, которое уничтожил мой самодовольный, влюбленный Берти, – она повернулась к Норсу, который прожигал ее яростным взглядом. На лице его отражалось неверие. – Не волнуйся, Берти. Я знаю, что это не твоя вина. В какой-то мере виновата я, – акцент Бельбалм словно испарился, теперь она говорила так же певуче, как Норс. – У меня так много воспоминаний, но лучше всего я помню тот день на фабрике, – она закрыла глаза. – Я до сих пор ощущаю, как в окна струилось солнце, ощущаю запах лака для дерева. Ты хотел провести медовый месяц в Мэне. В *Мэне* почему-то... В меня проникла чья-то душа, лихорадочная, окровавленная, искрящаяся магией. Я провела всю жизнь, общаясь с мертвецами, скрывая свой дар, одалживая их силу и знания. Но никогда еще дух не вселялся в меня таким образом, – она беспомощно пожала плечами. – Я запаниковала. Я втокнула его в тебя. Я даже не знала, что я на это способна.

Лихорадочная, окровавленная, искрящаяся магией.

Алекс подозревала, что на предсказании в 1854 году что-то пошло не так, что Костяные случайно убили бродягу, которого сделали жертвой. До сих пор она гадала, почему духа занесло именно в эту комнату, почему он искал убежища в Норсе, было ли это каким-то страшным совпадением. Но нет, эту упрямую душу, освободившуюся от уз тела и застрявшую между жизнью и смертью, привлекла сила юной девушки. Духа привлекла Дейзи.

– Это было глупой ошибкой, – со вздохом сказала Бельбалм. – И я за нее заплатила. Ты не смог удержать эту душу и ее гнев. Дух взял твой пистолет. И застрелил меня твоей рукой. Я прожила так недолго, и вот так легко оборвалась моя жизнь.

Норс начал мерить кабинет шагами, по-прежнему качая головой.

Бельбалм откинулась в кресле и фыркнула.

– Боже мой, Берти, как ты можешь быть таким тупицей? Сколько раз ты проходил мимо на улице и не оглядывался? Сколько лет я вынуждена была смотреть, как ты хандришь по всему Нью-Хейвену во всем своем байроническом великолепии? Меня лишили моего тела, так что мне пришлось украсть новое, – ее голос звучал спокойно, сдержанно, но Алекс слышала в нем гнев. – Берти, интересно, сколько раз ты смотрел на Глэдис, но не видел ее.

Парни вроде него никогда не замечают прислугу. Алекс помнила, как смотрела в окно конторы Норса и видела, как Глэдис гуляет среди кизила в своем белом капоре. Нет, не так. Капор был у нее в руке. Белыми, гладкими и мягкими, как голова тюленя, были ее волосы. В точности такими, как у Бельбалм.

– Бедняжка Глэдис, – сказала Бельбалм, опершись подбородком на руку. – Готова поспорить, будь она помиловидней, ты бы ее заметил, – теперь Норс смотрел на Бельбалм. На лице его попеременно отражались вера и упрямое недоверие. – Я не готова была умереть. Я покинула свое уничтоженное тело и забрала тело у нее. Она была первой.

Первая.

Глэдис О’Донахью обнаружила тела Дейзи и Норса и с криком побежала по Чэпел на Хай-стрит, где ее нашли власти. Хай-стрит, куда загнал Дейзи ее отчаянный дух. Хай-стрит, где образовался первый нексус и впоследствии была построена первая гробница.

– Вы вселились в Глэдис? – спросила Алекс, пытаясь взять в толк то, о чем рассказывала Бельбалм. Норс протолкнулся Алекс в голову, но только ненадолго. Она знала истории об одержимости, о настоящих преследованиях призраками, но ничего о том... чем бы это ни являлось.

– Боюсь, это слишком мягкое слово для того, что я сделала с Глэдис, – певуче сказала Бельбалм. – Знаешь, она была ирландкой. Очень упрямой. Мне пришлось вломиться в нее точно так же, как пыталась проникнуть в меня эта несчастная душа. Это было нелегко. Знаешь, что у ирландцев было табу на слово «медведь»? Никто не знает почему, но, скорее всего, потому что они боялись, что, просто произнеся это слово, призовут и создание. Поэтому они называли его «лохматый» или «медоед». Я всегда любила это слово. *Медоед*. Я съела ее душу,

чтобы освободить место для своей, – она удивленно прищелкнула языком. – Она была такой сладкой.

– Это невозможно, – сказал Сэндоу. – Серый не может просто завладеть чужим телом. Уж точно не на продолжительное время. Плоть бы сморщилась и умерла.

– Умница, – сказала Бельбалм. – Но я не была обыкновенной девушкой и не являюсь обыкновенной Серой. Мое новое тело необходимо было подпитывать, и у меня была возможность это делать, – она шаловливо улыбнулась Алекс. – Ты уже знаешь, что можешь впускать в себя мертвых. Ты никогда не задумывалась, что можешь делать с живыми?

Эти слова имели важное значение, они пробивались в сознание Алекс. Дейзи не просто убила Глэдис. Это вышло случайно. Она проглотила душу Глэдис. *Этот* акт насилия породил нексус. Тогда что создало остальные нексусы? *Мое новое тело необходимо было подпитывать.*

Глэдис была первой. Но не последней.

Алекс встала и попятилась к камину.

– Вы всех их убили. Всех тех девушек. Одну за другой. Вы съели их души.

Бельбалм кивнула – это был почти поклон.

– И оставила их тела. Оболочки для могильщика. Я поменяла имя и личность, жила ложными жизнями, чтобы скрыть свою истинную природу. Но я так и не доехала до Франции. Ни в своем старом теле, ни в этом. Сколько бы душ я ни поглощала, я не могу уехать, не начав разлагаться.

– Это из-за города, – сказал Сэндоу. – Тебе нужен Нью-Хейвен. Здесь живет магия.

Бельбалм хлопнула ладонью по подлокотнику своего кресла.

– Этот город – помойка.

– У вас не было права, – сказала Алекс.

– Конечно, нет, – Бельбалм выглядела почти растерянной. – А у мальчиков из «Череп и костей» было право вскрывать этого бедного мужчину? – она указала подбородком на Сэндоу. – *А у него* было право убивать Тару?

Сэндоу удивленно вздрогнул.

– Вы знали? – спросила Алекс. – Вы и ее душу тоже съели?

– Я не собака, чтобы прибегать всякий раз, как зазвонят к обеду. С чего бы я стала тратить время на такую душу, если меня ждал пир?

– О, – сказал Сэндоу, сведя вместе кончики пальцев. – Понимаю. Алекс, это она о тебе.

Взгляд Бельбалм был холодным.

– Не стоит выглядеть таким довольным собой, Эллиот. Я здесь не для того, чтобы исправить твои ошибки, и я не намерена волноваться о том, что ты разболтаешь мои тайны. В этом кресле ты и умрешь.

– Я так не думаю, Маргарита, – Сэндоу встал. На лице его была та же решительность, что охватила его в ночь обряда в новолуние, когда он смотрел в адское пламя. – *День отпевая, колокол гудит, В село плетутся овцы по стер...*

Норс отшатнулся. Он бросил отчаянный взгляд на Алекс, беспомощно пытаясь цепляться за стены, и начал растворяться в книжной полке, борясь с изгнанием, несмотря на страх смертных слов.

– Норс! – воскликнула Алекс, протягивая ему руку и пытаюсь притянуть его обратно внутрь себя. Но было слишком поздно. Он исчез в стене.

– *Усталый пахарь к очагу спешит,* – произнес Сэндоу. Голос его громко звенел. – *Мир оставляя тишине и мне...*

Бельбалм медленно встала с кресла и отряхнула рукава своей элегантной черной туники.

– Поэзия, Эллиот?

Смертные слова. Но Бельбалм не боялась смерти. С чего бы? Она уже встречалась с ней и победила.

Сэндоу остановил жесткий взгляд на Бельбалм.

– *Как знать, забытый этот уголок Того, быть может, упокоил прах, кто всей державой властвовать бы мог...*

Бельбалм глубоко вздохнула и протянула руку к Сэндоу – так же Алекс приветствовала Хелли, так же притягивала к себе Норса.

– Нет! – закричала Алекс, бросившись к ней через комнату. Она схватила Бельбалм за руку, но ее кожа была твердой, как мрамор; она не уступила. Глаза Сэндоу вылезли из орбит, и с губ его сорвался пронзительный свист начинающего закипать чайника. Ловя ртом воздух, он упал назад в кресло с такой силой, что оно опрокинулось. Его руки вцепились в подлокотники. Звук затих, но декан продолжал сидеть, выпрямившись и глядя в никуда, как плохой актер, изображающий потрясение.

Бельбалм с отвращением поджала губы и изящно вытерла уголок рта.

– Душа, похожая на яблоко, зараженное тлей.

– Вы его убили, – сказала Алекс, не в силах отвести взгляд от тела декана.

– Разве он заслуживал лучшей судьбы? Александра, люди умирают. Это редко когда трагедия.

– Оне не пройдет за Покров, верно? – сказала Алекс, начиная понимать. – Вы едите их души, и они никогда не возносятся.

Вот почему Норс не мог найти по ту сторону ни Глэдис, ни остальных девушек. И что стало с душой Тары, ставшей жертвой ритуала Сэндоу? Куда она отправилась в конце концов?

– Я тебя расстроила. Я это вижу. Но ты знаешь, что такое прокладывать себе дорогу в этом мире, знаешь, что такое вынужденно бороться за жизнь на каждом повороте. Ты представить себе не можешь, насколько это было тяжелее в мое время. Женщин отсылали в сумасшедший дом за то, что они читали слишком много книг или потому, что мужья от них устали. Для нас было открыто так мало путей. И мой у меня украли. Поэтому я проложила новый.

Алекс наставила на Бельбалм палец.

– Не пытайтесь превратить это в феминистский манифест. Вы проложили новый путь на костях других девушек. Девушек-иммигранток. Темнокожих девушек. Бедных девушек, – *Таких девушек, как я.* – И все это только ради того, чтобы купить себе еще несколько лет.

– Все гораздо сложнее, Александра. Это божье деяние. С каждой жизнью, которую я забирала, как я вскоре поняла, моему великолепию возводится новый храм – построенный мальчишками, которые никогда не задумывались, какой силой обладают, только принимали ее как данность. Они заигрывают с магией, в то время как я создаю бессмертие. И ты станешь его частью.

– Как мне повезло, – Алекс не нужно было спрашивать, о чем она. Бельбалм отказалась от предложения Сэндоу, потому что не хотела портить аппетит. – Я ваш приз.

– Эта долгая жизнь научила меня терпению, Александра. Познакомившись с Софи, я не знала, кто она такая, но когда я поглотила ее душу? Она была неистойвой и с душком, горькой, как тисовое дерево, молнией в крови. Она поддерживала меня больше пятидесяти лет. А потом, когда я начала слабеть и стареть, появилась Колина. На сей раз я узнала запах ее силы. Я ощутила его возле церкви и шла за ней несколько кварталов.

Их смерти лежали в фундаменте гробниц «Святого Эльма» и «Манускрипта».

Какое слово употребила Бельбалм? «Они были ходаками Колеса».

– Казалось что-то влечет их сюда, чтобы меня накормить. Точь-в-точь как тебя.

Вот почему в 1902 году убийства остановились. В конце девятнадцатого века девушки погибали одна за другой, пока Дейзи питалась обыкновенными девушками, чтобы оставаться в живых. Но потом она нашла своего первого ходака Колеса, Софи Мишкан, девушку, обладавшую той же силой, что и она. Эта душа насыщала ее до 1958 года, когда Бельбалм убила Колину Тиллман, еще одну одаренную девушку. А теперь пришел черед Алекс.

Этот город. Привлекал ли ходоков Колеса Нью-Хейвен? Дейзи. Софи. Колина. Всегда ли Алекс было суждено столкнуться с этим местом и этим чудовищем? Магия, кормящая магию?

– Когда вы поняли, кто я такая? – спросила Алекс.

– С первого взгляда. Я хотела, чтобы ты немного созрела. Хотела смыть с тебя вонь посредственности. Но... – Бельбалм выразительно пожала плечами и вытянула вперед руку.

Внезапно Алекс ощутила резкую боль в груди. Казалось в сердце ее вонзили крюк. Она видела, как вокруг вспыхнуло голубое пламя, ее и Бельбалм окружило огненное кольцо. Колесо. Она почувствовала, что падает.

Хелли была солнечным светом. Норс был холодом и угольным дымом. Бельбалм была зубами.

Алекс болталась рядом с грилем на крошечном балконе Граунд-Зиро. В воздухе висел запах гари, над холмами вдаль висел смог. Она ощущала, как в ее босых ногах отдаются биты басового трека. Она подняла большой палец, закрывая восходящую луну и снова ее открывая.

Женщина нагнулась над ее колыбелью, снова и снова тянулась к ней; руки ее проходили сквозь тело Алекс. Она плакала, серебряные слезы падали на пухлые руки Алекс и исчезали на ее коже.

Хелли держала Алекс за руку и тянула ее вперед на набережной Венис. Она достала из колоды таро девятку Жезлов. Алекс уже держала в руке карту. *Да я ни за что не позволю это на себе вытатуировать*, – сказала Хелли. – *Дай мне вытянуть еще одну.*

Лен снял с руки один из своих кожаных браслетов и застегнул его на запястье Алекс. – *Не говори Мош*, – прошептал он. Его дыхание пахло, как кислый хлеб, но Алекс никогда еще не была так счастлива, ей никогда не было так хорошо.

Ее бабушка стояла перед плитой. Алекс слышала запах тмина, запекающегося в духовке мяса, чувствовала мед и грецкие орехи на языке. – *Мы теперь вегетарианцы*, – сказала Мира. – *Занимайтесь этим в своем доме*, – сказала ее бабушка. – *Когда она приходит сюда, я кормлю ее, чтобы придать ей сил.*

В саду возился мужчина, подрезая изгороди, которые никогда не менялись, и щурясь от солнца даже в хмурые дни. Он пытался заговорить с Алекс, но она не слышала ни слова.

Алекс чувствовала, как воспоминания выдергиваются из нее одно за другим, подобно нитям, цепляются за острые зубы Бельбалм, постепенно разматываясь. Бельбалм хотела их все, хорошие и плохие, грустные и милые, все были одинаково вкусны.

Бежать было некогда. Алекс попыталась вспомнить запах духов своей матери, цвет дивана в комнате отдыха, хоть что-нибудь, что могло бы помочь ей сохранить себя, пока Дейзи ее пожирала.

Ей нужна была Хелли. Нужен был Дарлингтон. Нужна была... как ее звали? Она не могла вспомнить – рыжеволосая девушка с наушниками вокруг шеи. *Пэмми?*

Алекс свернулась на кровати. Ее окружали монархи, ставшие мотыльками. Сзади к ней прижимался парень. *«Я буду служить тебе вечно»*, – сказал он.

Зубы Бельбалм вонзились еще глубже. Алекс не могла вспомнить свое тело, свои руки. Скоро ее не станет. Примешивалось ли к ее страху облегчение? Вся печаль, все потери и ошибки будут стерты из памяти. Она станет пустотой.

Бельбалм собиралась ее вскрыть. Она собиралась выпить Алекс до последней капли.

На каменной площади Бейнеке поднялась волна; прекрасный темноволосый парень кричал: – *В море пускай обратится весь мир!*

Она могла докатиться до Тихого океана, за Каталину, могла смотреть, как приходят и уходят паромы.

Волна пронеслась над площадью, унося поток Серых.

Алекс вспомнила, как съезживалась на полу той прекрасной библиотеки со стекающими по щекам слезами, как пела старые песни своей бабушки, произносила бабушкины слова. Она пряталась от Серых, пряталась за... Дарлингтоном, его звали Дарлингтон... Дарлингтон в своем темном пальто. Она пряталась так же, как пряталась всю жизнь. Она отгораживалась от мира живых, чтобы освободиться от мертвых.

В море пускай обратится весь мир.

Александра. Голос Бельбалм. Предупреждение. Она словно знала мысль, как только та приходила в голову Алекс.

Она больше не хотела прятаться. Она считала себя бойцом, но на деле была не лучше побитой собаки, которая кусалась и оскаливалась, пытаясь остаться в живых. Сейчас она стала чем-то большим.

Алекс перестала бороться. Она перестала пытаться отгородиться от Бельбалм. Она вспомнила свое тело, вспомнила свои руки. То, что она затевала, было опасно. Она была рада.

В море пускай обратится весь мир. *Дай мне стать наводнением.*

Она широко распахнула руки и открылась.

Она почувствовала их мгновенно, они словно ждали, корабли в бескрайнем море, вечно ищущие на темном горизонте, ждущие света, маяка, который бы показал им направление. Она чувствовала их по всему Нью-Хейвену. На Хиллхауз. На Проспект-стрит. Она чувствовала, как Норс карабкается обратно со старой фабрики, куда его отбросили смертные слова, чувствовала, как парень, вечно пытающийся раздобыть билеты, исчезает из Колизея, чувствовала Серого, бегающего перед комплексом Пейна Уитни, чувствовала тысячу других Серых, на которых никогда не позволяла себе смотреть – стариков, умерших в своих постелях; женщину, толкающую искореженную коляску израненными руками; парня с огнестрельной раной на лице, слепо тянущегося к расческе в своем кармане. Иссохшую пешую туристку, хромающую по склону Ист-Рок, приволакивающую сломанную ногу, а в Вествилле, в ветхом лабиринте «Черного вяза», Дэниел Тэйбор Арлингтон Третий запахнул халат покрепче и устремился к ней. Сигарета по-прежнему свисала у него изо рта.

«Придите ко мне, – умоляла она. – Помогите мне». Она позволила им почувствовать свой ужас, страх, горящий в ней, как в сторожевой башне, ее жажду прожить еще день, еще час, освещающую путь.

Им не было конца: они устремлялись к ней по улицам, мимо сада, сквозь стены, они теснились в кабинете, толкаясь, проникали в Алекс. Они мчались на гребне волны.

Алекс почувствовала, что Бельбалм отшатнулась, и внезапно увидела комнату, увидела Бельбалм, стоящую перед ней с протянутой рукой и горящими глазами. Их по-прежнему окружало Колесо – яркое голубое пламя. Они стояли в его центре, окруженные его спицами.

– Что это? – прошипела Бельбалм.

– Призываю пропавших! – воскликнула Алекс. – Призываю потерянных! Я знаю их имена, – а имена обладали властью. Она назвала их одно за другим – поэму потерянных девушек: – Софи Мишкан! Колина Тиллман! Зюзанна Мазурски! Паолетта ДеЛауро! Эффи Уайт! Глэдис О’Донахью!

Мертвецы шептали их имена, повторяли их, подходя ближе, настоящий прилив тел. Алекс видела, как они толпятся в саду, наполовину в стенах, наполовину вне их. Она слышала, как они стонут: *Софи, Колина, Зюзанна, Паолетта* – растущий вой.

Серые говорили, зывали к обьедкам этих душ, бормотание голосов, поднималось, словно разрозненный хор, громче и громче.

– Александра, – рывкнула Бельбалм, и Алекс увидела пот на ее лбу. – Я их не отпущу.

Это от нее больше не зависело.

– Меня зовут Гэлакси, гребаная обжора.

Услышав имя Алекс, Серые издали общий вздох, пронесшийся по комнате. Он задрал подбородок Алекса, сдвинул волосы Бельбалм с лица. Ее глаза расширились и побледнели.

Девушка словно появилась у нее изнутри, отделяясь от тела Бельбалм, подобно бледной шелухе лука. У нее были густые темные кудри, и на ней был фартук работницы фабрики над серой блузкой и юбкой. Появилась блондинка в шляпке с перьями, с кожей, похожей на жухлый абрикос, в закрытом клетчатом платье, с утянутой до невозможности талией; потом черная девушка, сияющая в мягком розовом кардигане и юбке-колоколе, с уложенными мягкими волнами волосами. Одна за другой они отделялись от Бельбалм и присоединялись к толпе Серых.

Глэдис была последней и не хотела выходить. Алекс это чувствовала. Несмотря на годы, проведенные под властью сознания Дейзи, она боялась покидать свое тело.

– Она не может тебя удержать, – взмолилась Алекс. – Не бойся.

Появилась едва видимая девушка, кусочек Серой. Она была куда более юной версией Бельбалм, стройной, с резкими чертами. Ее белые волосы были заплетены в косу. Глэдис повернулась, чтобы взглянуть на себя, на Бельбалм в ее черной тунике и кольцах. По-прежнему испуганная, она подняла руки, как бы пытаясь ее не подпустить, и отступила в толпу, куда призывали ее остальные девушки.

Бельбалм открыла рот, будто собираясь закричать, но изо рта ее вырвался только тот же пронзительный свист чайника, который сорвался с губ декана.

Теперь Норс оказался рядом с Алекс; возможно, он был здесь все это время.

– Она не чудовище, – умоляюще сказал он. – Она просто девушка.

– Она делала это сознательно, – сказала Алекс. В ней не осталось место милосердию. – Она просто считала, что ее жизнь ценнее, чем наши, вместе взятые.

– Я не знал, что она на такое способна, – сказал он, перекрикивая шум толпы. – Не знал, что у нее такое сердце.

– Ты никогда ее не знал по-настоящему.

Осмотрительная Дейзи, которая берегла свои тайны, видела призраков, мечтала увидеть мир. Сумасбродная Дейзи, погибшая, не успев начать жить. Жестокая Дейзи, отказавшаяся от своей судьбы и воровавшая жизнь за жизнью, чтобы прокормить себя.

Алекс назвала последнее имя,

– Дейзи Фаннинг Уитлок!

Она вытянула руку и почувствовала, как дух Дейзи понемногу приближается к ней, медленно, против воли, борясь, чтобы удержаться в теле, как растение, решительно пустившее корни в землю, чтобы там остаться.

Алекс черпала силу в окружающих ее, проходящих сквозь нее Серых. Она велела своему разуму вырастить зубы, велела им вонзиться в сознание Дейзи. Она потянула.

Душа Дейзи рванулась к ней. Алекс освободила ее, прежде чем она успела войти в нее и захватить над ней власть.

На долю секунды Алекс увидела темноволосую девушку с лицом феи в широких юбках и с гофрированными рукавами. На груди у нее зияла огнестрельная рана, рот раскрылся в крике. Серые устремились вперед.

Норс бросился к Дейзи.

– Пожалуйста, – сказал он. – Оставьте ее!

Но Глэдис шагнула вперед, тонкая, как воздух.

– Нет.

– Нет, – вторили ей потерянные девушки. Софи и Зюзанна, Паолетта, и Эффи, и Колина.

Серые хлынули мимо Норса, окружив Дейзи вихрящейся ордой.

– *Mors irrumat omnia*, – прошептала Алекс. Смерть ебет нас всех.

Колесо завертелось, и у Алекс свело живот. Она простерла руки, пытаясь найти что-то, что угодно, какую-то опору. Она врезалась во что-то твердое, упала на колени. Комната внезапно стала неподвижной.

Алекс была на ковре на полу кабинета президента. Голова ее по-прежнему кружилась. Она подняла взгляд. Серые пропали – все, кроме Жениха. Она слышала, как сердце колотится у нее в груди и – через дверь – шум вечеринки. Мертвый декан лежал в кресле за столом. Когда она закрыла глаза, под веками появился горящий образ Колеса.

Тело Бельбалм усохло, ее кожа превратилась в землистую оболочку, кости рассыпались, когда на них обрушился вес сотни лет. От нее осталась лишь кучка пепла.

Жених стоял, не отрывая взгляд от кучки пыли, которая когда-то была девушкой. Он встал на колени и потянулся к ней, но его рука прошла прямо сквозь нее.

Алекс схватилась за край стола, и, опираясь на него, поднялась на ноги. Она, шатаясь, добралась до французских дверей и вышла в сад. Ноги у нее были ватными. Она была почти уверена, что рана у нее в боку снова открылась. Она отперла дверь, и внутрь задул холодный воздух. Он казался ледяным на ее разгоряченных щеках и разметал золу Бельбалм.

Норс беспомощно смотрел, как ее сдувает с ковра.

– Прости, – пробормотала Алекс. – Но у тебя дерьмовый вкус на женщин.

Она взглянула на тело декана и попыталась заставить разум заработать, но чувствовала себя выжатой, как лимон, и пустой. Она никак не могла собраться с мыслями. В саду желтые нарциссы начинали всходить на клумбах.

Тернер, подумала она. Где он? Получил ли ее сообщение?

Она достала телефон. На экране было сообщение от детектива. *Я на выезде. Никуда не уходите. Позвоню, когда закончу. НЕ ДЕЛАЙТЕ ГЛУПОСТЕЙ.*

– Как будто он меня он меня вообще не знает.

Из-за двери донесся чей-то раскатистый смех. Ей нужно было подумать. Если записи о других смертях, приписываемых Дейзи, были верны, то смерть Сэндоу, скорее всего, будет выглядеть, как сердечный приступ или удар. Но Алекс не собиралась испытывать судьбу. Она могла удрать через сад, но люди видели, как она входила в кабинет вместе с ним. Она была не слишком разумна.

Придется вернуться на вечеринку, попытаться пообщаться с людьми. Если кто-то спросит, она скажет, что в последний раз видела декана беседующим с профессором Бельбалм.

– Норс, – сказала она. Продолжая стоять на коленях, он поднял глаза. – Мне нужна твоя помощь.

Возможно, он не захочет ей помочь, возможно, он винит ее в последней смерти Дейзи. Алекс гадала, позволят ли Серые хоть какой-то ее части пройти через Покров. Присутствие Норса здесь, его горе делали это маловероятным.

Норс медленно поднялся. Его глаза были темными и полными горя, как всегда, но, когда он взглянул на Алекс, в них появилась новая настороженность. *Он что, боится меня?* Она была не против. Возможно, он дважды подумает, прежде чем снова влезть ей в голову. И все-таки она сочувствовала Норсу. Она знала, что такое утрата, а он утратил Дейзи дважды – сначала девушку, которую любил, а потом мечту, которой она была.

– Мне нужно, чтобы ты убедился, что в коридоре никого нет, – сказала Алекс. – Никто не должен видеть, как я выхожу из этой комнаты.

Норс прошел сквозь дверь, и долгое мгновение Алекс гадала, не бросит ли он ее здесь с трупом и покрытым прахом злом ковром.

Затем он снова прошел сквозь стену и кивнул.

Алекс заставила себя идти. Она чувствовала себя странно, широко открытой и незащищенной, домом с дверями нараспашку.

Она пригладила волосы, поправила подол платья. Надо будет вести себя нормально, притворяться, что ничего не случилось. Но Алекс знала, что это будет несложно. Она делала это всю свою жизнь.

Мы говорим «Покров», но знаем, что существует множество Покровов, каждый из которых – преграда между нашим миром и загробным. Некоторые Серые так и остаются изолированными за всеми ними и никогда не возвращаются к живым; других могут мельком увидеть те, кто готов рискнуть и выпить пулю Хирама, а некоторые могут проникнуть еще дальше и быть увиденными и услышанными обычными людьми. Мы также знаем, что существует множество пограничных областей, где мертвые могут беседовать с живыми, и давно подозревали, что есть множество загробных жизней. Естественный вывод состоит в том, что существует также множество преисподних. Но, если подобные места есть, они остаются для нас непознанными, неузнанными и не исследованными. Ибо нет столь отважного и бесстрашного исследователя, который осмелился бы пройти дорогу в ад – и неважно, чем она вымощена.

Из книги «Жизнь Леты: процедуры и протоколы Девятого Дома»

Cuando ganeden esta acerrado, guehinam esta siempre abierto.

Эдемский сад может быть закрыт, но врата ада всегда открыты.

Сефардская поговорка

32

Весна

Алекс встретила с Доуз в «Конуре», и они вместе прогулялись по Элм до комплекса Пейна Уитни, до перекрестка, который Сэндоу выбрал для своего смертельного ритуала, до места, где погибла Тара Хатчинс. *Значимое*. Весенние цветы начали всходить по краям пустого участка земли, бледные пурпурные крокусы, крошечные белые колокольчики на своих застенчивых изогнутых шейках.

Алекс было сложно находиться за пределами охранных заклинаний. Всю свою жизнь она видела Серых – Тихонь, как она их называла. Они больше не молчали. Теперь она их *слышала*. Мертвую женщину в ночнушке, негромко напевающую себе под нос перед музыкальной школой. Двух молодых людей в пальто и галифе, сидящих на заборе Старого кампуса и обменивающихся сплетнями, – левые половины их тел были обожжены дочерна каким-то давним пожаром. Даже теперь ей приходилось активно игнорировать утонувшего гребца, который тренировал ускорение в беге перед спортзалом. Она слышала его тяжелое дыхание. Как это было возможно? Зачем призраку дышать? Было ли это просто воспоминаниями о том, как он нуждался в воздухе? Старой привычкой? Или исполнением роли человека?

Она слегка покачала головой. Однажды ей придется найти способ заставить их замолчать или потерять рассудок, пытаясь это сделать.

– Кто-то говорит? – понизив голос, спросила Доуз.

Алекс кивнула и потерла виски. Она не знала, как решить эту конкретную проблему, но знала, что нужно позаботиться, чтобы Серые не узнали, что она по-прежнему их слышит, когда столько мертвых отчаянно нуждались в связи с миром живых.

Она не видела Норса со дня вечеринки в доме президента. Возможно, он где-то горевал о том, в кого превратилась Дейзи. Возможно, он собрал группу поддержки по ту сторону Покрова для душ, которые она держала в плену столько лет. Алекс не знала.

Они обошли землю, которую декан выделил «Святому Эльму», по периметру. Алекс надеялась, что там, где погибла Тара, вырастут цветы. Она отправила запись признания Сэндоу совету «Леты». Они согласились, что оно ужасно. Гротескно. Но по большей части оно опасно. Несмотря на то, что ритуал Сэндоу провалился, они не хотели, чтобы кто-то понял: можно создать некус с помощью ритуального убийства, и они не желали, чтобы «Лету» связали со смертью Тары. За исключением нескольких членов совета, все по-прежнему верили, что в убийстве виновен Блейк Кили, и «Лета» собиралась позаботиться, чтобы так все и осталось.

На этот раз Алекс не хотела ни на кого давить. У нее было слишком много тайн, которые необходимо было сохранить. Смерть Сэндоу была приписана неожиданному тяжелому сердечному приступу во время его приветственной вечеринки. За несколько недель до этого он неудачно упал. У него были серьезные финансовые неприятности. Его гибель вызвала печаль, но привлекла к себе мало внимания – особенно если учесть, что Маргарита Бельбалм исчезла после того, как ее видели с ним на той же вечеринке. В последний раз ее заметили, когда она входила в кабинет президента, чтобы поговорить с деканом Сэндоу. Никто не знал, где она и могло ли с ней что-то случиться, и полиция Нью-Хейвена начала расследование.

«Лета» понятия не имела, ни кем была Бельбалм, ни какое отношение она имела к смерти Сэндоу. Алекс позаботилась о том, чтобы обрезать запись на моменте до прихода профессора в кабинет. Совет «Леты» никогда не слышал термин «ходок Колеса» и никогда его не услышит, потому что, если Алекс не ошибалась, она была способна создать нексус, когда хотела, – все,

что от нее требовалось, это развить в себе вкус к душам. Она видела, как были устроены «Лета» и другие общества. Это знание было для них лишним.

Доуз сверилась со временем на своем телефоне, и они в молчаливом согласии оставили комплекс Пейна Уитни позади и повернули на Гров-стрит. Впереди Алекс видела внушительный мавзолей «Книги и змея», унылый блок белого мрамора, окруженный кованым железом. Теперь, когда Алекс знала, что это не они натравили на нее глуму, что они не имели никакого отношения к случившемуся с Тарой, она не могла не задаться вопросом, не могут ли они помочь ей найти душу Тары. Хотя ей не слишком хотелось входить в эти двери, и ее тревожило, что могут попросить взамен Книжники, «Лета» задолжала Таре Хатчинс покой. Но этому придется подождать. Прежде чем помогать Таре, ей предстояло выполнить еще одну задачу. Задачу, которую она может не пережить.

Алекс и Доуз вошли во внушительные неоегипетские ворота кладбища с надписью, которая так нравилась Дарлингтону: «Мертвые воскреснут».

Возможно, не только мертвые, если Алекс всерьез возьмется за дело.

Они прошли мимо могил поэтов, ученых, президентов Йеля. У нового могильного камня собралась небольшая толпа. Декан Сэндоу по-прежнему вращался в лучших кругах.

Алекс знала, что сегодня, возможно, встретит в толпе выпускников «Леты», но единственной, кого она узнала, была Мишель Аламеддин. На ней было то же стильное пальто, темные волосы были стянуты в аккуратный узел. Был здесь и Тернер, но он ей едва кивнул. Он был ею недоволен.

«Вы оставили мне *мертвое тело*?» – прорычал он, когда она согласилась встретиться с ним в II Bastone.

«Извините, – сказала Алекс. – Вам непросто угодить».

«Что случилось на той вечеринке?»

Алекс оперлась на колонну крыльца. Казалось, дом в свою очередь опирается на нее.

«Сэндоу убил Тару».

«А что случилось с ним?»

«Сердечный приступ».

«Как же. Вы его убили?»

«Мне не пришлось этого делать».

Тернер в упор посмотрел на Алекс, и она обрадовалась, что в кои-то веки говорит правду.

С тех пор они не разговаривали, и Алекс подозревала, что Тернеру хотелось бы больше не иметь дела ни с ней, ни с «Летой». Она не могла его винить, но это казалось утратой. Ей нравилось, что на ее стороне был один из хороших парней.

Служба была долгой, но слишком формальной – перечисление заслуг декана, речь президента, несколько слов от художавой женщины в синем платье, которая, как поняла Алекс, была бывшей женой Сэндоу. Сегодня на кладбище не было Серых. Они не любили похороны, и эта церемония была недостаточно эмоциональной, чтобы они преодолели свое отвращение. Алекс не возражала против спокойствия.

Когда гроб декана опускали в землю, Алекс встретила взглядом с Мишель Аламеддин и коротко кивнула – это было приглашение. Они с Доуз уже отошли от могилы, и Алекс надеялась, что Мишель последует за ними.

Они пошли по извилистой тропе налево, мимо могилы Кингмана Брюстера, где росла виргинская лещина, которая расцветала желтым каждый год в июне – почти всегда в его день рождения – и листья которой осыпались в ноябре в день его смерти. Где-то на этом кладбище было погребено первое тело Дейзи.

Когда они оказались в тихом уголке между двумя каменными сфинксами, Доуз спросила: – Ты уверена?

На похороны она надела слаксы и жемчужные серьги, но ее рыжий пучок слегка съехал набок.

– Нет, – признала Алекс. – Но нам нужна любая помощь, которую мы можем получить.

Доуз не собиралась спорить. Когда «Лета» связалась с ней в доме ее сестры в Вестпорте, и она услышала правду о случившемся на вечеринке президента от Алекс, она тысячу раз попросила прощения. К тому же, она хотела этого квеста, этой миссии не меньше Алекс. Возможно, даже больше.

Алекс увидела, как Мишель направляется к ним по траве. Дождавшись, когда она к ним присоединится, она приступила сразу к делу.

– Дарлингтон не умер.

Мишель вздохнула.

– О чем это ты? Алекс, я понимаю...

– Он демон.

– Что, прости?

– Когда его съело исчадие ада, он не умер. Он преобразился.

– Это невозможно.

– Слушайте, – сказала Алекс. – Недавно я побывала в пограничной области...

– И почему я не удивлена?

– Всякий раз я слышала... ну, я не знаю, кто они такие – Серые? Чудовища? Каких-то созданий, которые не были людьми, на темном берегу. Они говорили что-то, чего я не могла разобрать. Сначала мне показалось, что это имя, Джонатан Десмонд или Жан Дю Мوند. Но это было вовсе не имя.

– И? – на лице Мишель застыла невозмутимость. Она словно с трудом пыталась выглядеть непредвзятой.

– *Джентльмен-демон.* Вот что они говорили. Они говорили о Дарлингтоне. И мне кажется, что они были напуганы.

Дарлингтон был джентльменом. Но сейчас не время для джентльменов.

Тогда Алекс не обратила внимания на слова декана. Но, когда она прослушала запись их разговора, они застряли у нее в памяти. Дарлингтон – джентльмен из «Леты». Так его постоянно описывали люди. Алекс и сама таким его считала – он словно попал не в ту эпоху.

Но прошло время, прежде чем она все сопоставила и осознала, что создания на темном берегу всегда бормотали эти странные звуки, когда Алекс произносила имя Дарлингтона или даже думала о нем. Они не были злы, они были напуганы так же, как в ночь предсказания были напуганы Серые. На обряде в новолуние слово «убийство» произнес Дарлингтон, а не просто эхо – но обвинял он Сэндоу, а не Алекс. Человека, который убил Тару. Человека, который пытался убить его. По крайней мере, Алекс на это надеялась. Дэниел Тейбор Арлингтон, всегда джентльмен, мальчик с бесконечными манерами. Но во что он превратился?

– То, что ты предполагаешь, невозможно, – сказала Мишель.

– Я знаю, как это звучит, – сказала Доуз. – Но люди могут становиться...

– Я знаю процесс. Но демоны создаются только одним способом: соединением серы и греха.

– О каком грехе идет речь? – спросила Алекс. – О мастурбации? О грамматических ошибках?

– Ты на кладбище, – попрекнула ее Доуз.

– Поверь мне, Доуз. Мертвым все равно.

– Только один грех может сделать из человека демона, – сказала Мишель. – Убийство. Доуз выглядела потрясенной.

– Он бы ни за что, никогда...

– Ты и сама убила, – напомнила ей Алекс. *И я тоже.* – Никогда – это сильно сказано.

– Дарлингтон? – с недоверием спросила Мишель. – Любимец учителей? Рыцарь в сияющих доспехах?

– Рыцари носят мечи не просто так, и я позвала вас не для того, чтобы спорить. Не хотите помогать, и ладно. Я знаю то, что знаю: исчадь ада было послано, чтобы убить Дарлингтона. Но он выжил, и эта тварь высрала его в аду. Мы его достанем.

– Мы? – спросила Мишель.

– Мы, – сказала Доуз.

Порыв холодного ветра ворвался сквозь деревья на кладбище, и Алекс пришлось сдерживать дрожь. Казалось, это зима пыталась удержаться. Казалось, это предупреждение. Но Дарлингтон был по ту сторону чего-то ужасного и ждал спасения. Сэндоу украл у этого мира золотого мальчика «Леты», и кто-то должен был украсть его назад.

– Итак, – сказала Алекс, когда поднявшийся ветер заставил дрожать новую листву на ветвях и застонал над надгробиями, как горестный плакальщик. – Кто готов отправиться в ад?

Дома Покрова. «Древняя Восьмерка»

ГЛАВНЫЕ ДОМА

«ЧЕРЕП И КОСТИ» – 1832

Богачи или бедняки, в смерти все равны.

Учения: экстиспиция и антропомантия. Гадание по внутренностям животных и людей.

Выдающиеся выпускники: Уильям Говард Тафт, Джордж Г.У. Буш, Джордж У. Буш, Джон Керри.

«СВИТОК И КЛЮЧ» – 1842

Властвуй над этой темной землей, чтобы ее осветить, и над миром мертвых, чтобы его оживить.

Учения: *Duru dweomer*, магия порталов. Астральные и эфирные проекции.

Выдающиеся выпускники: декан Ачесон, Гарри Трюдо, Коул Портер, Стоун Филлипс.

«КНИГА И ЗМЕЙ» – 1863

Все меняется, ничто не исчезает.

Учения: *Nekyia* или *nekromanteia*, некромантия и заклятия костей.

Выдающиеся выпускники: Боб Вудворд, Портер Госс, Кэтлин Кливер, Чарльз Ривкин.

«ВОЛЧЬЯ МОРДА» – 1883

Сила стаи – это волк. Сила волка – это стая.

Учения: териантропия.

Выдающиеся выпускники: Стивен Винсент Бене, Бенджамин Спок, Чарльз Айвз, Сэм Вагстафф.

«МАНУСКРИПТ» – 1952

Сон переносит нас в сон, и иллюзиям нет конца.

Учения: магия зеркал и чары.

Знаменитые выпускники: Джоди Фостер, Андерсон Купер, Дэвид Герген, Зои Казан.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ДОМА

«АВРЕЛИАН» – 1910

Учения: логомантия – обязывание словом и гадание с помощью языка.

Выдающиеся выпускники: адмирал Ричард Лион, Саманта Пауэр, Джон Б. Гуденаф.

«СВЯТОЙ ЭЛЬМ» – 1889

Учения: *Tempestate Artium*, магия стихий, вызов бури.

Выдающиеся выпускники: Кельвин Хилл, Джон Эшкрофт, Эллисон Уильямс.

«БЕРЦЕЛИУС» – 1848

Учения: нет. Основан и назван в честь Йёенса Якоба Берцелиуса, шведского химика, разработавшего новую химическую нотацию и оставившего в прошлом скрытность алхимиков.

Выдающиеся выпускники: нет.

Благодарности

В Нью-Йорке: огромное спасибо всем во «Flatiron Books», особенно Ноа Икеру, который рано решил на эту книгу, Эми Ейнхорн, Лорен Биттрич, Патрише Кейв, Марлене Биттнер, Нэнси Трайпак, Катерине Тарро, Кристине Гилберт, Киту Хейсу, Донне Нотцел, Лене Шехтер, Лорен Хуген, Кэти Лорд, а также Дженнифер Гонсалес и ее команде. Спасибо «New Leaf Literary» – Пуйе Шахбазян, Веронике Гриджалва, Мие Роман, Хилари Пешеон, Мередит Барнс, Эбигейл Донохью, Джордану Хиллу, Джо Волпе, Келси Льюису, Кассандре Бейм и Джоанне Волпе, которая поддерживала меня и эту книгу с самого начала.

В Нью-Хейвене и Йеле: профессору Джулии Адамс из колледжа Хоппер, Анджеле Маккрей, Дженни Чафира из Ассоциации выпускников Йеля, Джудит Энн Шиф из отдела рукописей и архивов, Марку Брэнчу из «Yale Alumni Magazine», Дэвиду Хейзеру из Йельского музея естественной истории Пибоди, Майклу Моранду из Бейнеке и Клэр Зелла. Спасибо Рабби Шмалли Хехт за то, что предоставил мне доступ в особняк Андерсонов, и Барбаре Лэмб, которая поделилась со мной своими глубокими знаниями Коннектикута и сопровождала меня на кладбищах. Я допустила некоторые вольности в том, что касается истории и географии Нью-Хейвена. В первую очередь, «Волчья морда» возвела свой первый зал на Проспект-стрит в 1884 году. Новый зал на Хай-стрит был построен больше сорока лет спустя.

В Калифорнии: Дэвиду Питерсону за помощь в латыни, Рейчел Мартин, Робину Бейкону, Зигги-человеку-ядру, Моргану Фейе, Мишель Чахире, Саре Месле, Джошу Каменски, Грехен Макнил, Джулии Коллард, Надин Семеро, Мири Лу, Энн Грэссер, Сабаа Тахиру, Робину ЛаФеверс, Виктории Эвьард и Джимми Фриману. Также я хочу сказать спасибо своей маме, которая первой спела мне на сефардском, Кристине, Сэму, Эмили, Райану, Эрику, которому всегда удавалось меня рассмешить, и ламантину.

В Холле: Стивену Тесте, Лайни Липшер и моей собственной волчьей стае 1997 года.

В остальных местах: Максу Дэниелу из Калифорнийского университета и Симоне Сэлмон за их помощь с сефардскими балладами, Келли Линк, Дэниелу Хосе Олдеру, Холли Блэк, Робину Вассерману, Саре Рис Бреннан, Рэйнбоу Роуэлл, Зорайде Кордова, Кассандре Клэр, Элли Картер, Кэрри Райан, Мари Рутковски, Алекс Брэкен, Сюзан Деннард, Гаминн Гилот и Майклу Кастро.

Создать мир «Девятого Дома» мне помогли многие книги: «Йель в Нью-Хейвене: архитектура и урбанизм» Винсента Скалли; «Йельский университет: архитектурный тур» Патрика Пиннела; «Отправляйся в свою комнату: история студенческих сообществ и братств в Йеле» Лумиса Хэвермейера; «Йель: история» Брукса Матера Келли; «Власть привилегий: Йель и элитные колледжи Америки» Джозефа А. Соареса; «Череп и ключи: тайная история секретных обществ Йеля» Дэвида Алана Ричардса; «Эбеновое дерево и плющ: раса, рабство и трудная история американских университетов» Крейга Стивена Уайлдера; «Экипажи и часы, корсеты и замки: взлет и падение промышленного города» Престона Мэйнарда и Марджори Б. Нойс; «Нью-Хейвен: гид по архитектуре и урбанистическому градостроительству» Элизабет Миллс Браун; «Блюз образцового города: городское пространство и организованное сопротивление в Нью-Хейвене» Мэнди Айзакс Джексон; «План Нью-Хейвена» Фредерика Лоу Олмстеда и Кэсс Гилберт. Балладу «La moza у El Huerco» я нашла в статье Паломы Диаз-Мас «Сефардские траурные и погребальные песни». Также благодарю проект «Паниспанская баллада».